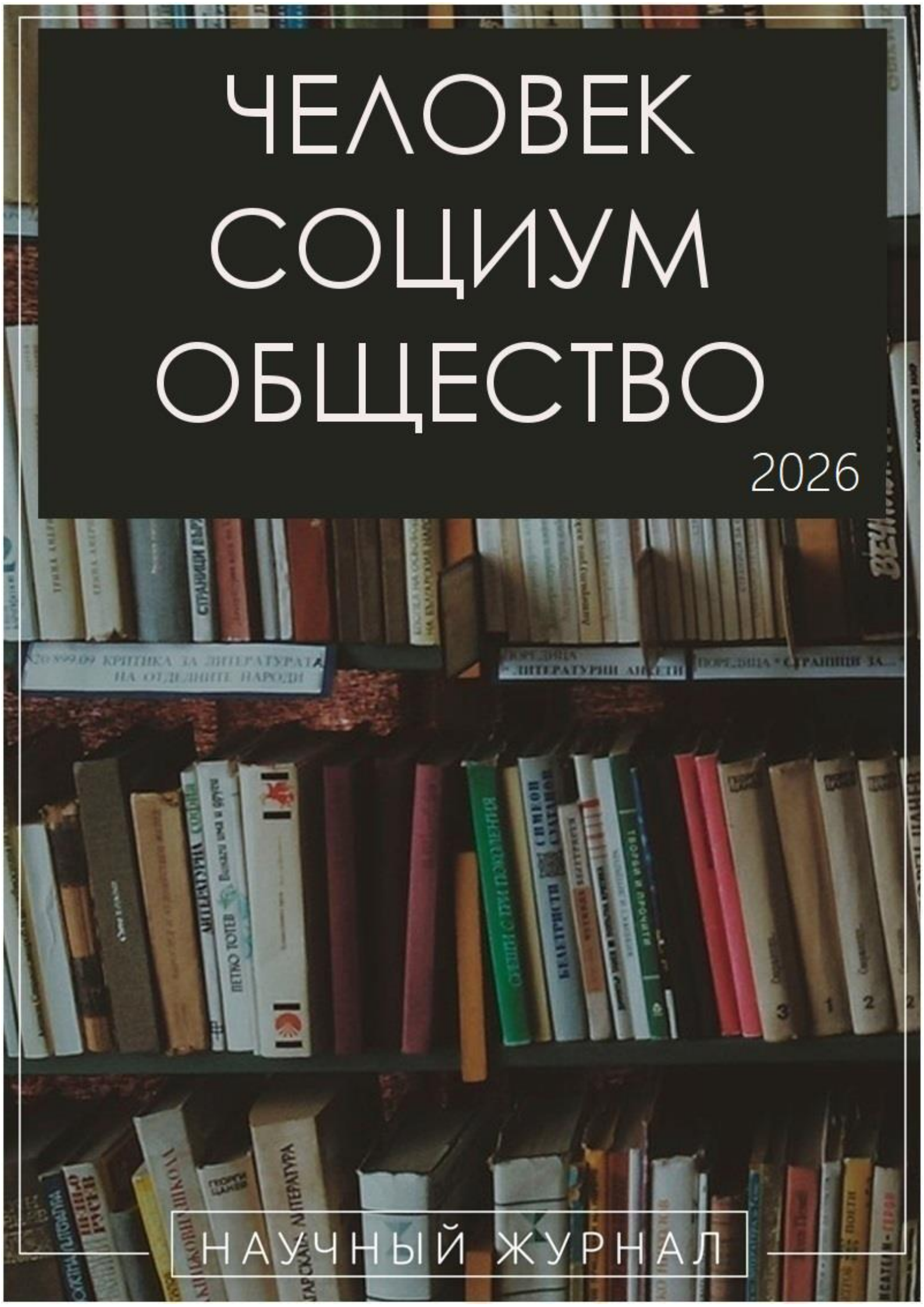
ЧЕЛОВЕК СОЦИУМ ОБЩЕСТВО

2026



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 7-2026

18.05.2026 УДК 378.001 г. Москва

Международный гуманитарный журнал "Человек. Социум. Общество" рассчитан на молодых ученых, студентов и аспирантов. Публикуются статьи по педагогике, психологии и социологии. Специализация журнала позволяет размещать результаты исследований междисциплинарного характера. Все материалы проходят проверку на плагиат и рецензируются. Редакция оставляет за собой право отклонения статей, не соответствующих требованиям предоставления материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.
Международный Центр «Искусство и образование» http://www.art-in-school.ru/ e-mail: jornal-gum@yandex.ru

Главный редактор:

Жаркова Алена Анатольевна —доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор РАО, Московский государственный институт культуры (Москва)

Редакционная коллегия:

М. П. Нечаев — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

А. Ю. Огородников — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва)

С. М. Куницына — кандидат педагогических наук, доцент, Академия социального управления (Москва)

Г. П. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва)

Г. С. Голошумова — доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва)

А. Д. Жарков — доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

Московский государственный институт культуры

Л. П. Шиповская — доктор философских наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва)

А. В. Молчанова — кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (Москва)

Е. В. Суровцева – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

А. В. Неверов – кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва)

Е. А. Журавлева — кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт культуры (Москва)

М. Р. Резаков — кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

И. В. Кудринская — кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

Е. В. Летов — кандидат философских наук, Московский государственный институт культуры (Москва)

А. П. Сухоносов — кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. В. Трушкова — кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Редакционный совет:

О. А. Иванова — доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва)

В. М. Поставнев – кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет (Москва)

С. Л. Фролова — доктор педагогических наук, профессор, Академия социального управления (Москва)

И. В. Афанасьев – кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

А. Н. Анищенко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией «Стратегическое развитие агропромышленного комплекса» Институт проблем рынка РАН (Москва)

В. В. Чурин – кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

В. А. Есаков – доктор культурологии, профессор, Московский государственный институт культуры (Москва)

С. А. Уталиев – доктор философских наук, профессор, Казахско-Русский Международный университет (КРМУ) (Актобе)

З. М. Мухамедова — доктор философских наук, профессор, Ташкентский государственный стоматологический институт (Ташкент)

Д. Х. Исламова – доктор философии, профессор, Ташкентский государственный технический университет (Ташкент)

С. С. Байсарина — кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Нур-Султан)

Н. В. Обелюнас — кандидат филологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Кемерово)

С. С. Жубакова — кандидат педагогических наук, доцент, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан)

И. В. Воробьёва — кандидат культурологии, доцент, Белорусский государственный университет (Минск)

А. А. Бейсембаева — кандидат педагогических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы)

Х. Б. Норбутаев — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образовании Термезский государственный университет (Термез)

Г. М. Сыдыкова — кандидат психологических наук, доцент, Кыргызский Национального университета имени Жусупа Баласагына (Бишкек)

Подписано в печать 18.05.2026г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2 | Тираж 100

Содержание

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. **МАКУШЕВА ЖАННА НИКОЛАЕВНА, БУРСЯНИН РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ**
   ПОДГОТОВКА НАУЧНОГО ДОКЛАДА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ У ОБУЧАЮЩЕГОСЯ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА.……...…….....8
2. **ИВАНОВА ОКСАНА АНДРЕЕВНА**
   ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮМОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ….....16
3. **ПАНАИТОВА ДИАНА ДИЛЬМУРАТОВНА, КОТОВА ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА**
   СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СТРАШИХ КЛАССОВ ПУТЕМ ЦВЕТОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ …….....24
4. **СУВОРОВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА, ПЕТРОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА**
   КРИЗИС ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ …….....…..32
5. **МАЛКИНА АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА**
   ПЕРЕПИСКА И. А. ГРИНЕВСКОЙ С Л. Н.ТОЛСТЫМ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ…….....….42
6. **СОКОЛОВСКАЯ Е.М.**
   МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ ..…..49
7. **АЙВАЗОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА, ПЕРЕВОЗНИКОВА ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА**
   ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО СПОРТИВНЫМ ИГРАМ В ВУЗЕ …….…...58
8. **КИРИЧЕНКО З.Г., ХАЛТУРИНА А.В., ЗОЛОТУХИНА Е.Ю., ДОЛГИХ Е.А.**
   МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: УРОКИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ ……..……64
9. **КОВАЛЕВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**
   ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА ……...……72
10. **ГУАНЬ ЮЙТИН**
    ГЕНЕЗИС ДИСЦИПЛИНЫ «КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКИЙ КЛАСС» В ВУЗАХ КИТАЯ…….....78
11. **ЦЗЫН ЦЗЫМЭН, АНУФРИЕВА Н.И.**
    СТИЛЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕПЕРТУАРЕ ДЛЯ УДАРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XX СТОЛЕТИЯ …….……...87

12.ОВЧИННИКОВА Л.А.
БОДИПЕРКУССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКЦИОННОГО МАРШРУТА У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ В СТРУКТУРЕ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ……..….92

13.МОРОЗОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА
ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» 中国梦 В ПРОГРАММНЫХ РЕЧАХ СИ ЦЗИНЬПИНА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ……...98

14.МОРОЗОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА
ЦВЕТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЕГО 蓝色 И ГОЛУБОГО ЦВЕТА 中国蓝 В КОНЦЕПТОСФЕРЕ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»..... 106

15.ГРИГОРЬЕВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА
РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТРЕВЕЛ-ДИСКУРСЕ ……..…...114

16.ЕРИНА АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА, КОРА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА
ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ……...…...120

17.ШАТАЛОВА КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА, КЛИМОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ ……..……..…...127

18.ДУБРОВСКАЯ АРИНА АЛЕКСЕЕВНА
ПРОЯВЛЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕЧИ ГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЗЕЛЁНАЯ МИЛЯ»……....134

19.УТЯШЕВА СВЕТЛАНА РАВИЛОВНА, ШАБАЕВА ГУЗЕЛЬ ФАГИМОВНА
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ СЕМЕЙНОГО КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА КАК СРЕДСТВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ……...…….....141

20.ШАБАД ВАЛЕРИЯ АЛЕКСЕЕВНА
ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ……..……...……...154

21.ЧЕРТЕНКО МАРИЯ СЕРГЕЕВНА
ГЕНДЕРНАЯ РОЛЬ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ…...165

22.КОЗИНЦЕВ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ
КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО КИНО (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМОВ «КУРЬЕР», «АССА», «МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА» И «АВАРИЯ - ДОЧЬ МЕНТА») ……....172

23.МОРОЗОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА
ЭВАКУАЦИЯ ЛЕНИНГРАДЦЕВ ИЗ БЛОКИРОВАННОГО ГОРОДА В КОММЕМОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …….…...181

24.КАСИМОВА РЕЙГАНИЯ ИСМУЛЛА КЫЗЫ, КАСИМОВА МОНА-АНИСИЯ КОНСТАНТИН КЫЗЫ
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ БАБИ И ВЕРЫ БАХАИ КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ. В РОССИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ …….....198

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

25.БЕЛОВА ДАРЬЯ ИВАНОВНА
ИСТОРИКО–ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ….207

26.БАЗИЛЬ Д.В., КИЕНКО В.Р.
АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И КРАСНЫЙ ТЕРРОР НА СТАВРОПОЛЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ……...…...215

27.КЛИМОВА ОКСАНА МИХАЙЛОВНА
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ……...…...222

28.ЗАЯЦ АНАСТАСИЯ ВАДИМОВНА
КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.....228

29.ХИЗЕНКО АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ, ВЕЩЕСТВ И ИЗДЕЛИЙ …….....234

30.ЖЕМЧУЖНОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА, ВИННИЧЕНКО АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРИЛОЖЕНИИ «TELEGRAM»……..……239

31.ХАМДИ РОНИ РАМИ
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СЕГМЕНТЕ MMORPG (НА ПРИМЕРЕ ООО «ИНТЕРПЛЕЙ»)..247

32.ДЕХТЯРЕНКО ВЛАДИСЛАВА СЕРГЕЕВНА
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ …….....253

33.ВОЛОДИН АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МАРКЕТИНГЕ: ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ……..……....262

34.ГОЛУБЕВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ, ДУДЧАК АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ РОБОТИЗИРОВАННОЙ АВТОМАТИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ (RPA) В УСЛОВИЯХ СЛОЖНЫХ ИТ-СРЕД ……..……..271

35.СЕДОВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА
PR-СТРАТЕГИЯ МОДНОГО ДОМА VIVIENNE WESTWOOD КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА БРЕНДА.…….……...279

36.ЛАВРОВА ВЕРОНИКА ЭДУАРДОВНА, СИРИК НАТАЛИЯ ВАЛЕРИЕВНА
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В БИЗНЕСЕ.……...……...285

37.БОБРОВСКАЯ АННА НИКОЛАЕВНА
ВИНДИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ТЕОРИЯ.…….…….....293

38.ДАВЫДЕНКОВА УЛЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА, СИРИК НАТАЛИЯ ВАЛЕРИЕВНА
ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОБОРОТ ОБЪЕКТОВ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НА РЫНКЕ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ.…….……...…..299

39.ЩЕРБАКОВА ИННА МИХАЙЛОВНА
АРХИТЕКТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ.…….…….....310

40.АХМАДУЛЛИНА АЛИНА ИЛЬШАТОВНА
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ.…….....317

41.ГУБЕРНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА, ЗЕЙНАЛЛЫ ФИДАН ЯДИГАР КЫЗЫ, КУЗЬМИНА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА
ФЕНОМЕН «СКРЫТОГО» УВОЛЬНЕНИЯ: КОГДА ДЕЙСТВИЯ РАБОТОДАТЕЛЯ ФОРМАЛЬНО ЗАКОННЫ, НО НАПРАВЛЕНЫ НА ПРИНУЖДЕНИЕ К УВОЛЬНЕНИЮ.…….…… ……..….....325

42.АВАКЯН Э.Г., АЛИЕВ Т.Т.
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКРЫТЫХ ЗАСЕДАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.…….....332

43.ЧЕРНОВА ЕКАТЕРИНА ДЕНИСОВНА, ПАНИН СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ
ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АГРО-ЗАРЕЧЬЕ» БУТУРЛИНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ).…….……....……...338

44.ЗОЛИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФОРМА ВЛАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.…….....435

45.ЯНШИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ИСТОРИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КРИЗИСОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.……...……...……...356

46.МИРЗОЕВ ИСЛАМ РУСЛАНОВИЧ
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДИПФЕЙК-МОШЕННИЧЕСТВА: КТО В ЗОНЕ РИСКА И КАК СТРОИТЬ ЗАЩИТУ?…….…….……...365

47.ЩЕРБАНЮК ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА, БАШТОВОЙ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ.……...….....372

48.КУДРЯВЦЕВ ДАНИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧ
НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ (НКО) В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПАРТНЁРСТВО ГОСУДАРСТВА И НКО НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....379

49.ВОРОБЬЕВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ, СОЛОВЬЕВА МАРИНА ВИКТОРОВНА
СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ ……..385

50.ГАДЖИЕВ ИГОРЬ ИСФЕНДИЯРОВИЧ
ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ НЕДОСТАТКАМИ.....392

51.ГАЛИМОВА АЛИСА ФАРИТОВНА, ГИЛЬМЕЕВА ГУЛЬНАЗ НУРГАЛИЕВНА
ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПОДРОСТКОВ ……..……..……....404

РАЗДЕЛ 1: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Макушева Жанна Николаевна
Makusheva Zhanna Nikolaevna
рецензент СибАК, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Минздрава России
e-mail: makusheva.zn@tgmu.ru

Бурсянин Роман Александрович
Bursyanin Roman Alexandrovich
студент
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный медицинский университет»
Минздрава России
e-mail: bursyanin.ra@tgmu.ru

ПОДГОТОВКА НАУЧНОГО ДОКЛАДА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ У ОБУЧАЮЩЕГОСЯ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

SCIENTIFIC REPORT TRAINING IN A FOREIGN LANGUAGE AS A FACTOR IN COMPETENCES DEVELOPMENT IN MEDICAL STUDENTS

Аннотация. Объектом статьи является научный доклад обучающегося на иностранном языке. Предмет статьи составляет подготовка научного доклада обучающегося на иностранном языке. В результате, на основании литературы, необходимой для описания существующей проблемы, вычленены индикаторы достижения формируемых компетенций, составляющие научного доклада обучающегося на иностранном языке определено соответствие составляющих научного доклада обучающегося на иностранном языке элементам индикаторов достижения формируемых компетенций и прописана практическая значимость каждого составляющего научного доклада обучающегося на иностранном языке.

Abstract. The article focuses on a student's scientific report in a foreign language. The subject matter of the article is scientific report training in a foreign language. As a result, based on the literature necessary to describe the existing problem, indicators of achieving the formed competences, components of the student's scientific report in a foreign language were identified, the correspondence of the components of the student's scientific report in a foreign language to the elements of the indicators of achieving the formed competencies was determined and the practical significance of each component of the student's scientific report in a foreign language was prescribed.

Ключевые слова: научный доклад, подготовка научного доклада, иностранный язык, компетенции, индикаторы достижения компетенций, практическая значимость, студент-медик

Keywords: scientific report, scientific report training, foreign language, competences,

the competences achievement indicators, practical significance, medical student

Актуальность

Научный доклад обучающегося включает следующие составляющие ‘IMRAD’ [1, 2, 5]: I – Introduction (актуальность существующей проблемы; обзор литературы по теме); M – Methods (цель, задачи, методы и материалы исследования); R – Results (результаты исследования) A – and (и) D – Discussion (Выводы). В основной образовательной программе высшего образования по специальности «Клиническая психология» прописаны следующие элементы формируемых (универсальной (УК-4) и общепрофессиональной (ОПК-1)) компетенций: «способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном языке …», «способен осуществлять научное исследование в сфере профессиональной деятельности …» [3, 4]. Работа с литературными источниками, именно работа с современными коммуникативными технологиями, в том числе на иностранном языке необходима для написания научно-исследовательской работы, предъявляемой к обучающемуся по специальности «Клиническая психология» для формирования соответствующих компетенций.

Цель исследования

Описание подготовки научного доклада обучающегося на иностранном языке.

Задачи

1. Изучить федеральный и локальный нормативные документы; вычленить индикаторы достижения универсальной и общепрофессиональной компетенций.

2. Изучить литературу, необходимую для описания существующей проблемы; вычленить составляющие научного доклада обучающегося на иностранном языке.

3. Определить соответствие составляющих научного доклада обучающегося на иностранном языке элементам индикаторов достижения формируемых компетенций.

4. Описать практическую значимость каждого составляющего научного доклада обучающегося на иностранном языке.

Материалы и методы

Материалом данного исследования послужили:

1) федеральный и локальный нормативные документы (федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности

«Клиническая психология»; основная образовательная программа высшего образования по специальности «Клиническая психология»);

2) литература по теме: учебное пособие по программам аспирантуры группы научных специальностей, содержащих учебную дисциплину «Иностранный язык», авторы: Е.Е. Руденко, О.Г. Чернышева; коллективные монографии, включающие работы обучающихся и молодых ученых медицинских и фармацевтических вузов научно-образовательного кластера Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона «Восточный», регионов Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья;

3) сегменты научного доклада обучающегося на русском и иностранном (английском) языках.

В работе использован аналитический метод.

Результаты

В соответствии с элементом индикатора достижения общепрофессиональной (ОПК-1) компетенции «… формулирует проблемное поле исследования …» [3] обучающийся осуществляет выбор темы научного доклада. В целях правильного выбора темы научного доклада преподавателем-методистом предоставлен обучающемуся чек-лист для оценки выбранной темы: определение области интересов, оценка ресурсов, анализ актуальности выбранной темы и формулировка выбранной темы. Обучающимся выбрана сфера, которая ему интересна, и в которой он хочет разобраться: название темы сформулировано чётко, понятно и исследуется «узкий» вопрос: «Гендерные особенности неклинических нарушений пищевого поведения в студенческой популяции» / "Gender Characteristics of Non-Clinical Eating Disorders in the Student Population"; тема исследования, выбранная обучающимся, доступна по его уровню знаний; в основе исследования темы – анкета: «Анкета содержала вопросы, оценивающие различные аспекты пищевого поведения / ‘The electronic questionnaire contained questions (https://forms.yandex.ru/u/696b4f99e010db43fe425980) assessing various aspects of eating behavior’. Обучающимся осуществлён анализ актуальности выбранной темы – обоснована важность изучения данной темы сейчас: «Провести сравнительный анализ выраженности основных паттернов неклинических нарушений пищевого поведения у студентов-мужчин и студентов-женщин» / ‘To conduct a comparative analysis of the severity of the main patterns of non-clinical eating disorders in

male and female students’.

В соответствии с элементом индикатора достижения общепрофессиональной (ОПК-1) компетенции «… выбирает актуальные психологические проблемы …» [3], индикатора достижения универсальной (УК-4) компетенции « … доступно излагает информацию в устной речи … на иностранном языке» [3] и составляющих научного доклада: I – Introduction (актуальность существующей проблемы; обзор литературы по теме); M – Methods (методы и материалы исследования) [1, 2, 5] обучающимся описано обоснование выбора темы исследования (её актуальность). Чтобы корректно сформулировать актуальность темы научного доклада преподавателем-методистом предложены обучающемуся вопросы для анализа: какова большая проблема существует в этой теме? какие новые тенденции или события за последнее время усилили остроту проблемы? какие пробелы в существующих знаниях или подходах выполнит ваше исследование? Обучающимся обозначена следующая проблема в теме исследования: «проблема нарушений пищевого поведения (НПП)» / ‘problem of eating disorders (ED)’; определены события за последнее время, которые усилили остроту проблемы: «Студенты вузов находятся в зоне риска из-за высокой учебной нагрузки, эмоционального напряжения и влияния социальных стандартов внешности» / ‘University students are at risk due to high academic workloads, emotional stress and the influence of social beauty standards’; прописаны пробелы в существующих подходах, которые выполнит данное исследование: «Гендерные аспекты НПП изучены недостаточно, хотя понимание различий между мужчинами и женщинами необходимо для разработки эффективных профилактических программ в образовательной среде» / ‘Gender aspects of ED remain understudied although understanding the differences between men and women is essential for developing effective prevention programs in educational settings’. Описывая материалы и методы исследования, обучающийся использовал следующую рекомендацию преподавателя-методиста – «правильный выбор методов исследования базируется на чёткой формулировке задач работы над исследованием»: «В работе использованы социологический, статистический и аналитический методы» / ‘The study employed sociological, statistical and analytical methods’ – «Задачи. 1. Сформировать выборку студентов и распределить её по полу. 2. На основе анкетных данных выделить ключевые шкалы, соответствующие различным аспектам НПП: стремление к худобе, склонность к перееданию (булимия), неудовлетворённость телом,

интероцептивная некомпетентность. 3. Сравнить средние значения по каждой шкале между мужчинами и женщинами. 4. Оценить статистическую значимость выявленных различий / ‘Tasks. 1. To form a sample of students and divide it by gender. 2. Based on the questionnaire data to identify key scales corresponding to various aspects of ED: desire for thinness, tendency for binge eating (bulimia), body dissatisfaction, interoceptive incompetence. 3. To compare the mean values for each scale between men and women. 4. To assess the statistical significance of the identified differences’.

В соответствии с элементом индикатора достижения общепрофессиональной (ОПК-1) компетенции «…анализирует актуальные психологические проблемы …» [3] и индикаторов достижения универсальной (УК-4) компетенции « … доступно излагает информацию в устной речи … на иностранном языке», « … соблюдает нормы публичной речи…» [3] и составляющей научного доклада: R – Results (результаты исследования) [1, 2, 5] обучающимся представлены результаты исследования в соответствии с основными правилами описания результатов, данными преподавателем-методистом: кратко указано, что было исследовано, представлены основные факты, полученные с помощью выбранных методов, обозначены ссылки на рисунки, описаны результаты каждого метода, выявлены взаимосвязи, представлены основные выводы, например: «В исследовании приняли участие 188 человек: 59 мужчин (31,4%) и 129 женщин (68,6%). 1. Стремление к худобе у женщин выражено значительно сильнее, чем у мужчин (3,4 против 2,3). Это означает, что девушки чаще испытывают страх набрать вес, озабочены похудением и сознательно ограничивают себя в еде. Разница является статистически значимой и имеет большой практический эффект (Рис. 1). 2. Интероцептивная некомпетентность (трудности в распознавании голода и насыщения) также выше у женщин, хотя разница менее выражена (2,7 против 2,2). Это указывает на то, что женщины чаще путают эмоциональный голод с физиологическим и могут есть в ответ на стресс, игнорируя сигналы организма (Рис. 2). Таким образом, все изученные аспекты нарушенного пищевого поведения статистически значимо чаще встречаются у студенток, чем у студентов. Наибольшие различия зафиксированы по шкалам «стремление к худобе» и «неудовлетворённость телом» (разница более 1 балла по 5-балльной шкале). Мужчины демонстрируют более здоровые паттерны: они реже ограничивают себя в еде, не склонны к перееданию на фоне стресса и в целом удовлетворены своим телом.» / ‘The study involved 188 participants: 59 men (31.4%) and

129 women (68.6%). 1. The desire for thinness is significantly more pronounced in women than in men (3.4 vs. 2.3). This means that female students are more likely to experience fear of weight gain, are preoccupied with weight loss and consciously restrict their food intake. The difference is statistically significant and has a large practical effect. 2. Interoceptive incompetence (difficulty recognizing hunger and satiety cues) is also higher in women although the difference is less pronounced (2.7 vs. 2.2). This indicates that women are more likely to confuse emotional hunger with physiological hunger and may eat in response to stress, ignoring the body's signals. (Fig. 2). Thus all studied aspects of disordered eating behavior are statistically significantly more common among female students than among male students. The greatest differences were recorded on the "desire for thinness" and "body dissatisfaction" scales (a difference of more than 1 point on a 5-point scale). Men demonstrate healthier patterns: they are less likely to restrict their food intake, are not prone to stress-related overeating and are generally satisfied with their bodies'.

В соответствии с элементами индикатора достижения универсальной (УК-4) компетенции « … соблюдает нормы публичной речи…», «… грамотно ведет дискуссию … на иностранном языке» [3] и составляющей научного доклада: D – Discussion (Выводы) [1, 2, 5] обучающимся даны ответы на вопросы во время представления научного доклада. При ответах на вопросы обучающийся следовал рекомендации, данной преподавателем-методистом – «в пункте результатов ('Results') обучающийся приводит факты, в пункте обсуждения ('Discussion') обучающийся их интерпретирует и сравнивает с другими работами», например: Вопрос – Какие показатели демонстрируют мужчины-студенты по всем шкалам? / What low scores do male students demonstrate on all scales? Ответ – «Мужчины-студенты в целом демонстрируют низкие показатели по всем шкалам, что свидетельствует о меньшей распространённости неклинических нарушений пищевого поведения среди юношей» / 'Male students generally demonstrate low scores on all scales, indicating a lower prevalence of non-clinical eating disorders among young men'.

Выводы

Таким образом, проведённое исследование показало, что определено соответствие составляющих научного доклада обучающегося элементам индикаторов достижения формируемых компетенций, описана практическая значимость каждого составляющего научного доклада, поскольку: а) обучающийся должен изучать

специальную литературу на иностранном языке с целью грамотного написания научного исследования по выбранной им медицинской специальности; б) изучаемая специальная литература на иностранном языке ориентирована на формирование ряда компетенций для профессионального взаимодействия в контексте межкультурной научно-образовательной деятельности в области медицины и здравоохранения.

Описываемая информация в исследуемой статье применима в образовательном процессе для преподавателей, преподавателей-методистов, а для обучающегося составит основу для повышения способов решения задач в профессиональной деятельности, в частности послужит стимулом к более упорному труду в освоении профессии клинического психолога.

Литература:

1. Актуальные проблемы экспериментальной, профилактической и клинической медицины – 2025. [Электронный ресурс]: коллективная монография / под ред. Е.В. Маркеловой, С.В. Кныша: Тихоокеан. гос. медицинский ун-т. Электрон. дан. Владивосток: Медицина ДВ, 2025. [442 с.]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. ISBN 978-5-98301-332-2.

2. Молодёжная наука Азиатско-Тихоокеанского региона: достижения и перспективы. [Электронный ресурс]: коллективная монография / под ред. Е.В. Елисеевой, О.В. Шевченко, Л.Г. Присеко: Тихоокеан. гос. медицинский ун-т. Электрон. дан. Владивосток: Медицина ДВ, 2023. [727 с.]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. ISBN 978-5-98301-288-2.

3. Основная Образовательная Программа Высшего Образования специальность: 37.05.01 Клиническая психология, Направленность: 02 Здравоохранение, утвержденная учёным советом ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России от 30 мая 2025 г., протокол № 9/24-25. [Электронный ресурс]. URL: https://tgmu.ru/sveden/files/ais/OOP_37.05.01_Klinicheskaya_psixologiya_02_Zdravooxranenie_2025.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 37.05.01 Клиническая психология [Электронный ресурс]. URL:

https://tgmu.ru/sveden/files/aiw/Klinicheskaya_psixologiya.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

5. Research Articles and Abstracts in Medical Science: Read &Write Easily Читаем и пишем научные статьи и рефераты по медицине на английском языке. [Электронный ресурс]: учебное пособие / Е.Е. Руденко, О.Г. Чернышева: Тихоок. гос. мед. ун-т. Электрон. дан. Владивосток: Медицина ДВ, 2025. [264 с.]. 1 электрон. опт. Диск (CD-ROM); 12 см. ISBN 978-5-98301-309-4.

Иванова Оксана Андреевна
Ivanova Oksana Andreevna
магистрант
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: viverra@yandex.ru

ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮМОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

CHALLENGES IN TRANSLATING AND INTERPRETING HUMOR WITHIN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. В статье исследуются лингвистические и культурологические трудности перевода юмора в политическом дискурсе. На материале выступлений В. Путина (2019–2026 гг.) и их официальных английских переводов анализируются проблемы передачи иронии, сатиры и прецедентных феноменов. Автор опирается на теорию уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, выявляя причины прагматических потерь при столкновении различных культурных кодов. Особое внимание уделяется переводу национально-окрашенных идиом, цитат из советского кинематографа и разговорной лексики. В работе сделан вывод о том, что достижение полной эквивалентности при переводе политического юмора ограничено культурным барьером, однако использование стратегий адаптации позволяет сохранить ключевые интенции оратора.

Abstract. The article examines the linguistic and cultural challenges of translating humor within political discourse. Using V. Putin's speeches (2019–2026) and their official English translations, the author analyzes the difficulties of conveying irony, satire, and precedent phenomena. Drawing on V. N. Komissarov’s theory of equivalence levels, the paper identifies the causes of pragmatic losses resulting from the collision of different cultural codes. Particular attention is paid to the translation of nationally-flavored idioms, quotes from Soviet cinema, and colloquial vocabulary. The study concludes that achieving full equivalence in translating political humor is limited by cultural barriers; however, the use of adaptation strategies allows for the preservation of the speaker's key intentions.

Ключевые слова: политический дискурс, перевод юмора, уровни эквивалентности, прецедентные феномены, интертекстуальность, лингвистическая асимметрия, межкультурная коммуникация, прагматическая адаптация, идиостиль.

Keywords: political discourse, humor translation, levels of equivalence, precedent phenomena, intertextuality, linguistic asymmetry, intercultural communication, pragmatic adaptation, idiostyle.

Политический юмор сегодня – это не только средство психологической разрядки, но и мощный инструмент дискредитации оппонента, самопрезентации лидера и управления общественным мнением. Перевод политических речей ставит переводчика перед необходимостью сохранить живой, часто ироничный и национально-окрашенный стиль ораторов, соблюдая при этом с рамки официального дипломатического протокола.

Язык в политическом дискурсе служит инструментом для достижения власти и влияния на общественное мнение. Однако наблюдается сдвиг от исключительно официального тона в сторону большей развлекательности с целью улучшения процессов удержания внимания аудитории и завоевания сторонников. Этим объясняется наличие в политических текстах элементов комического.

Понятие комического не имеет четкого определения в толковых словарях и является достаточно размытым. В «Новой философской энциклопедии» комическое описывается так: «Комическое (от греч. κωμικός – смешной) – категория эстетики, характеризующая смешные, ничтожные, нелепые или безобразные стороны действительности и душевной жизни. В истории эстетической мысли существует большое разнообразие определений комического, которые исходят из противопоставления трагическому, возвышенному, серьезному, совершенному, трогательному, нормальному либо из его объекта или состояния субъекта (переживания, эмоции – от гомерического хохота до легкой улыбки)» [Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека].

В политическом дискурсе присутствуют все основные разновидности комического: юмор, ирония, сатира, сарказм. Воплощаясь в разных видах и жанрах, они функционируют как прагматические инструменты лингвистической манипуляции, усиливая персуазивный потенциал речи и формируя идеологическую картину мира слушателей.

Основные трудности, которые возникают при переводе элементов комического – это лингвистическая асимметрия и культурные барьеры. Юмор следует рассматривать как явление культуры, тесно связанное с менталитетом и культурным кодом говорящего. Национальная обусловленность комического делает его трудным для перевода на другой язык. В. И. Карасик пишет об этническом юморе, говоря о том, что англичане и русские считают смешными совершенно разные вещи, что приводит к сбоям в межкультурной коммуникации [Карасик 2002, с. 204-213]. Уэн Дуан говорит о понимании юмора как о своеобразном тесте на «свой-чужой» [Wen Duan, с. 19]. Перевод юмора требует хорошего знания контекста и культурного кода чужой страны, а также творческих способностей и интуиции.

Американский лингвист Сальваторе Аттардо [Attardo 2002, с.191] пишет, что «абсолютный» перевод юмора, то есть полный, точный и на 100% совпадающий с

оригиналом, невозможен в принципе, поскольку между двумя языками всегда есть отличия на всех уровнях. Этим объясняется многообразие профессиональных переводов одних и тех же исходных текстов.

Влияние культурных различий при переводе отмечает Ф.А. Оспанова [Ospanova, с. 178], подчеркивая, что переводчику необходимо подстраивать исходное сообщение под особенности реципиента из другой страны: «В международном бизнесе, дипломатии и мультикультурной среде культурная осведомлённость – это не просто навык; это необходимость. Она позволяет переводчикам служить мостами между разными культурами, способствуя более плавному общению и улучшенному принятию решений» [там же: 180]. Пилярчук К. утверждает, что при переводе юмора (как и поэзии) неизбежно приходится чем-то пожертвовать для достижения эквивалентности [Pylarchuk, с.120].

Для того чтобы рассмотреть возможные способы передачи элементов комического при переводе политических речей с русского на английский язык, были проанализированы материалы сайта kremlin.ru – фрагменты политических речей 2019-2026 годов на русском языке и их официальные переводы на английский язык. В качестве теоретического фундамента работы выбран подход В. Н. Комиссарова, позволяющий через призму теории уровней эквивалентности оценить, насколько успешно переводчику удается сохранить прагматический потенциал шутки, а также лексическую и синтаксическую точность. Уровень (тип) эквивалентности – это степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе [Комиссаров, 250]. Существует пять уровней эквивалентности:

1. уровень цели коммуникации – сохраняется общая цель высказывания;
2. уровень описания ситуации – та же внеязыковая ситуация передается другими словами;
3. уровень способа описания ситуации – сохраняются основные смысловые признаки, которыми описывается ситуация;
4. уровень структуры высказывания – сохраняется грамматическая структура и синтаксическая связь между словами;
5. уровень лексико-семантического соответствия – сохраняются значения отдельных слов, максимально буквальный адекватный перевод.

Было определено, что элементы комического в политических речах часто основаны на использовании прецедентных феноменов, таких как, например, цитаты из советских фильмов или пословицы. Например, комментируя отношения с Д.Трампом, В.Путин говорит: «Понимаете? Мы начали обсуждать некоторые детали. Мы обсуждали, понимаете? Вот я хочу, чтобы это было понятно: мы обсуждали. А не то, что кто-то говорил: я считаю, вы должны сделать так, а вы должны – так, а вы «шляпу сними». Понимаете? Такого не было. Do you understand? We began discussing specifics. We discussed them – do you see? I want this to be clear: we engaged in discussion. It was not a case of one side declaring: I believe you must do this, or you must do that – "take your hat off", so to speak. Do you understand? That did not happen». «Шляпу сними» – это знаменитая цитата из советской кинокомедии «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966) режиссера Леонида Гайдая. Она используется, во-первых, чтобы показать, что человек должен полностью и беспрекословно подчиниться приказу, а во-вторых, что человек пытается выдать себя за более высокого по статусу (в фильме шляпа была лишней, так как слишком официальный внешний вид человека не соответствовал ситуации). Данный фрагмент представляет собой классическую проблему передачи фоновых знаний и вербально-ситуативного контекста. В переводе методом калькирования («take your hat off») достигнут лишь первый уровень эквивалентности (сохранение цели коммуникации). Целью оригинала было передать через интертекстуальность идею неуместного диктата и высокомерия, но в английском языке снятие шляпы ассоциируется с жестом уважения к собеседнику («hats off to you»), что создает функциональный диссонанс. Без знания контекста «Кавказской пленницы» теряется иронический подтекст о «лже-статусе» и «самодурстве». Здесь налицо потеря образного компонента значения.

Еще один распространенный способ создания комического эффекта в политическом дискурсе – внезапное использование разговорной и просторечной лексики. Например, на Валдайском форуме В.Путин так описывал геополитические процессы после распада СССР: «Вот смотрите, Советский Союз рухнул, и российские простофили и бывшие чиновники Советского Союза думали, что вот теперь-то – и я так думал – мы одна семья цивилизационная. Сейчас мы обнимемся, расцелуемся в губы, несмотря на то что мы придерживаемся традиционных ценностей, и пойдём, общая семья народов будет там по-семейному хорошо жить. <…> Ни фига подобного.<…> И

когда я им говорил: вы что делаете, вы с ума сошли, мы же свои все, буржуинские, – как в известной детской книжке писали, – нам давайте бочонок мёда, большую ложку, будем вместе сейчас чавкать, мёд кушать. You see, when the Soviet Union collapsed, Russian simpletons and former Soviet officials thought – I thought so too – that we would live like a family, a civilisational family, that we would kiss, embrace – even though we uphold traditional values – and live as a family of nations, like a good family should. <…>Nothing of the kind. <…>I told them, "What are you doing? Are you crazy? We are with you; we are of the same bourgeois family," as we remember this from a children's book. Give us a big jar of honey and a big spoon, and we will guzzle and gulp the honey together.». Такой стиль не является характерным для политического дискурса, но этот прием используется президентом РФ очень часто, и во многих случаях переход на сниженный регистр сопровождается отсылками к культурному коду России. Здесь комический эффект создают одновременно переход на разговорную лексику («простофили», «ни фига», «чавкать»), скрытая ирония (намек на несовпадение традиционных ценностей России и других стран в шутке про «расцелуемся в губы») и аллюзия. «Мы же свои, буржуинские» – это ироничная отсылка к классике советской детской литературы, а именно к Мальчишу-Плохишу, персонажу из сказки Аркадия Гайдара «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» (1933). В. Путин говорил о периоде 1990-х и начала 2000-х, когда российское руководство стремилось интегрироваться в западный мир. Россию того периода он сравнивал с предателем Плохишом, одновременно намекая, что это была не лучшая стратегия, и упрекая Запад в том, что он не принял Россию как равного партнера, несмотря на смену идеологии.

С точки зрения перевода, здесь происходит столкновение трех уровней сложности: сниженной лексики, иронии и глубокой интертекстуальности. Переводчики успешно передали «сниженный регистр» через лексику: simpletons (простофили), nothing of the kind (ни фига подобного), guzzle and gulp (чавкать). Таким образом, была достигнута эквивалентность на уровне содержания и стилистической идентификации. Однако слово guzzle (жадно пить/есть) передает грубость процесса, но не несет той специфической «детско-сказочной» иронии, которая есть в русском «мёд кушать». Кроме того, фраза «мы же свои, буржуинские» переведена как «we are of the same bourgeois family». Если прецедентный текст (сказка о Плохише) неизвестен рецептору перевода, то прагматический потенциал текста не реализуется. Для англоязычного

читателя слово bourgeois (буржуазный) звучит как марксистский термин, а не как ироничная самокритика через образ предателя из детской книжки. В. Комиссаров называл это недостаточной прагматической адаптацией [Комиссаров, стр. 211-214]. Образ «бочонка меда» (jar of honey) в английском контексте скорее вызовет ассоциации с Винни-Пухом. В письменном переводе в таких случаях рекомендуется использовать компенсацию, например, применить экспликацию (описательный перевод) виде краткой вставки: «...as a character in a famous Soviet tale said while betraying his friends for treats». Без этого комическое превращается в странное, однако особенности устного перевода зачастую не позволяют этого сделать.

Комического такого типа является демонстрацией своей национальной идентичности и одновременно близости к аудитории, попыткой показать, что оратор является представителем своего народа, потому что такое понятно только «своим», поэтому подобные элементы особенно сложны для перевода для «чужих».

Как элемент комического, иногда вместо анекдота используется аллюзия на него:

«Знаете, когда у нас всё спокойно, размеренно, стабильно, нам скучно. Застой. Хочется движухи. Как только начинается движуха, всё свистит у виска: и секунды, и пули. К сожалению, и пули сейчас свистят. Так нам страшно, «ужас-ужас». Ну «ужас». Но не «ужас-ужас-ужас». You know, when all is calm and life is measured and stable, we get bored. This amounts to stagnation, so we crave action. When action begins, time starts whistling by – or bullets do, for that matter. Unfortunately, bullets are what is zipping past our heads these days. We are scared, yes – but not as “all get out” kind of scared» (Итоги года с Владимиром Путиным, 19 декабря 2024 года). Этот пример представляет собой сложнейший случай для перевода, так как он опирается на сразу два прецедентных текста: песню и анекдот, который не рассказывается полностью, а лишь цитируется через ключевую фразу («ужас, но не ужас-ужас»). Полный текст данного анекдота о публичном доме неприличен и не вписывается в политический дискурс.

В. Путин совмещает в одном фрагменте два полярных прецедентных текста. Первый слой – героико-драматический: фраза «всё свистит у виска: и секунды, и пули» является прямой аллюзией на текст песни Р. Рождественского из к/ф «Семнадцать мгновений весны»: «Свистят они, как пули, у виска, мгновения, мгновения, мгновения». Это придает речи кинематографический драматизм и настраивает на военно-патриотическую тематику.

Второй слой – бытовой-анекдотический: градация и повтор «ужас… но не ужас-ужас-ужас» отсылают к вышеуказанному популярному анекдоту, где комизм строится на субъективном восприятии катастрофы. Использование сленга («движуха») в сочетании с поэтической цитатой и анекдотом создает стилистический диссонанс и динамичную, живую манеру общения. Юмор здесь служит инструментом психологической разрядки, говорит о храбрости и стойкости перед лицом опасности.

В переводе произошла депоэтизация и нейтрализация. Поэтическая (хотя и искаженная оратором в оригинале) структура песни заменена прозаическим перечислением: «всё свистит у виска» превратилось в «time starts whistling by» и «zipping past our heads». Переводчик разделил метафору на временную и физическую. Англоязычный реципиент воспринимает текст как эмоциональное метафоричное высказывание, но для него полностью закрыт пласт культурных ассоциаций. Происходит прагматическое обеднение текста.

Вместо буквального перевода повтора «ужас-ужас-ужас», переводчик использовал разговорную идиому «as “all get out” kind of scared». Это попытка передать экспрессивную окраску, а не структуру шутки. Произошла также и стилистическая адаптация: сленговое «движуха» заменено нейтральным «action», что характерно для стратегии «сглаживания» официального государственного портала. В данном переводе эквивалентность достигается лишь на уровне идентификации ситуации. Переводчику удалось сохранить информационный посыл (нам страшно, но мы справляемся) и общую разговорную тональность. Однако «двойное дно» высказывания было утрачено. Это подтверждает тезис о том, что разница культурных кодов является главным барьером для достижения полной эквивалентности в переводе. Оригинал вызывает улыбку у русского слушателя именно из-за узнавания анекдота. Английский вариант «all get out» звучит как простое разговорное преувеличение, юмористический эффект здесь практически исчезает, сменяясь легкой экспрессией. Частица «ну» («Ну «ужас»»), которая в оригинале служит маркером того, что опасность осознается, но с ней можно справиться, в переводе заменена на простое «yes». Происходит осознанный отказ от высших уровней эквивалентности в пользу сохранения базовой коммуникативной задачи.

В целом, перевод элементов комического на сайте kremlin.ru демонстрирует стремление к балансу между сохранением живой манеры оратора и соблюдением

дипломатического протокола. Несмотря на неизбежные потери на уровне национального колорита, ключевые коммуникативные задачи и иронический подтекст в большинстве случаев передаются успешно, что свидетельствует о высокой эффективности используемых переводческих стратегий.

Литература:

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш. шк., 1990. 254 с.

3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. 2-е изд. М.: Мысль, 2010.

4. Аттардо С. Перевод и юмор: подход, основанный на общей теории вербального юмора (GTVH) // The Translator. 2002. Т. 8. № 2. С. 173-194.

5. Пилярчук К. Юмор на основе игры слов: оставить или перевести // EJHR. 2024. Т. 12. № 2. С. 120-144.

Панаитова Диана Дильмуратовна
Panaitova Diana Dilmuratovna
магистр психологии, аспирант
кафедра гуманитарных дисциплин
ОЧУВО «Московский инновационный университет»

научный руководитель
Котова Елена Владиславовна
Kotova Elena Vladislavovna
кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
ОЧУВО «Московский инновационный университет»

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ ТРЕВОЖОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СТРАШИХ КЛАССОВ ПУТЕМ ЦВЕТОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНИК: ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

REDUCING ANXIETY LEVELS IN HIGH SCHOOL STUDENTS THROUGH COLOR THERAPY TECHNIQUES: A REVIEW OF THEORETICAL APPROACHES AND EXPERIMENTAL DATA

Аннотация. Данная обзорная статья посвящена анализу современных и классических подходов к использованию цветотерапии как инструмента коррекции тревожных состояний у старшеклассников. В работе рассматриваются психофизиологические механизмы воздействия цвета на вегетативную нервную систему, анализируются причины роста школьной тревожности в период подготовки к итоговой аттестации и систематизируются данные существующих исследований эффективности хромотерапии во внеурочной деятельности.

Abstract. This review article analyzes modern and classical approaches to using color therapy as a tool for correcting anxiety states in high school students. The paper examines the psychophysiological mechanisms of color's impact on the autonomic nervous system, analyzes the causes of increased school anxiety during final exam preparation, and systematizes data from existing studies on the effectiveness of chromotherapy in extracurricular activities.

Ключевые слова: цвет, цветотерапия, тревожность, старшеклассники, внеурочная деятельность, неинвазивный метод коррекции, психофизиология цвета, эмоциональная регуляция.

Keywords: colour, color therapy, anxiety, high school students, extracurricular activities, non-invasive correction method, color psychophysiology, emotional regulation.

Актуальность проблемы подростковой тревожности в современном образовательном пространстве достигла критических значений. По данным ВОЗ и ведущих институтов педагогики, более 60% выпускников средних школ испытывают симптомы, классифицируемые как «экзаменационный стресс». В условиях жесткой конкуренции и высокой когнитивной нагрузки традиционные методы психологической

поддержки часто оказываются недостаточными или слишком трудоемкими для реализации в рамках школы.

Цветотерапия (хромотерапия) выступает как один из наиболее перспективных немедикаментозных и неинвазивных методов коррекции. Обзорная статья ставит целью систематизацию научно подтвержденных данных о влиянии цветового воздействия на психоэмоциональную сферу обучающихся.

Фундаментом цветотерапии является положение о том, что цвет — это физическая величина (электромагнитная волна), способная оказывать прямое воздействие на биологические ритмы организма.

Классические исследования В.М. Бехтерева и С.В. Кравков установили дуалистическую природу восприятия цвета. Согласно закону вегетативного баланса, цвета длинноволновой части спектра (красный, оранжевый) активируют симпатический отдел ВНС, что приводит к:

- увеличению частоты сердечных сокращений (ЧСС);
- повышению артериального давления;
- ускорению метаболических процессов.

Напротив, коротковолновые цвета (синий, голубой) активируют парасимпатическую систему, вызывая седативный эффект. Для старшеклассника с высоким уровнем ситуативной тревожности синий цвет выступает как «физиологический тормоз» гиперактивации мозга.

Таблица 1. Психофизиологические параметры воздействия основных цветов

Красный	620 - 760	Возбуждение, эрготропное состояние	Энергия, агрессия, доминирование
Синий	440 - 485	Торможение, Трофотропное состояние	Покой, пассивность, глубина
Зеленый	500 - 565	Стабилизация, баланс	Равновесие, нейтральность
Желтый	565 - 590	Оптимизация когнитивных функций	Надежда, открытость, поиск

Современные исследования в области нейропсихологии указывают на то, что воздействие синего света подавляет выработку мелатонина в дневное время, но при этом снижает активность миндалевидного тела (амигдалы), которая является центром инициации страха и тревоги. Таким образом, цветотерапия во внеурочной деятельности

действует как «мягкий модулятор» эмоционального ответа.

Для понимания того, на что именно должна быть направлена цветотерапия, необходимо рассмотреть структуру тревожности у лиц 15–17 лет. Согласно А.М. Прихожан, ведущим фактором в этом возрасте является «социально-оценочная тревожность».

Ключевые детерминанты тревожности:

1. Прогностическая неопределенность: страх перед выбором жизненного пути.

2. Экзаменационная фрустрация: восприятие ЕГЭ как события, определяющего ценность личности.

3. Межличностные конфликты: потребность в принадлежности к группе при высокой конкуренции.

Обзор литературы показывает, что тревожность старшеклассников имеет тенденцию к соматизации. Это означает, что психологическое напряжение проявляется через мышечные зажимы и нарушение дыхательного ритма. Цветотерапия, воздействуя через визуальный канал, позволяет «обойти» когнитивные фильтры защиты и воздействовать напрямую на эмоциональный фон.

Наиболее значимые исследования, подтверждающие эффективность метода.

1. Эксперимент Э. Эллиота (Университет Рочестера): «Влияние красного на продуктивность»

В 2007 году Эндрю Эллиот провел масштабное исследование, в котором участвовало более 500 учащихся. Было доказано, что присутствие красного цвета в тестовых материалах (даже в виде мелких деталей) коррелирует с ростом уровня тревожности и снижением результатов на 15-20%. Это исследование стало отправной точкой для пересмотра оформления образовательных пространств.

2. Исследования М. Люшера и их верификация

Макс Люшер в своих работах постулировал, что выбор цвета является индикатором «функционального состояния». Последующие исследования в России (Собчик Л.Н., 2001) подтвердили, что старшеклассники, находящиеся в состоянии предэкзаменационного стресса, систематически ставят на первые позиции серый, черный и коричневый цвета. Применение техник «насыщения цветом» (визуализация синего и зеленого) в течение 2 недель приводило к смещению выбора в сторону

«здорового» спектра у 78% испытуемых.

3. Мета-анализ влияния арт-цветотерапии во внеурочной деятельности

Анализ работ российских педагогов-психологов (Н.В. Самоукина, И.В. Вачков) позволяет сделать вывод, что внеурочная деятельность является оптимальной формой коррекции. В отличие от урока, здесь отсутствует фактор оценки, что само по себе снижает тревожный фон и делает цветовое воздействие более эффективным.

Систематизация методов цветового воздействия позволяет выделить несколько ключевых направлений, применимых во внеурочной деятельности со старшеклассниками. В научной литературе (П.В. Яньшин, С.В. Кравков) принято разделять методы по способу рецепции и степени активности субъекта.

1. Пассивная (рецептивная) цветотерапия

Данный метод основан на непроизвольном восприятии цветовых волн. В контексте снижения тревожности пассивная терапия реализуется через:

- Цветодинамические установки: использование специализированных проекторов в комнатах психологической разгрузки.
- Средовой дизайн: целенаправленное изменение цветовой гаммы учебных помещений (использование «успокаивающего» синего спектра в зонах отдыха).
- Метод визуальной медитации: структурированное созерцание монохромных полей. Исследования доказывают, что 10-минутное созерцание зеленого поля (520 нм) снижает уровень мышечного напряжения у подростков на 25%.

2. Активная (экспрессивная) цветотерапия

Этот подход предполагает вовлечение старшеклассника в процесс созидания. Ключевое отличие заключается в том, что подросток сам выбирает цвет, что является актом саморегуляции.

- Техника «Цветовой поток»: спонтанное рисование акварелью без заданного сюжета. По данным А.И. Копытина, это позволяет экстернализировать скрытую тревогу, которую подросток не может выразить словами.
- Мандалотерапия: работа с циркулярными формами. Геометрическая упорядоченность мандалы в сочетании с осознанным подбором цвета структурирует хаотичные мысли, характерные для тревожных состояний перед экзаменами.

Обзор был бы неполным без анализа фундаментальных трудов, заложивших базу для современной хромотерапии.

1. Теория И.В. Гёте и её значение для психологии

В своем труде «Учение о цвете» (1810) Гёте первым отошел от чисто физического понимания Ньютона и предложил «чувственно-нравственное» воздействие цвета. Он выделил:

1. Положительная сторона (желтый, красно-желтый): создает бодрое, живое, деятельное настроение.

2. Отрицательная сторона (синий, фиолетовый): вызывает чувство холода и тоски, но в то же время способствует сосредоточению. Для обзорного исследования важно отметить, что современная педагогика использует «положительную сторону» по Гёте для борьбы с апатией, а «отрицательную» — для купирования острых вспышек тревожности.

2. Влияние В. Кандинского на арт-терапевтический подход

Василий Кандинский в работе «О духовном в искусстве» предложил концепцию «психической силы цвета». Он рассматривал цвет как инструмент воздействия на «душевную вибрацию». Его идеи о синестезии (связи цвета и звука) активно применяются в современных школьных программах релаксации, где цветовое воздействие подкрепляется музыкальным сопровождением.

1. Цветовой выбор как проекция типа темперамента

Исследования П.В. Яньшина (2006) в области психосемантики цвета доказывают, что доминирующий тип нервной системы (ВНС) диктует «цветовую потребность» организма.

- Холерический тип (высокая экстраверсия и нейротизм): у старшеклассников данного типа тревожность часто проявляется через агрессию или двигательную расторможенность. Обзор литературы показывает, что для этой группы наиболее эффективны «охлаждающие» техники с использованием синего и темно-зеленого цветов, которые выступают компенсаторными механизмами для перевозбужденной психики.
- Меланхолический тип: характеризуется высокой личностной тревожностью и склонностью к саморефлексии. В этом случае темные холодные тона могут усугубить состояние. Обзор арт-терапевтических практик рекомендует использование «согревающих» пастельных тонов (персиковый, мягкий желтый) для создания чувства безопасности.

2. Гендерные аспекты восприятия цвета в подростковом возрасте

Статистический анализ современных исследований (Е.Б. Рабкин, И.В. Грошев) выявляет различия в цветовой медитации у юношей и девушек старшего школьного возраста. Девушки более чувствительны к нюансам и оттенкам, что позволяет использовать в работе с ними сложные цветовые переходы. Юноши чаще демонстрируют положительную динамику при работе с чистыми спектральными цветами и четкими геометрическими формами.

Применение цветотерапевтических техник во внеурочной деятельности полностью коррелирует с задачами ФГОС СОО, направленными на:

1. Сохранение и укрепление психологического здоровья обучающихся.
2. Формирование навыков саморегуляции и стрессоустойчивости.
3. Развитие эмоционального интеллекта.

Внеурочная деятельность, согласно методическим рекомендациям Минпросвещения РФ, должна способствовать «социализации и самоопределению». Цветотерапия, встроенная в курс «Психология общения» или «Тропинка к своему Я», выступает инструментом профилактики дезадаптации.

Таблица 2. Интеграция цветотерапии в структуру направлений внеурочной деятельности

Духовно-нравственное	Занятия по эстетотерапии	Формирование ценностного отношения к миру
Общеинтеллектуальное	Тренинги когнитивного развития	Повышение концентрации внимания через желтый спектр
Социальное	Коммуникативные игры с цветом	Снижение уровня социальной тревожности

Если М. Люшер рассматривал цвет как статичный символ, то представители петербургской школы арт-терапии (А.И. Копытин) настаивают на динамической природе цвета — важно не то, какой цвет выбрал подросток, а то, как он изменил свой выбор в процессе рисования. Этот переход от «статичного анализа» к «процессуальному» является главным трендом последних десятилетий в мировой практике коррекции тревожности.

В условиях цифровизации образования обзор методов коррекции тревожности был бы неполным без упоминания технологий биологической обратной связи (БОС).

БОС-интерфейсы позволяют старшекласснику в реальном времени видеть параметры своего физиологического состояния (например, ЧСС или КГР) на мониторе.

В контексте цветотерапии используется метод «цветового зеркала»: если уровень тревожности растет, фон экрана смещается в сторону агрессивного красного спектра; при достижении состояния релаксации экран плавно переходит в сине-голубую гамму.

- Эффективность: согласно исследованиям А. Сметанкина (2018), сочетание БОС и цветотерапии ускоряет процесс формирования навыка саморегуляции у подростков в 1.5–2 раза по сравнению с обычными арт-техниками.

Применение виртуальной реальности (VR) для создания полностью контролируемой цветовой среды — это передовой край современной психокоррекции. Обзор зарубежных практик (например, программы «LUMEN») показывает, что 15-минутное пребывание в виртуальном пространстве, залитом мягким зеленым светом с фрактальной динамикой, снижает показатель кортизола у старшеклассников на 18%.

Проведенный систематический обзор теоретических подходов и экспериментальных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. Психофизиологическая обоснованность: Цветотерапия не является просто эстетическим методом; она опирается на объективные законы воздействия световых волн на лимбическую систему и вегетативный баланс.
2. Специфика возраста: Старшеклассники являются наиболее чувствительной группой к цветовому воздействию из-за высокой пластичности психики и выраженной потребности в невербальных методах разгрузки в период ЕГЭ.
3. Преимущество внеурочной деятельности: Отсутствие оценочного давления в рамках внеурочных занятий создает синергетический эффект с цветотерапией, позволяя достичь глубокой релаксации.
4. Перспективы: Будущее метода лежит в интеграции классических арт-терапевтических техник с цифровыми технологиями (БОС, VR) и индивидуализации цветовых программ на основе психотипа учащегося.
5.

Литература:

1. Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. — СПб.: Речь, 2015. — 205 с.

2. Бехтерев В. М. Объективная психология. — М.: Наука, 1991. — 480 с.

3. Выготский Л. С. Психология развития человека. — М.: Смысл, 2005. — 1136 с.

4. Гёте И. В. Учение о цвете. Избранные сочинения по естествознанию. — М.: АН СССР, 1957.

5. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. — М.: Архимед, 1992.

6. Копытин А. И. Арт-терапия детей и подростков. — М.: «КогитоЦентр», 2007.

7. Люшер М. Сигналы личности. — Воронеж: НПО „МОДЭК", 1995. — 176 с.

8. Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. — СПб.: Питер, 2009

9. Собчик Л. Н. МЦВ — метод цветовых выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. Практическое руководство. — СПб.: Речь, 2012.

10. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. — СПб.: Речь, 2006.

11. Elliot A. J., Maier M. A. Color and psychological functioning. Current Directions in Psychological Science, 2007, Vol. 16, no. 5, pp. 250–254.

12. Schauss A. G. The physiological effect of color on the human body. Journal of Orthomolecular Psychiatry, 1979, Vol. 8, no. 4, pp. 218–220.

13. Приказ Министерства просвещения РФ от 15.02.2024 № 105 «Об утверждении федерального перечня электронных образовательных ресурсов».

Суворова Анастасия Ивановна
Suvorova Anastasia Ivanovna
студент
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
e-mail: Nastia.suvorovaa@yandex.ru

Петрова Светлана Сергеевна
Petrova Svetlana Sergeevna
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики дошкольного и начального образования
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
e-mail: Svet.kapetrova2004@gmail.com

КРИЗИС ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

FIENDSHIP CRISIS IN EARLY ADULTHOOD: A STAGE IN PERSONALITY DEVELOPMENT

Аннотация. Статья посвящена психологическому анализу кризиса дружеских отношений, возникающего в период ранней взрослости (20–25 лет), на основе теоретического обзора концепций Аристотеля, Э. Эриксон, А. Маслоу и И.С. Кона. Особое внимание уделяется анализу культурных мифов о «вечной дружбе», порождающих чувство вины, и их влиянию на самовосприятие. В работе используется метод автоэтнографии для иллюстрации теоретических положений. Делается вывод о необходимости пересмотра ожиданий от взрослой дружбы и принятия её трансформации как закономерного процесса, связанного с обретением идентичности и решением возрастных задач развития.

Abstract. This article is dedicated to the psychological analysis of friendship crises that arise during early adulthood (ages 20–25). It is based on a theoretical review of the concepts of Aristotle, E. Erikson, A. Maslow, and I.S. Kon. Special attention is paid to the analysis of cultural myths about "eternal friendship" that generate feelings of guilt and their impact on self-perception. The study employs the method of autoethnography to illustrate theoretical propositions. The conclusion is drawn about the necessity of revising expectations of adult friendships and accepting their transformation as a natural process associated with identity formation and the resolution of age-specific developmental tasks.

Ключевые слова: дружба, ранняя взрослость, кризис развития, психология личности, идентичность, культурные мифы.

Keywords: friendship, early adulthood, developmental crisis, personality psychology, identity, and cultural myths.

Введение. Феномен ослабления дружеских связей в период ранней взрослости (20–25 лет) переживается многими как переходный этап, сопровождаемый чувством вины и тревоги. В этой статье я хочу осветить широко распространённую, но редко

обсуждаемую проблему. Целью статьи является теоретический анализ кризиса дружбы в контексте возрастного развития личности и пересмотр культурных мифов, порождающих чувство вины. Основной акцент не на поиске практических советов, а на понимании глубинных психологических механизмов этого явления.

В «Никомаховой этике» Аристотель выделяет три вида дружбы, соответствующие трём причинам, по которым мы можем любить другого человека: Первая причина – дружба ради пользы возникает, когда люди извлекают друг из друга конкретную выгоду. Этот вид дружбы присущ деловым партнёрам или людям, которые вместе решают какую-то задачу. Такие отношения недолговечны и легко расторгаются, как только исчезает взаимная выгода. Вторая причина – дружба ради удовольствия, которая основывается на общих интересах, приятном времяпрепровождении и получении положительных эмоций. Этот тип отношений характерен для молодых людей, которые часто ищут в общении развлечения. Как и дружба ради пользы, она непрочна и заканчивается, когда пропадает удовольствие от общения. Третья причина – совершенная дружба, является высшей формы дружбы, которая возможна только между добродетельными людьми. Они ценят друг друга за их нравственные качества и желают друг другу добра бескорыстно, а не ради собственной выгоды [1]. Такая дружба является прочной, долговечной и редкой, так как требует времени, чтобы узнать человека и сблизиться с ним. Согласно классификации Аристотеля в VIII книге «Никомаховой этики», кризис дружеских связей в период взросления во многом предопределён природой самой дружбы. Отношения, основанные на пользе или удовольствии, неизбежно угасают, как только исчезает то, что их питало — общие дела, статус или досуг. Эти виды дружбы случайны и преходящи, и лишь дружба ради добродетели, в которой человека любят ради него самого и стремятся к благу другого, способна пережить перемены в обстоятельствах и самом характере личности. Как замечает Аристотель, такая дружба «продолжается до тех пор, пока друзья остаются хорошими людьми, а добродетель есть нечто прочное».

Эрик Эриксон в своей эпигенетической теории развития личности выделил восемь стадий. Для моей темы ключевая — шестая стадия, «близость против изоляции». Психолог подчеркивает «Позитивное качество, приобретаемое на любой стадии, испытывается необходимостью превзойти его таким образом, чтобы на следующей стадии индивидуум мог рискнуть тем, что на предыдущей было для него особо

оберегаемой драгоценностью» [5, с.352]. К этой стадии человек уже узнал своё «я» и ему важна близость – не только физическая, но и способность заботиться о другом человеке, делиться с ним всем существенным без боязни потерять при этом себя. «…новоиспеченный взрослый, появившийся в результате поисков и упорного отстаивания собственной идентичности, полон желания и готов слить свою идентичность с идентичностью других. Он готов к близости или, по-другому, способен связывать себя именованными отношениями интимного и товарищеского уровня и проявлять нравственную силу, оставаясь верным таким отношениям, даже если они могут потребовать значительных жертв и компромиссов» [5, с.352]. Опасность этой ступени замыкание в себе: стремление уклоняться от отношений, подразумевающих душевную близость и взаимные обязательства. В психопатологическом контексте подобное нарушение развития способно вылиться в серьезные расстройства личности. Любопытно, что существует и особая форма союза, являющаяся по сути «изоляцией на двоих», когда пара создает замкнутую крепость, позволяющую обоим партнерам избежать прямого столкновения со следующей возрастной задачей — обретением генеративности. В возрасте от 20 до 25 лет дружба как форма близости вступает в конкуренцию с партнёрскими отношениями, карьерой и построением собственной идентичности.

Дружбу как потребность в принадлежности рассматривал Абрахам Маслоу, в его иерархии базовых потребностей третья ступень – это социальные потребности. «После того, как потребности физиологического уровня и потребности уровня безопасности достаточно удовлетворены, актуализируется потребность в любви, привязанности, принадлежности, и мотивационная спираль начинает новый виток. Человек как никогда остро начинает ощущать нехватку друзей, отсутствие любимого, жены или детей. Он жаждет теплых, дружеских отношений, ему нужна социальная группа, которая обеспечила бы его такими отношениями, семья, которая приняла бы его как своего. Именно эта цель становится самой значимой и самой важной для человека, он может уже не помнить о том, что когда-то, когда он терпел нужду и был постоянно голоден само понятие "любовь" не вызывало у него ничего, кроме презрительной усмешки.» [4, с.81]. Маслоу неслучайно поместил потребность в принадлежности сразу после безопасности. С точки зрения эволюционной психологии, это объясняется элементарно: у одиночек в условиях дикой природы шансы на выживание стремились к нулю. Наш

мозг до сих пор интерпретирует социальную изоляцию как угрозу жизни, сравнимую с голодом или холодом. Если во взрослой жизни эта потребность фрустрируется (например, из-за переезда или занятости), человек может испытывать сильный дискомфорт. Ослабление дружеских связей в период ранней взрослости воспринимается как удар по этой фундаментальной потребности, отсюда чувство вины и тревоги.

Российский психолог Игорь Семёнович Кон внёс огромный вклад в изучение юношеской дружбы. Его работы показывают, как дружба меняется с возрастом и как она связана с формированием идентичности. Кон систематически изложил основные психологические проблемы юношеского возраста, включая дружбу. Его более ранняя работа «Психология юношеской дружбы» специально посвящена анализу дружеских отношений именно в переходном возрасте. В книге «Дружба: этико-психологический очерк» Кон рассматривает, чем отличается юношеская дружба от дружбы взрослых людей и как она соотносится с другими человеческими привязанностями. Автор показывает, что угасание дружбы – это не трагедия и не личная неудача, а естественный процесс взросления. Сравнивая юношескую и взрослую дружбу, надо говорить «не столько об оскудении, сколько об усложнении чувств и о перемещении центра тяжести “привилегированных” сфер интимности». Ключевые аспекты трансформации начинаются со смены приоритетов от дружбы к любви и семье. «Ребенок получает максимум эмоционального тепла от общения с родителями. В ранней юности наиболее значимой сферой личного общения становится групповая или парная дружба. Затем на первое место выходит любовь. У взрослого круг личностно-значимых отношений становится еще шире, и какое из них психологически доминирует, зависит от индивидуальных особенностей человека и его жизненной ситуации» [3, с.101]. Друг, с которым вы раньше каждый день виделись, теперь проводит время со своим партнером. Это не предательство, а естественный переход в новую стадию. «Понятие "лучший друг" все теснее сливается с понятием "старый друг"» [3, с.101]. Для взрослого человека это связь проверена годами, даже если встречаетесь редко. Подростковые трудности субъективно воспринимаются как нечто исключительное, но зачастую их остроту снимает сама возможность вербальной разрядки — достаточно просто «слить» эмоции в разговоре с приятелем. Взрослые же дилеммы имеют принципиально иную природу: они редко поддаются терапии одной лишь беседой. Поэтому и коммуникация в зрелом

возрасте теряет прежнюю эмоциональную спонтанность и приобретает предметный, прикладной характер. В юности, когда «образ собственного Я» ещё только формируется, дружба выполняет критически важную функцию психологического «зеркала». Через отклик друга, через сравнение себя с ним человек познаёт себя, ищет подтверждения своей уникальности и ценности. Отсюда — особая «исповедальность» юношеской дружбы, потребность в постоянном самораскрытии. У взрослого человека «образ собственного Я» уже сложился в определённую устойчивую структуру. Жизненный опыт позволяет ему более или менее реалистически оценивать себя, свои достижения и возможности, поэтому потребность в психологическом «зеркале» у него снижается. Функция самопознания теперь отходит на задний план. Общение становится нацеленным на решение конкретных проблем, обсуждение общих дел и обмен опытом. Отсюда начинается путь к снятию вины. Снижение «исповедальности» и переход к «предметному» общению многие ошибочно воспринимают как охлаждение. Конфликт возникает из-за несовпадения ожиданий: один всё ещё ждёт от дружбы «зеркала» и ежедневной эмоциональной подпитки, в то время как другой уже перешёл к более функциональному, взрослому формату. Осознание этого сдвига – это уже первый шаг к тому, чтобы перестать винить себя и друга в том, что ваше общение изменилось. Игорь Семенович описывает интересный и важный феномен: тесная дружба порой создает проблемы в будущем, он пишет, тот кто «…настолько поглощен своими друзьями и совместной с ними деятельностью, что не ищет других привязанностей» рискует остаться один. «Его друзья один за другим влюбляются, женятся, а тот, кто позднее всего идентифицировался с группой как целым, остается один. Он запоздал с переходом в следующую стадию.» Это очень тонкое наблюдение, ведь оно объясняет почему кризис дружбы становится личной трагедией. Человек, вкладываясь в дружбу как единственный источник близости, не развивая другие сферы жизни рискует остаться в одиночестве, что приводит к острому чувству покинутости, ненужности. Важное замечание самого Кона, что этот феномен более характерен для юношей, так как «мальчишеские группы обычно более многочисленны, а сами мальчики более конформны, чем девочки». [3, с.42-62].

Но ослабление дружеских связей в ранней взрослости переживается многими не просто как смена обстоятельств, а как личная драма, сопровождаемая чувством вины, стыда и ощущением собственной «неправильности». Откуда берётся эта острая

эмоциональная реакция? В значительной степени она порождена культурными мифами о дружбе — устойчивыми стереотипами, которые транслируются через литературу, кинематограф и социальные сети. Эти мифы формируют нереалистичные ожидания, которые неизбежно сталкиваются с прозой взрослой жизни, порождая когнитивный диссонанс и самобичевание. Первый миф самый коварный: согласно ему, дружба не требует усилий, настоящие друзья всегда понимают с полуслова, сами звонят в нужный момент, а любые паузы в общении воспринимаются как естественные и не требующие объяснений. В подростковом возрасте, когда друзья оказываются вместе в одной среде (школа, колледж или двор) поддержание связи действительно не требует никаких усилий, ведь вас объединяет структура повседневности. Однако во взрослой жизни, когда общая среда исчезает, дружба, как и любой другой межличностный феномен, нуждается в сознательном поддерживании. Личные наблюдения показывают, что для поддержания тесной дружеской связи на расстоянии решающее значение имеет не частота или длительность контактов, а их содержательное наполнение и обоюдное подтверждение ценности этих отношений. Иными словами, экстенсивность общения (количество проведенного в разговорах времени) отходит на второй план, уступая место интенсивности и искренности коммуникации, обе стороны должны признавать значимость взаимоотношений. Миф об «усилий без усилий» заставляет человека стыдиться самой необходимости напоминать о себе, договариваться о встречах, проявлять инициативу – ведь «настоящий друг» должен делать это сам. В итоге мы застреваем в пассивном ожидании, а молчание в чате воспринимается как доказательство ненужности. Второй миф гласит, что настоящий друг один и навсегда. Однако порой реальность такова, что люди приходят в нашу жизнь на определённый промежуток времени, и это совершенно естественно. Писатель Виктор Мартинович замечает: «У меня был период, когда я перестал верить в дружбу в результате череды разочарований. Сейчас понимаю, что это был такой возраст, когда университетские друзья идут своей дорогой, интересы перестают совпадать» [2]. Следующий третий миф – если друг не звонит и не пишет, значит вы ему не нужны. Этот миф является прямым следствием эгоцентрической позиции, свойственной юности, когда мир вращается вокруг собственных чувств и потребностей. И.С. Кон отмечал, что взрослый человек, в отличие от подростка, способен к более реальной самооценке и пониманию контекста. Однако под влиянием социальных сетей, где мы видим только «витрину» чужой жизни

(чужие успехи, встречи, путешествия), легко впасть в иллюзию, что другие живут полной жизнью, а мы — единственные, кто застрял в одиночестве. На самом деле, большинство взрослых людей в возрасте 22–30 лет испытывают схожие трудности: перегрузка на работе, необходимость строить карьеру, налаживать партнёрские отношения, часто – переезды [7]. Тишина в чате в 90% случаев объясняется не охлаждением чувств, а банальной усталостью и дефицитом времени. Однако миф о «ненужности» провоцирует обиду и желание «проверить, а позвонит ли он/она первым?», что лишь усугубляет разрыв. Социальные сети выступают как дополнительный слой искажения. С одной стороны, они создают иллюзию лёгкой связи, ведь достаточно поставить лайк или посмотреть историю, чтобы «оставаться в курсе». Но пассивное наблюдение не заменяет уязвимого, глубокого общения, которое и составляет суть дружбы. С другой стороны, социальные сети демонстрируют отредактированные версии чужих дружб, множество фотографий счастливых встреч и трогательные подписи, но за этими публикациями человек не видит ни ссор, ни долгих пауз в общении, ни усталости. В результате формируется завышенный стандарт: «у всех дружба как на картинке, а у меня это не так». Это усиливает чувство неполноценности и вины. Влияние массовой культуры также формирует стереотипы и мифы о дружбе. Например, культовый сериал «Друзья», который сформировал у миллионов зрителей определённый образ идеальной дружбы. Герои сериала постоянно вместе, они обсуждают всё на свете за чашечкой кофе, их связи представлены как «непрерывная константа». Проблема в том, что в реальной жизни дружба требует времени, совместного опыта, умения слушать и прощать, у каждого человека есть работа, семья, личные кризисы и ограниченные ресурсы. Сравнение своей реальной дружбы с экранным идеалом неизбежно порождает чувство неполноценности. И все же, почему все эти мифы и культурные образы приводят именно к чувству вины? Следует начать с того, что культурные ожидания становятся нашими собственными внутренними требованиями. Как отмечается в психологической литературе, культурные, семейные и дружеские ожидания интернализуются как наши собственные ожидания, и, если мы не следуем предписанным ролям, возникает чувство вины [6]. Также мифы создают нереалистичные стандарты. Ожидая от себя «вечной» и «круглосуточной» дружбы, человек неизбежно сталкивается с провалом – потому что объективные обстоятельства (работа, переезд, семья, усталость) делают такой формат невозможным. Парадокс

прокрастинации в том, что чувство вины не мотивирует к действию, а парализует: «Я ничего не делаю, поэтому чувствую себя виноватым и ругаю себя». При этом социальные сети усугубляют этот эффект, создавая иллюзию, что у других людей все хорошо, в отличие от него самого. Задача взрослого человека осознать эти мифы и перестать требовать от себя и других невозможного.

Если рассуждать о личном опыте, переходя из школы в колледж, я не единожды сталкивалась с угасанием дружбы. С многими из своих школьных подруг общение прекратилось естественным образом. Поначалу я не воспринимала это как трагедию — было слишком много нового: новые одногруппники, новые предметы, новый ритм жизни. Однако спустя время, когда новизна улеглась, я стала анализировать прошлое. Меня накрыла ностальгия, и я начала скучать по своим школьным подругам. Вместе со скукой пришли и угрызения совести. Я думала: «Могла бы я сохранить эту дружбу? Нужно было просто больше стараться – чаще писать, звонить, предлагать встречи». Это классическое проявление мифа о «вечной дружбе», ведь я искренне верила, что если дружба была настоящей, то она не должна была угаснуть, а если так произошло, значит я недостаточно хороший друг. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю иначе. Эта дружба была дана мне на конкретный период школьной жизни. Когда общая среда (класс, уроки, перемены) исчезла, пропал и тот формат близости, который держался на ней. Как пишет И.С. Кон, «проблемы, волнующие взрослого человека, значительно сложнее, простым разговором их не разрешить. Поэтому его общение с друзьями имеет более предметный характер». В школе наши разговоры были простыми и всеобъемлющими; после школы у каждого появились свои заботы, для которых «обычный разговор» уже не был решением. Более того, я теперь осознаю, что благодаря этому опыту частично формировалась моя личность. Пережив угасание школьной дружбы, я научилась различать ситуативную близость и глубинную связь, поняла, что не каждая потеря – это катастрофа, и что можно отпускать людей с благодарностью. Это созвучно идее Эриксона о том, что успешное прохождение кризиса приводит к обретению новой психологической социальной силы.

Заканчивая колледж, я столкнулась с новой утратой: моя лучшая подруга переехала в другой город. Нас связывала общая среда — учёба, ежедневные встречи, совместные обеды, обсуждение общих интересов и домашних заданий. И вдруг этой среды не стало. Для меня это было ощущением потери, очень похожим на тот первый

разрыв, но более острым, потому что здесь не было естественного «отдаления», ведь мы обе хотели сохранить дружбу. Я снова поймала себя на мысли: «Почему я не чувствую себя так же хорошо, как раньше? Почему общение стало другим?» Но здесь я уже подошла к ситуации осознаннее. Мы дорожим нашей дружбой, поэтому мы стараемся поддерживать связь на расстоянии: созваниваемся, делимся новостями, иногда планируем встречи. Однако я честно признаюсь себе, что это уже не та дружба, которая у нас была в период учёбы. Теперь наступил другой этап, и это нормально. Согласно Эриксону, в ранней взрослости человек решает задачу «близости против изоляции». Умение поддерживать близость на расстоянии, в новом формате, не растворяясь в отношениях и не замыкаясь в одиночестве – это и есть зрелое решение этого конфликта. Кон также подчёркивает, что с возрастом дружба не оскудевает, а усложняется: «сравнивая взрослую дружбу с юношеской, надо говорить не столько об оскудении, сколько об усложнении чувств».

Оглядываясь на оба кризиса, я осознала следующие моменты:

Во-первых, чувство вины плохой советчик. Когда я корила себя за то, что «недостаточно старалась», я только усугубляла свою тревогу и не предпринимала конструктивных действий. Принятие факта, что у каждого человека свой темп и свои обстоятельства, помогло мне успокоиться. Во-вторых, дружба во взрослой жизни это не чёрно-белое, в ней есть много оттенков. Можно общаться раз в месяц, но при встрече чувствовать ту же теплоту или можно переписываться короткими голосовыми сообщениями без обязательства отвечать сразу. Это «ленивая дружба», и она имеет право на существование. В-третьих, как пишет Кон, «важнее не продолжительность общения, а его искренность и значимость в определённый период жизни». Та дружба, которая была в колледже, остаётся со мной как опыт, даже если её интенсивность снизилась. Моя история не уникальная трагедия, а вполне обычный путь для людей в период ранней взрослости. Школьная дружба сошла на нет, студенческая переросла в отношения на дистанции и оба этапа сопровождались чувством вины, но в итоге привели меня к принятию. Теперь я понимаю: дружба не портится, а видоизменяется. И моя задача не сопротивляться этим переменам, а распознать в них новую, зрелую грань близости.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — Книга VIII, главы 3–4. https://www.otechnik.narod.ru/arisnik.htm

2. Сломанный шаблон. Виктор Мартинович и 10 главных стереотипов о дружбе // СмартПресс: сайт. — 2022. — 18 января. — URL: https://smartpress.by/interview/17122/ (дата обращения: 14.04.2026)

3. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. — М.: Политиздат, 1987 – 350с.

4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. — СПб.: Питер, 2019. — 400 с. Глава 4. Базовые потребности – Потребность в принадлежности и любви

5. Психология развития. / Под ред. А.К. Болотовой и О.Н. Молчановой — М: ЧеРо, 2005. - 524 с. Раздел 4. Зрелость. Эриксон Э. Г. Восемь возрастов человека

6. Priestley, M., Slack, H., Islam, M., Fuhrmann, D., Long, E., Crook, S., Foster, J., Homer, S., & Byrom, N. (2025). “No one told you life was gonna be this way”: A qualitative exploration of friendship expectations and reality in university life. Journal of Adolescence, 97(5), 1225–1235. https://eprints.gla.ac.uk/349793/ (дата обращения: 17.04.2026)

7. Santucci, K., Khullar, T. H., & Dirks, M. A. (2021). Relationship dissolution in the friendships of emerging adults: How, when, and why? Journal of Social and Personal Relationships, 38(11), 3243–3264. https://sage.cnpereading.com/paragraph/article/?doi=10.1177/02654075211026015 (дата обращения: 17.04.2026)

Малкина Алла Владимировна
Malkina Alla Vladimirovna
магистр теологии и религиоведения, старший преподаватель
ОЧУВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»,
старший преподаватель АНО ВО «Московский университет «Синергия»
e-mail: almalik_75@mail.ru

ПЕРЕПИСКА И. А. ГРИНЕВСКОЙ С Л. Н.ТОЛСТЫМ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

LETTERS OF I. A. GRINEVSKAYA TO L. N. TOLSTOY: NEW ARCHIVAL MATERIALS

Аннотация. Статья посвящена анализу и публикации новых архивных материалов – двух писем известного литератора эпохи Серебряного века Изабеллы Аркадьевны Гриневской (1864–1944) ко Льву Николаевичу Толстому, написанных в 1903 г. Цель исследования – раскрыть малоизвестные страницы биографии Толстого через анализ его взаимоотношений с Гриневской и отношения Толстого к учению бахаи. Задача исследования – проанализировать письма Гриневской как историко-литературный источник. Методология исследования: микроисторический, литературоведческий и ретроспективный анализы. В результате исследования сделан вывод об инициативе переписки с Толстым со стороны Гриневской, заинтересованной в оценке своей пьесы «Баб» как литературного произведения и оценке учения бахаи великим русским писателем, с 1894 года интересовавшимся новым религиозным движением.

Abstract. The article is devoted to the analysis and publication of the new archival materials – two letters of a known writer of the Silver Age epoch Izabella Arkadyevna Grinevskaya (1864–1944) to Leo Tolstoy, written in 1903. The research aims to reveal little-known pages of Tolstoy's biography through the analysis of his relations with Grinevskaya and his attitude to the Bahai faith. The purpose of the research is to analyze Grinevskaya's letters as a historical and literary source. Methodology of the research is based on the micro-historical, retrospective and literary analysis. The research resulted with the conclusion about the initiative of Grinevskaya in correspondence with Tolstoy, interested not only in the evaluation of her poem «Bab» as a literary piece, but also interested in learning Tolstoy's attitude to the Bahai faith, which was in the focus of his religious and philosophical searches from 1894.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, эпистолярное наследие, Л. Н. Толстой, русская литература, баби.

Keywords: I. A. Grinevskaya, epistolary inheritance, L. N. Tolstoy, Russian literature, the Babi, Bahai, poem «Bab», the Silver Age.

Изучение эпистолярного наследия Л. Н. Толстого представляет важный историко-литературный источник, позволяющий восстановить биографический контекст личной жизни и религиозно-философских поисков великого русского писателя. В широкий круг лиц, переписывавшихся с Толстым, входили и литераторы.

Среди них – известная в эпоху модерна петербургская писательница Изабелла Аркадьевна Гриневская (1863/4 – 1944). Обнаруженные нами два ее письма из архива Государственного музея Л. Н. Толстого (ГМТ) [5; 6] впервые вводятся в научный оборот. Их анализ также позволяет восстановить недостающие страницы биографии Гриневской, ее религиозно-философские взгляды, связанные с учением бахаи, комплексно проанализировать ее отношения с Л. Н. Толстым [13, с. 48]. Методология исследования: микроисторический, ретроспективный и литературоведческий анализы.

Изабелла Аркадьевна Гриневская вошла в русскую литературу как переводчица Люциана Рыделя (пьеса «Заколдованный круг») и Габриеле Д'Аннунцио («Мѐртвый город»), а также как автор статей о представителях зарубежной литературы – Мишеле Монтене, Герхарте Гауптмане и др. В 1891 году в журнале «Звезда» вышли ее первые статьи, посвященные ориенталистике: Индии, Японии и Африке. С 1894 года она постоянно проживала в Санкт-Петербурге по адресу: Владимирский проспект, дом 10, квартира 32, откуда ею были отправлены письма Л. Н. Толстому.

Об интересе и симпатии к учению баби-бахаи свидетельствует тематика выбранного ею перевода романа на русский язык дипломата Анжа де Сен- Кантена «Любовь бабиста» («Un amour au pays des mages») (1891), который был опубликован ею в 1897 году [8]. В 1903 году вышла драматическая поэма «Баб» [1], через год поставленная в театре Литературно-художественного общества в Петербурге [10]. Ставшая бахаи, в 1912 году Гриневская опубликовала еще одну пьесу – «Беха-Улла. Блеск Божий», посвященную основателю новой мировой религии, и на протяжении многих лет она вела переписку с бахаи: Абдул-Баха, Дж. Э. Эсслемонтом, Шоги Эффенди, А. Гроссман, Рухиййе-ханум [4, с.286-291]. Изабелла Аркадьевна скончалась в Ленинграде в 1944 году.

Возвращение имени незаслуженно забытой писательницы в научный оборот и основной вклад в изучение ее творческой биографии принадлежит петербургским исследователям Института русской литературы (Пушкинский Дом) Е. В. Виноградовой, Е. В. Леоненко, а также Е. А. Митник, опубликовавшей ряд статей о Гриневской [3; 4] и выдержки из черновиков ее писем к Толстому (РО ИРЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. Хр. 203), продолжающей исследования архивных фондов писательницы. Кроме того, отметим анализ писем – ответов Л. Н. Толстого Гриневской И. В. Базиленко [11, с.164–165] и литературоведческую работу К. В. Сарычевой, исследовавшей влияние эмансипации на

изменение социальной роли женщины в пьесе «Баб» (главная героиня Хурет ушла из родного дома и стала во главе женского движения) [14]. В архивном машинописном документе на русском и французском языках (РГАЛИ. Ф. 125. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 1–41) содержатся отзывы на пьесы Гриневской «Баб» и «Беха-Улла», лекции и доклады с 1908 по 1917 гг. Несмотря на успех постановки в 1904 году, вскоре последовал официальный запрет [7]. Во втором издании драматической поэмы «Баб» (1916) в художественный текст были внесены значительные дополнения, соответствовавшие принципам учения бахаи [2].

Опираясь на исторический контекст событий Персии конца 1830 – 1840-х гг. – провозглашение новой религии баби пророком Али Мохаммедом Сейидом – Бабом (перс. «врата истины»), утверждавшей равноправие и свободу мужчин и женщин, Гриневская создала оригинальное литературно-художественное произведение. Толстой, интересовавшийся и знавший о баби (бабидах), что следует из переписки с переводчицей его трудов на турецкий язык Ольгой Сергеевной Лебедевой (1852-193?), собирал о них книги в Яснополянской библиотеке. С Лебедевой также была знакома и Гриневская, что следует из до сих пор неопубликованных воспоминаний (РГАЛИ. Ф.125. Оп. 1. Ед. хр. 27). На впервые высказанную в письме к Толстому Лебедевой идею о близости нового учения к христианству: «Я нашла мусульманскую секту, очень близкую к христианству, посредством которой можно бы совершить присоединение мусульман к православию: это секта бабидов или Бабистов» [12, с.163] ссылалась и Гриневская «Она [религия бахаи] Вам, конечно, хорошо известна и без моей слабой попытки изобразить учение столь близкое к христианству» [6, Л.2].

Узнав от Владимира Васильевича Стасова (1824–1906) о положительном устном отзыве великого русского писателя на присланную ею поэму «Баб», Изабелла Аркадьевна написала новое письмо, адресованное Толстому, в котором просила выразить свое отношение к учению баби-бахаи. Она поддерживала связь с бахаи Закавказья – представителями первой официальной общины в Российской империи, от лица которых передала просьбу Толстому высказать свое мнение о новом религиозном движении. В ответном письме 22 октября 1903 года Лев Николаевич дал в целом положительный отзыв (с некоторыми оговорками): «Поэтому и учение бабидов, в той мере, в кот[орой] оно откинуло старые магометанские суеверия и не установило отделяющих его от других новых суеверий (к несчастию, нечто подобное заметно в

изложении учения Баба), и держится своих главных основных [идей] братства, равенства и любви, – имеет великую будущность <…> И потому всей душой сочувствую бабизму, в той мере, в кот[орой] он учит людей братству и равенству людей и жертве плотской жизни для служения Богу» (выделенный шрифт – наш – А. М.) [9, с. 207].

Сочувствие Толстого этике бахаи было связано с его желанием изменить существующее мировоззрение людей «не столько в его теории (в учении Баба. – А. М.), сколько в практике людей, насколько я знаю ее» [Там же]. Для писателя, следовавшего категорическому императиву Канта, этика в религии была важнее метафизики, ему импонировали строгие этические принципы бахаи (ненасилие, равенство людей, миролюбие).

Высокий авторитет Толстого в обществе, его открытость новому на фоне религиозно-философских поисков оказался привлекательным для бахаи, стремившихся заручиться поддержкой великого русского писателя. Вместе с тем его многолетний интерес к их учению и сочувствие этическим принципам, продолжавшийся на протяжении последних 16 лет жизни, не привел к признанию учения бахаи как «истинной религии». До конца жизни Лев Николаевич оставался в религиозно-философских поисках, так и не связав свой личный религиозный опыт ни с одной из существующих конфессий.

1. Письмо И. А. Гриневской ко Л. Н. Толстому

9 октября 1903 года

Л. 1

Дорогой Лев Николаевич! Владимир Васильевич Стасов, сообщив мне, что Вы оказали внимание моей книге «Баб», хотел мне доставить величайшую радость, о которой только могут мечтать писатели нашего времени.

Бесконечно ему благодарна за это благородное и доброе желание. Считаю день, когда я получила от него это известие большим нежданным для себя праздником.

Но не это известие, не эта радость заставляет меня писать Вам. Беспокоить Вас изъявлениями моих личных чувств я считала бы непростительной с моей стороны неделикатностью по отношению к Вам, каждая минута которого слишком дорога.

Меня побуждает писать Вам мольба бабидов, жаждущих узнать

Л.1 об

Ваше мнение об их секте.

Всякий, кто знаком хотя бы поверхностно с Вашими творениями, может вперед сказать, что на их стороне должно быть только Ваше сочувствие, и я им это объясняла, но они упорно пишут мне о своем желании узнать мнение Ваше.

Я и позволю себе снова обратиться к Вам, и непосредственно, как это я делаю всегда, не прибегая к ходатайству других лиц. Думаю, что само дело говорит за себя. Прилагаю и письмо бабида. Если Вами прочитано первое мое письмо с копией с писем моего незнакомца – то Вы с живым интересом прочтете и прилагаемое замечательное письмо. Это как бы иллюстрация к тому, что изображено в моей поэме.

Л. 2

Не думала я, когда писала мою книгу, что представленные в ней эпизоды персидской истории повторятся и в начале XX века, и про великие проявления терпения и всепрощения, описанные мною, – не случаи минувшего прошлого, а современная действительность (речь идет о гонениях баби-бахаи в Персии. – А. М.).

Может быть, я не хорошо делаю, что посылаю Вам письмо бабида, содержание которого может Вас слишком потрясти, потому что Ваше сердце больше, чем что-либо способно отзываться страданием на чужие боли, но все- таки делаю это. Считаю своим долгом это сделать и вновь прошу Вас внять желанию этого, как Вы видите, благороднейшего представления великого учения.

Всей душой, всем сердцем преданная Вам и любящая Вас И. Гриневская.

Петербург, Владимирская, 10.

Изабелла Аркадьевна.

2. Письмо И. Гриневской ко Л. Н. Толстому

26 августа 1903 года

Л.1

Дорогой Лев Николаевич!

По примеру всех писателей и я послала Вам мою книгу «Баб». Это драматическая поэма из жизни персидской секты бабидов.

Как Вы увидите из прилагаемой заметки – весть о моей книге дошла и до кавказских бабидов, которые, как видно, встретили ее с понятным сочувствием, о чем они мне от полноты сердца написали.

В письме, полученном мной от них, сказано: «Мы бы хотели узнать и мнение

великого русского писателя гр. Л. Н. Толстого, нельзя ли через посредничество Ваших знакомых узнать мнение его о Вашем труде, а в особенности об этом учении».

Л.1 об

Не осмелившейся лично передать Вам желание бабидов, высказанное мне моим благородным корреспондентом – я искала «знакомого», который хотел бы исполнить эту просьбу бабида. В поисках этих я давала читать полученные письма.

«Знакомого» я не нашла, а письма оказались отчасти воспроизведенными в газетной заметке с обычной газетной приправой.

Меня до слез огорчило отношение газеты к дорогим для меня письмам. Чтобы вознаградить моего незнакомца за этот насмешливый тон, с которым у нас, вообще, принято встречать всякий благородный порыв – я решилась

Л. 2

и без посредников передать Вам желание бабидов.

Буду безмерно счастлива, если Вы произнесете свое слово по поводу их секты. Она Вам, конечно, хорошо известна и без моей слабой попытки изобразить учение столь близкое к христианству. Не к христианству, разводившему костры для еретиков и проливавшему моря крови, а к христианству первых времен, всепрощающему, незлобивому.

Вкладываю всю мою душу в исполнение поручения, которое мне дали люди, исповедующие учение чистой жизни, чистой любви, и поэтому уже заслуживающие получить удовлетворение.

Всем сердцем преданная Вам И. Гриневская.

Литература:

1. Гриневская И. А. Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. СПб.: Тов-во художественной печати, 1903. [4], 148, [1] с.

2. Гриневская И. Баб: драматическая поэма из истории Персии: в 5 д. и 6 карт. / И. Гриневская. 2-е изд. Пг.: Тип. АО изд. дела «Копейка», 1916. 165, [4] с.

3. Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) [главы I–VI] (Публикация Е. А. Митник) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С.434–491.

4. Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) [главы XVII–XVIII] / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. А. Митник // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2025 год. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2025. С. 260–327.

5. Письмо И. Гриневской ко Л. Н. Толстому (9 октября 1903 г.) // ГМТ. КП 9390 / 8287. Инв.145/143. Л. 1–2.

6. Письмо И. Гриневской ко Л. Н. Толстому (26 августа 1903 г.) // ГМТ. КП 9390 / 8285. Инв.145/143. Л. 1–2.

7. Письмо Правления Союза драматических и музыкальных писателей к Гриневской И. А. о решении Правления Союза, в связи с заявлением Гриневской повсеместно запретить пьесы «Баб» // РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

8. Сен-Кентен А. де. Любовь Бабиста: Роман из персид. жизни / пер. с фр. И. Гриневской. СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1897. – 143 с.

9. Толстой Л. Н. – Гриневской И. А. Письмо (278) от 22 октября 1903 года // Толстой Л. Н. ПСС: в 90 тт. Письма 1899 –1903 гг. Т.74. С.207–208.

10. Гриневская Изабелла // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1908-1913. Т. 6. Стлб. 786.

11. Базиленко И. В. О влиянии идей бахаизма на мировоззрение Толстого (1828–1910) // Христианское чтение. 2009. № 7–8. С. 150–171.

12. Малкина А. В. Мистика бахаи и Л. Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11(139). С.162–168.

13. Малкина А. В., Касимова Р. И. К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX – нач. XX вв. // Человек. Социум. Общество. 2024. S9. С.44–52.

14. Сарычева К. В. Эволюция женских образов в творчестве И. А. Гриневской 1890–1900- х гг. // Studia literarum. 2023. Т. 8. № 2. С. 140–161.

Соколовская Е.М.
Sokolovskaya E.M.
доцент
Чжэцзянский океанический университет

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE INFORMATION AGE

Аннотация. В статье рассматриваются особенности коммуникативного взаимодействия в современном информационном обществе, подчеркивается важность получения достоверной информации в ситуации получения высшего образования. Кроме того, в статье приводятся основания для использования метода герменевтического круга для решения проблемы понимания в ходе учебного процесса. Указывается на то, что герменевтический подход может решить проблему взаимопонимания всего коммуникативного процесса в любых сферах человеческой деятельности. Особо подчеркивается его важность при межкультурной коммуникации в ходе обучения в высшей или средней школе. Также с точки зрения теории речевых актов рассматривается ведущая роль учителя, преподавателя в процессе обучения. Сделан вывод, что в условиях информационного общества в ситуации учебного процесса по-прежнему важен непосредственный диалог «учитель-ученик».

Abstract. This article examines the specifics of communicative interaction in the modern information society, emphasizing the importance of obtaining reliable information in higher education. Furthermore, the article presents the rationale for using the hermeneutic circle method to address the problem of understanding during the educational process. It is argued that the hermeneutic approach can address the issue of mutual understanding throughout the entire communicative process in all areas of human activity. Its importance in intercultural communication during higher education or secondary school is particularly emphasized. The leading role of the teacher in the educational process is also examined from the perspective of speech act theory. It is concluded that in the information society, direct teacher-student dialogue remains important in educational settings.

Ключевые слова: понимание, общение, учебная деятельность, межкультурная герменевтика, герменевтический круг, образовательный процесс.

Keywords: understanding, communication, learning activities, intercultural hermeneutics, hermeneutic circle, educational process.

Сложные глобальные изменения, происходящие в современном мире и связанные с повсеместным распространением новых информационных технологий, меняют сам характер человеческой деятельности. Особое место в этом процессе занимает учебная деятельность, тем более на этапе получения образования в университете, включающего в себя личностноформирующую и воспитательную функции. В наши дни мероприятия, связанные с получением высшего образования, опосредованы все усложняющейся

системой информации. Сам учебный процесс представляет собой усвоение информации из глобальной сети крупных информационных центров. Зачастую такая информация может быть противоречивой, необоснованной, может опираться на единичные не системные факты, содержать гипотетические предположения.

Конечно, в наш непростой информационно-технологический век возможности для непосредственного контакта между людьми сузились. Однако в учебно-педагогической среде по-прежнему важна роль диалога учителя и обучающегося, так как общение всегда являлось важнейшим механизмом образовательного процесса в целом, становления индивида как социальной личности, проводником установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые нормы поведения в обществе. Любой процесс общения не обезличен, за ним всегда стоит человек, наделенный своими достоинствами и недостатками, переживаниями и эмоциями.

Главная цель любого общения, в том числе общение «преподаватель-студент» и опосредованное общение «студент – учебный текст» как раз и заключается в том, чтобы говорящий (пишущий) правильно сформулировал мысль, а слушающий (читающий) верно интерпретировал прочитанный или услышанный им текст. При восприятии созданных другими людьми устных и письменных текстов неизбежно возникает проблема понимания, проблема установления контакта. Потому что нет никаких оснований заранее рассчитывать на то, что созданный другим текст будет воспринят с теми же мыслями и чувствами, какие были у создавшего его человека. Так как человек живет в своем собственном особенном субъективном мире, то взаимопонимание может казаться сложным явлением и людям, которые общаются с другими членами языкового сообщества, все время приходится прилагать усилия для понимания. В процессе общения сталкиваются разные схемы понимания, основанные на различных системах восприятия и представления о мире.

Необходимо помнить, что от нашего собственного чувственного, интеллектуального, душевного и духовного опыта зависит восприятие других людей, групп, вообще внешнего мира. В ситуации академического общения или учебной коммуникации говорящий (пишущий) должен определяет набор лингвистических средств, соответствующий определенной конкретной речевой деятельности в определенной сфере общения. В ситуации непосредственного общения «преподаватель-студент» необходимо создавать доброжелательный межкультурный

диалог, способствовать активизации познавательной деятельности обучающихся, пробуждать их интерес к знаниям. Таким образом, роль учителя, преподавателя, лектора, автора текстов невозможно переоценить.

Кроме того, взаимопонимание в ситуации учебной деятельности также неотделимо и от познающего субъекта – обучающегося, студента. Однако любой человек может считать свое собственное понимание единственно верным, поэтому зачастую оно может быть субъективным, ошибочным, следовательно, основная задача обучения может быть не достигнута.

Известно, что существует специальное направление, занимающееся проблемами понимания – герменевтика (от греческого «hermeneueuein» – разъясняю), которая является методологической базой исследования коммуникации как таковой и межкультурной коммуникации, в частности. Интеллектуальные условия, в которых возникли вопросы, типичные для герменевтики создало изучение Священного Писания. Позже, дискуссия об истинном смысле культурно значимого текста (в том числе, религиозного) вызвала интерес к процессам письма, чтения, понимания и применения, а также к тому, как они связаны. Таким образом, герменевтика возникла из проблем в дисциплинах, посвященных культурно значимым текстам. Однако в середине 19 века немецкий мыслитель Ф. Шлейермахер выдвинул идею о необходимости расширения границ герменевтики в виде «общей герменевтики» как методологии текстологических анализов любых текстов.

Следующий сдвиг в траектории развития герменевтики произошел на рубеже 20-го века и был инициирован еще одним немецкий философом-идеалистом В. Дильтеем, который разработал методологию «наук о духе», определив герменевтику как универсальный метод постижения человеческого опыта через «переживание» и «проживание». Его концепция жизни как целостного культурно-исторического бытия позволила обосновать специфику гуманитарного знания, отличного от естественных наук, где понимание происходит через вживание в переживания и смыслы других людей и культур. По сути, Дильтей создал дискуссию, которая актуальна и в настоящее время: могут люди рассматриваться как природные объекты, и, следовательно, поддаваться изучению посредством естественных наук. В 20 веке философ М. Хайдеггер радикализировал герменевтику, указав, что ее понимание (сущность) – это не техническая или интеллектуальная операция, а способ бытия, а такие философы как

Г. Гадамер и П. Рикер разработали описания человеческого бытия, в которых интерпретация помещается в центр того, что значит быть личностью в этом мире. Таким образом, герменевтика демонстрирует широкую траекторию от весьма узкой специализации к общей методологии гуманитарных наук, но при этом сама не является дисциплиной.

В контексте России крупный вклад в развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры внес культуролог и переводчик Г. Шпет, разработавший свое логическое учение – идею «герменевтической диалектики», задачей которой является изучение не формальных логических схем построения истинных суждений, а раскрытие логики движения познания от знака, слова к смыслу. Также в рамках данной темы необходимо выделить литературоведа, культуролога и семиотика Ю. Лотмана, который сыграл значительную роль в теоретическом осмыслении герменевтики как метода интерпретации и понимания текстов в образовательном процессе, а также в разработке методик, учитывающих социально-культурный контекст. Кроме того, Лотман впервые ввел понятие «текст культуры», предложив рассматривать текст как абстрактную модель действительности с точки зрения определенной культуры – своего рода «картину мира». Следуя идеям Лотмана, педагогическую герменевтику можно определить как теорию и практику понимания и интерпретации педагогических знаний и педагогических явлений, зафиксированных и отраженных в различных учебных текстах и профессиональных ситуациях, которые можно читать как текст и которые отражают представление о социально-педагогической реальности, а также дают более полное и глубокое понимание этих знаний и явлений, помогая совершенствованию управленческой деятельности с учетом профессиональных традиций и педагогического опыта.

В современном мире процессе обучения в школе (особенно в высшей школе) тесно связан с проблемой межкультурной компетенцией обучающихся. Поэтому главным вопросом является влияние культурного фактора на восприятие сообщений (текстов), при этом может появиться недопонимание, что в традиционной герменевтике называется «конфликтом интерпретаций». Основная задача в межкультурной коммуникации состоит в том, чтобы люди разных культур приходили к взаимопониманию и согласию, находя общий язык.

При осмыслении проблем, которыми занимается герменевтика, Ф. Шлеймахер

сформулировал теорию герменевтического круга (хотя истоки идеи о взаимосвязи целого и частей восходят к античности, именно Шлейермахер оформил ее как метод понимания и интерпретации текста). Итак, рассмотрим (в общих чертах) деятельность по чтению нового учебного текста, а затем проанализируем возможные различия между преподавателем и обучающимся, подходящими к этой задаче. Скорее всего, преподаватель, читающий учебной текст, привнесет в эту деятельность свой значительный вклад – лингвистическую компетенцию и владение языком текста. Он постарается поместить текст в определенный контекст и определить тип письма, с которым он столкнулся (научный или научно-популярный). Для обучающегося жанр текста, почему и для какой аудитории он написан – вероятно останется под вопросом. Здесь различия между преподавателем и обучающимся очевидны, поскольку преподаватель заранее обладает ответами на большинство вышеобозначенных вопросов, кроме того у него больше шансов понять назначение различных элементов структурированного текста и есть возможность предложить интерпретацию в свете совокупности частей текста. При этом обучающийся будет озадачен спецификой учебного текста, которая не раскрывает свой смысл дискурсивно, а представляет различные категории информации в особой структуре.

В данном сценарии представлены наиболее важные аспекты герменевтического круга – в процессе понимания текста происходит взаимодействие целого и части. Как правило, читающий сосредотачивается на понимании текста в целом, но может приблизиться к этому пониманию только по частям, которые должны «перерасти во что-то общее», прежде чем можно будет «понять» весь текст. Для обучающегося определенная структура учебного текста усложняет данный процесс: отдельный компонент может иметь смысл сам по себе, но весь текст невозможно понять, в то время как преподаватель «видит» последовательное (логическое) повествование всего текста. Кроме того, для преподавателя возможно не только последовательное добавление различных частей текста друг к другу, но и поступательное движение по всему тексту. При обычном чтении такое движение может быть необязательным, однако при чтении структурированного учебного текста такой подход более эффективен. Таким образом, для понимания текста используется идея цикличности – «круга», который иллюстрирует, как мы ищем смысл в тексте, активно переключаясь между целым и частью.

Метод герменевтического круга тоже можно использовать как основной при межкультурной коммуникации студентов или других обучающихся. Известно несколько его формулировок, например, самая простая и доступная: понимание текста устного или письменного (а мы общаемся посредством текстов) возможно только при понимании личности говорящего или пишущего, но достигнуть понимания личности автора нельзя иначе, кроме как через восприятие его текстов. Выйти из герменевтического круга возможно и необходимо, такой парадоксальный круг можно преодолеть на практике в процессе учебной деятельности.

Герменевтический круг можно и нужно разорвать, чтобы накопить дополнительный опыт, добавить смысловое содержание лексем или их сочетаний. Однако пытаться выйти из бесконечного цикла «понимание части через целое и целого через части» – необходимо не для его уничтожения, а для достижения нового уровня понимания, превращая круг в «герменевтическую спираль». Здесь конечно необходимо помнить, что язык – это знаковая система, принятая определенным языковым сообществом. Главным условием понимания является владение общепринятыми языковыми нормами устной и письменной речи, потому что язык существует как деятельность общества, а не отдельных его членов. Так как мы общаемся друг с другом посредством текстов, а тексты в свою очередь состоят из слов, то в процессе учебной деятельности смысловое содержание расширяется и углубляется при последовательном появлении слова в учебных контекстах. В большей мере это относится к отраслям гуманитарного знания, так как при преподавании технических дисциплин обычно требуется точность и однозначность терминов и понятий.

В теории речевых актов наиболее существенной для успешной интерпретации сообщения (текста) является информация о социальном статусе говорящего. Одна и та же фраза, в зависимости от социального соотношения «говорящий-слушающий» при обычном общении дает возможность для различных интерпретаций смысла услышанного или прочитанного. При этом говорящий и слушающий в равной мере заинтересованы в адекватной интерпретации своего речевого намерения. Так, в ситуации общения в ходе учебного процесса ведущая роль принадлежит учителю, преподавателю, он оставляет за собой право подбирать соответствующие задачам обучения устные или письменные тексты, варианты словоупотребления и соответствующие синтаксические конструкции. Конечно, при этом главная задача – заинтересовать обучающегося и

донести необходимую информацию с опорой на общую, уже существующую базу.

Таким образом, герменевтический круг разрывается и происходит постепенное наращивание смыслового содержания с опорой на уже известное словоупотребление в учебном контексте.

Литература:

1. Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании: коллективная монография / Ю. С. Обидина, Т. Н. Петрова, С. Н. Федорова и др. - Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2020. - 311 с.

2. Аникин, С. А. Роль дивинаторного метода в герменевтике Ф. Шлейермахера / С. А. Аникин // Философская мысль. – 2020. – № 7. – С. 10-21. – DOI 10.25136/2409-8728.2020.7.33120. – EDN ISRNGF

3. Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001. URL: https:// scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/metaedinitsyi-substantsiiponimani-26133.html (дата обращения: 02.03.2025).

4. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва, М: Прогресс. 1988. – 704 с.

5. Горбунова Н.В., Шеляхина Н.В. Развитие культурного капитала посредством формирования образовательных компетенций // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3 (72). – С. 189-193.

6. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: URSS, 2022. – 200 с.

7. Демьянков В.З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. – № 4. – С. 5-14.

8. Долганова Н. В. Роль языка в межкультурной коммуникации // Молодой ученый. - 2019. - № 35 (273). – С. 120-122.

9. Зенкин С. Воззрение на мир / Слово о мире // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. №5 (144). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozzrenie-na-mir-slovo-o-mire (дата обращения: 21.04.2026).

10. Ким Д., свящ. Особенности интерпретации Библии как литературного произведения // Библейские схолии. 2024. No 4 (9). С. 72–97. DOI: 10.31802/BSCH.2024.9.4.005

11. Кордас О.М. Непонимание в герменевтическом опыте // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. №4 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neponimanie-v-germenevticheskom-opyte (дата обращения: 21.04.2026).

12. Молчанов В.И. Шпет, Гумбольдт, Кант: формы, понятия, схемы, термины и концепции // Кантовский сборник. 2024. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/shpet-gumboldt-kant-formy-ponyatiya-shemy-terminy-i-kontseptsii (дата обращения: 21.04.2026)

13. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242 − 264.

14. Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. Москва: Академический проект. Гаудеамус. – 2013. – 153с.

15. Таратухина Ю.В., Циганова Л. А., Ткаленко Д. Э. Межкультурная коммуникация в информационном обществе. Учебное пособие. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – 256 с.

16. Черкасова И.П. Метод герменевтического круга как средство формирования межкультурной компетенции (на материале поэтических текстов) //Вестник МГУТУ. Серия общественных наук. – 2023. – № 2. –С.146-155.

17. Ячин С.Е. Философская герменевтика как методологическое основание междисциплинарных исследований межкультурной коммуникации Текст : электронный // Intercultural Communication Studies 23:1 (2014) https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1741780731&tld=ru&lang=ru&name=4-Yachin.pdf&text (дата обращения: 04.03.2025).

18. Austin J.L. How to do things with words. – Cambridge (Mass): Harvard univ. press, 1962. − 1X, − 166 p.

19. Klesh L. Hermeneutic mind as the "art of understanding" // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 441-448. https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.306

20. Searle J.R. Spreech acts: An essay in the philosophy of language. – N.Y.; L.: Cambridge univ. press, 1969. –VI, − 203 p.

21. Stenalt, M., Mathiasen, H. Towards pedagogically sensitive technologies: a hermeneutic analysis of teaching in higher education institutions. Int J Educ Technol High

Educ 21, 17 (2024). URL:https://doi.org/10.1186/s41239-024-00449-2 (дата обращения: 21.04.2026).

Айвазова Елена Сергеевна
Aivazova Elena Sergeevna
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой физвоспитания
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Перевозникова Вера Евгеньевна
Perevoznikova Vera Evgenievna
студент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО СПОРТИВНЫМ ИГРАМ В ВУЗЕ

FEATURES OF THE ORGANIZATION AND IMPACT OF SPORTS GAMES CLASSES AT A UNIVERSITY

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика организации спортивных игр, межвузовских спортивных олимпиад в ВУЗах, анализируется взаимосвязь внедрения и влияния спортивных занятий на учебный процесс. В данной статье исследуются современные подходы к организации занятий по спортивным играм в системе высшего образования и их комплексное влияние на психофизическое состояние обучающихся. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий мониторинга нагрузки и командному взаимодействию как фактору развития «soft skills». На основе данных 2026 года автор анализирует эффективность внедрения гибридных форматов тренировок в учебный процесс.

Abstract. This article examines the specifics of organizing sports games and interuniversity sports competitions at universities, and analyzes the relationship between the implementation of sports activities and their impact on the educational process. The article explores modern approaches to organizing sports games in higher education and their comprehensive impact on the psychophysical state of students. Special attention is given to the integration of digital technologies for monitoring workload and teamwork as a factor in developing soft skills. Based on data from 2026, the author analyzes the effectiveness of incorporating hybrid training formats into the educational process.

Ключевые слова: спортивные игры, межвузовские олимпиады, спортивные матчи, учебный процесс, теория игр, концентрация, организация, проведение, процесс, алгоритмы, занятия.

Keywords: sports games, interuniversity competitions, sports matches, educational process, game theory, concentration, organization, holding, process, algorithms, classes.

Спортивные игры в вузе играют важную роль. Они нужны для того, чтобы поддерживать активность студентов, дать возможность спортивным студентам

продолжать свою деятельность и помочь выявить, кто из студентов и из каждой группы имеют спортивные таланты. Также спортивные игры нужны чтобы поднять боевой дух, отдать энергию на занятии и продолжить заниматься умственной деятельностью на парах.

Организация спортивной игры помогает в улучшении социальной компетенции студентов, прививает любовь к активному образу жизни и здоровым привычкам. Организовать спортивные игры между группами, университетами, студентами имеет определённый алгоритм действий, начиная от тщательно подготовки и чёткого планирования. «Качество жизни человека зависит в равной степени от оказываемого внимания как интеллектуальному, так и физическому воспитанию. Поступление человека в высшее учебное заведение кардинально меняет его привычную среду, возникают сложности в адаптации. Такой напряженный период в жизни студента рассматривается исследователями как стрессовая ситуация. Сложности адаптационного процесса могут вызвать проблемы личностно-социального характера, психофизического развития.» - описывали авторы Гурский Арсений Олегович, Овчинникова Анна Владимировна [1]. Поэтому необходима разгрузка тела и мозга, для чего организовываются спортивные мероприятия.

Прежде чем провести спортивный турнир, организаторы должны проанализировать кто будет участвовать, сколько человек будет участвовать, какова цель проведения спортивного турнира, какие спортивные игры лягут в основу спортивного турнира и какие награды, поощрения получат победители и участвующие студенты в конце. Награда, которую получат студенты по окончании турниров, играет важную роль, так как является одним из мотивационных методов, который используют для управления бизнесом, компаниями, организациями. Так как студенты представляют собой человеческий ресурс, для стабильной деятельности и критического мышления, требуется поддержания позитивного климата внутри учебного заведения и мотивационный подход. Организаторы планируют и составляют регламент проведения соревнования, затем утверждают расписание матчей и распределяют ответственность между сотрудниками, которые будут проводить турнир, приглашают зрителей. Часто, чтобы просчитать сколько человек придёт на турниры и на какое количество рассчитывать мероприятия, предлагают зарегистрироваться, написать анкету или просят подать от вуза список участвующих, их родственников, которые придут их

поддержать и болельщиков. Спортивные игры требуют тщательные подготовки [2], поэтому перед играми и предстоящей конкуренцией, каждая команда и индивидуально студент, старается улучшить свои характеристики, чтобы на матче вложить все силы в победу, выиграть. Когда мероприятие организовано, судьи проверяют регламенты, по которым должна проводиться каждая игра, которую внесли в список соревнований.

Судьи не только следят за соблюдением правил игры и фиксируют какие-либо нарушения, но и, так как данные сотрудники постоянно находятся на поле и участниками, они выступают в роли некой безопасности на протяжении проведения всего мероприятия. Спортивные игры можно рассмотреть не только со стороны конкуренции меж вузами, студенческими группами, студентами, но и как механизм привлечения партнёрских программ и спонсоров.

В данной статье исследуются современные подходы к организации занятий по спортивным играм в системе высшего образования и их комплексное влияние на психофизическое состояние обучающихся. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий мониторинга нагрузки и командному взаимодействию как фактору развития «soft skills». На основе данных 2026 года автор анализирует эффективность внедрения гибридных форматов тренировок в учебный процесс.

Студенты, после победы или проигрыша в матче, будут продолжать конкурировать между собой в позитивном плане, так как у них повысится инициатива к проявлению себя в учебном процессе и усилится стремление достичь новых результатов, не только в учебной деятельности, но и достижении победы в следующем матче. Данные элементы повысят мотивацию у студентов к активному учебному процессу и создадут благоприятную атмосферу, так как при матчах и различных рокировках команды, каждый учащийся познакомиться с большим количеством ровесников и сокурсников, что в дальнейшем может помочь в коммуникациях внутри вуза. Это дополнительное косвенное влияние, которое рассматривали ученые и описывали авторы статей, учебников по физической культуре.

К.В. Волков и Ю.М. Пратуевич рассматривали физическую нагрузку, как тренажер для улучшения умственной деятельности и развития уникальных умственных способностей, особенно повышения концентрации и усидчивости, перед учебой и проведением уроков гуманитарных наук [3]. «В данном направлении требуется критическое мышление, развитая фантазия и составление образов мыслей и картин по

направлению урока. Чтобы во время учебного процесса достичь концентрации учеников. Концентрация определяется временем, за которое внимание сосредоточено на изучаемых знаниях» [3]. Для освоения нового материала и быстроты осознания полученной информации. Она помогает «войти в поток», только со стороны получения и освоения знаний в данный временной промежуток, помогает не отвлекаться и не рассеивать внимание на внешние или внутренние факторы. Такие подходы к внедрению спортивных игр в школы и ВУЗы, рассматриваются в «теории игр». Современный этап развития высшей школы характеризуется поиском инновационных здоровьесберегающих технологий, способных нивелировать последствия гиподинамии и академического стресса [4]. Спортивные игры (волейбол, баскетбол, мини-футбол, а также развивающиеся дисциплины вроде падел-тенниса) традиционно занимают лидирующее место в вариативной части дисциплины «Физическая культура и спорт». Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации классических методик к потребностям цифрового поколения студентов («зумеров» и «альфа»), для которых важна не только физическая нагрузка, но и когнитивная вовлеченность.

Организация игровых занятий в вузе в 2026 году базируется на принципе адаптивного гейм-дизайна. Это подразумевает деление учебного процесса на микроциклы с изменяемой интенсивностью. В отличие от монотонных циклических упражнений, спортивные игры требуют постоянного переключения внимания, что стимулирует нейропластичность мозга. Ключевым организационным элементом сегодня выступает биометрический контроль. Использование носимых устройств позволяет преподавателю в режиме реального времени корректировать состав команд и темп игры, исходя из индекса готовности каждого студента.

Влияние спортивных игр носит дихотомический характер.

1. Физиологический аспект. Развитие аэробной выносливости, координационных способностей и скоростно-силовых качеств.

2. Психосоциальный аспект. Формирование навыков оперативного принятия решений в условиях дефицита времени. Спортивные игры выступают естественным полигоном для отработки стратегий лидерства и коммуникации.

В текущем академическом сезоне 2025/2026 гг. во многих вузах наблюдается тренд на внедрение фиджитал-компонентов (Physical + Digital).

Пример 1: В феврале 2026 года в рамках Межвузовского консорциума «Спорт и

Технологии» была представлена платформа «Cyber-Coach AI». Система анализирует паттерны перемещения игроков на баскетбольной площадке и мгновенно выдает рекомендации по тактической перестановке на AR-очки тренера-преподавателя. Исследования показали, что такая визуализация тактики сокращает время освоения игровых схем на 40%.

Пример 2: Программа «Нейро-Атлет», запущенная в ведущих университетах весной 2026 года, использует VR-симуляторы для разминки перед реальными играми в волейбол. Студенты отрабатывают технику приема подачи в виртуальной реальности, что снижает риск травматизма на 25% за счет предварительной настройки проприоцептивной системы.

Занятия по спортивным играм в современном вузе трансформируются из стандартной дисциплины в сложную систему психофизической подготовки. Интеграция технологий искусственного интеллекта и биометрического мониторинга (по состоянию на 2026 год) позволяет сделать процесс индивидуализированным и безопасным. Игровая деятельность не только укрепляет соматическое здоровье, но и готовит будущего специалиста к работе в высоко динамичных командных средах, что является ключевой темой.

Литература:

1. Гурский А.О., Овчинникова А.В. Теоретические основы влияния двигательной активности на умственную работоспособность студентов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 02 (67). Электронный доступ-[URL]: https://scipress.ru/pedagogy/articles/teoreticheskie-osnovy-vliyaniyadvigatelnoj-aktivnosti-na-umstvennuyu-rabotosposobnost-studentov.html (дата обращения: 17.04.2026)

2. Айвазова, Е. С. Теоретические и практические аспекты занятий баскетболом (из опыта работы) / Е. С. Айвазова, Е. Н. Дорофеева, А. А. Дорофеев // Развитие общества и науки в современных условиях. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 116-135. – DOI 10.46916/30062023-2-978-5-00215-034-2. – EDN PHNEVM.

3. Пратусевич Ю. М., Сербиненко М. В., Орбачевская Г. Н. «Системный анализ процесса мышления» (Москва, 1989)- раздел медицина.

4. Айвазова, Е. С. Оздоровительные технологии в процессе физического воспитания студентов / Е. С. Айвазова, О. И. Селиванов // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки и образования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 26 февраля 2021 года. – Чебоксары: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования "Экспертно-методический центр", 2021. – С. 75-78. – EDN DAXBSV.

Кириченко З. Г.
Kirichenko Z. G.
студент
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Халтурина А.В.
Khalturina A.V.
студент
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Золотухина Е.Ю.
Zolotukhina E.Yu.
студент
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель
Долгих Е.А.
Dolgikh E.A.
кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: УРОКИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN ENGAGING THE POPULATION IN VOLUNTEER ACTIVITIES: LESSONS FOR RUSSIAN PRACTICE

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу моделей организации волонтерской деятельности в Китае, Германии, Польше и Великобритании. На основе изучения зарубежного опыта показано, что устойчивое развитие добровольчества обеспечивается не одним фактором, а сочетанием правовой базы, организационной инфраструктуры, цифровых сервисов, системы мотивации и общественного доверия. Особое внимание уделено тому, как зарубежные практики могут быть адаптированы к российским условиям без механического копирования. По итогам анализа выделены направления, которые могут способствовать дальнейшему расширению участия граждан в волонтерской деятельности в России.

Abstract. The article examines volunteering models in China, Germany, Poland and the United Kingdom. Drawing on the research materials, it shows that sustainable development of volunteering depends on a combination of legal regulation, organizational infrastructure, digital services, motivation systems and public trust. Special attention is paid to the question of how international practices can be adapted to Russian conditions without direct copying. The paper formulates practical directions for further development of volunteering in Russia.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, гражданское общество, международный опыт, государственная политика, социальная активность, Россия.

Keywords: volunteering, civil society, international experience, public policy, social engagement, Russia.

Введение

Волонтерство сегодня воспринимается не как случайная форма помощи, а как важная часть общественной жизни. Через добровольческую деятельность люди включаются в решение социальных, экологических, культурных и гуманитарных задач, а государство и некоммерческий сектор получают дополнительный ресурс, который невозможно заменить только административными мерами. В этом смысле волонтерство показывает, насколько общество готово к самоорганизации, взаимопомощи и совместной ответственности за общее благополучие.

Для нашей страны данная тема особенно актуальна. По данным платформы ДОБРО.РФ, к концу 2025 года в России зарегистрировано более 9,3 миллиона волонтеров. [1] При этом, по опросам ВЦИОМ, 36% россиян в том же году участвовали в добровольной помощи, а 66% готовы это делать. [2] Эти показатели говорят о том, что в российском обществе уже существует заметная база для расширения добровольческого участия, но сам потенциал пока реализован не полностью.

Интерес к международному опыту здесь вполне закономерен. В разных странах волонтерство развивалось по-разному: где-то оно опиралось прежде всего на государственные программы, где-то на инициативу местных сообществ, где-то на сильные позиции благотворительных организаций и бизнеса. Сравнение таких моделей помогает лучше увидеть, какие механизмы действительно работают, какие условия делают участие граждан устойчивым, а какие решения трудно переносимы в другую институциональную среду.

Цель данной статьи – обобщить международный опыт организации волонтерства и предложить конкретные ориентиры для российской практики. В качестве примеров рассмотрены модели Китая, Германии, Польши и Великобритании – стран с очень разными традициями гражданского общества, каждая из которых нашла свой путь к широкому вовлечению граждан в добровольчество.

Теоретические основы волонтерства

В самом общем смысле волонтерство можно определить как добровольную и безвозмездную деятельность, направленную на помощь другим людям, отдельным группам или обществу в целом. Но на практике оно намного шире простой помощи. Волонтерская деятельность часто становится пространством, где человек получает первый опыт участия в общественной жизни, учится взаимодействовать с другими,

брать на себя ответственность и видеть результат собственных усилий. Именно поэтому исследователи рассматривают волонтерство не только как форму социальной поддержки, но и как важный элемент формирования гражданской культуры. [3]

Направлений добровольчества очень много: социальное (помощь пожилым, детям, людям с инвалидностью), экологическое, событийное, корпоративное, медицинское, культурное, патриотическое. Участвовать можно эпизодически – несколько часов в году, – а можно системно, годами сотрудничая с одной и той же организацией. Именно это разнообразие делает волонтерство доступным практически для каждого.

Следует учитывать и то, что мотивы участия в добровольчестве редко бывают полностью однородными. Людей побуждает не только желание помочь. Для многих значимы общение, чувство полезности, возможность приобрести навыки, получить опыт, укрепить резюме или найти профессиональные ориентиры. Это не снижает ценность волонтерства, а, наоборот, объясняет, почему современные системы поддержки добровольчества все чаще строятся так, чтобы общественная польза сочеталась с личной заинтересованностью участника.

Международная организация труда рассматривает волонтерский труд как значимый экономический ресурс. В Китае, например, в 2023 году экономическая стоимость волонтерского вклада составила около 179 млрд юаней, что в эквиваленте труда равно 1,73 млн штатных сотрудников. [4]

Мировые модели организации волонтерства

В китайской модели волонтерство изначально строилось не «снизу», а «сверху»: главным организатором выступает государство в лице Китайской ассоциации молодых волонтеров (CYVA), основанной в 1994 году под руководством Коммунистического союза молодежи. [4]

Флагманской программой стал «Западный план» (запущена в 2003 г.). Суть программы заключается в том, что выпускники университетов на 1–3 года едут работать в отдаленные западные провинции – в школы, больницы, местные администрации. За более чем двадцать лет существования через программу прошли свыше 500 тыс. молодых специалистов. [4] Следует отметить, что данная программа используется не только как форма добровольчества, но и как механизм территориального выравнивания и кадровой поддержки менее развитых районов. Параллельно работает программа

«Солнечное действие» – помощь людям с инвалидностью, причем университеты разрабатывают для этого инновационные технологические решения: системы распознавания речи для глухих, музыкальное обучение для слепых, сопровождение детей с аутизмом.

Отдельная особенность Китая – цифровая платформа «Volunteer China» и система мотивации через «социальный кредит». Волонтеры набирают часы и получают реальные привилегии: приоритет при поступлении в вузы, скидки на жилье и транспорт, льготы в государственных больницах. Уровень 5А (1500 часов и выше) дает статус «надежного лица» с широким набором преимуществ. [4] Это делает участие в волонтерстве рационально выгодным – что, с одной стороны, обеспечивает массовый охват (76,58 млн активных добровольцев в 2023 г.), а с другой – вызывает вопросы о подлинности мотивации.

Для России китайский опыт полезен, прежде всего, как пример системности. Он показывает, что массовое волонтерство требует не только призывов к активности, но и выстроенной организационной среды: регистрации, координации, понятных маршрутов участия, учета результатов и видимых перспектив для самого добровольца.

Германия – один из европейских лидеров по уровню волонтерской активности. По данным Deutscher Spendenrat и Bertelsmann Stiftung, ежегодный объем пожертвований граждан превышает 5,4 млрд евро, а около 600 организаций охватывают более 25 млн добровольцев. [5]

Интерес представляет Федеральная добровольческая служба (Bundesfreiwilligendienst, BFD), запущенная в 2011 г. В мае 2024 г. в ней участвовали более 33 тыс. человек. [6] Помимо BFD, существуют «Добровольный социальный год» (FSJ) для молодежи до 27 лет и «Добровольный экологический год» (FÖJ). Эти программы позволяют человеку на 6–18 месяцев поработать в больнице, детском доме, музее или заповеднике – с небольшой стипендией, жильем и обучением.

Важно, что немецкая модель сочетает государственную поддержку с сильным гражданским обществом. Такие крупные организации, как Caritas, Deutsches Rotes Kreuz, Diakonie сами выстраивают системы привлечения и сопровождения добровольцев. Активно развивается и корпоративное волонтерство: фонды Bosch, Bertelsmann, Volkswagen поддерживают социальные инициативы своих сотрудников. [5]

Опыт Польши интересен тем, что здесь одним из ключевых факторов развития добровольчества стала правовая определенность. В 2003 г. страна приняла специальный закон о волонтерстве. В данном законе прописаны права и обязанности добровольцев. Документ создал правовую защиту и задал основу для взаимодействия НКО с государством. Одновременно была введена система 1,5% налога, которая заключается в том, что граждане могут направить часть своего подоходного налога на поддержку выбранной ими организации. [7]

С 2018 г. в стране работает программа «Корпус солидарности»: молодежь до 30 лет на срок от 3 до 12 месяцев работает в НКО, получая небольшую ежемесячную выплату. Координацию осуществляет Национальный институт свободы. По данным 2024 г., в польской системе зарегистрировано 113,1 тыс. волонтеров в рамках организаций гражданского общества. [7]

Еще одна особенность польской модели – развитая инфраструктура поддержки. Так, Центр волонтерства с 1993 г. помогает организациям работать с добровольцами, проводит обучение, объединяет НКО в сети. Польша также активно участвует в европейских инициативах, в частности в European Solidarity Corps, через который в 2025 году были охвачены более 166 тыс. молодых людей. [7]

Великобритания имеет одну из наиболее развитых инфраструктур волонтерства в мире. По данным Национального совета по волонтерским организациям, около 14,2 миллиона человек в Великобритании хотя бы раз в год участвуют в формальном волонтерстве, а 8,3 млн человек делают это не реже раза в месяц. Добровольческий сектор страны занимает около 978 тыс. штатных сотрудников, что составляет примерно 3% всей рабочей силы. [8] Эти данные показывают, что волонтерство тесно связано с общим устройством общественной жизни.

Государство поддерживает волонтерство, но не командует им. Ключевую роль играют крупные НКО и местные волонтерские центры. Активно работают онлайн-платформы, позволяющие найти подходящую возможность буквально за несколько минут. [9] Интересно, что в британской практике большое значение имеет сочетание альтруистических и прагматических мотивов. Люди помогают другим, но одновременно видят в добровольчестве возможность развивать навыки, получать опыт, расширять круг общения и оставаться включенными в жизнь местного сообщества. Волонтерство перестает быть чем-то исключительным и становится обычной

социальной практикой.

Волонтерство в России: текущее состояние и потенциал развития

Россия является страной с высоким волонтерским потенциалом. По данным ВЦИОМ, в 2025 году 36% россиян участвовали в добровольной помощи, а 66% декларируют готовность стать волонтером. [2] На платформе ДОБРО.РФ по состоянию на 23 апреля 2026 г. зарегистрировано почти 10 млн добровольцев, более 1,3 млн мероприятий и свыше 130 тыс. проектов. [1]

В декабре 2025 г. правительство утвердило Концепцию развития добровольчества до 2030 года: к этому времени не менее 45% молодежи должны быть вовлечены в волонтерскую деятельность. [10]. В том же месяце Госдума приняла закон о корпоративном волонтерстве, который позволяет включать соответствующие положения в коллективные договоры. [11]

Опираясь на международный опыт, можно предложить несколько направлений, которые способны сделать российское волонтерство более устойчивым и массовым:

1. Развивать систему нематериальной и материальной мотивации. Опыт Китая показывает, что наличие реальных «бонусов» (учет волонтерских часов при поступлении в вузы, отражение опыта в резюме, льготы) существенно расширяет круг участников. В России ДОБРО.РФ уже интегрирована с порталом «Работа в России» и суперсервисом «Поступай в вуз онлайн». [12] Этот путь стоит продолжать, при этом особенно важно, чтобы волонтерский опыт стал реальным плюсом при трудоустройстве на государственные должности.

2. Создать правовую базу для долгосрочных волонтерских программ. По примеру практики Германии и Польши в России можно разработать программы, позволяющие человеку на несколько месяцев погрузиться в работу какой-либо НКО.

3. Использовать возможности цифровизации. Великобритания и Германия активно используют онлайн-платформы, позволяющие человеку быстро найти интересующий проект. Следует отметить, что на сайте ДОБРО.РФ такая функция уже есть, но рекомендуется интегрировать платформу с социальными сетями для повышения удобства пользователей и расширения охвата.

Заключение

Исследование показало, что каждая из рассмотренных стран выстраивала свою модель волонтерство исходя из собственных правовых традиций, уровня доверия к

государственным институтам и зрелости некоммерческого сектора. Там, где государство брало на себя роль организатора, удавалось добиться достаточно большого масштаба вовлеченности населения в волонтерскую деятельность. В странах, где инициатива шла снизу, волонтёрство оказывалось более устойчивым, однако охват оставался меньшим. Отмечено, что люди готовы включаться в волонтерскую деятельность, когда им понятно, куда идти, что делать и что их вклад будет использован по назначению. Отечественная платформа ДОБРО.РФ и принятая Концепция до 2030 года создают для этого необходимую основу, однако реальный результат будет зависеть от того, насколько последовательно эти инициативы воплотятся на уровне регионов и конкретных организаций.

Важно не забывать о качестве участия в волонтерстве. Рост численности волонтеров сам по себе еще не означает, что данный сектор становится сильнее. Не менее значимыми являются устойчивость мотивации, снижение текучести, подготовка координаторов, профилактика выгорания и реальная общественная отдача проектов. В этом смысле дальнейшее развитие российского добровольчества должно быть связано не только с расширением охвата, но и с повышением качества самой волонтерской среды.

Литература:

1. ДОБРО.РФ – Единая информационная система добровольчества. [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.ru/analytics (дата обращения: 23.04.2026).

2. ВЦИОМ. Волонтерство в России: мониторинг. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring (дата обращения: 23.04.2026).

3. Шрамко Н. В., Николаева М. А., Быстрова А. И. Основы волонтерской деятельности: учебно-методическое пособие. – М., 2020. – 152 с.

4. China Young Volunteers Association (CYVA) [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/China_Young_Volunteers_Association (дата обращения: 23.04.2026).

5. Spendenrat.de – Deutscher Spendenrat. [Электронный ресурс]. URL: https://www.spendenrat.de (дата обращения: 23.04.2026).

6. Bundesfreiwilligendienst. Официальный сайт Федеральной добровольческой

службы Германии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundes-freiwilligendienst.de (дата обращения: 23.04.2026).

7. NIW-CRSO – Narodowy Instytut Wolności. [Электронный ресурс]. URL: https://niw.gov.pl (дата обращения: 23.04.2026).

8. NCVO. UK Civil Society Almanac 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncvo.org.uk/news-and-insights/news-index/uk-civil-society-almanac-2024/volunteering/ (дата обращения: 23.04.2026).

9. Do-it.org – национальная платформа волонтерства в Великобритании. [Электронный ресурс]. URL: https://do-it.org (дата обращения: 23.04.2026).

10. Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: https://asi.org.ru/news/2025/12/29/pravitelstvo-utverdilo-konczepcziyu-razvitiya-dobrovolchestva-do-2030-goda/ (дата обращения: 23.04.2026).

11. Парламентская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-utverdili-koncepciyu-sodeystviya-razvitiyu-dobrovolchestva-do-2030-goda.html (дата обращения: 23.04.2026).

12. Добро.Медиа. [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.press/articles/pravitelstvo-rossii-utverdilo-plan-razvitiya-dobrovolchestva-do-2025-goda (дата обращения: 23.04.2026).

Ковалева Анастасия Сергеевна
Kovaleva Anastasia Sergeevna
преподаватель
Филиал ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» в г. Великие Луки
e-mail: lebedeffa@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА

FEATURES OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE BASED ON A CONSTRUCTIVIST APPROACH

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления применения идей конструктивизма в иноязычном образовании. Обобщив работы ученых по проблеме, автор описывает базовые принципы обучения иностранному языку на основе конструктивистского подхода.

Abstract. The article investigates how constructivist ideas are applied in foreign language education. Based on a review of scholarly work, it presents the core principles of a constructivist-based approach to foreign language teaching.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, конструктивистский подход к обучению иностранному языку, принципы конструктивистского подхода в обучении.

Keywords: teaching a foreign language, constructivist approach to foreign language teaching, principles of the constructivist approach to teaching.

Конструктивистский подход в обучении – современная педагогическая концепция, основанная на идее, что знания не передаются ученику в готовом виде, а активно конструируются им самим в процессе познавательной деятельности (Л. Выготский, Ж. Пиаже, Дж. Бруннер, Э. фон Глазерсфельд, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин). В основе подхода лежит представление о том, что каждый обучающийся опирается на собственный опыт, предыдущие знания и личные интересы, выстраивая индивидуальную систему понимания изучаемого материала. Учитель при этом выполняет роль фасилитатора: он создает условия для исследования, ставит проблемные задачи и координирует взаимодействие между учащимися, а не просто транслирует информацию. Конструктивизм подчеркивает значимость социального взаимодействия, практической деятельности и рефлексии – именно через обсуждение, совместную работу и осмысление своего прогресса ученики глубже усваивают материал и развивают не только предметные навыки, но и критическое мышление, самостоятельность и способность к самообучению [1].

Конструктивистский подход в обучении иностранному языку применяется в

нескольких ключевых направлениях, которые связаны с активным участием учащихся в процессе обучения, интеграцией языка в профессиональный контекст, использованием технологий и развитием метапознания.

1. Профессионально-ориентированное обучение. В этом направлении конструктивизм используется для построения курсов, которые адаптированы под конкретные профессиональные потребности студентов. Обучение иностранному языку интегрируется в изучение специальности: учащиеся овладевают языком через моделирование профессиональных ситуаций, работу с профессиональными текстами и решение задач, связанных с будущей деятельностью. Например, студенты технических направлений изучают терминологию и жанры, характерные для их сферы, а будущие медики – медицинскую лексику и форматы коммуникации. Ключевой принцип – непроизвольное овладение языком в процессе деятельности, имитирующей профессиональную [2-4].

2. Использование проектного метода и проблемно-ориентированного обучения. Обучающиеся работают над проектами, решают кейсы, участвуют в дискуссиях и дебатах, что стимулирует их к самостоятельному поиску информации, анализу и синтезу знаний. Проекты могут быть связаны с реальными профессиональными задачами или междисциплинарными проблемами. Это развивает навыки критического мышления, сотрудничества и применения языка в практических ситуациях [5-7].

3. Интеграция информационных технологий. Конструктивистский подход предполагает активное использование интернет-технологий, онлайн-ресурсов и цифровых платформ для поиска профессионально значимой информации на иностранном языке. Студенты учатся работать с онлайн-базами данных, профессиональными форумами, видеоматериалами, что формирует информационную компетентность в контексте изучаемого языка. Например, в рамках профессионально-ориентированного обучения студенты регулярно работают с интернет-сайтами на английском языке в рамках своей профессиональной тематики [2, 8].

4. Разработка электронных курсов и дистанционных образовательных ресурсов. Принципы социального конструктивизма используются при создании онлайн-курсов, где учащиеся не только потребляют контент, но и участвуют в его конструировании. Это может включать разработку учебных материалов, оценку работ других обучающихся, создание мультимедийных проектов. Такая учебная деятельность

развивает навыки конструктивного мышления, самостоятельности и ответственности [8-10].

Обобщив работы ученых, рассмотрим далее ключевые принципы применения конструктивистского подхода в обучении иностранному языку.

Один из ведущих принципов – центрирование на личности обучающегося. Обучение выстраивается с учетом индивидуальных особенностей: уровня владения языком, стиля обучения, профессиональных и личных интересов. Например, для студента-экономиста подбираются тексты и задания по финансам, а для любителя кино – обсуждение трейлеров и рецензий. Такой подход повышает мотивацию и делает процесс обучения более осмысленным. Важная часть принципа – развитие учебной автономии: студенты учатся ставить цели, выбирать стратегии изучения, оценивать свой прогресс и вести языковые дневники.

Следующий принцип – ориентация на действие и коммуникацию. Язык изучается не через механическое заучивание правил, а через его использование в реальных или моделируемых ситуациях общения. Обучающиеся участвуют в ролевых играх (например, разыгрывают ситуацию бронирования отеля или прохождения собеседования), работают над совместными проектами (создают подкасты, блоги, мини-фильмы), взаимодействуют с носителями языка через онлайн-платформы. Это помогает развивать коммуникативную компетенцию и уверенность в использовании языка.

Целостность освоения языка предполагает, что язык воспринимается как единый инструмент коммуникации, а не набор разрозненных правил и слов. На занятиях интегрируются разные виды речевой деятельности: например, после прослушивания диалога ученики обсуждают его содержание, затем пишут электронное письмо по аналогичной теме и презентуют свои идеи группе. Лексика и грамматика изучаются в контексте – через аутентичные тексты, видео или аудиоматериалы. Такой подход помогает лучше усваивать материал и сразу применять его на практике.

Принцип проблемности и исследовательского подхода подразумевает, что ученики самостоятельно «открывают» языковые закономерности. Вместо того чтобы заучивать правило, они анализируют примеры, выявляют закономерности и формулируют выводы. Например, получив несколько предложений с условными конструкциями, ученики определяют, какие времена используются, и пытаются

вывести правило. Затем они создают собственные примеры и обсуждают их в группе. Ошибки при этом рассматриваются не как неудачи, а как часть учебного процесса – их коллективный анализ помогает глубже понять материал.

Социальное взаимодействие играет важную роль в конструктивистском обучении. Знания конструируются в процессе общения и совместной работы: обучающиеся объясняют друг другу правила, обсуждают идеи, оценивают работы по четким критериям. Эффективны такие стратегии, как метод «Jigsaw» (каждый изучает часть темы и объясняет ее группе) или групповые проекты (например, создание виртуального музея с описаниями экспонатов на иностранном языке). Совместная деятельность развивает не только языковые навыки, но и умение работать в команде, аргументировать свою позицию и слушать других.

Использование аутентичных материалов – еще один важный принцип. Обучение строится на реальных текстах и ситуациях: новостях, подкастах, фильмах, соцсетях, меню ресторанов, инструкциях. Это позволяет обучающимся видеть, как язык используется в жизни, и осваивать не только лексику и грамматику, но и культурный контекст. Например, анализ твитов известных личностей помогает понять современный сленг и стиль общения, а разбор рекламных слоганов – изучить идиоматические выражения и приемы воздействия.

Рефлексия и осознанность предполагают, что студенты анализируют свой прогресс и стратегии обучения. Они ведут языковые дневники, заполняют чек-листы самооценки («Я могу рассказать о своем хобби за 2 минуты»), обсуждают итоги проектов («Что было сложно? Что помогло?»). Важная часть рефлексии – интеркультурная осознанность: сравнение традиций и норм поведения разных стран помогает глубже понять связь языка и культуры.

Наконец, принцип проектного подхода предполагает долгосрочную работу над значимым продуктом, который интегрирует языковые и профессиональные навыки. Обучающиеся планируют, исследуют, создают и презентуют проекты – например, «Гид по городу для иностранцев» (путеводитель, аудиотур), «Экологическая кампания» (плакаты, листовки, выступление) или «Интервью с экспертом» (подготовка вопросов, запись, транскрипт). Проекты развивают самостоятельность, креативность и умение применять язык в реальных ситуациях.

Таким образом, конструктивистский подход превращает обучение иностранному

языку из пассивного усвоения информации в активный процесс исследования и взаимодействия. Студент становится соавтором знаний, а язык – инструментом решения практических задач и межкультурного общения.

В рамках конструктивизма учебный процесс выстраивается вокруг реальных жизненных ситуаций и аутентичных коммуникативных задач: например, ролевых игр, проектных работ, дискуссий на актуальные темы или моделирования деловых переговоров. Преподаватель при этом выполняет роль фасилитатора – он создает условия для самостоятельного поиска решений, направляет студентов, помогает рефлексировать над ошибками и осмысливать полученный опыт. Такой подход не только повышает мотивацию и вовлеченность, но и формирует ключевые навыки XXI века: критическое мышление, креативность, умение работать в команде и адаптироваться к новым условиям. В результате обучающиеся осваивают язык не как набор правил и слов, а как живой инструмент межкультурной коммуникации для применения в реальной жизни.

Литература:

1. Biggs, J., Tang, C., & Kennedy, G. (2022). Teaching for Quality Learning at University (5th ed.). Maidenhead, UK: McGraw-Hill Education. ISBN 978-0-335-25083-7.

2. Поленова А. Ю. Реализация принципов конструктивистского подхода при обучении английскому языку для специальных целей в современном университете / А. Ю. Поленова // JER. 2017. – №3. – С.120-128.

3. Tarnopolsky O. Constructivist blended learning approach to teaching English for Specific Purposes. – London: Versita, 2012. – 254 p.

4. Alviárez, L., Romero, L., Pérez, M., & Delmastro, A. L. (2010). Constructivism in ESP teaching at LUZ. Opción, 26(63), 135-147.

5. Маликов М., Мустаков Р. Проектная методика в обучении иностранным языкам / М. Маликов, Р. Мустаков // Парадигма. – 2025. – №11-3. – С. 151-157.

6. Arrieta-Cohen, C.; et al. Implementing Project-Based Learning to Develop 21st-Century Skills in Rural Schools Post-Pandemic // Education Sciences. – 2024. – № 14. – С. 1341.

7. Sánchez-García, M.; Reyes-de-Cózar, S. Key Elements in the Design of Project-Based Learning // Sustainability. – 2025. – № 17. – С. 4978.

8. Петрова Н. В. Формирование ИКТ-компетентности будущих магистров образования профиля «Иностранный язык» на основе социально-конструктивистского подхода / Н. В. Петрова // Вестник СИБИТа. – 2020. – №3 (35). – С. 30-35.

9. Петрова Н. В., Свердлова А. В. Социальный конструктивизм как теоретическая основа технологии обучения созданию электронных курсов по иностранному языку / Н. В. Петрова, А. В. Свердлова // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5, №3. http://mir-nauki.com/PDF/52PDMN317.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

10. Удалов С. Р., Петрова Н. В. Модель ИКТ-насыщенной среды обучения иностранному языку на основе социального конструктивизма / С. Р. Удалов, Н. В. Петрова // Вестник СИБИТа. – 2019. – №2 (30). – С. 30-35.

Гуань Юйтин
Guan Yuting
аспирант кафедары музыкального воспитания и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»
e-mail: 609384183@qq.com

ГЕНЕЗИС ДИСЦИПЛИНЫ «КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКИЙ КЛАСС» В ВУЗАХ КИТАЯ

GENESIS OF THE DISCIPLINE "CONCERT MASTER CLASS" IN CHINESE UNIVERSITIES

Аннотация. Статья посвящена исследованию генезиса дисциплины «Концертмейстерский класс» в высших учебных заведениях Китая. Рассматриваются исторические предпосылки формирования данной дисциплины, начиная с проникновения западной музыкальной традиции в Китай в конце XIX – начале XX века, и заканчивая ее современным состоянием. Анализируются влияние «движения школьной песни» (学 堂 乐 歌), деятельность первых китайских музыкальных образовательных учреждений, а также этапы институционализации концертмейстерской подготовки. Особое внимание уделяется трансформации понимания специфики деятельности концертмейстера от «фортепианного аккомпанемента» до формирования целостной концепции «концертмейстерского класса» в контексте развития китайского музыкального образования. Выявляются ключевые факторы и тенденции, обусловившие становление дисциплины.

Abstract. The article is devoted to the study of the genesis of the discipline “Concertmaster Class” in higher educational institutions of China. The historical prerequisites for the formation of this discipline are considered, starting from the penetration of the Western musical tradition into China in the late 19th and early 20th centuries, and ending with its current state. The influence of the “School Song Movement” (学堂乐歌), the activities of the first Chinese music educational institutions, and the stages of the institutionalization of concertmaster training are analyzed. Special attention is paid to the transformation from the initial forms of "piano accompaniment" to the formation of a holistic concept of "concertmaster class" in the context of modernizing Chinese music education. The key factors and trends that have influenced the development of the discipline are identified.

Ключевые слова: концертмейстер, педагогика музыкального образования, дисциплина «концертмейстерский класс», обучение искусству концертмейстера в вузах Китая.

Keywords: accompanist, pedagogy of music education, discipline "accompanist class", teaching the art of accompanism at Chinese universities.

Профессиональное обучение концертмейстерскому мастерству в Китае представляет собой относительно молодое, но динамично развивающееся направление педагогики профессионального музыкального образования. Становление дисциплины

«Концертмейстерский класс» в китайских вузах неразрывно связано с историей проникновения и адаптации западной музыкальной традиции в Китае, а также с эволюцией системы профессионального музыкального образования. Если на Западе подготовка пианистов-концертмейстеров имеет длительную традицию, то в Китае этот процесс начал формироваться лишь в последние десятилетия, пройдя путь от фрагментарных форм обучения до целостной концепции, отражающей современное понимание роли пианиста в ансамбле.

В настоящее время системная методическая организация учебного процесса по дисциплине даже в крупнейших городах КНР находится в стадии становления, существенно отставая от класса специального фортепиано. Многие исследователи отмечают, что «профессия концертмейстера в современном образовательном пространстве Поднебесной нуждается и в уточнении необходимых компетенций, и в исследовании специфических целей и функций, и в методическом оснащении, и в придании подобающего статуса в учебном процессе» [1, с.56]. Даже на уровне терминологии китайская музыкальная наука и культура все еще не выработали устойчивого определения, подобных русскоязычному «концертмейстер»: «в китайском языке не существует подобных дефиниций и единственное слово, указывающее на профессиональную принадлежность такого музыканта — 伴奏者 (bànzòuzhě), в переводе дает единственное значение — “аккомпаниатор”» [3, с. 8]. Тем не менее концертмейстерское искусство приобретает все большую востребованность в общественно-культурном пространстве страны.

Истоки концертмейстерской деятельности в Китае уходят корнями в глубокую древность, где практика музыкального сопровождения была неотъемлемой частью исполнительской культуры. В частности, в VIII веке до н. э. сольное вокальное исполнение не могло обходиться без инструментального сопровождения («юэ»). Таким образом, принцип ансамблевого музицирования был заложен в китайской музыкальной традиции задолго до появления профессионального музыкального образования.

Подлинный импульс к развитию музыкального образования, в том числе и обучения игре на фортепиано, был дан в конце XIX — начале XX века в рамках «движения школьной песни» (学堂乐歌, xuétáng yuègē). Это движение, возникшее после Японо-китайской войны 1894–1895 годов, было направлено на модернизацию

китайского общества через внедрение западных моделей образования [См. об этом: 7]. В новых школах вводились уроки музыки, где фортепиано использовалось в качестве основного инструмента для сопровождения пения. Именно в этом контексте король европейских инструментов стал восприниматься не только как солирующий, но и как аккомпанирующий, что заложило основы будущей концертмейстерской дисциплины.

Новый импульс развитию концертмейстерской практики придало проникновение европейской музыки и формирование начального фортепианного образования, связанное с именами Шэнь Синьгуна, Ли Шутуна и Сяо Юмэя. Обучение искусству игры на фортепиано, однако, на ранних этапах было сосредоточено преимущественно на сольном исполнительстве, а систематическая подготовка концертмейстеров не велась.

Тем не менее, элементы аккомпанемента присутствовали в учебном процессе имплицитно. Студенты-пианисты привлекались к сопровождению вокалистов и инструменталистов на концертах и экзаменах, однако это не было оформлено в виде отдельной учебной дисциплины. Отсутствие систематического подхода к обучению концертмейстерскому мастерству объяснялось как нехваткой квалифицированных педагогов, так и недостаточным осознанием специфики этой деятельности. Вплоть до середины XX века концертмейстерская деятельность в Китае носила преимущественно практический, прикладной характер и не была обособлена в рамках учебных программ.

Становление «Концертмейстерского класса» в китайских вузах прошло несколько ключевых этапов.

Начальный этап формирования концертмейстерской дисциплины (1950-е – 1970-е годы)

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году начался новый этап в развитии музыкального образования. Была создана сеть консерваторий и музыкальных факультетов при университетах, ориентированных на советскую модель образования. Фундамент для будущего выделения концертмейстерской специализации был заложен с созданием фортепианных кафедр в ведущих консерваториях. Центральная консерватория в Пекине, основанная в 1950 году, сыграла в этом процессе ключевую роль.

Уже в первые годы существования фортепианной кафедры в учебные планы были включены курсы «Аккомпанемент» и «Камерный ансамбль», однако они носили

преимущественно вспомогательный характер. Студенты получали навыки аккомпанемента в процессе совместного музицирования с вокалистами и инструменталистами, однако методической и теоретической базы для этого не существовало.

Важным фактором стало участие советских профессоров (в том числе С.С. Шатилова, Т.Д. Гутмана, Т.П. Крафт), которые не только развивали фортепианную педагогику в Китае, но и знакомили китайских музыкантов с западной и российской школой аккомпанемента. Гастроли Л.Н. Оборина, С.Т. Рихтера и других мастеров во время их визитов в КНР способствовали осознанию ансамблевого музицирования как особой сферы профессиональной деятельности.

Период Культурной революции (1966–1976 гг.) нанес серьезный урон системе музыкального воспитания. Фортепианное образование (и вместе с ним концертмейстерская подготовка) было практически парализовано вплоть до восстановления вузов в конце 1970-х годов.

Выделение концертмейстерской составляющей в учебных планах (1980–1990-е гг.). После восстановления музыкальных вузов в 1978 году наметилась тенденция к расширению спектра учебных дисциплин. Начиная с 1980-х годов, в учебные планы пианистов стали постепенно включаться курсы импровизационного аккомпанемента, которые постепенно стали обосабливаться в самостоятельную дисциплину. Расширение набора профессиональных компетенций в фортепианной подготовке было продиктовано потребностью в музыкантах широкого профиля, способных к музицированию в различных контекстах, включая школьное музыкальное образование. Произошло постепенное выделение концертмейстерских навыков из общего курса аккомпанемента — в учебные планы Шанхайской, Сианьской, Сычуаньской консерваторий вошли такие дисциплины, как «Фортепианный аккомпанемент», «Чтение партитур с листа», «Транспонирование». Начали издаваться первые методические пособия. Тем не менее концертмейстерский класс продолжал сохранять статус вспомогательной дисциплины.

В 1990-е годы произошли значительные изменения в сфере концертмейстерской подготовки. В 1993 году по инициативе Чжоу Дафэна (周大风 Zhōu Dàfēng) в Шанхае была проведена Первая всекитайская конференция по обучению искусству

импровизационного аккомпанемента. Это событие внесло значительный вклад в развитие одного из важнейших компонентов концертмейстерской подготовки – фортепианной импровизации.

Важной вехой стало открытие в 1995 году в Центральной консерватории специальности «Вокальный аккомпанемент» (声乐艺术指导专业, shēngyuè yìshù zhǐdǎo zhuānyè). Это историческое событие можно назвать признанием значения деятельности концертмейстера отдельной, самостоятельной отраслью фортепианного искусства, требующей профессиональной систематической подготовки и специальных навыков, не свойственных сольным пианистам-исполнителям. Научно-методическому осмыслению подготовки концертмейстера содействовало проведение в 1998 году Всекитайского научного семинара (город Ляочэнь, провинция Шаньдун), на котором были обозначены проблемы и перспективы направления, дано теоретическое осмысление накопленного педагогического и концертно-исполнительского опыта. В семинаре приняла участие профессор Ху Шиси (胡适熙, Húshì Xī), стоявшая у истоков специальности в Центральной консерватории. В этот же период начала формироваться терминология, отражающая эволюцию понимания роли пианиста-концертмейстера.

Закрепление статуса дисциплины в профессиональной подготовке пианистов-концертмейстеров дисциплины (2000-е гг. – настоящее время). На рубеже веков произошло значительное изменение значения концертмейстерской подготовки: она начала осознаваться как важное и самобытное явление музыкального исполнительства. Обучение концертмейстерскому мастерству в китайских вузах вышло на качественно новый уровень. Этому способствовали несколько факторов: углубление международных контактов, возвращение китайских музыкантов, получивших образование за рубежом, и растущее осознание необходимости модернизации музыкальной педагогики в соответствии с мировыми стандартами. В ведущих консерваториях страны были организованы специализированные курсы по обучению искусству концертмейстерства. Дисциплина «Концертмейстерский класс» стала внедряться в учебные планы вузов различного типа: классических консерваторий, музыкальных академий и педагогических университетов.

В 2013 году Китайская консерватория провела Первый всекитайский форум по развитию дисциплины артистического руководства в исполнении на фортепиано, а уже

в 2014 году Центральная консерватория организовала Первый фестиваль коллаборативного фортепиано. Эти события стали катализаторами для активного развития дисциплины по всей стране. Согласно современным представлениям, концертмейстер — это не просто пианист, аккомпанирующий солисту, а полноправный партнер, способный к совместной интерпретации музыкальных произведений. Соответственно, дисциплина «Концертмейстерский класс» все чаще рассматривается как комплексная, интегрирующая не только технические навыки игры на фортепиано, но и глубокое знание репертуара, вокальной и инструментальной специфики, а также навыки ансамблевого взаимодействия.

Современные учебные планы концертмейстерской подготовки в китайских вузах включают такие курсы, как «Основы аккомпанемента», «Импровизационный аккомпанемент», «Изучение вокального репертуара», «Изучение инструментального репертуара», «История и теория ансамблевого исполнительства» и др. Все большее внимание уделяется практической работе студентов в качестве концертмейстеров в классах вокала и инструментальных специальностей, а также участию в мастер-классах и конкурсах.

Современный период развития дисциплины характеризуется следующими ключевыми факторами.

Развитие концертмейстерского искусства в Китае активизировалось под воздействием интенсификации концертной и музыкально-театральной деятельности, осознания специфики концертмейстерской работы. Благодаря расширению культурных и образовательных связей с Россией, китайская система перенимает богатый методический опыт российской школы, что способствует обновлению содержания учебных программ. Открытие профильных отделений и кафедр в учебных заведениях разного уровня является важным показателем становления самостоятельной дисциплины. Программа занятий предусматривает два взаимосвязанных направления подготовки: внимание уделяется формированию компетенций ансамблевого музицирования, в частности, умению взаимодействовать с вокалистом в процессе исполнения произведения, и развитию собственно фортепианно-исполнительских навыков, в частности, чтению нот с листа [См. об этом: 4], умению транспонировать и импровизационно излагать написанный композитором текст. Остановимся на этом навыке чуть подробнее. Он назван «уникальным образовательным маршрутом, который

сложился только в китайской музыкальный культуре, является “импровизационный аккомпанемент”. Это направление дает большие творческие возможности в подготовке специалистов, так как не предполагает исполнение по готовому нотному тексту» [6, с.188].

Динамика развития дисциплины «Концертмейстерский класс» в китайском музыкальном образовании показывает не только положительные результаты, но и выявляет ряд проблем. К наиболее важным из них относятся сохраняющаяся инерция восприятия деятельности концертмейстера как менее значимой и престижной, по сравнению с сольной карьерой, недостаточное количество и качество подготовки преподавательского состава, разрыв уровня подготовки по регионам, отсутствие единой программы, репертуарного компендиума и ее методического сопровождения. Некоторые из обозначенных проблем уже находятся в сфере методического внимания исследователей. Так, например, исследователи указывают на то, что: «Хотя содержание курсов по концертмейстерскому мастерству постепенно обновляется, в них по-прежнему доминирует национальный материал, а систематическое знакомство с европейскими произведениями чаще отнесено к старшим курсам» [5, с.105]. Вместе с тем, постижение содержания музыкального произведения строится на глубоком понимании культурно-исторического контекста, так как «взаимосвязь художественного мышления композитора с наиболее характерными особенностями его музыкальной палитры, их влияние друг на друга» [2, с.238] представляется тем фактором, который помогает выстраивать убедительную и стилистически грамотную интерпретацию произведений композиторов разных стран и эпох.

Несмотря на обозначенные проблемы, дальнейшее развитие дисциплины представляются весьма обнадеживающими. Растущий спрос на квалифицированных концертмейстеров в профессиональной среде, углубление международной интеграции, а также общий подъем музыкальной культуры в стране создают благоприятные условия для дальнейшего совершенствования концертмейстерского образования в Китае.

Генезис дисциплины «Концертмейстерский класс» в вузах Китая прошел сложный путь, включающий длительное вызревание ее предпосылок в рамках фортепианных кафедр, выделение концертмейстерской составляющей в учебных планах и, наконец, ее институционализацию в качестве самостоятельной профильной дисциплины. Сравнительная молодость этого направления и связанные с ним вызовы

не умаляют его важности: востребованность профессии концертмейстера в культурном пространстве Китая продолжает расти, что требует дальнейшего совершенствования педагогических подходов и методического обеспечения.

Генезис дисциплины «Концертмейстерский класс» в китайских вузах представляет собой сложный и многоэтапный процесс, отражающий общую траекторию развития музыкального образования в Китае — от фрагментарного заимствования западных моделей до формирования собственной, все более самостоятельной и целостной педагогической концепции. Если на ранних этапах обучение концертмейстерскому мастерству носило вспомогательный характер, то начиная с 1990-х годов оно постепенно обособилось, а в XXI веке обрело новое качество в рамках концепции равноправного ансамблевого диалога пианиста и вокалиста. Дальнейшее развитие этой дисциплины потребует решения ряда методических и организационных проблем, однако уже сейчас можно с уверенностью говорить о ее состоявшемся статусе в системе китайского высшего музыкального образования.

Литература:

1. Го, Юйсюань. Обучение концертмейстерскому мастерству в музыкальных вузах современного Китая / Юйсюань Го // THEORIA: педагогика, экономика, право. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 55-60.

2. Иванилова, Т. В. Некоторые особенности художественно-творческого мышления В. А. Гаврилина / Т. В. Иванилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 237-243.

3. Калицкий, В. В. Пути развития концертмейстерского искусства пианиста в Китае / В. В. Калицкий // Художественное образование и наука. – 2023. – № 1(34). – С. 6-13.

4. Кузнецова, Е. О. Особенности формирования навыков чтения нот с листа на начальном этапе обучения концертмейстерскому мастерству в педагогическом вузе студентов из КНР / Е. О. Кузнецова, Ф. Ян // Искусство и образование. – 2025. – № 5(157). – С. 110-119.

5. Рощина, Е. Е. Методические принципы освоения западноевропейского вокального репертуара в классе концертмейстерского мастерства китайских вузов / Е.

Е. Рощина, Чжиин Сун // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 11, № 1. – С. 103-110.

6. Сун, Чжиин. Концертмейстерское искусство в Вузах Китая и России: сравнительный анализ подходов и методик / Чжиин Сун // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 4-2(103). – С. 186-191.

7. Чэнь, Ин. Адаптация европейских музыкальных традиций в Китае на примере «школьной песни» / Ин Чэнь // Проблемы музыкальной науки. – 2014. – № 1(14). – С. 10-13.

8. Ван, С. Трактовка понятий «семантика» и «знак» в современном музыкознании / С. Ван, М. Л. Зайцева // Искусствоведение. – 2025. – № 2. – С. 80-90. – EDN BJWMIF.

9. У, С. Дидактические принципы развития у китайских школьников способности восприятия музыки / С. У, М. Д. Корноухов // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2025. – Т. 8, № 5. – С. 19-27. – EDN JTUBVR.

10. Яковлева, Е. Н. Концепция просветительства и музыкальное образование / Е. Н. Яковлева, Г. П. Овсянкина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 1(53). – С. 193-197. – EDN NWTIEB.

Цзын Цзымэн
Zyn Zymeng
аспирант кафедры музыкального воспитания и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»
e-mail: 2890143287@qq.com

Ануфриева Н.И.
Anufrieva N.I.
профессор кафедры педагогики и психологии,
доктор педагогических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»
e-mail: nata415485@mail.ru

СТИЛЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕПЕРТУАРЕ ДЛЯ УДАРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XX СТОЛЕТИЯ

STYLISTIC TRENDS IN THE REPERTOIRE FOR PERCUSSION INSTRUMENTS OF THE ACADEMIC TRADITION OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. В статье рассмотрена проблема переосмысления художественной роли ударных инструментов в современном музыкальном просратсве; проанализированы направления развития репертуара, среди которых выделяются сонористическая тенденция, эксперименты в области театрализация инструментальной музыки, усложнение метроритмической организации, а также взаимодействие с этническими музыкальными культурами.

Abstract. This article examines the rethinking of the artistic role of percussion instruments in contemporary music. It analyzes trends in repertoire development, including sonoristic tendencies, experiments in the theatricalization of instrumental music, the increasing complexity of metro-rhythmic organization, and interactions with ethnic musical cultures.

Ключевые слова: музыкальное искусство, академическая музыка XX века, стиль, стилевые тенденции, ударные инструменты, репертуар для ударных инструментов.

Keywords: musical art, 20th-century academic music, style, stylistic trends, percussion instruments, percussion repertoire.

Богатство тембровой палитры, разнообразие звуковых эффектов и способность создавать яркие музыкальные образы обусловили активное обращение композиторов к ударным инструментам не только в ансамблевом и оркестровом, но и в сольном исполнительстве. В связи с этим количество произведений для ударных инструментов постоянно растет, а их роль в формировании концертного репертуара становится все более значительной.

Несмотря на устойчивое представление большинства музыкантов об ударных инструментах как о средстве преимущественно ритмической организации ткани

сочинения, их художественно-выразительный потенциал значительно шире [2, с. 90].

Однако активное исследование художественного потенциала ударных началось сравнительно поздно – лишь в музыке XX века: именно в этот период происходит освоение новых тембровых красок, наступило осознание их звуковой выразительности. К этому времени происходит расширение состава ударной группы, поиск новых приемов звукоизвлечения и усиление внимания к колористическим свойствам звучания ударных инструментов.

Показательны в этом отношении смелые эксперименты Э. Сати, который в балете «Парад» включил в партитуру нетрадиционные шумовые элементы – сирены, револьверные выстрелы, пишущую машинку, тем самым существенно расширив представление о тембровой палитре музыкального произведения.

Развитие музыки в XX веке привело к ситуации, когда любые странные звуки или звуковые эффекты, не производимые обычными оркестровыми инструментами, оказываются в партии ударных. В «First Construction (in Metal)» (1939) Джона Кейджа используется необычный для своего времени состав инструментов, включающий пять громовых пластин различной высоты звучания, четыре тормозных барабана, являющиеся составной частью колесного тормозного механизма, четыре гонга, размещенных на мягких подставках, а также водяной гонг [4].

Существенное влияние на обновление ударной группы оказали и процессы межкультурного взаимодействия: в 1930-е годы с распространением латиноамериканской танцевальной музыки в оркестровую практику активно вводятся афро-кубинские ударные инструменты, а благодаря поискам Г. Коуэлла в академическую музыку начинают проникать инструменты азиатских и других неевропейских традиций (гонги, индийские «рисовые чаши» – джалатаранг) [4]. Эти сочинения стали важным этапом в становлении репертуара для ударных инструментов, продемонстрировав стремление композиторов к поиску новых тембров.

Дальнейшее развитие обозначенных процессов привело к формированию в музыке второй половины XX века сонористической тенденции. Подобный подход особенно ярко проявился в сочинениях К. Штокхаузена, Я. Ксенакиса, Д. Лигети, а также в произведениях для ударных инструментов, где исследование акустических свойств звука становится основой композиторского замысла: «Трансформируя традиционные характеристики звука (высоту, динамику, тембр, продолжительность

угасания) при помощи варьирования конструктивных характеристик и способов звукоизвлечения (разной длины венчиков у бубенчиков, игры на барабане кистью или палкой), композитор формирует оригинальную сонорную модальность» [3].

Одной из важнейших стилевых тенденций в музыке для ударных инструментов второй половины XX века становится переосмысление их роли в драматургической организации музыкального произведения. Показательным примером такого подхода является пьеса Мортона Фельдмана «The King of Denmark» (1964) для одного исполнителя на ударных инструментах. В этом сочинении композитор пересматривает природу перкуссионного звучания, полностью отказываясь от традиционного понимания ударных как источника активной ритмической энергии.

Напротив, звуковая ткань произведения строится на предельно тихой и разряженной в ритмическом отношении динамике и фактуре, подчеркнутом внимании к каждому звуку, большая часть которых извлекается руками, что придаёт звучанию особую хрупкость и камерность.

Драматургическое развитие в данном произведении осуществляется посредством строгой организации временного пространства: чередование коротких звуковых импульсов и длительных пауз формирует архитектонику сочинения. Таким образом, каждый звук, возникающий из тишины, приобретает значение самостоятельного драматургического события, а сама тишина является выразительным элементом музыкальной формы.

Другая стилевая тенденция связана с экспериментами в области музыкального театра. В таких сочинениях партия для ударных инструментов усложняется за счет введения новых тембров, которые появляются при использовании различных предметов человеческого быта. Так одному перкуссионисту в «Приключениях» (Aventures, 1962) и «Новых приключениях» (Nouvelle aventures, 1962–65) Д. Лигети [1] помимо традиционных ударных (ритмические коробочки, большой барабан, малый барабан, ксилофон, глокеншпиль, подвешенная тарелка и гуиро) требуется следующее: стойка с ковром и колотушкой; открытый деревянный ящик с четырьмя натянутыми на него резинками; наждачная бумага, приклеенная к полу, чтобы исполнитель шуршал по ней ногами; бумажные пакеты, которые надо надувать и затем хлопать; газета, коричневая

[1] Приключения» и «Новые приключения» написаны для колоратурного сопрано, альта, баритона, флейты, валторны, ударных, клавесина, фортепиано или челесты, виолончели и контрабаса

жиронепроницаемая бумага, папиросная бумага, кусок ткани, чтобы рвать и алюминиевая фольга, чтобы шуршать; игрушечная лягушка и воздушные шары, которые пищат при нажатии; книга, чтобы перелистывать страницы; пустой чемодан, по которому исполнитель будет наносить удары; металлическое мусорное ведро, в которое бросают посуду; жестяная банка и молоток [4].

Другая тенденция связана с радикальным усложнением метроритмической организации. Одним из наиболее показательных примеров стилевой тенденции «новая сложность» **(**new complexity**)** в репертуаре ударных инструментов конца XX века является сочинение Б. Фернихоу «Bone Alphabet» для ударной установки. Предельное усложнение метроритмической организации достигается введением нескольких ритмических пластов, в потоке которых каждому из стремительно сменяющих друг друга звуков, предписана индивидуальная динамика.

Одним из наиболее значимых факторов, определивших эволюцию ударного репертуара в последней трети XX столетия, стало активное взаимодействие академической традиции с неакадемическими музыкальными системами – прежде всего с джазом, африканской и латиноамериканской музыкой, а также с ритуально-фольклорными практиками Азии, Африки и Океании. Этот процесс привел к масштабному расширению инструментария, обогащению ритмического словаря.

Анализ произведений композиторов XX века для ударных инструментов позволяет выделить несколько основных стилевых тенденций, определяющих направления развития данной сферы: усиление сонористического начала, утверждение ударных инструментов как важнейшего средства драматургического развития, театрализацию исполнительского процесса, усложнение музыкального языка, а также активное взаимодействие с этническими музыкальными традициями. Каждая из этих тенденций отражает стремление композиторов к поиску новых выразительных ресурсов, расширению тембровой палитры и преодолению традиционных представлений о функциях ударных инструментов.

Литература:

1. Емелина, Е. Ю. «Приключения» и «Новые приключения» Д. Лигети: в звуковых «лабиринтах» / Е. Ю. Емелина // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2026. No 1. С. 57–68. DOI: 10.17674/2782-3601.2026.1.057-068.

2. Носков, М. В. Специфика художественно-выразительных преимуществ духовых и ударных инструментов и их реализация в творчестве композиторов и инструменталистов / М. В. Носков // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2007. – № 7. – С. 90-92.

3. Солдатов, И.А. Эволюция роли ударных инструментов в музыкальном искусстве XX века / И. А. Солдатов, М. Л. Зайцева // Музыкальное искусство и образование. – 2025. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-roli-udarnyh-instrumentov-v-muzykalnom-iskusstve-xx-veka (дата обращения: 26.04.2026).

4. Holland J., Page J. K. Percussion [Электронный ресурс] // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. 2nd ed. – London: Macmillan, 2001.

Овчинникова Л. А.
Ovchinnikova L.A.
магистрант
направленность (профиль) «Дефектология и логопедия»
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»

БОДИПЕРКУССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКЦИОННОГО МАРШРУТА У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ В СТРУКТУРЕ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

BODY PERCUSSION AS A CORRECTIVE TOOL FOR CHILDREN WITH SPEECH DELAYS IN SPEECH THERAPY SUPPORT

Аннотация. Данная статья посвящена обсуждению коррекционного потенциала бодиперкуссии или телесной перкуссии как эффективного инструмента логопедической работы с детьми, имеющими задержку речевого развития (ЗРР), в условиях комплексного психолого-педагогического сопровождения. Актуальность обусловлена тем, что в современной коррекционной педагогике всё чаще фиксируются случаи, когда классические логопедические подходы в коррекции ЗРР демонстрируют низкую результативность. Основная причина в несформированности у данной категории детей перцептивно-моторного фундамента речевой деятельности. Авторы подчёркивают, что указанный дефицит нередко остаётся вне фокуса внимания практикующих специалистов и не учитывается при подборе методов запуска речи, что существенно снижает эффективность коррекционного маршрута. На основе теоретико-методологический анализа нейропсихологических основ выявлено, что бодиперкуссия позволяет целенаправленно активировать глубинные сенсомоторные механизмы речи. Для детей с ЗРР благодаря своей игровой и телесно-ориентированной природе, создаёт устойчивую положительную мотивацию к речевой деятельности, снижает речевой негативизм и позволяет выстроить партнёрские отношения между ребёнком, педагогом и родителями, что делает её незаменимым компонентом коррекционного маршрута в структуре логопедического сопровождения.

Abstract. This article discusses the corrective potential of body percussion as an effective speech therapy tool for children with speech delays (SD) within the context of comprehensive psychological and pedagogical support. This article is relevant because modern special education increasingly sees cases where classical speech therapy approaches to the correction of SD demonstrate low effectiveness. The main reason is the immature sensorimotor foundation of speech activity in this category of children. The authors emphasize that this sensorimotor deficit often remains unnoticed by practitioners and is not considered when selecting speech-promoting methods, significantly reducing the effectiveness of interventions. A theoretical and methodological analysis of neuropsychological foundations revealed that body percussion allows for the targeted activation of underlying sensorimotor mechanisms of speech. For children with speech delay, its playful and body-oriented nature creates a stable positive motivation for speech activity, reduces negativity, and facilitates the development of partnerships between the child, teacher, and parents, making it an indispensable component of interventions within speech therapy support.

Ключевые слова: бодиперкуссия, задержка речевого развития, запуск речи, ритмическая организация деятельности, логопедическое сопровождение.

Keywords: body percussion, speech delay, speech stimulation, rhythmic organization

of activity, speech therapy support.

Современная логопедическая практика фиксирует неуклонный рост числа детей с задержкой речевого развития. Ключевым препятствием для эффективного применения традиционных методов запуска речи выступает нарушение у этих детей сенсомоторного фундамента речевой деятельности. Согласно данным нейропсихологии, любая речь базируется на чувстве ритма, слухо-моторных координациях, кинестетическом праксисе и способности к серийной организации движений [8, с. 258]. Однако именно эти базовые процессы у большинства детей с ЗРР остаются несформированными, чем и обусловлена низкая результативность классических логопедических подходов.

В последние годы в коррекционной педагогике активно обсуждается потенциал нейропсихологического подхода, в рамках которого развитие речи рассматривается в контексте общего психомоторного развития. Как отмечает Л.С. Цветкова, речевая деятельность опирается на совместную работу многих зон головного мозга, а её ритмическая организация является базовым условием становления связного высказывания. [8, с. 174]. Одним из наиболее доступных и эффективных инструментов в коррекционной работе по запуску речи у детей с ЗРР является бодиперкуссия — техника извлечения ритмических звуков с помощью собственного тела через хлопки, шлепки, топот, щелчки.

Цель настоящей статьи — представить теоретическое обоснование и раскрыть практический потенциал бодиперкуссии как инструмента коррекционного маршрута у детей с ЗРР в структуре логопедического сопровождения.

Бодиперкуссия представляет собой систему ритмических звуков, извлекаемых человеком с помощью собственного тела таких как хлопки, шлепки, притопы, щелчки. В музыкальной педагогике этот метод известен давно, однако его логопедический и психокоррекционный потенциал остаётся недооценённым. С позиции нейропсихологии, бодиперкуссия активирует теменно-височные и премоторные отделы коры, обеспечивающие кинестетическую основу речи и серийную организацию движений. В современной логопедической практике бодиперкуссия получила новое осмысление как инструмент коррекции речевых нарушений.

Эффективность бодиперкуссии при запуске речи у детей с ЗРР объясняется

несколькими механизмами. Во-первых, ритмическая организация деятельности является базовой функцией мозга, формирующейся на ранних этапах онтогенеза. У детей с ЗРР нередко наблюдается нарушение восприятия и воспроизведения ритма — способности, необходимой для овладения слоговой структурой слова, интонационным оформлением фразы, темпо-ритмической организацией высказывания [7 с. 352]. Бодиперкуссия позволяет тренировать чувство ритма в доступной, телесно-ориентированной форме, минуя речевые трудности. Во-вторых, бодиперкуссия способствует развитию межполушарного взаимодействия. При выполнении ритмических движений необходимо одновременно следить за структурой ритма и за движением тела, что требует координированной работы обоих полушарий [5 с. 242]. Это особенно важно для детей с ЗРР, у которых часто наблюдается нескоординированность связей между моторными и речевыми зонами мозга. В-третьих, метод работает на принципах сенсомоторной интеграции. Речь не может быть запущена изолированно от двигательной активности поскольку она активируется благодаря сенсомоторному опыту. Бодиперкуссия позволяет ребёнку сначала прожить ритм телом, а затем связать его со звуком и, наконец, со словом. Это соответствует онтогенетической логике развития, где двигательное развитие опережает и подготавливает речевое.

Основные перкуссионные элементы включают: притопы ногами, шлепки по коленям, хлопки в ладоши, щелчки пальцами [1 с. 311]. Внедрение метода предполагает последовательное прохождение этапов.

1. Знакомство с телом как инструментом. На этом этапе ребёнок знакомится с различными способами извлечения звуков собственным телом. Логопед демонстрирует, а ребёнок повторяет: топнуть ногой (громко/тихо), похлопать по коленкам (медленно/быстро), хлопнуть в ладоши (один раз/много раз). Важно, чтобы на этом этапе не было речевого сопровождения — только звуки и движения. Ребёнок учится слушать, различать и произвольно воспроизводить разные типы звуков.

2. Освоение простых ритмов. После того как отдельные жесты освоены, переходят к их комбинациям в простые ритмические формулы. Наиболее удобные базовые ритмы для дошкольников: «раз-два» (хлопок-хлопок), «раз-и-два» (хлопок-пауза-хлопок), «раз-два-три» (три равномерных удара). Ритмические схемы рекомендуется визуализировать с помощью карточек, где каждый жест обозначен

картинкой или символом.

3. Синхронизация ритма и речи. Наиболее важный этап для запуска речи. Сначала ребёнок под ритм воспроизводит отдельные слоги или звукоподражания «та-та», «би-би», «мяу». Затем — слоговые цепочки, соответствующие слоговой структуре слова «ма-ма» — два хлопка, «ко-шеч-ка» — три шлепка. Далее — слова и короткие фразы. Содержательный материал подбирается по лексическим темам, что позволяет параллельно решать задачи расширения словаря [2 с. 57].

Для детей младшего возраста, у которых полностью отсутствует активная речь, бодиперкуссия может стать первым мостиком к звукоподражанию. Логопед демонстрирует связь между определённым движением и соответствующим звуком, а ребёнок повторяет сначала только движение, затем пробует добавить звук. Постепенно звук становится самостоятельным, не требующим обязательного двигательного сопровождения. Одна из центральных проблем детей с ЗРР — нарушение слоговой структуры слова — это пропуски, перестановки, добавление лишних слогов. Бодиперкуссия позволяет структурировать слоговой состав слова через ритмическое отстукивание каждого слога соответствующим движением. Визуальные карточки с ритмическими схемами служат внешней опорой, которая постепенно усваивается и становится внутренним регулятором ритмической и речевой деятельности. При работе со старшими детьми бодиперкуссия используется на этапе автоматизации поставленных звуков. Ритмическое сопровождение делает многократное повторение однотипного речевого материала более интересным и снижает утомляемость ребёнка. Упражнения бодиперкуссии могут быть направлены и на импрессивную сторону речи: ребёнок слушает ритм, который отбивает логопед или воспроизводится в аудиозаписи, и определяет количественные и качественные характеристики ритмического рисунка — количество ударов, тип использованных движений, наличие акцентов, равномерность структуры. Это развивает слуховое внимание — ключевой компонент фонематического восприятия. Следовательно, бодиперкуссия охватывает базовые направления коррекционной работы при ЗРР: от формирования первичного звукоподражания и коррекции слоговой структуры слова до автоматизации звуков, и развития фонематического восприятия, что обеспечивает комплексное воздействие на импрессивную и экспрессивную стороны речи.

Необходимо учитывать, что бодиперкуссия — это не самостоятельный метод

логопедической коррекции, а инструмент, органично встраиваемый в общую систему логопедического сопровождения. Он не заменяет артикуляционную гимнастику, постановку звуков, развитие фонематического слуха, а работает параллельно, создавая сенсомоторную базу для их формирования. Эффективность метода существенно возрастает при соблюдении следующих принципов.

- Принцип от простого к сложному - начинать следует с крупных, хорошо видимых движений (топот, шлепки по коленям), постепенно переходя к более тонким (щелчки).
- Принцип визуализации - ритмические схемы обязательно должны быть представлены наглядно.
- Принцип положительного подкрепления - ошибки не фиксируются публично, акцент делается на успешных моментах.

Важно отметить универсальность метода так как он может использоваться не только логопедом на индивидуальных занятиях, но и воспитателем в режимных моментах, и родителями в домашних условиях. Бодиперкуссия выступает мощным связующим звеном, выводящим коррекционный процесс из зоны конфликта, тревоги и принуждения в зону совместного творчества, игрового взаимодействия и эмоционального принятия. Для родителя бодиперкуссия становится доступным и радостным инструментом помощи, позволяющим преодолеть чувство собственной некомпетентности и заменить позицию «строгого контролёра» на позицию «партнёра». Для ребёнка — это возможность быть успешным, координированным и понятым в присутствии самого важного взрослого, что является необходимым условием не только речевой, но и личностной гармонизации способствующий снижению тревожности, формированию базового доверия, адекватной самооценки и учебной мотивации. Для логопеда — это эффективный способ преодолеть разрыв между кабинетом и домом, превратить семью из пассивного исполнителя инструкций в активного и мотивированного участника коррекционного процесса.

Таким образом, бодиперкуссия выступает не в качестве альтернативы традиционной логопедической работе, а в роли её эффективного катализатора, органично встраиваясь в общую структуру логопедического сопровождения. Она не заменяет упражнения на постановку звуков или развитие лексико-грамматического строя, но значительно усиливает их результативность за счёт активации глубинных

механизмов речевой деятельности. Ключевое преимущество данного инструмента заключается в его опоре на фундаментальный сенсомоторный уровень организации речи — ритмическую способность, координацию движений и межполушарное взаимодействие. Для детей с ЗРР, чей путь запуска речи блокирован органическими или психологическими причинами, этот метод становится незаменимым инструментом преодоления речевого негативизма и формирования устойчивых речевых навыков, что аргументирует необходимость включение бодиперкуссии в систему логопедического сопровождения при разработке коррекционного маршрута для детей с задержкой речевого развития.

Литература:

1. Визель, Т. Г. Основы нейропсихологии. Теория и практика: учебник: 2-е изд., перераб. и доп. / Т. Г. Визель. — Москва: АСТ, 2021. — 544 с.

2. Волкова, Т. В. Организация инклюзивной образовательной среды в ДОО: учебно-методическое пособие / Т. В. Волкова, М. М. Прочухаева. — Москва: ТЦ Сфера, 2019. — 112 с.

3. Выготский Л. С. Основы дефектологии. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 332 с.

4. Крупенчук О.И., Витязева О.В. Движение и речь: Кинезиология в коррекции детской речи. Санкт-Петербург: Литера, 2019. — 48 с.

5. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Р. Лурия. — 4-е изд., стер. — Москва: Академия, 2006. — 380 с.

6. Микадзе, Ю. В. Нейропсихология детского возраста: учебное пособие / Ю. В. Микадзе. — Санкт-Петербург: Питер, 2025. — 288 с.

7. Семенович А. В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. — Москва: Генезис, 2023. — 474 с.

8. Цветкова Л. С. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: учебное пособие / Л. С. Цветкова. — 2-е издание. — Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. — 320 с.

Морозова Татьяна Анатольевна
Morozova Tatyana Anatolyevna
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
e-mail: wuxing@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» 中国梦 В ПРОГРАММНЫХ РЕЧАХ СИ ЦЗИНЬПИНА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

LINGUISTIC REPRESENTATIONS OF THE CONCEPTSPHERE "CHINESE DREAM" IN XI JINPING'S CHINESE-LANGUAGE POLICY SPEECHES

Аннотация. В статье исследуются языковые репрезентации концептосферы «Китайская мечта» (中国梦) в китайском политико-медийном дискурсе. Методом полевого моделирования, контент-анализа и интерпретативного анализа дискурса выявлена иерархическая структура данной концептосферы. Ядром выступает сам термин «中国梦», вокруг которого формируется приядерная триада «государство–нация–индивид», представленная концептами «сильное и богатое государство», «национальное возрождение» и «счастье народа». Ближнюю периферию образуют 24 иероглифа социалистических ценностей, связывающие государственные, общественные и личностные идеалы. Дальняя периферия включает устойчивые четырёхморфемные идиомы (чэнъюй), народные речения (яньюй) и изречения председателя КНР Си Цзиньпина, которые выполняют функции культурного шифрования, риторической эффективности и дискурсивной легитимации. На материале 50 публичных выступлений Си Цзиньпина количественно подтверждена равномерная частотность репрезентантов трёх уровней, что доказывает реальную функциональность трехуровневой структуры.

Abstract. The article examines the linguistic representations of the "Chinese Dream" conceptual sphere in Chinese political and media discourse. The hierarchical structure of the conceptual sphere is revealed by the method of field modeling, content analysis and interpretative analysis of discourse. The core is the term itself, around which the nuclear triad "state–nation–individual" is formed, represented by the concepts of "strong and rich state", "national revival" and "happiness of people". The near periphery is formed by 24 hieroglyphs of socialist values, linking state, social and personal ideals. The far periphery includes stable four-morphemic idioms (chengyu), folk sayings (yanyu), and sayings of Chinese President Xi Jinping, which serve as cultural encryption, rhetorical effectiveness, and discursive legitimation. Based on the material of Xi Jinping's 50 public speeches, the uniform frequency of representatives of three levels has been quantitatively confirmed, which proves the real functionality of the three-level structure.

Ключевые слова: концептосфера «Китайская мечта», политико-медийный дискурс, чэнъюй, яньюй, изречения Си Цзиньпина.

Keywords: the "Chinese Dream" conceptual sphere, media political discourse, idioms, proverb, President Xi Jinping’s authoritative discourse

Введение. Термин «Китайская мечта» (中国梦) давно вышел за рамки сугубо

политического лозунга, превратившись в трехуровневую концептосферу, аккумулирующую многовековые чаяния китайского народа. Это не просто абстрактная идея, а ядро коллективных представлений о справедливом обществе, всеобщем достатке и лидирующем месте Китая на мировой арене. Концептосфера «Китайская мечта» обладает сложной полевой структурой, включающей ядро, приядерную триединую зону, ближнюю и дальнюю периферию. Каждый уровень структуры находит своё уникальное языковое выражение — от кратких государственных девизов до янъюй и от пословиц до метафорических эпитетов.

Цель исследования: выявление, системное описание и иерархическое моделирование языковых репрезентантов концептосферы «Китайская мечта» (中国梦) в современном китайском политико-медийном дискурсе.

Материалом исследования выступают:

1. Лексико-фразеологический корпус китайского языка: ключевые термины и устойчивые выражения, репрезентирующие «Китайскую мечту» на государственном, национальном и индивидуально-личностном уровнях, языковые репрезентанты дальней периферии концептосферы (чэнъюй, яньюй и эпитеты).

2. Корпус авторитетного дискурса: 50 публичных выступлений председателя Си Цзиньпина в средствах массовой информации за период 2023 – 2026 гг.

Методы исследования:

-полевое моделирование концептосферы «Китайская мечта» для выделения ядерных и периферийных смыслов;

-количественный контент-анализ — для подсчёта частотности ключевых репрезентантов в корпусе выступлений Си Цзиньпина;

-интерпретативный анализ дискурса — для выявления функциональных ролей чэнъюй, яньюй и изречений Председателя КНР;

-сравнительный метод — для сопоставления репрезентаций на государственном, национальном и индивидуальном уровнях концептосферы «Китайская мечта».

Результаты исследования: в данной статье рассматриваются основные языковые репрезентанты концептосферы «Китайская мечта» в их иерархическом взаимодействии.

1. Ядро и приядерная зона: в центре концептосферы находится сам термин «Китайская мечта» (中国梦), который служит смысловым ядром, организующим всю

периферию. Вокруг ядра формируется приядерная структура, представленная тремя уровнями — государственным, национальным и индивидуальным. На государственном уровне (**国家**层面) ключевой репрезентацией выступает концепт «сильное и богатое государство» (**国家富强**). Этот концепт аккумулирует эпоху экономического процветания и национальной мощи, позволяющей Китаю быть ведущим глобальным игроком на мировой арене. Национальный уровень (**社会**层面) представлен концептом «национальное возрождение» (**民族振兴**). Здесь акцент смещается с государства как института на нацию как историко-культурную общность. Языковое выражение этого концепта отсылает к травматическому опыту «века унижений Китая» и стремлению восстановить былое величие. Индивидуальный уровень— «счастье народа» (**人民幸福**) — связывает макро- и микроперспективы. Именно эта триада (государство — нация — индивид) задаёт базовую систему координат, в которой позднее разворачиваются более частные ценности: патриотизм (爱国), преданность работе (**敬**业), честность (诚信) и дружелюбие (**友**). Последние два элемента дословно повторяются в индивидуально-личностных ценностях ближней периферии, что свидетельствует о высокой степени когерентности всей концептосферы [1].

2. Ближняя периферия 边缘: следующий слой концептосферы занимают «Базовые принципы в китайской ценностной картине мира» — знаменитые 24 иероглифа социалистических ценностей (**社会主**义二十四字核心价值观), организованные по трём уровням. Первый уровень (государственный) включает: богатство и могущество (**富**强), власть народа (**民主**), культуру / образованность (**文明**), гармонию / согласие (**和**谐). Второй уровень (общественный) представлен ценностями: свобода (**自由**), равенство (**平等**), справедливость (**公正**), верховенство права (**法治**). На этом уровне концептосфера «Китайской мечты» соприкасается с универсальными правовыми и социальными идеалами, однако их конкретное наполнение определяется государственным дискурсом. Третий уровень (индивидуально-личностный) дублирует уже упомянутые категории: патриотизм (爱国), преданность работе (**敬**业), честность (诚信), дружелюбие (**友善**). Таким образом, ближняя периферия не просто дополняет ядро, но и образует с ним тематические связи, где государственные и общественные ценности проецируются на личность [4].

3. Дальняя периферия (чэнъюй, яньюй и эпитеты): следующий слой концептосферы образуют устойчивые четырёхморфемные выражения (чэнъюй) 为**四字构成的成**语, народные пословицы/яньюй (颜语), эпитеты (**修**饰语) и изречения лидеров (**名言**).

Чэнъюй фиксируют ключевые духовные параметры «Китайской мечты»:

团结奋进 («объединение и движение вперёд») — духовный принцип мечты;

创新发展 («инновационное развитие») — её движущая сила;

勤劳坚韧 («трудолюбие и упорство») — превосходные качества нации;

和谐稳定 («гармония и стабильность») — социальная среда обитания мечты;

爱国奉献 («патриотизм и самоотдача») — индивидуальная ценность.

Четырёхморфемная форма придаёт этим выражениям ритмическую завершённость и мнемоническую лёгкость, что делает их идеальными для масс-медийного дискурса. Например, «Шэньчжоу» исполняет мечту **神舟**圆梦(«Шэньчжоу» — серия китайских космических кораблей; выражение символизирует осуществление мечты об освоении космоса); столетняя мечта сбылась **百年梦**圆 (речь о «китайской мечте» — осуществление чаяний, накопленных за столетие); государство богато, народ силён **国富民**强; свобода и демократия **自由民主** .

В масс-медийном дискурсе китайские паремии (к которым относятся и яньюй) могут использоваться как способ утверждения абсолютной истины или убедительного доказательства или как культурное шифрование, отсылая к историческим событиям, литературным текстам, философским концепциям, создавая общее культурное поле [6]. Например: «каждый несёт ответственность за судьбу Родины» **国家**兴亡，**匹夫有**责 — классическая формула, связывающая личную и коллективную ответственность; «китайская нация — одна семья, и мы вместе строим Китайскую мечту» **中**华民族一家亲，**同心共筑中国梦** — подчёркивает этническое единство; «процветание и могущество Родины, счастье и здравие народа»; «Концепция тесного единства национальной мощи и народного счастья утверждает, что конечная цель Китайской мечты — это всецело благо народа» **祖国繁荣昌盛，人民幸福安康**”、“**祖国昌盛，民族复**兴; «Единство нации — сообща строим Китайскую мечту»; «Единство нации — процветание страны» **民族**团结，**共筑中国梦**”、“**民族**团结，**国家繁荣**”。

4. Авторитетный дискурс (изречения Председателя КНР Си Цзиньпина):

Анализ языковых репрезентаций концептосферы «Китайская мечта» на материале программных речей (50 публичных выступлений в СМИ) Си Цзиньпина в период с 2023 по 2026 гг показал:

•для концепта «сильное и богатое государство»: 65 референсов (сильное государство 强国, процветающее и сильное государство **富**强, великая держава 伟大国家, усиливать Китай **加**强中华);

•для концепта «национального возрождения»: 63 референса (великое возрождение китайской нации **中**华民族伟大复兴; возрождение народа **人民振**兴; великое дело возрождения нации **民族复**兴伟业; возрождение великого народа 伟大人民复兴);

•для концепта «счастья народа»: 64 референса (счастье народа **人民幸福**; **共同富裕** всеобщее богатство **共同富裕**; благополучие **福祉**; обогащать народ **丰富人民**; всеобщее процветание **共同繁荣**).

Завершают картину языковых репрезентаций цитаты председателя Си Цзиньпина, которые занимают особое место — они одновременно и принадлежат дальней периферии, и обладают авторитетным статусом, близким к ядру. Эти изречения задают нормативные рамки интерпретации — они цитируются в СМИ, учебниках и публичных выступлениях, формируя канонический подкорпус языковых репрезентаций. Среди ключевых высказываний:

1. “实现中华民族伟大复兴的中国梦，**就是要**实现国家富强、民族振兴、人民幸福。” / Осуществить великое возрождение китайской нации — значит сделать страну могущественной, возродить народный дух и даровать счастье каждому человеку» (слова Си Цзиньпина глубоко раскрывают суть и цель китайской мечты: стремление к процветанию державы, духовному подъёму нации и благоденствию народа).

2. “**空**谈误国，实干兴邦。我们这一代共产党人一定要承前启后、继往开来，**把我**们的党建设好，团结全体中华儿女把我们国家建设好，**把我**们民族发展好，继续朝着中华民族伟大复兴的目标奋勇前进。”/ «Китайская мечта — это, в конечном счёте, мечта народа. Она должна осуществляться, опираясь на народ, и неустанно приносить благо народу» (подчёркивается, что народ находится в самом сердце этой мечты. Её

воплощение требует всеобщего участия и общих усилий, а её плоды должны принадлежать всем без исключения).

3. “**中国梦**归根到底是人民的梦，**必**须紧紧依靠人民来实现，**必**须不断为人民造福。” / «Пустые речи ведут к гибели страны, лишь деяния возвеличивают её. Мы, нынешнее поколение коммунистов, должны, связуя прошлое с грядущим, укрепить нашу партию, объединить всех сынов и дочерей Китая, чтобы воздвигнуть процветающую державу, развить наш народ и неуклонно идти вперёд к великому возрождению китайской нации» — эти слова призывают к действию, подлинному труду, без которого мечта останется лишь звуком.

4. “**中国梦是**历史的、现实的，**也是未来的**；**是我**们这一代的，**更是青年一代的**。**中**华民族伟大复兴的中国梦终将在一代代青年的接力奋斗中变为现实。” / «Китайская мечта принадлежит истории, настоящему и будущему; она — наша, но прежде всего — молодых поколений. Великое возрождение китайской нации однажды станет явью, переходя из рук в руки, из поколения в поколение, в бесконечной эстафете юных сердец» — говорится о преемственности времён и о том, что юности суждено стать главной движущей силой этого великого свершения.

5. “实现中华**民族**伟大复兴的中国梦，**离不开全体中**华儿女的共同奋斗。” / «Осуществить великое возрождение китайской нации немыслимо без единого, сплочённого усилия всех сынов и дочерей Китая» — эта мысль вновь утверждает: только когда весь китайский народ, как один, устремится к общей цели, возможно приблизить час возрождения Поднебесной.

Заключение.

Концептосфера «Китайская мечта» организована как многоуровневое семантическое поле с жёстким ядром и постепенно размывающейся, но функционально нагруженной периферией. Ядро (термин «**中国梦**») и приядерная триада обеспечивают смысловую стабильность, ближняя периферия (социалистические ценности) связывает государственные идеалы с общественными и личными нормами, а дальняя периферия (чэнъюй, яньюй, изречения Си Цзиньпина) отвечает за риторическую эффективность, культурную укоренённость и авторитетную легитимацию концепта в китайском политико-медийном дискурсе.

Цитаты председателя Си Цзиньпина («Китайская мечта — это мечта народа»,

«пустые речи ведут к гибели страны, лишь деяния возвеличивают её») выполняют функцию дискурсивной легитимации. Они не только транслируют, но и конституируют смыслы концептосферы, задавая обязательные для медийного и политического дискурса интерпретационные схемы. Контент-анализ 50 выступлений Си Цзиньпина показал практически равную частотность репрезентантов трёх уровней концептосферы «Китайская мечта»:

«сильное и богатое государство» (65 референсов); «национальное возрождение» (63 референса); «счастье народа» (64 референса). Полученные данные доказывают, что трехуровневая структура концептосферы является не декларативной, а реально работающей структурной основой. Исследование выявило высокую степень согласованности между уровнями: ценности индивидуального уровня (патриотизм, честность, дружелюбие) дублируются в ближней периферии, а чэнъюй закрепляют ценностные ориентиры и базовые концепты ядра, что свидетельствует о целостности концептосферы, где ближняя и дальняя периферия усиливают друг друга.

Перспективы дальнейших исследований включают: сопоставительный анализ концептосферы «Китайская мечта» в китайском и зарубежном медийном дискурсе; диахроническое исследование эволюции языковых репрезентантов концептосферы «Китайская мечта»; экспериментальное исследование восприятия концептосферы «Китайская мечта» разными возрастными и социальными группами носителей китайского языка.

Литература:

1. Морозова Т.А., Новикова О.С. Семантика цветовых репрезентаций концептосферы “китайская мечта” и “японская мечта” в китайской и японской концептуальных картинах мира // Мир науки, культуры, образования. 2025. - № 6 (115). С. 514-518

2. Морозова Т.А. Концептосфера “Национальная мечта” в китайской и японской концептуальных картинах мира / Т.А. Морозова, О.С. Новикова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — №3 (153). — URL: https://research-journal.org/archive/3-153-2025-march/10.60797/IRJ.2025.153.122 (дата обращения: 30.04.2026). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.122.

3. Морозова Т.А. Языковые репрезентации национального концепта 梦 «мечта»

как ядра ценностной картины мира в китайской и японской лингвокультурах / Т.А. Морозова, О.С. Новикова // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 4 (107). — С. 418–421. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-4107-418-421.

4. Khriplya T.S., Issers O.S. The national idea of the “Chinese dream” in the polycode texts of public service announcements of the people’s Republic of China. In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2023, 16(6), 973–990. EDN: ZIOXST

5. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М: Эксмо, 2015.

6. Люй Цзинвэй. Трансформация китайских паремий в российском масс-медийном дискурсе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 128-132. ISSN 1997-2911.

7. Зуенко, И. Китай эпохи Си Цзиньпина: полдень, XXI век / И. Зуенко. — Москва: АСТ, 2024. — 320 с.: фот. цв. — (Экономические миры). — ISBN 978-5-17-159611-8.

Морозова Татьяна Анатольевна
Morozova Tatyana Anatolyevna
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
e-mail: wuxing@yandex.ru

ЦВЕТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЕГО 蓝色 И ГОЛУБОГО ЦВЕТА 中国蓝 В КОНЦЕПТОСФЕРЕ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»

COLOR REPRESENTATION OF BLUE 蓝色 AND BLUE 中国蓝 IN THE CONCEPT SPHERE OF THE "CHINESE DREAM"

Аннотация. В рамках семантико-когнитивного подхода в статье анализируются цветовые репрезентации синего (蓝色) и голубого (中国蓝) в концептосфере «Китайская мечта» на материале серии почтовых марок «Китайская мечта». Основное внимание уделяется смысловым коннотациям и ассоциативным связям цветообозначений, проявляющимся на государственном, национальном и индивидуально-личностном уровнях концептосферы. Показано, что цвет закреплен за двумя различными уровнями концептосферы “китайская мечта”: космический синий — за государственным, а небесно-голубой — за индивидуально-личностным. Формулируется вывод о формировании в культуре Китая новой устойчивой ассоциации — «голубая мечта» (蓝色的梦) — как самостоятельного семиотического кода, интегрирующего модернизацию, традицию и личностный смысл. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью цветовой семиотики в политической коммуникации и визуальной пропаганде КНР.

Abstract. Within the framework of a semantic-cognitive approach, the article analyzes the color representations of blue (蓝色) and sky blue (中国蓝) in the conceptual sphere of the "Chinese Dream," based on the series of postage stamps "Chinese Dream." The focus is on the semantic connotations and associative links of color terms as they manifest at the state, national, and individual-personal levels of the conceptual sphere. It is demonstrated that the color is assigned to two distinct levels of the "Chinese Dream" conceptual sphere: cosmic blue corresponds to the state level, while sky blue corresponds to the individual-personal level. The study concludes that a new stable association — the "Blue Dream" (蓝色的梦) — is emerging in Chinese culture as an independent semiotic code that integrates modernization, tradition, and personal meaning. The relevance of the work is determined by the growing role of color semiotics in political communication and visual propaganda in the People's Republic of China.

Ключевые слова: китайская мечта, синий цвет, голубой цвет, цветовые репрезентации, концептуальная картина мира, семиотика цвета, государственная идеология, национальная идентичность.

Keywords: Chinese Dream, blue color, sky blue color, color representations, conceptual worldview, color semiotics, state ideology, national identity.

Эмпирической базой исследования выступает серия почтовых марок «Китайская мечта», представляющих визуальную репрезентацию национальных символов в

концепции «китайской мечты» 中国梦 на трех уровнях: государственный уровень 国家层面, национальный уровень 社会层面 и индивидуальный уровень 个人层面. Анализируемый филателистический материал позволяет раскрыть механизмы визуальной репрезентации официальной идеологии КНР, символические коды эстетики цвета и способы конструирования культурной идентичности в современном Китае. С 2013 года «Китайская мечта» занимает положение центрального идеологического конструкта, а цветовая семиотика становится неотъемлемым компонентом политической коммуникации с идеологической функцией на трёх уровнях концептосферы «Китайская мечта». Обращение к цветовым репрезентациям в китайской концептуальной картине мира даёт возможность проследить, как визуальные и колористические элементы встраиваются в систему массовой пропаганды и участвуют в оформлении национального дискурса в азиатском контексте.

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа современных практик визуальной коммуникации, политической семиотики, а также филателии как феномена массовой культуры, играющего консолидирующую роль в национально-культурной специфике политического дискурса в Китае.

С момента официального выдвижения в 2012 году концепция «Китайской мечты» (中国梦) стала центральным элементом государственной идеологии КНР. Одним из наиболее системных и массовых каналов визуальной репрезентации «Китайской мечты» стала серия почтовых марок, выпущенная Министерством связи КНР в 2013–2015 годах. Марочные серии представляют собой не просто филателистическую продукцию, а продуманную семиотическую систему, в которой каждый цвет несёт строго определённую смысловую нагрузку. Особый интерес в рамках этой системы представляет трансформация семантики синего и голубого цветов, представленная на первой и третьей серии почтовых марок:

Первая серия (29 сентября 2013 г.) — слоган «Процветающая и сильная страна» (国家富强);

Третья серия (25 июля 2015 г.) — слоган «Счастье народа» (人民幸福).

В традиционной китайской культуре эти цвета, связанные с небом, водой и верховным божеством, обладали сакральным, но достаточно абстрактным значением. В современной интерпретации «Китайской мечты» они приобрели принципиально новые

коннотации, связанные с научно-техническим прогрессом, глобальным сотрудничеством, экологической гармонией и личным счастьем граждан.

На государственном уровне, где доминирует задача демонстрации национальной мощи и технологического лидерства, основным цветом выступает космический синий 蓝色. Согласно анализируемым данным, выбор синего фона для этих сюжетов не случаен (Таблица 1). Синий цвет в данном контексте символизирует необъятность Вселенной и дух научно-технических инноваций в аэрокосмической сфере. Более того, он выполняет важную внешнеполитическую функцию: как символ неба и океана, синий цвет отражает открытое отношение Китая к глобальному сотрудничеству. Это позволяет снять возможные обвинения в китайском изоляционизме или глобальном гегемонизме, представляя технологический рост сверхдержавы как вклад в глобальную экономику. Особого внимания заслуживает концепция «синей экономики» (国际蓝理念). В китайской интерпретации эта концепция не ограничивается признанием роли океанов в мировой экономике. Она подчёркивает высшую мудрость народа и всеобъемлющее развитие, перекликаясь с инициативами глобального управления и идеей сообщества с общей судьбой человечества [1].

Таблица 1. Цветовые репрезентации национальных символов КНР на государственном уровне

Объект	Символическое значение
Стыковка пилотируемого корабля «Шэньчжоу» с модулем «Тяньгун-1» (Небесный дворец)	Освоение космоса, технологическая независимость
Спутниковая навигационная система «Бэйдоу» (Северный Ковш)	Национальная гордость, обороноспособность, стратегическая автономия и суверенитет в технологической сфере
Авианосец ВМС НОАК «Ляонин»	Военно-морская мощь, статус морской державы
Пилотируемый глубоководный батискаф «Цзяолун» (мифический дракон)	Освоение мирового океана, научный потенциал

Таким образом, синий цвет на государственном уровне связывает технологические достижения (космос, флот, навигация) с концепцией внешней политики КНР. Важно отметить, что синий цвет приобретает динамическое измерение: он символизирует не статичное могущество, а движение вперёд, прорыв в будущее. Орбитальный модуль «Тяньгун» и пилотируемый корабль «Шэньчжоу» на марках

изображены в процессе стыковки — это метафора соединения прошлого и будущего, традиции и инновации.

Индивидуально-личностный уровень концептосферы «Китайская мечта» представлен небесно-голубым цветом счастья и надежды. Если на государственном уровне синий цвет акцентирует впечатляющие достижения Китая на мировой арене, то на индивидуально-личностном уровне голубой цвет обращён к повседневной жизни обычного человека. Третья серия марок «Китайская мечта — счастье народа» выполнена в небесно-голубой гамме с добавлением оранжевых и жёлтых акцентов, создающих атмосферу тепла и уюта. Марочные сюжеты на голубом фоне 中国蓝 изображают семьи, живущие в мире и достатке, детей, играющих на безопасных улицах, пожилых людей, занимающиеся оздоровительной гимнастикой тайцзи, городское озеленение и благоустройство. Голубой цвет здесь выступает активным семиотическим агентом, встроенным в систему культурного кода. В китайском публичном дискурсе закрепилось устойчивое словосочетание «голубая мечта» (蓝色的梦), которое стало синонимом «китайской мечты» на её личностном уровне [2].

Разграничение синего и голубого цветов на двух уровнях концептосферы «китайская мечта» выполняет две идеологические задачи (Таблица 2). Важно различать космический синий (государственный уровень) и небесно-голубой (индивидуальный уровень), так как они выполняют разные, хотя и взаимодополняющие функции.

Таблица 2. Репрезентация синего и голубого цветов в концептосфере «Китайская мечта»

Параметр	Космический синий (государственный уровень)	Небесно-голубой (индивидуальный уровень)
Оттенок	Насыщенный, глубокий, «космический»	Светлый, пастельный, «небесный»
Семантика	Технологии, оборона, глобальное лидерство	Счастье, надежда, экологическое благополучие
Дополнительные цвета	Отсутствуют	Оранжевый, жёлтый (теплота, уют)
Ключевые репрезентанты	Космические корабли, спутники, авианосец	Семья, дети, медицина, голосование
Масштаб	Макроуровень (страна, цивилизация, космос)	Микроуровень (человек, семья, община)
Временная ориентация	Будущее (прорыв, инновация)	Настоящее (качество жизни здесь и сейчас)

Несмотря на различие оттенков, оба цветовых кода объединяет одна

принципиальная черта - отсутствие отрицательных коннотаций. В традиционной китайской культуре синий могли иногда ассоциироваться с низкими социальными статусами (например, синяя одежда простолюдинов в отдельные исторические периоды). В современной концепции «китайской мечты» эта амбивалентность полностью снята. Более того, синий и голубой цвета в китайском контексте несут исключительно позитивные, устремлённые в будущее смыслы [3].

Формирование новой культурной ассоциации: от традиционного Неба к «голубой мечте».

В традиционной китайской культуре синий цвет (蓝色) и открытое пространство неба и моря были связаны с верховным божеством — Небом (天). Начиная с эпохи Мин (XIV–XVII вв.), Небо выступало как высший источник легитимности, безличный и всеобщий порядок. Император был Сыном Неба, но простой человек не имел прямого доступа к цветовой символике. Новая ассоциация, которая формируется в концептосфере «Китайская мечта», заключается в фундаментальном сдвиге: синий и голубой цвета перестают быть исключительно «небесными» и становятся человекоцентричными — связанными с наукой, технологиями, экологией, личным счастьем и повседневным благополучием. Смену вектора можно представить в виде ключевых измерений:

1. Технологическое измерение. Синий цвет закрепляется за достижениями, которые ранее не имели цветового кода в традиционной культуре: космическая станция, навигационная система, глубоководный батискаф. Синий становится цветом преодоления границ — как вверх (космос), так и вглубь (океан). Это радикально новый для китайской цветовой семиотики ареал значений.

2. Экологическое измерение. В рамках стратегии «пять в одном» (五位一体战略) синий цветовой код китайской мечты 中国梦中 “蓝色象征” репрезентует стремление к научно-техническому развитию и экологической цивилизации, подчёркивая баланс между экономическим ростом и экологической устойчивостью (водные ресурсы, чистота воздуха и международные экологические программы) [3]. Здесь цвет выступает как маркер качества жизни — осязаемый, визуально верифицируемый показатель успеха политики.

3. Личностно-психологическое измерение. На индивидуальном уровне голубой

цвет выполняет функцию, которая ранее была нехарактерна для китайской государственной пропаганды. Он апеллирует к внутреннему миру человека, его надеждам, мечтам и эстетическим переживаниям. Голубой не приказывает и не мобилизует (как красный), а приглашает к соучастию, спокойной рефлексии и личному целеполаганию. Эта «мягкая сила» - наиболее эффективная форма идеологической интеграции трех уровней «Китайской мечты».

4. Геополитическое измерение. Через концепцию «синей экономики» 蓝色经济 и образ «открытого отношения к глобальному сотрудничеству» синий цвет включается в дискурс международных отношений КНР. Он противопоставляется с одной стороны «жёлтой» (сухопутной, традиционно-аграрной) парадигме, а с другой — «красной» (революционно-идеологической, мобилизующей). Синий репрезентует образ Китая как технологической ответственной глобальной державы.

Результаты проведённого анализа раскрывают значимость новой цветовой символики в контексте современной китайской культуры. В рамках концепта «Китайская мечта» оформилась иерархическая цветовая модель на трех уровнях, где красный на государственном уровне воплощает идеи мощи, преемственности революционных ценностей и патриотизма; синий, символизируя инновации, суверенитет и стремление к глобальному лидерству на национальном уровне концептосферы, а голубой — связан с индивидуально-личностной плоскостью и ассоциируется с счастьем, надеждой и экологическим благополучием.

В современной интерпретации концепции «Китайской мечты» произошла трансформация символического статуса синего цвета. Цвет «приближается» к гражданам через понятные образы: чистое небо, прозрачная вода, безопасные образовательные учреждения и благоустроенные общественные пространства. Сакральность синего обретает светский характер, превращаясь в символ научно-технического прогресса и глобальной роли Китая. Концепт «неба» утрачивает трансцендентный смысл и становится метафорой национальных достижений.

Семантика синего и голубого подчеркивает синтез традиций и модернизации и в контексте «китайской мечты» ориентирована на будущее - цвета воплощают идеи освоения космоса, развития цифровой экономики, экологической модернизации и технологических инноваций. При этом сохраняется связь через образ неба с традиционной космологией, через ценности «чистоты» и «глубины» — с философскими

концепциями конфуцианства и даосизма.

Для концептосферы «Китайская мечта» значимой трансформацией стало закрепление за голубым цветом функций мотивации и эмоциональной регуляции в рамках государственной идеологии. Концепция «голубой мечты» объединяет национальный проект и личные устремления, формируя ощущение спокойной уверенности в условиях стремительных социально-экономических преобразований. Концепт «голубая мечта» (蓝色的梦) превратился в самостоятельный культурный феномен, активно используемый в различных сферах (медиапространство, систмеа образования, дизайн общественных пространств) [4].

Синий и голубой цвета сформировали новый семиотический код и помимо традиционных ассоциаций с небом и водой стали обозначать научно-технический прогресс, экологическую гармонию, личную надежду и стремление Китая к глобальному лидерству.

Заключение. Анализ серии почтовых марок «Китайская мечта» демонстрирует, что синий и голубой цвета пережили в современной китайской культуре семантическую революцию. Они превратились в многослойные инструменты государственной идеологии, визуальной коммуникации и личной мотивации. Космический синий символизирует технологический суверенитет и глобальные амбиции Китая, тогда как небесно-голубой — счастье, надежду и экологическое благополучие каждого гражданина. Эта новая цветовая ассоциация органично вписывается в более широкую стратегию визуального конструирования национальной идентичности. «Голубая мечта» стала таким же узнаваемым символом современного Китая, как и «красная мечта» (государственная мощь), но при этом она обращена к внутреннему миру человека, его надеждам и повседневной жизни. Именно эта двунаправленность — вверх, к космическим достижениям, и вглубь, к личному счастью — обеспечивает сине-голубой цветовой гамме особую эффективность как инструмента массовой визуальной пропаганды и культурной интеграции.

Литература:

1. Морозова Т.А., Новикова О.С. Семантика цветовых репрезентаций концептосферы “китайская мечта” и “японская мечта” в китайской и японской концептуальных картинах мира. Мир науки, культуры, образования. 2025. - № 6 (115).

С. 514-518

2. Морозова Т.А. Визуальная репрезентация концепта «китайская мечта» на почтовых марках. Russian Linguistic Bulletin. – 2026. – №1 (73)

3. Го Х. Эстетика цвета в Китае. От бутона лотоса до яшмы небесных вод. Москва: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2023.

4. Го Х., Ли Ц. Краски Запретного города. Традиционные цвета Китая. Москва: Издательство «Колибри», 2025

5. Симпсон П. Код цвета. Небесный голубой, газетный желтый, королевский фиолетовый и другие оттенки. Москва: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2025.

6. 《中国梦—人民幸福》特种邮票 2015 年 11 月 09 日. Available at: http://finance.people.com.cn/n/2015/1109/c216612-27791839.html

Григорьева Елизавета Алексеевна
Grigorieva Elizaveta Alekseevna
аспирант
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТРЕВЕЛ-ДИСКУРСЕ

IMPLEMENTATION OF THE COMMUNICATIVE STRATEGY OF DISCURSIVE POSITIONING THROUGH EXPRESSIVE LEXICAL MEANS IN GERMAN-LANGUAGE TRAVEL DISCOURSE

Аннотация. В работе рассмотрены способы применения экспрессивных лексических единиц как инструментов реализации коммуникативной стратегии дискурсивного позиционирования в текстах немецкоязычной туристической блогосферы; приведены актуальные примеры использования указанной стратегии.

Abstract. The work examines methods of employing expressive lexical units as tools for implementing the communicative strategy of discursive positioning in texts of the German-language tourist blogosphere; relevant examples of the use of this strategy are provided.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, экспрессивность, экспрессивная лексика, тревел-блог, туристический дискурс, дискурсивное позиционирование.

Keywords: communicative strategy, expressiveness, expressive lexicon, travel blog, tourist discourse, discursive positioning.

Современный немецкоязычный тревел-дискурс находится на стыке нескольких дискурсов: так, будучи частью более глобального туристического дискурса, ввиду развития тревел-блогинга как одного из способов Интернет-коммуникации можно также говорить и об Интернет-дискурсе. Сочетание особенностей нескольких дискурсов влияет и на форму, и на содержания текстов тревел-блогов; в частности, Интернет-платформы для ведения блогов стали площадкой для непрямого маркетинга – неотъемлемой составляющей продвижения туризма и связанных с этой сферой товаров и услуг, что позволяет говорить и о включении в рекламный дискурс. Необходимость оказывать непрямое воздействие определила активное применение коммуникативных стратегий, которые позволяют реализовать аттрактивное или персуазивное воздействие на читателя блога. О. С. Иссерс характеризует понятие коммуникативное стратегии следующим образом: это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», включающий в себя планирование процесса общения, а также его реализацию с учетом отдельно взятой коммуникативной ситуации» [1, 70]. При этом исследовательница отмечает, что не

существует единой универсальной коммуникативной стратегии: инструменты стратегии (то есть лексические, синтаксические средства, используемые при создании текста) воспринимаются различными адресатами сообщения по-разному и выполняют разные функции в зависимости от контекста всего сообщения и каждой фразы в отдельности. В связи с этим можно, с одной стороны, говорить о большом разнообразии коммуникативных стратегий и их полифункциональности, а с другой – о сложности их типологизации ввиду постоянной изменчивости в рамках каждого уникального речевого акта.

Тем не менее, если попытаться классифицировать коммуникативные стратегии с точки зрения характера их воздействия, то можно выделить следующие виды.

Ю.К. Пирогова выделяет позиционирующий и оптимизирующий типы стратегий коммуникации: первые позволяют сформировать определенный имидж продвигаемого товара или услуги, в случае рекламного дискурса в большинстве своем позитивный, с помощью вторых с помощью формирования общей с целевой аудиторией картины мира и ценностей повышается привлекательность продвигаемого товара или услуги, что усиливает общее персуазивное воздействие [3]. В группе позиционирующих коммуникативных стратегий выделяют, к примеру, стратегии дифференциации, с помощью которых автор может акцентировать внимание на рекламируемом товаре, выделяя его среди прочих, стратегии присвоения оценочных значений, подчеркивающие положительные свойства товара. В дополнение к данной типологии М.В. Терских, исследуя специфику рекламных текстов, отмечает также возможность выстраивания дискурсивного позиционирования самого автора сообщения с помощью демонстрации социального положения и ролей, а также с помощью тактики надевания речевой маски, сближающей автора с аудиторией и сообщая ей требуемые ценности [4; 5, 164–175]. Таким образом, стратегия дискурсивного позиционирования еще больше «сужает» направленность текста тревел-блога, выделяя в рамках тревел-дискурса более специфические подтипы.

Обратимся к нескольким примерам из блога sonne-wolken.de (немецкоязычного блога, активного на момент проведения исследования).

Стратегия дискурсивного позиционирования часто применяется в более узких сферах туризма, например в сфере туризма с маленькими детьми. Это отдельная специфическая ниша со своими требованиями и особенностями целевой аудитории,

когда маршруты и туристические аттракторы планируются в первую очередь с точки зрения того, насколько они подходят для ребенка. Эти условия отражаются и в языковой личности блогера: тексты этого сегмента в большинстве случаев более экспрессивны, так как ключевую роль играет эмоциональное состояние мамы-блогера; при этом автор обращается к так называемой детской лексике, сниженным, разговорным или сленговым выражениям, как к инструменту стратегии согласования языка и картин мира.

Noch ein Hinweis: Falls ihr euch genau für unser Ferienhaus interessiert und selbst sehr kleine Kinder habt an dieser Stelle nur eine kleine Warnung: Das Häuschen ist super süß und gemütlich eingerichtet, allerdings steht auch einiges auf Kleinkindhöhe herum, für das sich neugierige Frechdachse (wie unserer) interessieren könnten. Um meine Nerven zu schonen hätte ich mich rückwirkend wohl für ein „schlichter“ eingerichtetes Ferienhaus entschieden – aber hey, man lernt beim Reisen (mit Kind) halt auch immer wieder dazu.

Ещё одна подсказка: если вы действительно заинтересовались нашим домиком для отпуска и у вас есть совсем маленькие дети, то вот небольшое предупреждение. Сам домик обставлен супер мило и уютно, но на уровне роста малышей стоит много всего, что может заинтересовать любопытных сорванцов (таких как наш). Чтобы поберечь свои нервы, я бы задним числом выбрала, пожалуй, обстановку «попроще» — но, эй, путешествуя, особенно с детьми, всегда учишься чему-то новому.

Прагматическая функция данного текста заключается одновременно в информировании о потенциальной проблеме и в то же время в демонстрации роли ответственной матери, которой, однако, приходится сталкиваться с теми же сложностями, что и читательницам блога. Блогер применяет тактику надевания маски и нарочито упрощает язык, используя диминутивную форму, образованную суффиксальным способом (Häuschen), высокочастотные позитивные эпитеты (süß и gemütlich) и разговорный интенсификатор super, а также шуточное разговорное прозвище Frechdachs (сорванец, нахал), которое применяется именно к детям или подросткам и не является оскорблением. Устойчивой разговорной коллокацией является также выражение Nerven schonen (поберечь нервы), которое в данном контексте звучит с оттенком добродушной насмешки и отсылает к общему опыту материнства с типичным для него стрессом. С помощью вышеописанных средств автор

блога обращается к дискурсу материнства с характерными для него экспрессивными лексическими средствами.

Mitten im Flimserwald liegt einbettet in grüne Bäume und malerische Berge der wunderschöne Caumasee. Das Wasser leuchtet selbst bei bedecktem Himmel herrlich türkiesblau. Durch die entspannte und ungezwungene Atmosphäre fühlen sich hier auch Familien pudelwohl.

Посреди леса Флимсервальд, окружённое зелёными деревьями и живописными горами, лежит прекрасное озеро Каума. Вода сияет великолепным бирюзово-голубым даже в пасмурную погоду. Благодаря расслабленной и непринуждённой атмосфере здесь прекрасно чувствуют себя даже семьи с детьми.

Здесь, как и во многих текстах туристического дискурса, изобилуют позитивно окрашенные эпитеты. Интересным для нас является использование коллокации sich pudelwohl fühlen (прекрасно себя чувствовать), относящейся к категории сниженной разговорной лексики и поддерживающей выбранный автором неформальный Ton of Voice.

Denn schon von der ersten Minute an ist der Weg für Kinder besonders erlebnisreich: Ihr könnt nämlich den verwunschenen Wald- und Wurzelpfad durch den Flimserwald entlang des Connbächlis nehmen und unterwegs ein kleines «Schiffli» im plätschernden Wasser treiben lassen.

Потому что с первой минуты путь для детей становится особенно увлекательным: вы можете пройти по лесной тропе с привидениями и корнями через Флимзервальд вдоль реки Конн и по пути покататься на маленьком «кораблике» по журчащей воде.

Schiffli – уменьшительно-ласкательный вариант слова «корабль», характерный для швейцарского немецкого; автор блога – немка, но, путешествуя по Швейцарии, заимствует локальные лексические особенности, которые также позволяют сымитировать детскую речь.

Приведем еще один пример дискурсивного позиционирования, на этот раз иного характера.

Wer Møn schon hyggelig findet, sollte auf jeden Fall einen Ausflug nach Nyord unternehmen. Die kleine, autofreie Nachbarinsel von Møn ist der Inbegriff dänischer Gemütlichkeit.

Кто считает, что Мён – вполне в стиле хюгге, тому обязательно стоит съездить на

остров Нюёрд. Эта маленький остров без машин по соседству с Мён — воплощение уюта по-датски.

В данном примере блогер обращается к модной концепции хюгге, которая сформировалась в Дании и получила всемирную известность приблизительно в 2010-х гг. Условно перевести слово hygge можно как «уют», «комфорт» или «спокойствие», однако перевод не отображается особенностей данного феномена. Так, хюгге – это не только дизайнерские решения, но и образ жизни, особое скандинавское мировоззрение, где важно умение радоваться повседневным мелочам [2, 8].

Особенную популярность концепция хюгге получила в социальных сетях, что позволяет сделать упоминание хюгге культурной отсылкой, понятной определенному поколению. hyggelig – немецкий неологизм, прилагательное, образованное от датского, легко распознаваем в тексте, а устойчивое выражение «воплощение уюта» раскрывает посыл автора и поясняет эмоциональное впечатление с помощью прямой номинации Gemütlichkeit. В данном случае автор обращается к читателям определенной возрастной категории, с определенным мировоззрением и ценностями, что также позволяет обозначить более узкий дискурс. Заметим, что сам феномен хюгге близок к концепту семейного уюта и материнства, что подкрепляет изначальный выбор дискурса.

В рассмотренных нами примерах можно отметить сочетания нескольких коммуникативных стратегий: так, наряду с дискурсивным позиционированием используется стратегия присвоения оценочного значения, реализуемая за счет позитивно окрашенных эпитетов или прямых номинаций, а также стратегия диалогизации, имитирующая естественное непринужденное общение. Тем не менее именно стратегия дискурсивного позиционирования позволяет обозначить тематику туристического блога, его специфические черты, выделить его целевую аудиторию и таким образом реализовать скрытую стратегию продвижения таргетированно и, соответственно, более успешно.

Литература:

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 9-е изд. М.: Ленанд, 2024.

2. Колесникова Н. В. Хюгге как концептуальная основа развития нового вида туризма (на примере Республики Карелия) // Сервис в России и за рубежом. 2018. №3 (81). С. 79-89.

3. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://psycho.ru/library/190 (дата обращения 30.03.2026)

4. Терских М. В. Поликодовая метафоризация в социальной рекламе здоровья // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. №4. С. 133-151.

5. Терских М.В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2020. № 4. С. 164–175.

6. Sonne-Wolken [Электронный ресурс] // Sonne-Wolken. URL: https://sonne-wolken.de (дата обращения 30.03.2026).

Ерина Анастасия Романовна
Erina Anastasia Romanovna
студент
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»
e-mail: etoyanasstya@gmail.com

научный руководитель
Кора Наталия Алексеевна
Kora Natalia Alekseevna
кандидат психологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»
e-mail: Nkora1@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

A STUDY OF THE EMOTIONAL INTELLIGENCE OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества, когда онлайн-взаимодействие становится всё более значимым, исследование эмоционального интеллекта современной молодёжи приобретает особую актуальность. Данная статья посвящена анализу особенностей развития и проявления эмоционального интеллекта у молодых людей, активно использующих цифровые технологии в своей повседневной жизни. Работа направлена на выявление как потенциальных преимуществ, так и возможных рисков, связанных с влиянием цифровой среды на способность молодёжи понимать, управлять своими эмоциями и эффективно взаимодействовать с окружающими. Полученные результаты позволят лучше понять психологические аспекты адаптации молодого поколения к современным реалиям и разработать рекомендации по поддержке их эмоционального благополучия.

Abstract. In the context of rapidly digitalizing society, where online interactions are becoming increasingly important, studying the emotional intelligence of today's youth is particularly relevant. This article analyzes the development and manifestation of emotional intelligence in young people who actively use digital technologies in their daily lives. The study aims to identify both the potential benefits and potential risks associated with the influence of the digital environment on young people's ability to understand and manage their emotions and effectively interact with others. The findings will allow for a better understanding of the psychological aspects of the younger generation's adaptation to modern realities and the development of recommendations for supporting their emotional well-being.

Ключевые слова: интеллект; эмоции; эмоциональный интеллект; цифровизация; информационная сфера.

Keywords: Intelligence, emotions, emotional intelligence, digitalization, information sphere.

В нынешнюю эпоху, когда цифровые технологии глубоко интегрировались во все аспекты жизни, понимание эмоционального интеллекта среди молодежи приобретает

особую значимость. Стремительное развитие онлайн-взаимодействий и виртуального общения может оказывать существенное влияние на формирование у подрастающего поколения навыков построения межличностных отношений и развития эмпатии.

Феномен эмоционального интеллекта привлекал внимание множества исследователей, которые изучали его как с теоретической, так и с практической точек зрения. В современной психологической науке под этим термином подразумевается способность человека распознавать, анализировать и управлять собственными эмоциональными состояниями, а также умение воспринимать, интерпретировать и влиять на чувства других людей. [1, с. 388].

Современная молодежь представляет собой уникальную социально-демографическую группу, формирующуюся в условиях динамичных социальных, культурных и технологических трансформаций.

Согласно результатам международных исследований, молодёжь является самой активной категорией пользователей сети Интернет. Специалисты отмечают, что представители так называемого «поколения Z» демонстрируют качественно иные модели поведения и особенности восприятия информации [4].

Одной из наиболее выраженных черт психологического облика современной молодежи являются особенности их когнитивной сферы. Исследования в области когнитивного развития указывают на формирование феномена, получившего название «клиповое мышление». Оно характеризуется высокой скоростью переключения внимания, восприятием информации в виде разрозненных фрагментов и предпочтением визуальных форматов представления данных. Молодые люди демонстрируют способность к быстрой обработке значительных объемов информации, эффективной работе в режиме многозадачности и в цифровой среде. Однако исследователи также отмечают тенденцию к снижению устойчивости произвольного внимания, трудности с длительной концентрацией и недостаточную глубину аналитической обработки информации [6, с. 30–38].

Молодые люди проявляют прагматичный подход к образованию, профессиональной деятельности и межличностным отношениям, ориентируясь на достижение личной эффективности и гибкость в планировании своей жизни. Подобные изменения свидетельствуют об адаптации к условиям социальной неопределенности и высокой изменчивости современного общества [3, с. 104].

Современные технологии кардинально изменили ландшафт межличностного диалога. Значительная доля наших бесед и обменов информацией теперь происходит в виртуальном пространстве, находя свое воплощение в многообразии социальных платформ, мгновенных мессенджеров и сервисов для видеосвязи. Согласно последним данным, полученным в ходе исследований 2024 года, молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет посвящают социальным сетям в среднем от трех до четырех часов ежедневно. Важно отметить, что для этой возрастной группы онлайн-общение чаще всего выступает как ценное дополнение к реальным контактам, а не как их полная замена.

В результате этого сдвига формируется уникальная культура цифрового взаимодействия. Она включает в себя появление новых форм языкового выражения, таких как эмодзи и стикеры, а также выработку специфических норм самопрезентации и способов передачи эмоциональных оттенков. Молодежь активно использует цифровые площадки для поддержания существующих дружеских и родственных связей, поиска новых знакомств (в том числе романтических), установления профессиональных контактов и, конечно же, для самовыражения [2].

Однако, помимо очевидных преимуществ, исследователи также указывают на ряд психологических уязвимостей, присущих нынешнему молодому поколению. Наблюдается тенденция к увеличению числа случаев тревожных и депрессивных расстройств. Эти состояния часто связывают с такими факторами, как информационная перегрузка, неопределенность в социальной сфере, обострение конкуренции и, конечно же, интенсивное погружение в мир социальных сетей. Особую обеспокоенность вызывает феномен FOMO (Fear Of Missing Out – страх упустить что-то важное), который проявляется в навязчивом желании постоянно быть онлайн и сравнивать свою жизнь с идеализированными образами успеха, транслируемыми в сети.

У определенной части молодежи начинают проявляться признаки цифровой зависимости. Это выражается в компульсивном использовании электронных устройств, потере контроля над временем, проводимым в интернете, и возникновении эмоционального дискомфорта при невозможности выйти в сеть. Подобные явления оказывают существенное влияние на общее эмоциональное состояние и психологическое благополучие молодых людей.

Эмоциональная сфера современного молодого человека отличается некоторой противоречивостью. С одной стороны, можно наблюдать повышение уровня

эмоциональной осведомленности. С другой стороны, выявляются сложности в точном распознавании и эффективном управлении собственными эмоциональными состояниями. Это может проявляться в алекситимии (трудности с вербализацией чувств) и недостаточно развитых навыках саморегуляции эмоций [3, с. 104].

В научной литературе выделяется ряд факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие эмоционального интеллекта у молодого поколения в цифровую эпоху (рис. 1). К их числу относятся особенности цифровой коммуникации, влияние социальных сетей, межличностное взаимодействия, а также изменения в образовательной и социальной среде и культурные особенности.

Рисунок 1. Факторы, влияющие на эмоциональный интеллект современной молодёжи в условиях цифровизации общества

Одной из ключевых причин, воздействующих на эмоциональную сферу человека в условиях повсеместного распространения цифровых технологий, является колоссальная интенсивность информационных потоков. Нередко цифровые инструменты выполняют функцию своеобразной эмоциональной "отдушины". Например, погружение в медиаконтент, активность в социальных сетях или переписка в мессенджерах могут служить способом облегчения стресса и временного отвлечения от неприятных переживаний. Однако важно понимать, что подобные стратегии зачастую направлены на избегание эмоциональных трудностей, а не на их глубокое осмысление и конструктивное решение. Это, в свою очередь, может препятствовать развитию устойчивых навыков управления собственными эмоциями [5].

Социальные сети занимают особое место среди элементов цифровой среды, оказывая неоднозначное влияние на становление эмоционального интеллекта. С одной стороны, они предоставляют доступ к широкому спектру эмоциональных переживаний других пользователей и создают платформу для отработки навыков самопрезентации и эмпатического взаимодействия. Участие в онлайн-сообществах, группах поддержки и тематических форумах способствует развитию способности понимать эмоциональные

состояния людей из различных социальных и культурных групп. С другой стороны, использование социальных сетей сопряжено с определенными психологическими рисками. К ним относятся формирование поверхностных социальных связей, распространение кибербуллинга, усиление негативного социального сравнения и искажение представлений о реальной эмоциональной жизни из-за демонстрации тщательно отобранного и отредактированного контента [2].

При анализе факторов, влияющих на эмоциональный интеллект, нельзя игнорировать культурные особенности цифрового поведения. В российском культурном контексте прослеживается своя специфика в использовании цифровых технологий, паттернах онлайн-общения и предпочтениях в выборе социальных платформ. Эти особенности оказывают существенное влияние на то, как именно цифровизация воздействует на эмоциональное развитие личности.

Российская молодежь активно осваивает отечественные социальные сети и мессенджеры, участвует в уникальных онлайн-сообществах, формируя тем самым особую цифровую экосистему для своей эмоциональной социализации. Понимание этих культурно-специфичных аспектов цифрового поведения является критически важным для разработки эффективных программ, направленных на развитие эмоционального интеллекта [3, с. 104].

В то же время цифровая культура стимулирует появление новых форм социальной активности и коммуникации. Интернет открывает широкие возможности для участия в разнообразных онлайн-сообществах, культурных и образовательных проектах, общественных инициативах и дискуссиях. Молодежь активно вовлекается в обсуждение актуальных социальных проблем, обмен мнениями и совместную деятельность. Это, в свою очередь, способствует развитию коммуникативных навыков, формированию социальной ответственности и умения учитывать различные точки зрения.

Цифровизация образовательной и социальной сфер меняет условия, в которых формируется эмоциональный опыт. Информационно-коммуникационные технологии, интегрированные в образовательный процесс, профессиональную деятельность и межличностное взаимодействие, способствуют формированию новой модели коммуникации, гармонично сочетающей онлайн и офлайн форматы.

Развитие виртуальных миров открывает перед нами широкие перспективы для установления контактов, выражения своей индивидуальности и поддержания межличностных отношений. Повсеместное внедрение удаленных форматов обучения, онлайн-программ и специализированных образовательных платформ кардинально меняет динамику отношений между учащимися и педагогами. Зачастую это приводит к ослаблению эмоциональной связи и ограничивает формирование социально-эмоциональных компетенций, которые традиционно развиваются в ходе совместной деятельности и живого диалога.

Наши внутренние психологические характеристики, такие как самоосознание, способность к самоанализу (рефлексия) и эмоциональная стабильность, играют ключевую роль в том, насколько успешно мы можем понимать и управлять своими эмоциями. Эти качества также определяют наш выбор поведенческих стратегий и способов взаимодействия в условиях цифровой среды. Например, человек с высокой степенью самосознания будет более внимателен к своим эмоциональным реакциям при просмотре новостной ленты в социальных сетях, чем тот, кто склонен к импульсивным действиям [5].

Уровень владения цифровыми технологиями напрямую влияет на то, как именно человек их использует. Молодые люди, обладающие развитыми навыками осознанного применения цифровых ресурсов, более эффективно задействуют их для своего эмоционального роста. Они способны избегать негативных и деструктивных моделей поведения в онлайн-пространстве, например, не поддаваясь на провокации в комментариях или не становясь жертвами кибербуллинга.

Таким образом, воздействие цифровых технологий на эмоциональное развитие личности является многогранным. Оно формируется под влиянием целого комплекса факторов: образовательной среды, особенностей социального и коммуникативного взаимодействия, культурного контекста и, конечно же, индивидуальных психологических особенностей человека. В этом контексте эмоциональный интеллект приобретает особую значимость, выступая как важнейший инструмент для успешной психологической адаптации и формирования устойчивой, гармоничной личности.

Литература:

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. — Новополоцк: ПГУ, 2011. — 388 с.

2. Батенова Ю. В., Герасимова А. Ю. Развитие эмоционального интеллекта детей в условиях цифровизации информационной среды // Экопсихологические исследования: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-emotsionalnogo-intellekta-detey-v-usloviyah-tsifrovizatsii-informatsionnoy-sredy — 03.03.2026.

3. Кочетова Ю. А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. — Москва: МГППУ, 2021. — 104 с.

4. Курышева О. В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Logos et Praxis. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-harakteristika-molodezhi-kak-vozrastnoy-gruppy — 04.03.2026.

5. Пашков Г. Н., Рахматулин Ю. В., Артенян В. А. Проблема формирования эмоционального интеллекта обучающихся в условиях цифровизации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-emotsionalnogo-intellekta-obuchayuschihsya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obrazovaniya — 03.03.2026.

6. Савенков А. И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха // Вестник практической психологии образования. — 2006. — № 1 (6). — С. 30–38.

Шаталова Кристина Сергеевна
Shatalova Kristina Sergeevna
студент
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»
e-mail: kristinashatalova643@gmail.com

Климова Татьяна Владимировна
Klimova Tatiana Vladimirovna
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

PREVENTION OF EXTREMISM AMONG ADOLESCENTS IN GENERAL EDUCATION SCHOOLS

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме профилактике экстремизма в образовательной среде. Проведено исследования среди подростков на склонность к различным видам насильственного экстремизма, по результатам которой разработана программа, направленная на повышение уровня осведомленности учащихся о методах манипуляции, экстремистских идеологиях и способах противодействия им. Она включает в себя комплекс мероприятий, направленных на развитие критического мышления, толерантности и формирования позитивной социальной среды. В конечном итоге, данная программа поможет создать более безопасную и уважительную атмосферу в образовательной среде, уменьшая риски возникновения экстремистских настроений и способствовать формированию активной гражданской позиции среди молодежи.

Abstract. The article addresses the topical issue of preventing extremism in the educational environment. A study was conducted among adolescents to assess their susceptibility to various forms of violent extremism. Based on the findings, a programme was developed to enhance students' awareness of manipulation techniques, extremist ideologies, and methods of countering them. The programme includes a range of activities aimed at developing critical thinking, fostering tolerance, and creating a positive social environment. Ultimately, this programme will help to establish a safer and more respectful atmosphere in the educational setting, reduce the risks of extremist sentiments emerging, and promote the development of an active civic stance among young people.

Ключевые слова: образование, подросток, экстремизм, технология, профилактика, критическое мышление, социальная среда.

Keywords: education, adolescent, extremism, technology, prevention, critical thinking, social environment.

В современном российском обществе идеи экстремизма достаточно сильны. Активность экстремистов можно заметить не только в политической, но и в социально-культурной, религиозной и даже экономической сфере. Особенности таких идеологий

заключаются в нетерпимом отношении к другим людям, радикальных взглядах и действиях, четким разделением людей на своих и чужих. Подростки и молодежь как самая социально незащищенная группа населения, являются наиболее активными участниками конфликтов и различного рода деструктивных организаций, в том числе экстремистского толка.

В виду чего, на текущий момент особо актуальна профилактика экстремизма в образовательной среде, так как в нашей стране почти 30 миллионов подростков являются учащимися, то есть пятая часть населения.

В целом, в исследовании приняли участие 27 подростков 12-14 лет, ученики 7-го класса. Обоснованием этого служит то, что в подростковом возрасте происходят важные изменения в социальных связях и социализации, а также в сфере самосознания.

Метод исследования:

1. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов).

2. Опросник «Мотивация к участию в социально-значимой деятельности» С.А. Тарасовой.

В 7 классе высокие показатели по различным шкалам склонности к различным видам насильственного экстремизма (23 и выше баллов по трем шкалам) были выявлены у 11 % подростков из общего числа выборки.

Исходя из общего анализа полученных результатов по методике «Диагностика диспозиций насильственного экстремизма» было сделано предположение, что подростки 7 класса стремятся к однозначности образа мира, демонстрируют неприятие отличий других людей, отрицают инакомыслие и стремятся навязать свои взгляды любой ценой как единственно правильным и имеющим право наказывать других, не уважающих общие (конвенциональные) ценности и нормы – «неправильных». В тоже время подростки этого возраста не решают свои проблемы через насильственное принуждение и не испытывают нужды в поиске острых ощущений. Самые маленькие показатели в этом возрасте у подростков – шкалы «Допустимость агрессии» и «Деструктивность и цинизм» – 0. Остальные шкалы представлены маленькими процентами (1-5 %), что говорит о не предрасположенности подростков к агрессии, деструктивизму, культу силы, протестной активности, нормативному нигилизму и конформизму.

Цель опросника «Мотивация к участию в социально-значимой деятельности» С.А. Тарасовой выявить уровень сформированности мотивации у школьников к участию в социальной значимой деятельности.

Опросник позволил установить, что уровень мотивации подростков 7 класса к участию в социально-значимой деятельности оказался в большинстве своем на среднем и низком уровне. Большинство утверждений, касающихся значимости социальной деятельности, подростки оценили как «верно в некоторой степени» или «совсем не верно», что указывает на низкую внутреннюю убежденность в полезности и привлекательности подобного рода деятельности.

Подростки редко чувствуют личное удовлетворение от участия в мероприятиях, направленных на помощь другим людям или решение социальных проблем. Это говорит о низком уровне интереса и отсутствии позитивного опыта, связанного с подобными акциями. Результаты по этому же опроснику в 8 классе отличались незначительно.

В результате выявленных проблем была разработана и проведена профилактическая программа целью которой было формирование устойчивых к негативным влияниям установок у подростков и развитие навыков социальных взаимодействий, способствующих профилактике экстремизма

Разработанная программа проводилась в течение 4 месяцев на базе образовательного учреждения, объединяя учебные занятия, внеклассные мероприятия и активную работу с семьёй и местным сообществом. Основной целью было предотвращение распространение идей экстремизма среди молодёжи и воспитание здоровых ценностей и гражданской ответственности.

При подготовке программы было уделено особое внимание индивидуальному подходу. По возможности каждому участнику предлагались персонализированные задания и консультации, учитывая особенности восприятия и потребности конкретного подростка. Также в программу включены ролевые игры, дискуссии, семинары, экскурсии и квесты, что сделало процесс занимательным и доступным даже для самых пассивных участников.

Реализации программы проходила поэтапно, каждый этап имел свои задачи и цели. На первом этапе – подготовительном – была проведена первичная диагностика, определяющая уровень осведомлённости подростков о рисках экстремизма.

Определялись индивидуальные траектории работы с участниками, создавались планы профилактических мер.

На втором этапе – коррекционно-развивающим – ключевым элементом были активные формы работы, такие как групповые обсуждения, квесты и проектная деятельность. Наиболее популярными среди подростков оказались ролевые игры и командные соревнования, что повышало интерес и активность.

На третьем этапе – заключительном – вновь проводились диагностические мероприятия, чтобы зафиксировать динамику изменений в поведении и взглядах подростков. Был проведён финальный круглый стол, где обсуждались итоги и успехи участников.

Подростки демонстрировали серьёзное отношение к мероприятиям программы, принимая активное участие в большинстве проводимых активностей. Наибольший отклик вызвала работа с Медиа-материалами и обсуждением фейковой информации, а также мероприятия, посвящённые культуре межнационального общения и толерантности.

Однако возникли некоторые трудности. Несколько подростков проявляли замкнутость и недоверие, предпочитая избегать открытых разговоров. Для таких случаев использовались персональные консультации и малые группы поддержки, что позволило установить контакт и включить их в общий процесс. Часть молодых людей испытывала трудности с выражением своих мыслей и позиций, что мешало полноценно участвовать в обсуждениях. В таких случаях был использован метод постепенного вовлечения через небольшие выступления и поощрение любых проявлений инициативы.

После проведения формирующего этапа были повторно проведены диагностические методики, использовавшиеся ранее на констатирующем этапе

В 7 классе по итогам повторного тестирования высокие показатели по различным шкалам склонность к различным видам насильственного экстремизма (23 и выше баллов по трем шкалам) были выявлены теперь уже у 6 % подростков вместо 11 % ранее. Данные, представленные на рисунке 1 позволяют наглядно представить соотношения шкал до и после формирующего этапа.

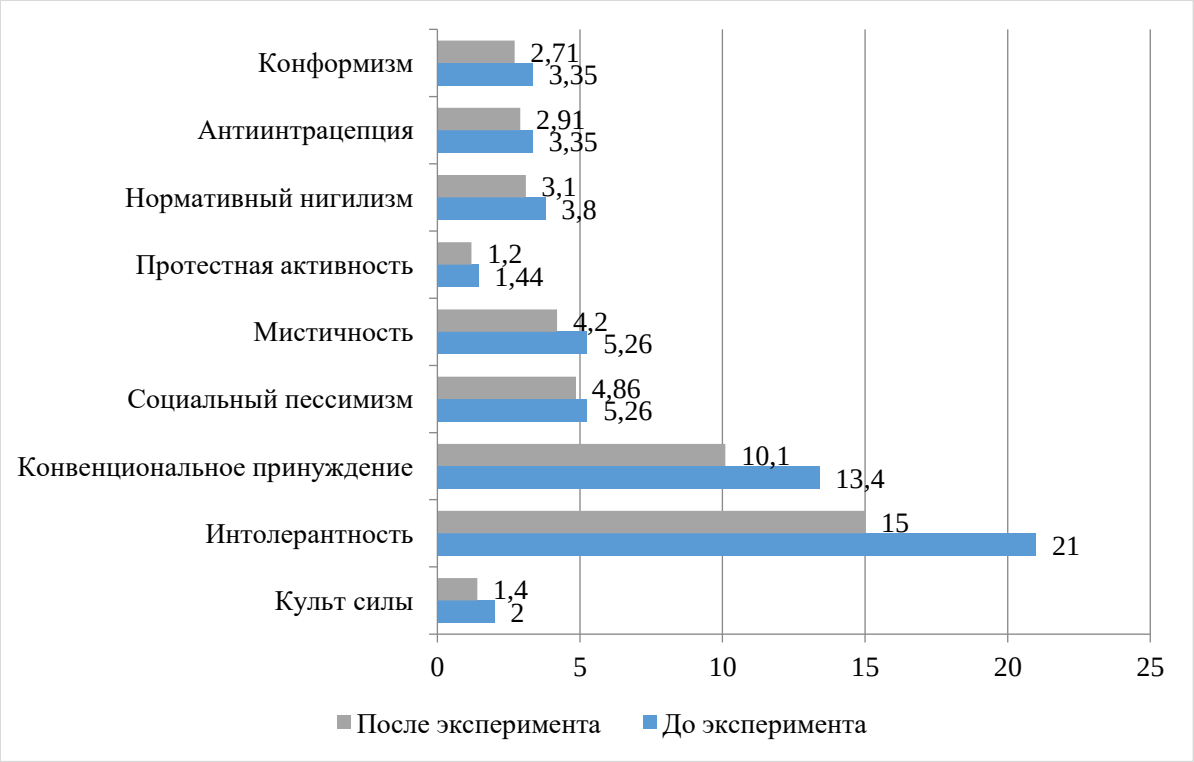


Рисунок 1. Результаты диагностики диспозиций насильственного экстремизма в 7 классе

Ранее было сделано предположение о том, что подростки 7 класса стремятся к однозначности образа мира, демонстрируют неприятие отличий других людей, отрицают инакомыслие и стремятся навязать свои взгляды любой ценой как единственно правильным и имеющим право наказывать других, не уважающих общие (конвенциональные) ценности и нормы – «неправильных». По итогам повторно проведенного тестирования данные психологические особенности были более сглаженными. То есть, уже не так демонстрируется неприятие отличий других людей (это можно судить по шкале «Интолерантность»), подростки не так склонны навязывать свое мнение (это можно судить по шкале «Конвенциональное принуждение»).

По-прежнему подростки этого возраста не решают свои проблемы через насильственное принуждение и не испытывают нужды в поиске острых ощущений. Самые маленькие показатели в этом возрасте у подростков – шкалы «Допустимость агрессии» и «Деструктивность и цинизм» – 0 (эти шкалы исключены из диаграммы). Остальные шкалы представлены маленькими процентами (1-5 %), что говорит о не предрасположенности подростков к агрессии, деструктивизму, культу силы, протестной активности, нормативному нигилизму и конформизму.

Далее, также были проведены повторные исследования по опроснику

«Мотивация к участию в социально-значимой деятельности» С.А. Тарасовой, который направлен на выявление уровня сформированности мотивации у школьников к участию в социальной значимой деятельности. На рисунке 2 представлены результаты 7 класса.

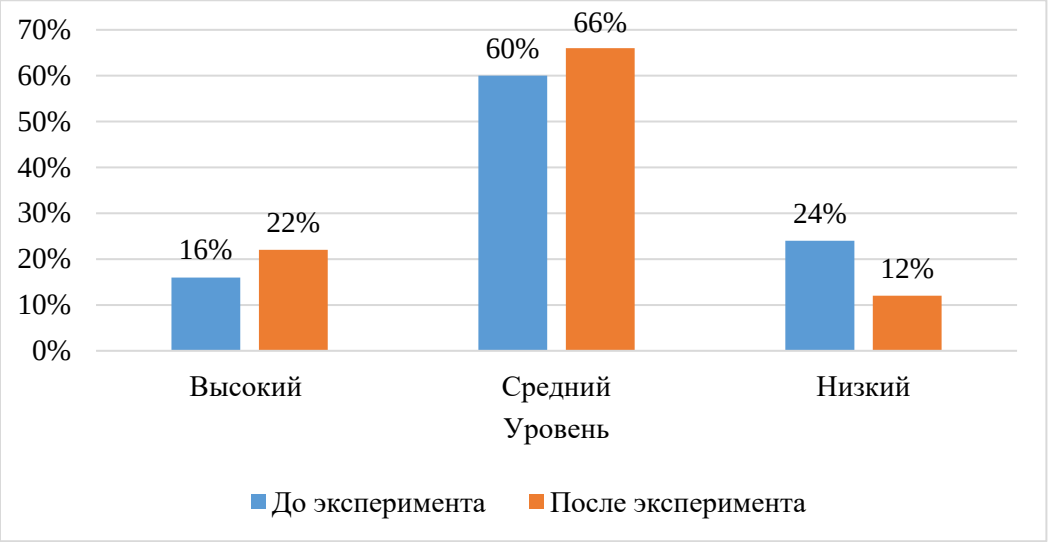


Рисунок 2. Уровень сформированности мотивации у школьников 7 класса к участию в социальной значимой деятельности после эксперимента

Ранее опросник позволил установить, что уровень мотивации подростков 7 класса к участию в социально-значимой деятельности оказался в большинстве своем на среднем и низком уровне. Большинство утверждений, касающихся значимости социальной деятельности, подростки оценили, как «верно в некоторой степени» или «совсем не верно», что указывает на низкую внутреннюю убежденность в полезности и привлекательности подобного рода деятельности.

После эксперимента результаты все же изменились, и уровень сформированности мотивации вырос. Так, высокий уровень сформированности мотивации к участию в социальной значимой деятельности уже показали 22 % учеников 7 класса, вместо 16 % ранее; а низкий уровень уже показали всего 12 % учащихся вместо 24 % ранее.

То есть, повторные результаты по опроснику «Мотивация к участию в социально-значимой деятельности» С.А. Тарасовой полученные в 7 классе свидетельствует о возросшей мотивации вовлеченности подростков в социально значимую деятельность.

В итоге программа показала значительную положительную динамику: увеличилось количество подростков, способных распознавать риски и манипулятивные схемы, возросло чувство ответственности и гражданского долга. Родительская аудитория отметила пользу мероприятий и предложила продолжить сотрудничество в

следующем учебном году.

Литература:

1. Балашова, В.А. Особенности рефлексии проблемы экстремизма в молодежной среде / В.А. Балашова, И.Р. Чернышева // Юридическая психология. – 2021. – № 3. – С. 23-27.

2. Буркина, О.А. Детерминанты экстремистской преступности в подростковой среде / О.А. Буркина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 183-190.

3. Давыдов, Д.Г. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма / Д.Г. Давыдов, К. Д. Хломов // Психологическая диагностика, 2017. – № 1. – С. 102-106.

4. Гоптарев, В. Н. Подходы в образовании: Специфика, интерпретации, статус, система / В. Н. Гоптарев, О. А. Калимуллина // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2025. – № 6. – С. 328-336. – EDN OPFRPV.

Дубровская Арина Алексеевна
Dubrovskaia Arina Alekseevna
студент
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»
e-mail: adubrovskaya657@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕЧИ ГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЗЕЛЁНАЯ МИЛЯ»

MANIFESTATION OF AFRICAN AMERICAN IDENTITY IN THE SPEECH OF THE MAIN CHARACTER OF "THE GREEN MILE"

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу речи Джона Коффи — главного персонажа романа Стивена Кинга «Зелёная миля» — с точки зрения проявления афроамериканской вернакулярной языковой системы (AAVE, African-American Vernacular English). На материале конкретных речевых образцов рассматриваются ключевые фонетические, морфологические, синтаксические и лексические черты, характерные для данного диалекта. Особое внимание уделяется социолингвистическому измерению: тому, каким образом языковые особенности персонажа формируют его образ в восприятии других героев и читателя, а также каким образом авторская репрезентация AAVE вписывается в более широкий контекст расовых отношений, стигматизации и культурной идентичности.

Abstract. The article is devoted to a linguistic analysis of the speech of John Coffey, the main character of Stephen King's novel "The Green Mile," from the perspective of the manifestation of the African American Vernacular English (AAVE) system. Based on specific speech samples, the key phonetic, morphological, syntactic, and lexical features characteristic of this dialect are examined. Special attention is paid to the sociolinguistic dimension: how the character's linguistic features shape his image in the perception of other characters and the reader, and how the author's representation of AAVE fits into the broader context of racial relations, stigmatization, and cultural identity.

Ключевые слова: AAVE, афроамериканский английский, «Зелёная миля», Стивен Кинг, социолингвистика, диалект, расовая идентичность, лингвистическая дискриминация.

Keywords: AAVE, African American English, The Green Mile, Stephen King, sociolinguistics, dialect, racial identity, linguistic discrimination.

Проблема исследования заключается в противоречии между стереотипным восприятием афроамериканского диалекта как «неправильного» варианта английского языка и его статусом как самостоятельной лингвистической системы, тесно связанной с культурной идентичностью и историческим опытом [1]. Изучение афроамериканского диалекта выходит далеко за рамки лингвистики, затрагивая вопросы социологии, истории, образования и культурологии. Таким образом, анализ African-American Vernacular English (AAVE) является ключом к пониманию не только языковых

процессов, но и центральных аспектов американской истории, а также современной мультикультурной реальности. В художественной литературе, созданной белыми авторами, использование AAVE часто служит не только для создания реалистичности, но и становится инструментом для выражения расовых отношений, власти и социальной иерархии.

Роман Стивена Кинга «Зелёная миля», опубликованный в 1996 году, — это произведение о сотрудниках тюремного блока смертников на юге Америки 1930-х годов. Центральным персонажем, вокруг которого разворачивается нравственный и духовный конфликт романа, является Джон Коффи — темнокожий мужчина огромного телосложения, осуждённый за убийство двух белых девочек. На протяжении всего повествования его речь остаётся одним из главных инструментов его характеристики: через речь читатель получает представление о социальном положении героя, его культурной принадлежности и, в конечном счёте, о трагической пропасти между тем, кем он является на самом деле, и тем, кем его считает окружающий мир.

Цель данной статьи — проанализировать речевые особенности Джона Коффи как отражение афроамериканской языковой идентичности и рассмотреть, какую художественную функцию эти особенности выполняют в системе романа. Материалом послужили реплики персонажа, извлечённые непосредственно из текста произведения.

Прежде чем приступить к анализу, необходимо обозначить некоторые теоретические положения. Вопрос о природе AAVE долгое время оставался дискуссионным: часть исследователей настаивала на том, что это разновидность южных американских диалектов, другие указывали на субстратное влияние западноафриканских языков и пиджинов эпохи работорговли [2]. Сегодня в социолингвистике утвердилась точка зрения, согласно которой AAVE представляет собой самостоятельную грамматическую систему со своей внутренней логикой, а не «испорченный» стандартный английский [1].

Среди ключевых черт AAVE исследователи выделяют: опущение или трансформацию связки «be» в определённых контекстах; инвариантное «be» для обозначения регулярно повторяющегося действия; двойное отрицание как грамматическую норму; специфические формы прошедшего времени; финальное упрощение консонантных кластеров и другие фонетические редукции; а также самобытный лексический состав [3]. Все эти явления подчиняются определённым

правилам, что принципиально отличает диалект от произвольных отклонений от нормы [4].

Немаловажно и то, что в художественной литературе диалект выполняет особые функции. Как отмечает И.С. Романова, обращение белых писателей к афроамериканскому диалекту позволяет не только создавать правдоподобные образы темнокожих персонажей, но и через сам язык воспроизводить социальную иерархию, фиксировать властные отношения и обнажать механизмы расового неравенства [5].

Обратимся к фонетическим особенностям передачи речи главного героя в «Зелёной миле». Одной из наиболее заметных черт авторской стратегии в «Зелёной миле» является последовательная орфографическая фиксация фонетических редукций в речи Джона Коффи. Кинг не «переводит» диалект для читателя в стандартную форму, а воспроизводит на письме то, как именно персонаж произносит слова. В тексте встречаются формы: «bein» вместо «being», «worl» вместо «world», «fella» вместо «fellow», «around em» вместо «around them», «laughin» вместо «laughing». Передача этих черт речи с помощью средств орфографии — один из традиционных приёмов литературного диалектизма. Как указывает А.А. Стрельцов, авторская транскрипция диалектных форм является важнейшим инструментом создания речевого портрета персонажа, хотя и ставит перед переводчиком особые задачи [6].

Также автор использует сленг: например, форма «sammidges» вместо «sandwiches».

Особого внимания заслуживают формы «'us» и «I's» в репликах Коффи: «They 'us fine», «I 'us little» и «I's afraid of the dark». Первая представляет собой редуцированную форму глагола «was», вторая — стяжение «I was» или «I is». Нулевая и редуцированная связка — один из диагностических признаков AAVE, неоднократно описывавшийся в исследовательской литературе [7]. Слитное написание «nosir» (из «no, sir»), в свою очередь, передаёт через орфографию не только фонетику, но и интонационную слитность.

Перейдём к морфологическим и синтаксическим особенностям речи Джона Коффи. Рассмотрим наиболее показательные конструкции. «He done grab me» — перфективное «done» перед смысловым глаголом. Это одна из наиболее узнаваемых черт AAVE: «done» в данной позиции маркирует завершённость действия, нередко с оттенком неожиданности или особой значимости [8]. В стандартном английском такая

конструкция невозможна; в AAVE она является грамматически закономерной. Перфективное «done» относится к числу наиболее системных и частотных маркеров диалекта [9].

«I knowed» вместо «I knew» — использование регулярной формы прошедшего времени с суффиксом -ed для неправильного глагола. Это явление называется выравниванием по аналогии: диалектная система применяет общее правило там, где стандартный английский сохраняет архаичные исключения. С точки зрения языковой логики «knowed» не является ошибкой — это лишь иная грамматическая стратегия.

«Untill he touch me» — отсутствие флективного -s/-es в третьем лице единственного числа настоящего времени. «He touch» вместо «he touches» — системная черта AAVE, связанная с общей тенденцией к нулевому маркированию согласования. Аналогично и с выражениями «He kill them» и «It don't» (вместо «it doesn't»): глагольная система диалекта в целом менее флективна. «He was give to me on loan» — пассивная конструкция с «give» вместо «given». Здесь «give» функционирует как прошедшее причастие, что отражает особенности системы причастных форм в AAVE. «Got none» представляет собой отрицательную конструкцию с нулевым подлежащим и местоимением «none» в роли объекта отрицания. «Dunno» — стяжение «I don't know» — относится к числу наиболее частотных разговорных редукций [10].

Конструкция «Don't want no preacher» заслуживает отдельного разбора. Двойное отрицание — пожалуй, одна из самых стигматизируемых черт народного английского в рамках стандартного образования. Между тем в большинстве языков мира, включая русский, итальянский, испанский, французский отрицательное согласование является нормой и семантически усиливает, а не отменяет отрицательный смысл. В AAVE последовательное маркирование отрицания во всех элементах предложения точно так же представляет собой грамматическое правило, а не отсутствие образования.

Как подчёркивает Е.С. Ланберг, исторически формирование диалектных норм афроамериканского английского было обусловлено специфическими условиями — изоляцией общин, ограниченным доступом к образованию, устной трансмиссией языка. Именно поэтому внутренняя логика AAVE нередко расходится со стандартной грамматикой, оставаясь при этом последовательной и предсказуемой.

Характерна и форма «Don't believe» без подлежащего «I». Опущение субъекта в начале высказывания создаёт эффект некоторой самоустранённости.

Наиболее драматичный эпизод в соотношении языка и смысла — момент ареста Джона Коффи. Когда его обнаруживают рядом с телами двух девочек, он произносит: «I couldn't help it». Эта реплика становится ключевой для понимания всей трагедии персонажа.

Как разъясняет рассказчик, окружающие восприняли эти слова как признание вины — как слова человека, не сумевшего сдержать в себе импульс к насилию. На самом деле Коффи пытался сказать совершенно иное: он нашёл умирающих девочек и попытался исцелить их с помощью своего дара, но не успел.

Это непонимание — не просто сюжетный поворот. Оно обнажает механизм, при котором язык темнокожего человека в руках белой власти превращается в обвинительный документ. Высказывание «I couldn't help it» само по себе синтаксически двусмысленно. Однако в устах арестованного чернокожего, найденного рядом с телами белых девочек в южном штате 1930-х годов, любая двусмысленность разрешается в худшую пользу. Язык перестаёт быть средством коммуникации — он становится орудием обвинения.

Именно здесь наиболее заметно проявляется то, о чём пишут исследователи, обращаясь к проблеме лингвистической стигматизации. Несмотря на системность AAVE, в общественном и правовом сознании диалект нередко воспринимается как «плохой» или «неграмотный» английский, и эта дискриминация имеет реальные социальные последствия — влияя на оценку компетентности человека в суде, в школе, на работе. В случае Коффи цена этой дискриминации оказывается абсолютной. Суд не вникает в подлинный смысл его слов: его речь заранее была опознана как речь виновного.

Этот эпизод перекликается с наблюдениями о том, что образ афроамериканца в литературе часто строится через противопоставление внешней оценки и внутренней реальности персонажа [11]. Коффи — человек с исключительным даром сострадания и исцеления — оказывается полностью бессилен перед системой.

Также интерес представляет конструкция «There was kids». Она демонстрирует характерное для AAVE согласование в конструкциях с «there»: единственное число глагола «was» используется при подлежащем во множественном числе. В стандартном английском требуется «there were kids», однако в разговорной и диалектной речи форма «was» нередко обобщается на все числа.

Можно отметить, что исследователи неоднократно указывали, что белый автор, воспроизводящий в своём произведении речь темнокожего персонажа, зачастую прибегает к стереотипизации. Тем не менее речь Коффи в романе не производит впечатления карикатурной. Кинг не использует диалект для высмеивания или принижения персонажа. Напротив, через язык раскрывается внутренняя глубина Коффи, его способность к состраданию, его трагическое одиночество. AAVE здесь — не маркер интеллектуальной ограниченности, а показатель культурной принадлежности и живого человеческого опыта.

Речь Джона Коффи в романе «Зелёная миля» — это не просто диалектный колорит. Это многоуровневая художественная система, через которую Стивен Кинг выстраивает образ человека на пересечении нескольких форм маргинальности: расовой, социальной, классовой, экзистенциальной.

Анализ конкретных речевых образцов из текста показывает, что AAVE в данном случае выполняет как минимум три функции. Идентификационную: речь Коффи маркирует его культурную и социальную принадлежность, вписывает его в конкретный исторический и географический контекст. Характерологическую: через специфику языка раскрываются черты личности. Идеологическую: именно диалектные особенности речи становятся тем механизмом, через который система власти превращает Коффи в преступника.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть: анализ AAVE в художественном тексте требует одновременно лингвистической точности и историко-культурного понимания. Речь Коффи — не набор ошибок, а живая диалектная система, несущая в себе опыт целого сообщества. Так, мы понимаем, что язык персонажа является неотъемлемой частью его идентичности и неотъемлемой частью смысла романа.

Литература:

1. Geoffrey K. Pullum African American Vernacular English is not standard English with mistakes // The workings of language. — 1999. — P. 39-58.

2. Ланберг Е.С. К вопросу об истории возникновения Black English // Молодой учёный. — 2011. — № 5 (28). — С. 20-22.

3. Zang B. Is African American Vernacular English a Language? — URL: https://www.britannica.com/story/is-african-american-vernacular-english-a-language (дата обращения: 6.12.2025).

4. Максимова С.Ю., Мацюпа К.В. Афроамериканский социально—этнический диалект: коммуникативный и типологический статусы // Язык науки и профессиональная коммуникация. — 2022. — № 1 (6). — С. 113-123.

5. Романова И.С. Функции афро-американского диалекта в словесной палитре белых писателей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1 (2). — С. 102-105.

6. Стрельцов А.А. Афроамериканский диалект в литературе: способы передачи и возможности перевода // Иностранные языки в высшей школе. — 2025. — № 2 (73). — С. 92-104.

7. Farrington C., Kohn M., King S. Sources of variation in the speech of African Americans: Perspectives from sociophonetics. — URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9286383/#wcs1550-sec-0001 (дата обращения: 8.12.2025).

8. McKay I. African American Vernacular English: What is it, where does it come from, and why is it important? — URL: https://mangolanguages.com/resources/learn/general/language-culture/african-american-vernacular-english-what-is-it-where-does-it-come-from-and-why-is-it-important (дата обращения: 6.12.2025).

9. Мурашова В.С. Диалектизмы афроамериканского английского языка в творчестве P. Djèlí Clark // Электронный научный журнал «Наука в мегаполисе». — 2025. — № 13 (81). — URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-81/yazyk-kultura-kommunikatsiya-v-tsifrovuyu-epokhu/dialektizmy-afroamerikanskogo-anglijskogo-yazyka-v-tvorchestve-p-dj-li-clark.html (дата обращения: 7.12.2025).

10. Stephens J. The United States of Accents: African American Vernacular English. — URL: https://www.babbel.com/en/magazine/african-american-vernacular-english (дата обращения: 6.12.2025).

11. Романова И.С. К вопросу об образе афроамериканца в произведениях американских писателей XIX века (на материале произведений Дж. Ф. Купера, Э. По, Г. Мелвилла, У. Уитмена) // Вестник ИГЭУ. — 2007. — № 1. — С. 1-7.

Утяшева Светлана Равиловна
Utyasheva Svetlana Ravilovna
магистрант
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
e-mail: svetik-r777s@mail.ru

Шабаева Гузель Фагимовна
Shabaeva Guzel Fagimovna
кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ВОЗМОЖНОСТИ СЕМЕЙНОГО КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА КАК СРЕДСТВА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN AND THE POTENTIAL OF FAMILY PUPPET THEATER AS A MEANS OF ITS FORMATION

Аннотация. В статье представлен комплексный теоретический анализ проблемы развития эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста. Актуальность исследования обусловлена выраженным запросом современной образовательной практики на поиск эффективных средств формирования у обучающихся навыков распознавания, понимания и регуляции собственных эмоций, а также эмоций других людей, что напрямую связано с успешностью адаптации к школьному обучению, характером межличностных отношений со сверстниками и устойчивостью к стрессовым воздействиям. Автором подробно рассматривается специфика младшего школьного возраста как сенситивного периода для становления базовых компонентов эмоционального интеллекта, при этом подчеркивается, что сенситивность не редуцируется исключительно к фактору биологического созревания, а представляет собой сложное сочетание когнитивных, социальных и мотивационных предпосылок, делающих ребёнка особенно восприимчивым к целенаправленным педагогическим воздействиям.

В работе систематизированы и критически сопоставлены основные теоретические подходы к пониманию природы и структуры эмоционального интеллекта, а именно модели способностей и смешанные модели; проанализированы методологические трудности и противоречия, вытекающие из концептуальной двойственности в трактовке феномена, включая проблему дефицита возрастно-специфичного и валидного диагностического инструментария для младших школьников. Особое внимание уделяется анализу роли семьи как первичной школы эмоционального опыта ребёнка: обобщены данные о влиянии стилей детско-родительских отношений и эмоционального климата семьи на развитие эмпатии и навыков саморегуляции, а также вскрыто фундаментальное противоречие между признанием семьи ключевым фактором развития и явным недостатком системных

практико-ориентированных программ, направленных на изменение внутрисемейного эмоционального взаимодействия.

Автором обосновывается развивающий и коррекционный потенциал семейного кукольного театра как инновационного синтетического средства, интегрирующего в себе возможности символического (работа с художественным образом, сказочным сюжетом, метафорой) и интеракционного (непосредственное изменение живого общения в диаде «родитель-ребенок» в процессе совместной творческой деятельности) подходов. Показано, что кукла выполняет функцию безопасного психологического медиатора, облегчающего процессы проекции, вербализации и рефлексии сложных переживаний, а совместная театрализованная деятельность создает уникальные условия для синхронизации эмоциональных регистров семьи, гармонизации детско-родительских отношений и комплексного формирования всех структурных компонентов эмоционального интеллекта младших школьников. Намечаются перспективные направления дальнейших эмпирических исследований эффективности предложенной модели.

Abstract. The article presents a comprehensive theoretical analysis of the problem of developing emotional intelligence in children of primary school age. The relevance of the study is determined by the explicit demand of modern educational practice for the search for effective means of developing students' skills in recognizing, understanding, and regulating their own emotions as well as the emotions of others, which is directly related to the success of adaptation to schooling, the nature of interpersonal relationships with peers, and resilience to stressful influences. The authors examine in detail the specificity of primary school age as a sensitive period for the formation of the basic components of emotional intelligence, emphasizing that sensitivity is not reduced solely to the factor of biological maturation but represents a complex combination of cognitive, social, and motivational prerequisites that make the child particularly receptive to targeted pedagogical interventions.

The paper systematizes and critically compares the main theoretical approaches to understanding the nature and structure of emotional intelligence, namely ability models and mixed models; it analyzes the methodological difficulties and contradictions arising from the conceptual duality in the interpretation of the phenomenon, including the problem of the deficit of age-specific and valid diagnostic tools for younger schoolchildren. Special attention is paid to the analysis of the role of the family as the primary school of the child's emotional experience: data on the influence of child-parent relationship styles and the emotional climate of the family on the development of empathy and self-regulation skills are summarized, and a fundamental contradiction is revealed between the recognition of the family as a key factor in development and the apparent lack of systematic practice-oriented programs aimed at changing intrafamily emotional interaction.

The authors substantiate the developmental and corrective potential of family puppet theater as an innovative synthetic tool that integrates the possibilities of symbolic (work with an artistic image, fairy-tale plot, metaphor) and interactional (direct change of live communication in the "parent-child" dyad in the process of joint creative activity) approaches. It is shown that the puppet performs the function of a safe psychological mediator, facilitating the processes of projection, verbalization, and reflection of complex feelings, and joint theatricalized activity creates unique conditions for synchronizing the emotional registers of the family, harmonizing child-parent relationships, and comprehensively forming all structural components of emotional intelligence in younger schoolchildren. Promising directions for further empirical research on the effectiveness of the proposed model are outlined.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, младшие школьники, семейный кукольный театр, детско-родительские отношения, регуляция эмоций, модели способностей.

Keywords: emotional intelligence, primary schoolchildren, family puppet theater, child-parent relationships, emotion regulation, ability models, mixed models, symbol, reflection.

Проблема эмоционального интеллекта занимает в современной психологии и педагогике особое место. Интерес к ней объясняется не преходящей модой, а вполне конкретным запросом образовательной и воспитательной практики: дети, умеющие распознавать, вербализировать и регулировать собственные переживания, демонстрируют более высокий уровень адаптации к школьным требованиям, оказываются успешнее в выстраивании отношений со сверстниками и значительно менее подвержены деструктивным поведенческим реакциям в ситуациях стресса и неопределенности. Среди всех возрастных периодов младший школьный возраст выделяется исследователями особо. М. А. Антонова рассматривает его как чувствительный для становления эмоционального интеллекта – именно на этапе начальной школы закладываются базовые навыки осознания и управления эмоциями, которые во многом определяют дальнейшее качество социальных взаимодействий человека на протяжении всей последующей жизни [2, с. 422]. При этом само понятие чувствительности здесь не сводится исключительно к биологическому созреванию мозговых структур: речь идёт о сложном стечении когнитивных, социальных и мотивационных условий, которые в своей совокупности делают ребёнка особенно открытым к определённым обучающим и воспитательным воздействиям. Именно поэтому вопрос о том, каковы конкретные психологические механизмы развития эмоционального интеллекта в данный период и какие факторы – семейные, школьные, индивидуально-типологические – оказывают на него решающее влияние, остаётся предметом активных и далеко не завершённых научных дискуссий.

Прежде чем рассматривать особенности развития эмоционального интеллекта у конкретной возрастной группы, необходимо разобраться с тем, как сам этот феномен понимается в современных исследованиях. Здесь единства не наблюдается, и терминологический разброс весьма велик. И. М. Гаврилова и Е. А. Приходько фиксируют, что в научной литературе сосуществуют как минимум два принципиально разных теоретических подхода. Первый – модели способностей, трактующие

эмоциональный интеллект как когнитивную компетентность работать с эмоциональной информацией по аналогии с тем, как традиционный интеллект оперирует информацией логической. Второй – смешанные модели, включающие в его состав не только когнитивные навыки, но и широкий спектр личностных черт, мотивационных характеристик и поведенческих диспозиций [6, с. 75]. Это глубинное концептуальное расхождение влечёт за собой серьёзные практические следствия, поскольку выбор исследователем или педагогом-практиком той или иной теоретической позиции напрямую определяет и подбираемый диагностический инструментарий, и содержание развивающих педагогических стратегий. Если эмоциональный интеллект – это прежде всего способность, его можно целенаправленно тренировать и развивать через систему специально организованных упражнений и когнитивных задач; если же он в значительной мере встроен в личностную структуру и связан с темпераментом и характером, одними упражнениями обойтись не удастся, и потребуется более глубокая работа, затрагивающая систему отношений и установок. Подобная концептуальная двойственность пронизывает всю область исследований эмоционального интеллекта и порождает немало методологических трудностей как при проведении научных изысканий, так и при интерпретации их результатов для нужд педагогической практики.

Структурный вопрос – из каких компонентов состоит эмоциональный интеллект – является одним из наиболее разработанных, но вместе с тем и одним из наиболее дискуссионных. Л. Р. Гайнанова и Г. В. Бондаренко в своём аналитическом обзоре существующих моделей выделяют в составе эмоционального интеллекта несколько относительно самостоятельных компонентов: осознание собственных эмоций, управление ими, распознавание эмоций других людей и регуляция межличностного взаимодействия на основе этого понимания [9, с. 39]. Схожую структурную позицию занимает Э. А. Ковалева, добавляя при этом принципиально важный для возрастной психологии акцент: у детей младшего школьного возраста перечисленные компоненты развиваются крайне неравномерно, асинхронно, причём рефлексивный блок, связанный с глубинным осмыслением собственных переживаний и их причин, формируется заметно позже остальных и требует для своего созревания достаточно высокого уровня развития произвольности и метакогнитивных способностей [14, с. 188]. З. К. Бгуашева и А. К. Берсирова дополнительно конкретизируют эту картину, указывая на выраженные индивидуальные различия в уровне и темпе развития эмоционального

интеллекта даже внутри одной и той же узкой возрастной группы [3, с. 148]. Совокупность наблюдений подрывает упрощённые представления о единых и жёстких возрастных нормах: нельзя говорить о некоем типичном эмоциональном профиле семилетнего или десятилетнего ребёнка, не принимая во внимание значительный разброс внутри группы, обусловленный как биологическими предпосылками, так и социальной ситуацией развития конкретного ребёнка.

Чтобы глубже понять, почему возникают столь заметные индивидуальные различия, необходимо обратиться к общей психолого-педагогической характеристике данного возрастного периода. М. М. Гадамаури подчёркивает, что младший школьный возраст отличается высокой пластичностью нервных процессов, интенсивным развитием произвольности всех психических функций и растущей, но ещё не окрепшей способностью к рефлексии – всё это в совокупности делает ребёнка одновременно чрезвычайно чувствительным к педагогическим воздействиям и весьма уязвимым к эмоциональным перегрузкам, которые неизбежно сопровождают учебную деятельность [8, с. 118]. Т. С. Белецкая и Е. В. Покутняя дополняют этот психологический портрет, акцентируя психосоциальное измерение периода: ребёнок переживает острое внутреннее противоречие между интенсивным стремлением к компетентности, желанием быть успешным и одобряемым, и глубинным страхом неудачи, осуждения, оказаться не на высоте ожиданий, и это экзистенциальное для младшего школьника противоречие разрешается во многом через характер его отношений со значимыми взрослыми – родителями и учителями [4, с. 22]. Два наблюдения вместе указывают на принципиально важную вещь: эмоциональный интеллект развивается не в вакууме, не как изолированная когнитивная функция, а в конкретной, живой системе отношений, от качества которой напрямую зависит и траектория, и темп, и устойчивость его становления.

Ключевую роль в этой системе отношений играет семья, выступающая первичным эмоциональным универсумом ребёнка. Г. А. Григорян, обращаясь к обширному массиву современной психологической литературы, фиксирует устойчивую и многократно подтверждённую исследовательскую тенденцию рассматривать детско-родительские отношения как первичную школу эмоционального опыта, в которой ребёнок с самых ранних лет усваивает базовые образцы распознавания, означивания, выражения и регуляции переживаний [11, с. 57]. М. В.

Козуб в своей монографии развивает этот тезис обстоятельно и аргументированно: характер семейного взаимодействия – его эмоциональная насыщенность, открытость, предсказуемость – влияет не только на актуальные, сиюминутные эмоциональные реакции ребёнка, но и на формирование долгосрочных, устойчивых стратегий поведения в ситуациях фрустрации и напряжения, которые затем с высокой степенью автоматизма воспроизводятся ребёнком уже в качественно иной, школьной среде [15]. А. А. Виноградова и С. М. Кашапов обращают внимание на новый и чрезвычайно важный нюанс: с поступлением ребёнка в школу детско-родительские отношения усложняются и внутренне дифференцируются, авторитет родителей начинает впервые в жизни ребёнка серьёзно конкурировать с авторитетом учителя, появляется и стремительно набирает субъективную значимость опыт сверстниковой группы, и ребёнок оказывается перед сложнейшей психологической задачей – согласовывать разные, подчас противоречащие друг другу эмоциональные регистры, нормы и ожидания [5, с. 95]. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: насколько семейные эмоциональные паттерны, усвоенные на ранних этапах онтогенеза, устойчивы перед лицом новых и мощных социализирующих влияний, и при каких условиях они могут быть скорректированы или, напротив, заблокированы?

Влияние родительского стиля воспитания на эмоциональный интеллект детей находит всё новые подтверждения в целом ряде эмпирических работ. З. И. Гадаборшева и А. В. Ажиев на репрезентативном материале демонстрируют, что авторитарная модель воспитания, характеризующаяся высокой требовательностью при низкой эмоциональной отзывчивости, как правило, существенно ограничивает развитие эмпатии и навыков самостоятельной эмоциональной саморегуляции у младших школьников, тогда как эмоциональная открытость, принятие и поддержка в семье создают благоприятную, питательную почву для естественного роста этих способностей [7, с. 181]. Данная закономерность кажется интуитивно убедительной и согласуется с житейским здравым смыслом, однако за ней скрывается серьёзная и до сих пор не решённая методологическая проблема, связанная с направленностью причинно-следственных связей: дети с разным темпераментом, с разной исходной эмоциональной реактивностью сами по-разному провоцируют родительское поведение, вызывая у взрослых то раздражение и стремление к жёсткому контролю, то, напротив, сочувствие и поддержку, и разграничить, что в этой сложной диалектике является

причиной, а что следствием, крайне сложно при преобладающем в исследованиях корреляционном дизайне. Подавляющее большинство работ фиксируют статистические корреляции, но не выявляют глубинные причинно-следственные механизмы, действующие в реальном времени семейного взаимодействия. Именно это ограничение остаётся сегодня одним из наиболее болезненных и трудноустранимых мест в области исследований детско-родительских отношений применительно к эмоциональному развитию детей.

На уровне психолого-педагогической диагностики ситуация не менее противоречивая и неоднозначная. М. В. Алаева и А. Е. Фадейкина в своём тщательно спланированном эмпирическом исследовании установили, что значительная часть современных младших школьников демонстрирует низкий или, в лучшем случае, средний уровень развития эмоционального интеллекта, причём заметнее всего страдают навыки управления собственными эмоциями, тогда как их распознавание и называние оказываются относительно более сохранными [1, с. 109]. Полученные данные указывают на любопытное и тревожное расхождение: дети знают об эмоциях, их названиях и внешних проявлениях значительно больше, чем реально умеют с ними конструктивно работать в стрессогенных ситуациях. Когнитивная осведомлённость об эмоциональной сфере не конвертируется автоматически в практическую регуляцию. Типичная педагогическая ошибка, которая с неизбежностью вытекает из игнорирования или недооценки этого фундаментального факта, состоит в сведении всей работы по развитию эмоционального интеллекта к информированию – разговорам об эмоциях, их называнию, заучиванию и расширению словаря переживаний. Всё это, безусловно, нужно и составляет необходимый ориентировочный этап, но совершенно недостаточно для формирования полноценного регуляторного навыка. Перед педагогами и психологами стоит значительно более трудная и комплексная задача – создать такие психолого-педагогические условия, в которых регуляция эмоций становится реальным, присвоенным, действующим в поведении навыком, а не декларативным знанием, демонстрируемым лишь в ситуации опроса или тестирования.

Педагогические условия развития эмоционального интеллекта разрабатываются сегодня сразу в нескольких направлениях, и между ними существуют как очевидные точки соприкосновения и взаимодополнения, так и реальные, подчас неотрефлексированные противоречия. И. И. Гоголева предлагает целостную систему

работы, опирающуюся на рефлексивные практики, эмоционально насыщенные, проживаемые, а не просто проговариваемые ситуации в учебном процессе и специально выстроенный, фасилитирующий диалог между учителем и учеником [10, с. 9]. Н. В. Гришина делает акцент на богатейшем потенциале изобразительной деятельности: работа с визуальным, пластическим, цветовым образом позволяет ребёнку выражать то, что пока трудно или невозможно передать словами, и создаёт уникальный обходной канал для эмоционального осознания и безопасной переработки сложных переживаний [12, с. 55]. А. О. Ждамарова исследует музыкально-театральную деятельность как мощный инструмент развития эмпатии и эмоциональной гибкости – воплощение роли требует от ребёнка временно выйти за пределы собственного «Я», принять позицию другого человека, что непосредственно и интенсивно тренирует социальную составляющую эмоционального интеллекта [13, с. 296]. В совокупности разноплановые подходы убедительно показывают: наиболее продуктивные и устойчивые пути развития эмоционального интеллекта лежат в сфере деятельностной включённости, активного проживания, а не пассивного усвоения готовых знаний об эмоциях.

Художественно-театральное направление приобретает дополнительный глубинный смысл, когда оказывается органично встроено в семейный контекст. Т. А. Саклакова исследует театральные постановки по мотивам русских народных сказок как средство формирования у младших школьников ценностного, эмоционально окрашенного отношения к семье: через архетипический сюжет и символический строй сказки ребёнок осмысляет эмоциональные роли и нормы, транслируемые культурой из поколения в поколение [16, с. 57]. Е. В. Харина предлагает принципиально иную, комплементарную точку приложения педагогических усилий – вовлечение самих родителей в творческие семейные проекты как способ выстраивать качественно новый совместный эмоциональный опыт, который затем естественным образом перетекает и закрепляется в повседневном семейном общении [17, с. 275]. Оба подхода преследуют во многом схожие развивающие цели, однако внутренняя логика и механизмы воздействия у них разные. Т. А. Саклакова работает с ребёнком через культурный символ, через дистанцированное осмысление эмоциональных коллизий. Е. В. Харина работает с семьёй как живой, открытой системой, меняя реальное, а не воображаемое взаимодействие. Возможно, именно выверенная комбинация двух стратегий – символической и интеракционной – могла бы дать значительно более устойчивый,

пролонгированный и системный эффект, однако сравнительные исследования эффективности подходов в научной литературе практически отсутствуют.

В таблице 1 более наглядно представлены теоретические подходы к пониманию эмоционального интеллекта.

Таблица 1. Основные теоретические подходы к пониманию эмоционального интеллекта

Параметр сравнения	Модели способностей	Смешанные модели
Сущность феномена	Когнитивная способность к переработке эмоциональной информации (аналог логического интеллекта в сфере эмоций)	Сочетание когнитивных способностей, личностных черт, мотивации и поведенческих стратегий
Основные представители	Дж. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо	Р. Бар-Он, Д. Гоулман
Ключевые компоненты	Восприятие и идентификация эмоций; использование эмоций для фасилитации мышления; понимание эмоций; управление эмоциями	Внутриличностная сфера (самопонимание, ассертивность); межличностная сфера (эмпатия, социальная ответственность); управление стрессом; адаптивность; общее настроение
Методы диагностики	Объективные тесты, задачи с правильными и неправильными ответами (например, MSCEIT)	Опросники, методики самоотчёта и экспертных оценок (например, EQ-i)
Статус в образовании и педагогике	Эмоциональный интеллект как навык, который можно целенаправленно тренировать через упражнения	Эмоциональный интеллект как широкий набор компетенций, развиваемый через изменение установок и вовлечение в деятельность
Основная критика	Излишне узкая трактовка, исключающая мотивационные и поведенческие аспекты; сложность создания объективных заданий для детей	Размытость границ с другими личностными конструктами (темперамент, характер); субъективность опросников

Обобщая накопленный к настоящему моменту массив теоретических и эмпирических исследований, можно выделить несколько сквозных содержательных противоречий, которые определяют нынешнее, переходное состояние проблемы. Первое из них – бросающееся в глаза несоответствие между широтой и разнообразием теоретических моделей эмоционального интеллекта, претендующих на универсальность, и крайней ограниченностью возрастно-специфического, валидизированного именно для младшего школьного возраста диагностического инструментария. Большинство методик, применяемых сегодня в исследовательских и практических работах с младшими школьниками, исторически создавались и стандартизировались для подростков или взрослых и затем переносятся на детскую выборку без достаточного теоретического обоснования и без убедительной проверки

содержательной и конструктной валидности. Результаты, полученные с помощью инструментов, не верифицированных должным образом для данного возраста, практически невозможно корректно сопоставлять между собой в разных исследованиях, и это драматически затрудняет накопление подлинно кумулятивного, сопоставимого научного знания в данной области.

Второе противоречие – между практически единодушным признанием семьи ключевым, решающим фактором развития эмоционального интеллекта ребёнка и реальной массовой педагогической практикой, которая по-прежнему хронически сосредоточена преимущественно на самом ребёнке в его изолированной школьной ипостаси. Работы с родителями в подавляющем большинстве случаев либо носят сугубо просветительский, информационный характер, либо сводятся к эпизодическим, разрозненным мероприятиям, не складывающимся в продуманную систему. Полноценных, научно обоснованных системных программ, целенаправленно нацеленных на изменение эмоционального климата в семье как главного условия развития интеллекта ребёнка, в настоящее время насчитываются буквально единицы, и они не имеют широкого распространения в практике. Третье противоречие касается состояния доказательной базы активно развивающихся художественных и театральных методов работы. Их эффективность и высокий развивающий потенциал принимаются во многих публикациях как нечто само собой разумеющееся, почти аксиоматическое, однако строгих, контролируемых экспериментальных проверок, убедительно показывающих, какие именно конкретные компоненты эмоционального интеллекта развиваются под их воздействием, в какой именно мере и за счёт каких именно психологических механизмов, по-прежнему явно и удручающе недостаточно.

Перспективные направления для будущих научных исследований вырисовываются из обозначенных выше противоречий достаточно чётко и определённо. Прежде всего назрела острая необходимость в разработке диагностических инструментов, изначально спроектированных с учётом когнитивных возможностей, ведущей деятельности и социальной ситуации развития именно младшего школьного возраста.

Существующие сегодня методики нуждаются в систематической и тщательной валидации применительно именно к этой возрастной группе, с обязательной проверкой их возрастной дифференцирующей способности и прогностической ценности. Не менее

важны и востребованы лонгитюдные, многолетние исследования, способные проследить, как ранний семейный эмоциональный опыт постепенно преобразуется в устойчивые эмоциональные стратегии и личностные диспозиции по мере взросления ребёнка. На сегодняшний день подавляющее большинство работ фиксируют лишь срезовые, сиюминутные состояния, что принципиально не позволяет строить обоснованные суждения о динамике, каузальности и долгосрочных эффектах педагогических и семейных воздействий.

Наконец, принципиально важно и теоретически значимо углублённое изучение механизмов взаимодействия семейных и школьных воздействий на эмоциональный интеллект – понимание того, при каких конкретных условиях эти два мощнейших института социализации усиливают и взаимно потенцируют друг друга, а при каких, напротив, вступают в конкурентные отношения или взаимно нейтрализуют развивающие эффекты. Подобное понимание могло бы стать надёжной научной основой для разработки значительно более эффективных комплексных, системных программ развития эмоционального интеллекта. Вся область исследований находится сегодня в фазе активного, интенсивного накопления эмпирического материала, и переход к его глубинному синтезу, теоретическому осмыслению и выходу на уровень практико-ориентированных обобщений представляется не просто желательным, но категорически необходимым шагом для её дальнейшего полноценного развития.

Литература:

1. Алаева М. В. Исследование уровня эмоционального интеллекта у школьников // Инновационный опыт и перспективы развития современной психологии: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, 2023. С. 108-112.

2. Антонова М. А. Развитие эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте // Вьюновские чтения - 2024: Материалы II международной научно-практической конференции, проводимой в рамках года семьи в Российской Федерации, посвященной памяти доктора педагогических наук, крофессора Н. И. Вьюновой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. С. 421-425.

3. Бгуашева З. К. Особенности развития эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста // Антропологический аспект начального образования в условиях трансформационных процессов (к 200-летию К. Д. Ушинского): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 147-150.

4. Белецкая Т. С. Психосоциальные характеристики ребёнка младшего школьного возраста // Инновации и потенциал социально-гуманитарных наук в условиях вызовов современности II: Сборник научных трудов, Шахты, 20 ноября 2025 года. Шахты: Донской государственный технический университет, 2025. С. 21-24.

5. Виноградова А. А. Детско-родительские отношения как актуальный вопрос воспитания младшего школьника // Молодёжь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы X Международной научно-практической конференции. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2021. С. 94-97.

6. Гаврилова И. М. Подходы к изучению эмоционального интеллекта // Апгрейд молодёжных инициатив: Обновление - 2025: VIII всероссийская научно практическая конференция. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2022. С. 74-78.

7. Гадаборшева З. И. Влияние детско-родительских отношений на развитие детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы современной семьи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Грозный: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2021. С. 179-183.

8. Гадамаури М. М. Психолого-педагогическая характеристика детей младшего школьного возраста // Образование и педагогическая наука в XXI веке: теоретические и практические аспекты исследований: Сборник трудов Седьмой Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Москва: Российский новый университет, 2025. С. 117-121.

9. Гайнанова Л. Р. Структура эмоционального интеллекта // Будущее клинической психологии - 2020: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 37-42.

10. Гоголева И. И. Педагогические условия развития эмоционального интеллекта у младших школьников // Среднее профессиональное образование. 2024. № 12(352). С. 7-12.

11. Григорян Г. А. Детско-родительские отношения в современной психологической литературе // Актуальные исследования. 2023. № 49 (179). Ч. III. С. 57-59.

12. Гришина Н. В. Влияние изобразительной деятельности на всестороннее развитие личности ребёнка // Актуальные исследования. 2024. № 13 (195). Ч. III. С. 54 57.

13. Ждамарова А. О. Влияние музыкально-театральной деятельности на эмоциональное развитие школьников // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. С. 295-297.

14. Ковалева Э. А. Особенности формирования эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 187-190.

15. Козуб М. В. Психолого-педагогические условия развития детско-родительских отношений: монография / М. В. Козуб. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. 92 с.

16. Саклакова Т. А. Театральные постановки по мотивам русских сказок как способ развития ценностного отношения к семье у младших школьников // Известия института педагогики и психологии образования. 2021. № 1. С. 55-60.

17. Харина Е. В. Вовлечение родителей младших школьников в творческие семейные проекты // Герценовские чтения. Художественное образование ребёнка: стратегии будущего: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2021. С. 272-280.

Шабад Валерия Алексеевна
Shabad Valeria Alekseevna
аспирант
НОУ ВПО «Московский университет имени А. С. Грибоедова»

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

DISCOURSE ANALYSIS AS A METHOD FOR CONCEPTUALIZING EMOTIONS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE: THEORETICAL FOUNDATIONS AND TOOLS

Аннотация. Статья посвящена систематизации теоретических основ и аналитического инструментария дискурсивного анализа применительно к изучению эмоций в политическом медиадискурсе. В работе обосновывается переход от психологического к социально-конструктивистскому пониманию эмоций – не как внутренних состояний, а как дискурсивных практик, целенаправленно используемых в качестве ресурса власти и инструмента манипуляции. Выделены три ключевые научные школы (критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, социолингвистический подход) и их вклад в изучение эмоций. Систематизированы лексико-грамматические маркеры эмоций (эмотивная лексика, метафорические модели, интенсификаторы), нарративные стратегии («угроза», «надежда», «гнев») и механизмы интерактивного позиционирования (оппозиции «свой – чужой», «враг – защитник»). В качестве операциональных исследовательских процедур предложены выделение ключевых слов, фрейм-анализ эмоциональных тонов и анализ речевых актов (обвинение, легитимация, провокация). Делается вывод, что дискурсивный анализ выступает целостной эпистемологической программой, интегрирующей лингвистические, когнитивные и социальные аспекты изучения эмоций в политической коммуникации.

Abstract. This article systematizes the theoretical foundations and analytical tools of discourse analysis as applied to the study of emotions in political media discourse. The paper substantiates a shift from a psychological to a social constructivist understanding of emotions—not as internal states, but as discursive practices purposefully used as a resource of power and a tool of manipulation. Three key scholarly schools (critical discourse analysis, discursive psychology, and the sociolinguistic approach) and their contributions to the study of emotions are highlighted. The article systematizes lexical and grammatical markers of emotion (emotive vocabulary, metaphorical models, intensifiers), narrative strategies ("threat," "hope," "anger"), and mechanisms of interactive positioning (oppositions of "friend/foe," "enemy/defender"). Keyword extraction, frame analysis of emotional tones, and speech act analysis (accusation, legitimation, provocation) are proposed as operational research procedures. It is concluded that discourse analysis serves as a holistic epistemological program integrating linguistic, cognitive, and social aspects of the study of emotions in political communication.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, политический медиадискурс, эмоции, концептуализация, метафора, нарративные стратегии, речевые акты, «свой – чужой».

Keywords: discourse, discourse analysis, political media discourse, emotions,

conceptualization, metaphor, narrative strategies, speech acts, "friend/foe."

Введение

Современная лингвистическая парадигма, характеризующаяся антропоцентризмом и междисциплинарностью, сместила фокус с изучения языка как абстрактной знаковой системы на его исследование как средства социального взаимодействия и конструирования реальности. Политический медиадискурс, будучи одной из наиболее влиятельных форм институциональной коммуникации, является ключевым инструментом борьбы за власть и формирования общественного мнения. В условиях информационной эпохи и феномена «постправды» (post-truth), когда эмоциональное воздействие нередко превалирует над рациональной аргументацией, язык политики превращается в мощный ресурс манипуляции.

При этом, как показывают проанализированные источники, эмоции (страх, ненависть, гнев, надежда) не просто сопутствуют политической коммуникации, но целенаправленно конструируются, вербализуются и используются как инструмент легитимации власти, дискредитации оппонента и мобилизации масс. В этой связи возникает необходимость не только в выявлении отдельных языковых маркеров эмоций, но и в систематизации методологического инструментария, позволяющего реконструировать глубинные дискурсивные стратегии эмоционального воздействия.

Актуальность исследования

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в изучении эмоций в политическом медиадискурсе. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых отдельным аспектам политической коммуникации (эмотивной лексике, метафорам, стратегиям речевого воздействия), комплексный подход, интегрирующий различные методы дискурсивного анализа в единую систему изучения эмоций, отсутствует. Наблюдается разрыв между теоретическими положениями о конструируемой природе эмоций и практическим инструментарием их выявления и интерпретации в конкретных политических текстах. Кроме того, динамичное развитие медиасреды, появление новых форм политической коммуникации (социальные сети, блоги, цифровые платформы) генерируют новые способы эмоционального воздействия, требующие адекватных аналитических процедур. Таким образом, назрела необходимость в систематизации и унификации

методологического инструментария дискурсивного анализа применительно к изучению эмоций как дискурсивного феномена, что и определяет актуальность данной работы.

Цель и задачи

Цель настоящей статьи состоит в систематизации теоретических основ и описании аналитического инструментария дискурсивного анализа для изучения эмоций как дискурсивного феномена в политической медиакоммуникации. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) определение ключевых принципов дискурсивного анализа как метода концептуализации эмоций; 2) характеристика основных научных школ и их вклада в изучение эмоций; 3) выявление и систематизация лексико-грамматических маркеров и нарративных стратегий вербализации эмоций; 4) описание операциональных исследовательских процедур.

Теоретические основы дискурсивного анализа эмоций в политическом медиадискурсе

Понятие «дискурс» является одним из центральных, но и наиболее многозначных в современной лингвистике. В отечественной лингвистике наиболее признанным и цитируемым является определение Н.Д. Арутюновой, которая трактует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, С. 136–137]. Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь», что принципиально отличает его от текста как абстрактной формальной конструкции.

Л.В. Ермакова выделяет три важнейшие категории, лежащие в основе дискурсивного анализа: действие, построение и вариативность. Когда люди что-нибудь говорят или пишут, они тем самым совершают социальные действия. Конкретные свойства этих социальных действий определяются тем, как устный дискурс или письменный текст построены, с помощью каких именно лингвистических ресурсов, отобранных говорящим из всего многообразия языковых средств. Поскольку устный дискурс или письменный текст вплетены в живую ткань социальной деятельности и межличностного взаимодействия, их вариативность воплощает особенности различных социально-деятельностных контекстов и намерений авторов. Это отличает дискурсивный анализ от формально-лингвистических подходов, которые часто

игнорируют социальную вариативность языка [2, С. 12–13].

Ключевым отличием дискурсивного анализа от традиционного контент-анализа является его качественный, интерпретативный характер и внимание к скрытым механизмам порождения смысла. Контент-анализ, как правило, ориентирован на количественный подсчёт частотности тех или иных единиц (слов, тем, образов) в тексте. Он эффективен для выявления статистически значимых тенденций, но недостаточен для понимания того, как эти единицы функционируют в конкретнем контексте. Дискурсивный анализ, напротив, стремится к выявлению глубинных структур, стратегий и тактик, лежащих в основе текста. Он исследует не просто наличие эмоциональной лексики, а то, как эта лексика встраивается в аргументацию, как она взаимодействует с другими языковыми средствами для достижения перлокутивного эффекта.

Концептуализация эмоций в дискурсе: от психологического подхода к социально-конструктивистскому

В лингвистике сформировалась специальная отрасль – эмотиология, которая исследует взаимосвязь эмоций и языка. Ключевым понятием здесь является «эмотивность» – имманентное свойство языковых средств выражать эмоции. Важно разграничивать «эмоциональность» как психологическую характеристику субъекта и «эмотивность» как свойство языковых знаков. В процессе коммуникации выделяют два типа проявления эмоций: эмоциональную коммуникацию (спонтанное, неконтролируемое выражение чувств) и эмотивную коммуникацию (сознательную, запланированную демонстрацию эмоций с определённой коммуникативной установкой) [3, С. 12–13].

В рамках социально-конструктивистского подхода, развиваемого в работах В.Е. Чернявской [9], эмоции понимаются не как внутренние состояния, а как социальные практики, которые люди осваивают и используют в процессе взаимодействия. С этой точки зрения, эмоции «делаются» и «свершаются» в дискурсе. Например, гнев представляет собой не просто физиологическое состояние, а социально приемлемый (или неприемлемый) способ реагирования на ситуацию несправедливости, включающий определённые вербальные и невербальные паттерны. Человек усваивает способы эмоционального реагирования в соответствии с нормами своей культуры, и эти способы реализуются в дискурсе.

В политическом медиадискурсе этот переход приобретает особое значение. Политики не просто «выражают» свои истинные чувства; они «используют» эмоции как стратегический ресурс. Ключевым для понимания политической коммуникации является понятие «власть дискурса», которое проявляется в том, что дискурс охватывает все возможности для появления определённых высказываний и, следовательно, обладает возможностью управления высказываниями. «Власть дискурса» означает возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом направляются теории, идеи, оценки, взгляды, суждения [9, С. 108]. Эмоции становятся частью этой власти. Через язык конструируется «образ врага», что вызывает эмоции гнева и страха, или «образ светлого будущего», что порождает надежду.

Основные научные школы и подходы к изучению эмоций в дискурсе

Среди научных школ, внесших наиболее значительный вклад в изучение эмоций в политическом дискурсе, выделяются три.

1. Критический дискурс-анализ. В критическом анализе дискурса, как подчёркивает В.Е. Чернявская, акцент делается не на языке как структуре, а на характере социокультурных процессов, стоящих за использованием языка, на взаимосвязи языка, власти и идеологии. Основная цель КДА – вскрыть скрытые механизмы доминирования и неравенства, которые воспроизводятся через дискурс. Эмоции в КДА рассматриваются как важный идеологический инструмент. «Чужие» описываются в терминах, вызывающих страх и отвращение, в то время как «свои» описываются в терминах, вызывающих гордость и симпатию [9, С.133]. При этом текстовая взаимосвязь обеспечивается темой, тематической прогрессией макротемы в отдельных суб- и микротемах в высказываниях /текстах. Таким образом, текстоцентрический принцип является центральным в анализе дискурса. [9, С. 112].

2. Дискурсивная психология. Дискурсивная психология предлагает радикальный пересмотр традиционных психологических категорий. Основным принципом дискурсивной психологии становится принцип конструкционизма, утверждающий дискурсивную природу и конструируемость средствами дискурса психологических характеристик субъекта, таких как идентичность, способ мышления и поведения, а также бессознательное [10, С. 201]. Дискурсивные психологи отказываются от изучения абстрактных структур личности и утверждают, что субъект является преимущественно

субъектом высказывания и формируется в речевых практиках конкретной дискурсивной ситуации [10, С. 202]. Ключевая идея заключается в том, что приписывание себе или другому определённой эмоции – это не просто описание, а дискурсивное действие, которое имеет риторическую функцию. Например, заявление политика: «Народ возмущён действиями правительства» – это не столько констатация факта, сколько перформативный акт, направленный на легитимацию собственного протеста и делегитимацию власти. Данный подход особенно ценен для анализа политических интервью и дебатов, где приписывание эмоций оппоненту является распространённой тактикой дискредитации.

3. Социолингвистический подход. В рамках социолингвистического подхода, представленного в работах Л.С. Чикилевой и А.Г. Сергеевой, дискурс рассматривается, прежде всего, как институциональное общение, то есть общение, которое происходит в рамках установленных социальных институтов. Эмоции в институциональном дискурсе, в отличие от бытового, жёстко регламентированы статусно-ролевыми отношениями. Как показано в исследовании парламентского дискурса Великобритании, для него характерны сдержанность, формальная вежливость и использование этикетных формул. Открытая речевая агрессия здесь табуирована и контролируется спикером. Однако эмоции проявляются в более мягких, но не менее эффективных формах: ирония, сарказм, укол, каламбур. Например, в ходе парламентских дебатов премьер-министр в ответ на критику назвала своего оппонента «Непостоянный Гардинер», используя каламбур и отсылку к названию фильма, чтобы выразить презрение и снисхождение, не нарушая формальных правил [10, С. 51–52].

Инструментарий дискурсивного анализа для исследования эмоций

1. Лексико-грамматические маркеры эмоций. Политический медиадискурс располагает широким арсеналом языковых средств для вербализации и активизации эмоций. Первую группу маркеров составляет эмотивная лексика. Как отмечает А.Р. Рюкова, в политическом дискурсе часто используется стратегия эвфемизации (смягчения) негативных понятий и дисфемизации (огрубления) при описании действий оппонента. Например, эвфемизм «collateral damage» (сопутствующий ущерб) призван снизить эмоциональный резонанс от сообщений о гибели гражданского населения [7, С. 1088].

Вторую группу маркеров составляют метафоры. Как утверждает С.А. Песина,

метафора является ведущей моделью речевого общения и основным средством передачи экспрессии. В политическом дискурсе метафора – это не просто фигура речи, а способ концептуализации мира, создающий фрейм, который направляет восприятие и вызывает определённые эмоции [6, С. 149].

Третью группу маркеров образуют интенсификаторы и графические средства. Для усиления эмоционального воздействия используются наречия степени, усилительные частицы, лексические и синтаксические повторы, восклицательные знаки, капслок (написание слов заглавными буквами). Как показывают Д.С. Мартьянов и Г.В. Лукьянова, капслок в интернет-коммуникации является заменителем «громкого голоса» и маркером эмоционального напряжения, а восклицательные знаки и множественные скобки служат для передачи интенсивности эмоции. Использование восклицательных знаков особенно характерно для «патриотических» и «националистических» сообществ, что свидетельствует о более высоком эмоциональном накале в этих сегментах политизированного интернет-пространства [4, С. 40].

2. Анализ нарративных стратегий. Нарративные стратегии играют ключевую роль в формировании эмоционального восприятия политических событий.

Стратегия «Угроза» репрезентирует политическое событие или положение дел как непосредственную или потенциальную опасность. Как показано на примере парламентских дебатов по Брекситу, лидер оппозиции Джереми Корбин активно использовал нарратив угрозы, описывая политику правительства как ведущую к «хаосу в экономике, разделению в обществе и ущербу для нашей экономики». Эта стратегия направлена на активацию эмоций страха и тревоги, что создаёт запрос на решительные действия [10, С. 51].

Стратегия «Надежда», являющаяся классическим инструментом предвыборной риторики, представляет события и предлагаемую политику как путь к «светлому будущему» или «возрождению». Как было показано на примере речей Авраама Линкольна, обращение к фермерам через гиперболизированную лесть и обещание заботы об их интересах формировало надежду на лучшее будущее. Данная стратегия активирует позитивные эмоции (оптимизм, уверенность, гордость) и способствует консолидации аудитории вокруг политика [8, С. 35–36].

Стратегия «Гнев» конструируется через репрезентацию событий как вопиющей

несправедливости или предательства. В политическом дискурсе часто используется оппозиция «свой – чужой» для разжигания гнева по отношению к оппоненту, который позиционируется как «предатель» или «враг народа». В дебатах по Брекситу Корбин не просто критиковал, а обвинял: «Премьер-министр и её правительство уже были признаны виновными в неуважении к парламенту. Её сегодняшнее поведение является просто неуважением к этому парламенту и этому процессу». Перлокутивная цель этих обвинений – вызвать у аудитории чувство негодования и праведного гнева [10, С. 51].

3. Инструментарий анализа интеракции и позиционирования. Политический дискурс по своей природе агонален, то есть основан на борьбе, конфликте и соревновании за власть. Базовым механизмом, организующим эту борьбу, является категоризация, прежде всего бинарная оппозиция «свой – чужой».

Как подчёркивает А.Р. Рюкова, оппозиция «свой – чужой» служит для создания коллективной идентичности и мобилизации сторонников. Использование местоимений является мощнейшим инструментом позиционирования. Местоимение «мы» объединяет говорящего с аудиторией и его сторонниками, создавая эффект солидарности, в то время как местоимение «они» дистанцирует и демонизирует оппонента [7, С. 1090].

Оппозиция «враг – защитник» представляет собой более радикальную и эмоционально заряженную версию оппозиции «свой – чужой», которая часто актуализуется через военную метафору. Политик позиционирует себя как «защитника» нации, народа, традиционных ценностей от «врага». Как отмечает С.А. Песина, манипулятору крайне необходимо определиться в отношениях «свой – чужой», и для установления таких отношений необходимо показать аудитории, что адресант относится к той же социальной группе и является «своим» (например, через частое употребление местоимения «мы») [6, С. 155]. Это позиционирование призвано вызывать комплекс эмоций: патриотическую гордость за «защитника», страх и ненависть к «врагу», доверие и надежду на спасение.

4. Операциональные исследовательские процедуры. Эмпирическое применение дискурсивного анализа предполагает использование конкретных, операционализируемых процедур.

Выделение ключевых слов. Количественный анализ паралингвистических средств (восклицательных знаков, капслока, «позитивных» и «негативных» скобок) в

различных политизированных интернет-сообществах позволил Д.С. Мартьянову и Г.В. Лукьяновой выявить статистически значимые различия в эмоциональной валентности дискурса. Этот метод позволяет объективно, на основе статистики, определить тематические доминанты, вокруг которых концентрируется эмоциональная нагрузка [4, С. 35–39].

Фрейм-анализ эмоциональных тонов. Фрейм – это когнитивная структура, которая организует знание о мире и определяет интерпретацию поступающей информации. В дискурсивном анализе изучается, как через языковые средства активируется определённый фрейм, который, в свою очередь, «задаёт» эмоцию. Например, использование лексем «вырубать», «поврежденный», «вред» в окружении слова «лес» активирует фрейм «лес в опасности», связанный с тревогой, в то время как слова «прогулка», «тень», «чистый воздух» активируют фрейм «лес как место отдыха», связанный с положительными эмоциями [9, С. 147-148]. В политическом дискурсе фрейм «миграционный кризис» (слова «наводнение», «поток», «нашествие») целенаправленно активирует страх и враждебность.

Анализ речевых актов. В политическом дискурсе анализ речевых актов позволяет выявить ключевые стратегии воздействия. Обвинение – речевой акт, направленный на возложение ответственности за негативное событие на оппонента, цель которого – вызвать у аудитории чувство негодования. Представляет интерес рассмотреть пример, в котором применяется стратегия дискредитации для понижения авторитета деийствующего в тот период премьер-министра Терезы Мэй: «Премьер-министр и её правительство уже были признаны виновными в неуважении к парламенту» [10, С. 49]. Легитимация – речевые акты, направленные на обоснование законности и правильности собственных действий. Заявление Бориса Джонсона «Мы завершим Брексит» представляет собой перформатив, направленный на легитимацию его политики через апелляцию к воле народа [10, С. 54]. Провокация – использование речевых актов, целью которых является выведение оппонента из эмоционального равновесия. Как показано на примере исторических дебатов между Авраамом Линкольном и Стивеном Дугласом, последний использовал приёмы мистификации и переключения внимания на второстепенные темы, что позволяло ему сбивать оппонента с толку и уходить от неудобных вопросов [8, С. 37–38].

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что дискурсивный анализ выступает не просто одним из методов лингвистического исследования, но целостной эпистемологической программой, интегрирующей лингвистические, когнитивные и социальные аспекты изучения эмоций. В применении к политическому медиадискурсу он раскрывает механизмы дискурсивного конструирования, легитимации и инструментализации эмоций.

Ключевые выводы исследования:

1. Дискурсивный анализ, в отличие от контент-анализа, учитывает экстралингвистические факторы – социальный контекст, идеологические установки, статусно-ролевые отношения участников коммуникации и их когнитивные особенности.

2. В рамках дискурсивной парадигмы происходит радикальный переход от психологического (эссенциалистского) к социально-конструктивистскому пониманию эмоций. Эмоции перестают рассматриваться как простое отражение внутренних состояний и начинают пониматься как дискурсивные практики, которые конструируются, вербализуются и целенаправленно используются как ресурс власти и инструмент манипуляции.

3. Три основные научные школы (критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, социолингвистический подход) вносят взаимодополняющий вклад в изучение эмоций в политическом дискурсе.

4. Ключевыми лексико-грамматическими маркерами эмоций выступают эмотивная лексика (включая стратегии эвфемизации и дисфемизации), метафорические модели (войны, болезни, пути) и интенсификаторы (графические и грамматические).

5. Анализ нарративных стратегий (угроза, надежда, гнев) и интеракции (позиционирование «свой – чужой», «враг – защитник») позволяет реконструировать целостную стратегию эмоционального воздействия.

6. Конкретными исследовательскими процедурами, обеспечивающими верифицируемость и воспроизводимость анализа, являются выделение ключевых слов, фрейм-анализ и анализ речевых актов.

Таким образом, дискурсивный анализ является незаменимым инструментом для понимания современных процессов политической коммуникации, манипуляции и борьбы за власть.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

2. Ермакова Л.В. Дискурсивный анализ: современные подходы: учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. 53 с.

3. Зиядинова Д.А. Эмотивность в политическом дискурсе // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2020. № 1. С. 10–15.

4. Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 25–48.

5. Морина, Л. П. Дискурсивная психология: трансформация понятий в рамках дискурс-аналитических исследований // Studia Culturae. 2015. № 26. С. 201-207.

6. Песина С.А. Политический дискурс и речевые манипуляции // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе: материалы IV Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УГГУ, 2021. С. 151–157.

7. Рюкова А.Р. Языковые средства воздействия в политическом дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 4. С. 1087–1093.

8. Халилова Л.А. Политический дискурс: стремление к простоте или изяществу? // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 3. С. 31–40.

9. Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.

10. Чикилева Л.С., Сергеева А.Г. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект // Liberal Arts in Russia. 2020. Т. 9, № 1. С. 42–60.

Чертенко Мария Сергеевна
Chertenko Maria Sergeevna
студент
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
e-mail: mchertenko@gmail.com

ГЕНДЕРНАЯ РОЛЬ МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

THE GENDER ROLE OF MEN IN THE MODERN RUSSIAN FAMILY

Аннотация. В статье рассматривается трансформация гендерной роли мужчины в современной российской семье. Анализируется переход от патриархальной модели, где мужчина выступает в качестве кормильца и главы семьи, к более эгалитарной, предполагающей его эмоциональную вовлеченность и равное участие в домашних обязанностях и воспитании детей. На основе данных социологических исследований (ВЦИОМ, SuperJob) выявляются противоречия между сохраняющимися традиционными установками и новыми социальными ожиданиями. Особое внимание уделяется изменению отцовской роли, распределению домашнего труда и эмоциональной составляющей мужской идентичности. Делается вывод о том, что гендерная роль российского мужчины находится в состоянии переходного периода, испытывая влияние как консервативных норм, так и запроса на партнерские отношения.

Abstract. The article examines the transformation of the gender role of men in the modern Russian family. It analyzes the transition from a patriarchal model, where the man acts as the breadwinner and head of the family, to a more egalitarian model that involves his emotional involvement and equal participation in household duties and child-rearing. Based on sociological research data (VTsIOM, SuperJob), the article identifies the contradictions between the remaining traditional attitudes and the new social expectations. Special attention is given to the changing role of fathers, the distribution of household labor, and the emotional component of male identity. The article concludes that the gender role of the Russian man is in a state of transition, influenced by both conservative norms and the demand for partnerships.

Ключевые слова: гендерная роль мужчины, российская семья, трансформация семьи, эгалитарная семья, распределение ролей, отцовство.

Keywords: gender role of a man, Russian family, family transformation, egalitarian family, distribution of roles, fatherhood.

Трансформация российского общества оказала заметное влияние на приватную сферу, изменив привычные модели супружества и родительства. Распределение гендерных ролей в семье — ключевой элемент социальной структуры, определяющий, какие обязанности и ожидания возлагаются на мужчин и женщин [6, с. 248]. Историческая динамика гендерных ролей в России демонстрирует постепенную эволюцию: от жёстко патриархальных установок до более гибких, эгалитарных моделей. В дореволюционный период доминировали традиционалистские ценности:

мужчина обладал властью в семье, а женщина занимала подчинённое положение. Эта система была закреплена законодательно и культурно [7, с. 33]. Сфера деятельности женщины ограничивалась домашним хозяйством, воспитанием детей и поддержкой супруга. После установления советской власти произошёл официальный отказ от патриархата: законы гарантировали равенство полов, а женщины получили возможность строить карьеру. Однако в реальности традиционные представления о гендерных ролях сохранялись, что привело к возникновению «двойной нагрузки»: женщины совмещали профессиональную деятельность с домашними обязанностями. Мужчины, в свою очередь, оставались основными кормильцами и лидерами во внешней, публичной сфере. По оценкам исследователей, даже при формальном расширении прав женщин в советский период глубинные патриархальные установки в распределении семейных ролей так и не были преодолены [1, с. 141].

В современной общественной системе мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство. Такие отечественные социологи, как Е. Здравомыслова и А. Темкина, заключают, что предписания обществом «мужского» и «женского» всё более сливаются, гендерные роли взаимозаменяются, классический базовый гендерный контракт постепенно вытесняется контрактом «равного статуса», в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание положения прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной сфере (политика, образование, профессии, культурная жизнь), так и в приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и т. д.) [8, с. 349].

Так, за последние 15 лет (с 2008 по 2023 г.) отношение россиян к идее «главы семьи» заметно изменилось: доля тех, кто считает, что в семье обязательно должен быть главный, сократилась вдвое — с 58% до 29%. При этом 18% опрошенных по-прежнему придерживаются патерналистских взглядов: они полагают, что руководить семьёй должен старший мужчина, а если его нет — старшая женщина. Ещё 7% выбирают прагматичный подход: по их мнению, решения должен принимать тот, кто лучше ориентируется в ситуации (хотя в 2008 г. таких было вдвое больше — 14%). Наименее популярна идея, что главой семьи должен быть основной кормилец: её поддерживают всего 4% респондентов (в 2008 г. показатель достигал 12%). Подавляющее большинство

(68%) сегодня убеждены: формальный глава семье не нужен. По их мнению, важные решения стоит обсуждать и принимать сообща, а рутинные вопросы распределять согласно сложившемуся разделению обязанностей [5].

Для мужчин роль добытчика традиционно рассматривалась как основополагающая. Большинство россиян по-прежнему придерживаются мнения, что обязанность мужчины заключается в обеспечении семьи, и именно он должен быть основным источником дохода (60%). Вместе с тем всё больше мужчин и женщин начинают допускать возможность экономического равенства в семье. О том, что данная обязанность должна быть распределена одинаково между представителями обоих полов, говорят 36% опрошенных [4]. По данным опроса ВЦИОМ (2025 г.), около 60 % мужчин заявляют о готовности вступить в отношения с женщиной, имеющей более высокий доход, что указывает на ослабление традиционного стереотипа «мужчина — кормилец». Таким образом, экономическая роль мужчины в современной семье постепенно трансформируется: вместо обязательства единоличного обеспечения формируется модель совместного участия партнёров в финансовых вопросах. Однако паттерн ожиданий, что мужчина должен нести основную материальную ответственность, остаётся устойчивым и во многом продолжает определять гендерную идентичность и самооценку мужчин.

Противоречивость современной ситуации демонстрируют исследования, касающиеся распределения домашних обязанностей. Несмотря на то, что абсолютное большинство россиян по-прежнему считает ведение домашнего хозяйства и уход за детьми преимущественно женской обязанностью, практика показывает медленное, но верное проникновение иных моделей. 72 % россиян считают, что мужчина способен в равной степени с женщиной выполнять функции по уходу за детьми и ведению хозяйства [2]. Среди участников опроса ВЦИОМ 2021 года большинство — 85% — были готовы делить домашние обязанности поровну [9]. Мужчины все чаще участвуют в таких делах, как покупка продуктов, игра с детьми, помощь с уроками. Однако «невидимая» нагрузка —планирование, организация быта, эмоциональный труд — по-прежнему ложится в основном на женщин. Этот дисбаланс является источником стресса для многих семей и темой для обсуждения в публичном поле. По данным Росстата за 2019 год, в действительности женщины тратят на домашние дела в два раза больше времени, чем мужчины [12].

Особого внимания заслуживает эмоциональная составляющая мужской роли. Традиционная маскулинность, культивируемая в советское и постсоветское время, предполагала сдержанность, стоицизм и минимальное проявление чувств. В современной семье, особенно в молодых парах, все более востребованной становится эмоциональная открытость, способность к эмпатии и диалогу. Это требование сталкивается с проблемами нескольких поколений мужчин, не имевших перед глазами примера эмоционально доступного отца и мужа. В результате многие мужчины испытывают трудности с проявлением чувств и построением глубокой психологической связи как с супругой, так и с детьми. Разрыв между растущими ожиданиями эмоциональной вовлеченности и недостатком соответствующих компетенций порождает фрустрацию с обеих сторон. Женщины жалуются на эмоциональную недоступность партнеров, а мужчины зачастую не понимают самих претензий, продолжая считать свою основную задачу выполненной при условии материального обеспечения семьи.

Важным аспектом является и трансформация отцовской роли. Если в советской модели отец чаще выступал как дисциплинирующая, отстраненная фигура и символический представитель семьи вовне, то сегодня от мужчины все больше ожидают активного участия в повседневных заботах о ребенке с самого рождения. По данным исследования ВЦИОМ (2020 г.), посвященного образу идеального отца, для 45% россиян главная роль отца по-прежнему заключается в материальном обеспечении семьи и детей. Однако на втором месте с значительным отрывом (35%) стоит «активное участие в воспитании» [10]. Это свидетельствует о том, что чисто инструментальная роль уже не является безусловно доминирующей в общественном сознании. На практике вовлеченность российских отцов часто носит «досуговый» или «проектный» характер. Многие мужчины активно участвуют в играх, прогулках, спортивных занятиях, реже — в рутинных повседневных заботах: купании, кормлении, выполнении домашнего задания, особенно с детьми младшего возраста. Тем не менее, наблюдается положительная динамика. Все больше отцов берут отпуск по уходу за ребенком. По данным опроса SuperJob в 2025 году, 28% мужчин готовы уйти в отпуск по уходу за ребенком вместо жены, что на 3% больше, чем годом ранее [11].

Эта новая модель «вовлеченного отцовства» поощряется на уровне государственной политики (например, через популяризацию программ отцовского

отпуска), однако ее реализация сталкивается с системными барьерами. Корпоративная культура часто негативно относится к мужчинам, берущим отпуск по уходу за ребенком. Сохраняются и стереотипы в общественном мнении: отвечая на вопрос ВЦИОМ (2019 г.), кому уходить в отпуск по уходу за ребёнком, 42% опрошенных российских мужчин сказали, что они были бы не против посидеть дома. При этом 63% женщин сообщили, что им это идея не нравится. С ними согласились другие 55% мужчин. Только 10% опрошенных сказали, что знакомы с семьями, в которых ухаживает за ребёнком и ведёт хозяйство мужчина, а женщина работает. У 65% россиян таких примеров в окружении нет. При этом на вопрос, какая роль мужчины в семье, добытчика или воспитателя, важнее, люди отвечали почти поровну, 48% и 47%, соответственно. Это демонстрирует, что глубоко укорененные представления о «мужском» и «женском» деле меняются медленно [3].

Стоит отметить, что процесс трансформации мужской гендерной роли в России крайне неоднороден и зависит от целого ряда факторов: уровня образования, типа населенного пункта, социального окружения и личного семейного опыта. В крупных городах, где выше уровень образования и сильнее влияние глобальных трендов, модели поведения являются более вариативными и гибкими. Здесь чаще встречаются семьи, где практикуется относительно равное распределение обязанностей, а мужчина не стесняется брать на себя «нетипичные» роли, например, активно участвовать в уходе за новорожденным или брать отпуск по уходу за ребенком. В малых городах и сельской местности, где социальные нормы более консервативны, традиционная модель доминирует практически без альтернатив. Для этих сред характерна более жесткая привязка маскулинности к физической силе, финансовому контролю и принятию ключевых решений, что оставляет меньше пространства для переговоров о гендерных ролях внутри семьи.

Таким образом, можно сказать, что в современном обществе наблюдается трансформация традиционных представлений о мужской гендерной роли: мужчины всё чаще придерживаются эгалитарных установок в семейных отношениях, разделяя с партнёршей не только обязанности по материальному обеспечению семьи, но и ответственность за воспитание детей и выполнение домашних дел. Однако давление традиционных норм продолжает воспроизводить модель мужчины-добытчика и номинального главы семьи. Дальнейшая эволюция этой роли будет зависеть от

комплекса факторов, включая экономическую стабильность, развитие институтов, поддерживающих семью, и скорость изменения культурных установок в обществе в целом.

Литература:

1. Абдулаева, З. З. Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной семье [Электронный ресурс] / З. З. Абдулаева // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2024. — № 6 (164). — С. 135–144. — URL: http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/2534/2349 (дата обращения: 03.04.2026).

2. Большинство россиян признали отцов способными воспитывать детей не хуже матерей [Электронный ресурс] // Lenta.ru. — URL: https://lenta.ru/news/2017/04/25/daddy/ (дата обращения: 03.04.2026).

3. ВЦИОМ: более 40% российских мужчин хотели бы уйти в декрет вместо матери ребёнка [Электронный ресурс] // Мел. — URL: https://mel.fm/novosti/4780159-vtsiom-boleye 40-rossyskikh-muzhchin-khoteli-by-uyti-v-dekret-vmesto-materi-rebenka (дата обращения: 03.04.2026).

4. ВЦИОМ: большинство россиян считают, что добытчиками в семье должны оставаться мужчины [Электронный ресурс] // ТАСС. — URL: https://tass.ru/obschestvo/7204223 (дата обращения: 03.04.2026).

5. ВЦИОМ представил результаты мониторингового опроса о распределении гендерных ролей в российских семьях [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости. — URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-predstavil rezultaty-monitoringovogo-oprosa-o-raspredelenii-gendernykh-roley-v-rossiyskikh-se/ (дата обращения: 03.04.2026).

6. Горлатых, А. Ю., Абрамов, А. П., Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности / А. Ю. Горлатых, А. П. Абрамов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2025. Т. 15, № 1. — С. 247–259. — URL: https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-247-259 (дата обращения: 03.04.2026).

7. Задворнова, Ю. С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье [Электронный ресурс] / Ю. С. Задворнова // Женщина в российском

обществе. — 2013. №2 (67). — С. 32–40. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-transformatsii-gendernyh-roley-v-sovremennoy-rossiyskoy-semie?ysclid=moma2fy6gx529816954 (дата обращения: 03.04.2026).

8. Левенских, И. А. Ролевые позиции отца в современной семье [Электронный ресурс] / И. А. Левенских // Вестник ОмГУ. — 2012. — №1 (63). — С. 349–353. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rolevye-pozitsii-ottsa-v-sovremennoy-semie (дата обращения: 03.04.2026).

9. О настоящих мужчинах [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh (дата обращения: 03.04.2026).

10. Отцы нашего времени [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otczy-nashego-vremeni (дата обращения: 03.04.2026).

11. Сильный отец — сильная страна: как Путин укрепляет престиж отцовства в России [Электронный ресурс] // Газета.ру. — URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/10/19/21878666.shtml?updated (дата обращения: 03.04.2026).

12. Структура затрат времени населения на ведение домашнего хозяйства по видам деятельности [Электронный ресурс] // ЕМИСС. — URL: https://fedstat.ru/indicator/60434 (дата обращения: 03.04.2026).

Козинцев Максим Алексеевич
Kozintsev Maksim Alekseevich
аспирант кафедры искусствоведения
АНО ВО «Институт кино и телевидения (ГИТР)»
e-mail: kozintsev.maksim@gmail.com

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО КИНО (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМОВ «КУРЬЕР», «АССА», «МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА» И «АВАРИЯ - ДОЧЬ МЕНТА»)

THE CONFLICT OF GENERATIONS AS A CENTRAL IMAGE OF PERESTROIKA CINEMA (BASED ON THE FILMS "COURIER," "ASSA," "LITTLE VERA," AND "AVARIA - THE COP'S DAUGHTER")

Аннотация. В статье рассматривается конфликт поколений как один из ключевых образов перестроечного кинематографа. Показано, что во второй половине 1980-х годов семейные и поколенческие коллизии в советском кино приобретают более широкий культурно-исторический смысл и начинают отражать кризис позднесоветской системы ценностей. На материале фильмов «Курьер», «Асса», «Маленькая Вера» и «Авария - дочь мента» анализируются формы разрыва между «отцами» и «детьми», проявляющиеся в столкновении жизненных установок, моделей поведения и нравственных ориентиров. Делается вывод, что в перестроечном кино конфликт поколений становится не только частной драмой, но и симптомом распада общего символического языка эпохи.

Abstract. The article examines the conflict of generations as one of the key motifs of Perestroika cinema. It argues that in the second half of the 1980s, family and generational clashes in Soviet film acquired a broader cultural and historical meaning, reflecting the crisis of the late Soviet value system. Based on the films Courier, Assa, Little Vera, and Crash, the Cop’s Daughter, the study analyzes the rupture between “fathers” and “children” as expressed through conflicting attitudes, behavioral patterns, and moral values. The article concludes that in Perestroika cinema the generation gap appears not only as a private drama, but also as a symptom of the disintegration of the common symbolic language of the era.

Ключевые слова: перестройка, советский кинематограф, конфликт поколений, позднесоветская культура, молодёжь, семейный конфликт, образ эпохи, «Курьер», «Асса», «Маленькая Вера».

Keywords: Perestroika, Soviet cinema, generation gap, late Soviet culture, youth, family conflict, image of the era, Courier, Assa, Little Vera.

Перестроечный кинематограф существенно расширил круг тем, допустимых для художественного высказывания. На экран выходят сюжеты, в которых семья изображается не как надёжная ячейка общественного порядка, а как пространство накопленного неблагополучия, скрытого насилия, недоговорённости и взаимной глухоты. В этом отношении конфликт поколений становится одним из ключевых сюжетных механизмов эпохи. Он позволяет показать на малом - внутри квартиры,

семьи, частного разговора - те процессы, которые происходили в советском обществе в целом. Домашняя ссора в перестроечном кино почти всегда больше самой себя: за ней стоит столкновение исторических представлений, культурных привычек и разных моделей будущего [4; 7; 10].

Одним из первых и наиболее точных фильмов, зафиксировавших новый характер поколенческого разрыва, стал «Курьер» Карена Шахназарова. На первый взгляд, картина выстроена как лирическая комедия взросления: выпускник школы Иван Мирошников, провалившись на экзаменах в институт, устраивается работать курьером и случайно попадает в круг людей, принадлежащих к иному социальному и культурному миру. Однако уже сама исходная ситуация выявляет важнейшее для перестроечного кино противоречие. Молодой герой оказывается в обществе взрослых, которое требует от него ясности жизненного проекта, дисциплины и встроенности в систему, но само уже не способно убедительно объяснить, ради чего эта система должна быть сохранена. Взрослые персонажи «Курьера» по инерции говорят языком устойчивых ценностей, но за их словами всё чаще угадывается ритуальность, потеря внутренней уверенности [7; 13].

Иван в исполнении Фёдора Дунаевского - это не герой-протестант в прямом смысле слова и не сознательный революционер против «мира отцов». Его поведение строится иначе: на иронии, ускользании, нежелании принимать навязанные роли всерьёз. Именно поэтому конфликт в «Курьере» приобретает не трагическую, а почти невесомую форму. Иван шутит, провоцирует, меняет интонации, не даёт взрослым закрепить за собой окончательное определение. Но эта лёгкость обманчива. За ней скрывается характерное для поколения перестройки ощущение отсутствия перспективы. Мир взрослых не вызывает доверия, а собственная позитивная программа ещё не сформирована. Иван не знает, как именно следует жить, но уже точно чувствует, что жить «как положено» невозможно [7; 13].

Особенно значимо в этом фильме столкновение Ивана с профессором Кузнецовым, отцом Кати. Профессор представляет советскую образованную элиту, для которой культурная иерархия, дисциплина и социальный успех остаются естественными ориентирами. Для него Иван - не столько живой человек, сколько симптом неправильного становления: юноша без определённой цели, без уважения к статусу, без должной серьёзности. В глазах Ивана, напротив, профессор принадлежит

миру, где всё уже предрешено и распределено заранее. Их диалог важен именно как столкновение двух языков. Старшее поколение говорит категориями нормы, молодое отвечает интонацией насмешки и внутреннего отказа. При этом фильм сознательно не превращает ни одну из сторон в карикатуру. Взрослые здесь не демонизированы, а молодёжь не романтизирована. Напряжение рождается из того, что оба мира ещё существуют в одном социальном пространстве, но уже не умеют по-настоящему понимать друг друга.

Принципиально и то, что в «Курьере» поколенческий конфликт впервые подаётся как кризис будущего. Если в более раннем советском кино спор поколений обычно завершался восстановлением нормы, то здесь финальная интонация остаётся открытой и тревожной. Молодой человек не встроился в общественный порядок, но и не обрёл новой опоры. Тем самым «Курьер» фиксирует исходную стадию позднесоветского разрыва: ещё не открытую катастрофу, но уже устойчивую невозможность преемственности [3].

Следующий этап развития этой темы демонстрирует фильм «Авария - дочь мента», где конфликт поколений становится уже сюжетообразующим и принципиально неустранимым. Само построение образов здесь предельно показательно. Отец Аварии - милиционер, человек долга, порядка, дисциплины, представитель государственной нормативности в её позднесоветском варианте. Дочь, напротив, принадлежит к неформальной молодёжной среде: её внешний вид, музыкальные предпочтения, манера общения и сам способ присутствия в мире подчёркнуто не совпадают с ожиданиями старших. Но главное состоит в том, что фильм не сводит их столкновение к банальной схеме «плохой подросток - хороший родитель» или наоборот. Перед зрителем два персонажа, каждый из которых по-своему прав и по-своему обречён на непонимание [4; 10; 12].

Авария не просто бунтует против отцовской опеки. Её протест направлен против лицемерия и усталой нормативности позднесоветской жизни. Взрослый мир кажется ей пространством фальши, где одни и те же люди вчера говорили одно, а сегодня - другое; где мораль произносится как набор дежурных формул; где уважение к порядку уже не связано с подлинной внутренней убеждённостью. Отец, в свою очередь, не в состоянии понять дочь не потому, что не любит её, а потому, что мыслит в другой ценностной системе. Для него свобода без дисциплины неизбежно ведёт к разрушению личности, а

вызывающее поведение дочери - к нравственной деградации. В этом смысле фильм показывает не частную семейную драму, а столкновение двух исторических типов социализации. Один вырос на представлении о долге как безусловной ценности, другой формируется в ситуации, когда старые слова уже не гарантируют реального смысла [4; 12].

Особую силу картине придаёт то, что она выводит этот спор за пределы домашней сферы. Конфликт отца и дочери оказывается вписан в общий кризис институтов: школы, милиции, семьи, публичной морали. Мир взрослых больше не удерживает монополию на истину, но молодому поколению от этого не становится легче. Напротив, освобождение от прежних авторитетов оборачивается уязвимостью, агрессией и утратой ориентиров. Именно поэтому финал фильма производит столь тяжёлое впечатление. Травматический опыт не снимает конфликта, а лишь обнаруживает его подлинную глубину. Понимание между поколениями становится возможным слишком поздно, когда разрушение уже вошло в саму ткань жизни [4; 7; 12].

Если в «Аварии» поколенческий конфликт разворачивается как социальная драма, то в «Маленькой Вере» он достигает предельной степени бытовой и телесной оголённости. Фильм Василия Пичула во многом стал переломным для перестроечного кино потому, что с предельной прямотой показал ту сторону позднесоветской повседневности, которая долгое время оставалась вне официального экранного образа. Перед зрителем не абстрактный «кризис нравственности», а конкретная семья, живущая в тесном пространстве раздражения, алкоголизма, взаимных унижений, несбывшихся ожиданий и почти постоянной внутренней вражды [1; 4; 14].

Конфликт Веры с отцом в этой картине является не эпизодом, а нервом повествования. Отец воплощает тип позднесоветского патриарха, чья власть держится уже не на моральном авторитете, а на привычке к грубой силе, на уверенности в собственном праве судить, запрещать и наказывать. Однако трагизм фильма в том, что эта фигура не лишена человеческой убедительности. Он не только жесток, но и беспомощен; не только подавляет, но и сам живёт в пространстве краха. Его жизненный опыт не даёт ему языка для разговора с дочерью, а значит, любой конфликт почти неизбежно переходит в крик, оскорбление или физическое действие [1; 4; 14].

Вера, в свою очередь, стремится вырваться из замкнутого пространства семьи, но её бунт также лишён цельной позитивной программы. Она хочет свободы, любви,

телесной и эмоциональной самостоятельности, но не знает, как превратить это желание в устойчивую жизненную форму. В этом отношении Вера - типичный герой перестройки: она отвергает старое, но ещё не располагает новым. Отсюда особая взрывчатость её отношений с отцом. Перед нами не спор о конкретных правилах поведения, а столкновение двух способов существования, каждый из которых переживает собственную историческую исчерпанность. Отец не может уступить, потому что уступка равнозначна признанию краха всей системы его ценностей; дочь не может подчиниться, потому что подчинение означало бы отказ от самой возможности личной жизни [1; 14].

Кульминационная сцена с поножовщиной выводит эту логику на предел. В «Маленькой Вере» конфликт поколений буквально переходит в телесное насилие. Это чрезвычайно симптоматично для перестроечной эстетики: там, где общий язык разрушен, остаётся только жест, удар, крик, физическое столкновение. Семья в фильме превращается в уменьшенную модель общества накануне распада. Старый порядок ещё силён инерцией, но уже не способен быть носителем смысла; молодость хочет иного будущего, но формулирует это желание через хаос, резкость и саморазрушение. Именно поэтому «Маленькая Вера» может рассматриваться как одна из самых радикальных экранных метафор позднесоветского разлома [4; 7; 14].

Ещё одну важную модификацию той же темы предлагает «Асса» Сергея Соловьёва. В отличие от «Курьера», «Аварии» и «Маленькой Веры», здесь конфликт поколений не сводится к буквальному противостоянию родителей и детей. Он приобретает более широкий, символический характер и разворачивается как столкновение двух культурно-исторических типов. С одной стороны - Бананан, молодой художник и рокер, связанный с пространством игры, спонтанности, перформативности и внутренней свободы. С другой - Крымов, фигура власти старого образца, сочетающая криминальный капитал, цинизм, опыт выживания и жесткую иерархическую логику. Их отношения нельзя описать языком классической семейной драмы, но именно они чрезвычайно точно воспроизводят перестроечную версию спора «отцов» и «детей» [6; 8; 9; 11].

Бананан воплощает новую культурную чувствительность конца 1980-х. Он существует не в системе дисциплины и карьерной траектории, а в пространстве музыкального и художественного жеста. Его поведение, речь, внешний вид, способ

взаимодействия с миром демонстративно не укладываются в привычные модели взрослой серьёзности. Напротив, Крымов - это человек старой школы, но старой уже не в идеологическом, а в антропологическом смысле. Он верит в силу собственности, контроля, угрозы, в право сильного распоряжаться чужими судьбами. Его власть основана не на убеждении, а на подчинении. Таким образом, в «Ассе» на первый план выходит не бытовой конфликт поколений, а конфликт двух логик исторического существования: логики обладания и логики свободы [6; 8; 11].

Важную роль здесь играет рок-культура. Появление рок-музыки в «Ассе» не может рассматриваться как простая декоративная примета времени. Она маркирует выход молодого поколения из прежней семиотической системы. Рок становится языком той исторической энергии, которая уже не выражается средствами официальной культуры. Финальная сцена с Виктором Цоем имеет поэтому не только музыкальное, но и мировоззренческое значение. Она выводит конфликт за пределы частного сюжета и превращает его в высказывание о смене эпохи как таковой. Если Бананан гибнет, то не потому, что новая культура проиграла, а потому, что переход от старого мира к новому в перестроечном сознании мыслится как болезненный и жертвенный [6; 8; 9; 11].

Следует подчеркнуть, что во всех рассмотренных фильмах конфликт поколений принципиально лишён упрощённой морализаторской схемы. Перестроечный экран не создаёт безусловно положительного молодого героя и не превращает старших в однозначных носителей зла. Напротив, сила этих картин заключается в отказе от прямой дидактики. Молодёжь в них часто инфантильна, импульсивна, жестока или внутренне дезориентирована. Старшее поколение нередко вызывает сочувствие своей исторической усталостью, бытовой надломленностью, неспособностью удержать мир, в котором оно привыкло жить. Но именно эта неоднозначность и делает поколенческий конфликт столь значимым художественным символом эпохи. Он показывает не борьбу «хороших» с «плохими», а разрушение самой возможности непрерывного исторического опыта [2; 3; 7; 10].

Таким образом, в перестроечном кино конфликт поколений выступает своеобразным смысловым узлом, в котором сходятся многие важнейшие мотивы эпохи: кризис советской идентичности, распад общего языка, рост частной агрессии, легитимация новых культурных практик, вторжение рок-культуры и неформальной

молодёжной среды в публичное пространство, пересмотр роли семьи как института социализации. «Курьер» фиксирует начальную фазу этого разрыва - ироническое отчуждение и потерю доверия к миру взрослых. «Авария - дочь мента» показывает превращение разногласия в жёсткий социальный конфликт. «Маленькая Вера» доводит его до уровня бытовой катастрофы и телесного насилия. «Асса» переводит тему в плоскость символической смены культурных эпох.

Кинематограф во все времена оставался одним из наиболее чутких индикаторов общественных процессов, а в кризисные исторические периоды его диагностическая функция проявлялась особенно отчётливо. Перестройка стала именно таким моментом: временем, когда прежние формы советской жизни ещё сохранялись внешне, но уже стремительно теряли внутреннюю убедительность. В этих условиях конфликт поколений оказался для кино не частной темой, а одним из важнейших способов осмысления эпохи.

На материале фильмов «Курьер», «Асса», «Маленькая Вера» и «Авария - дочь мента» можно сделать вывод, что перестроечный экран трактует спор «отцов» и «детей» как симптом фундаментального цивилизационного разрыва. Молодое поколение в этих картинах не принимает унаследованный язык позднесоветской нормативности, но и не располагает цельной альтернативой. Старшие герои пытаются удержать ценности порядка, труда, дисциплины и жизненного опыта, однако сами всё чаще оказываются носителями истощённой, ритуализированной системы. Именно поэтому диалог между ними почти неизбежно превращается в взаимное непонимание, психологическое давление, агрессию или трагедию.

Принципиально важно, что данный конфликт в перестроечном кино изображается как многослойный. Он одновременно является семейным, социальным, культурным и идеологическим. На бытовом уровне это спор родителей и детей о допустимом образе жизни. На нравственном уровне - столкновение разных представлений о свободе, ответственности и достоинстве. На историческом уровне - конфликт между уходящей советской моделью мира и той новой чувствительностью, которая ещё только ищет собственную форму. Благодаря этому поколенческий разрыв становится не просто темой, а центральным образом эпохи, своего рода экранным символом распада прежней целостности.

Перестроечный кинематограф не предлагает простого выхода из этого

противоречия. В нём почти нет убедительных сцен гармонического примирения; напротив, большинство ключевых сюжетов завершается открытой тревогой, травмой или жертвой. Однако именно в этом и состоит историческая честность этих фильмов. Они не маскируют кризис под дидактическую развязку, а фиксируют саму болезненность перехода. Тем самым кино второй половины 1980-х годов не только отразило пропасть между поколениями, но и превратило её в одну из главных метафор позднего СССР - метафору общества, утратившего общий язык с собственным будущим [2; 3; 7].

Литература:

1. Багдиян Е. А. Женский образ в кинематографе России эпохи Перестройки // Ветер Перестройки -2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. 2023. С. 168–173.

2. Безенкова М. В. Мифологизация героя и среды в кинематографе перестройки // Вестник КазГУКИ. 2019. № 1. С. 86–90.

3. Безенкова М. В. Сущностные особенности отображения времени в перестроечном кино // Вестник ВГИК. 2012. № 11. С. 44–54.

4. Грицай Л. А. Отражение кризиса семейного воспитания в советском кинематографе периода Перестройки // Ветер Перестройки - 2024: сборник материалов IV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, Владивосток, Тула, Москва, 28–31 октября 2024 года / отв. ред. А. Д. Матлин. - СПб. : Скифия-принт, 2025. - С 401-409 (9с).

5. Дмитриевский В. Н. Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм // Художественная культура. 2019. № 4. С. 564–579.

6. Карпов Д. Л. Рок и рок-герои в советском и российском кинематографе второй половины 1980-х - первой половины 1990-х гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. трудов. Спецвыпуск «Рок+». Екатеринбург; Тверь, 2021. С. 4–17.

7. Ломакин А. В. Кинематограф перестройки: в предчувствии социальной катастрофы (на материале фильмов Э. Рязанова, С. Соловьёва, К. Шахназарова) // Ветер перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 126–130.

8. Михеева Ю. В. Рок-музыка в позднесоветском кино: между новой реальностью

и старой театральностью // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2014. № 3. С. 147–158.

9. Смагина С. А. Перемен требуют наши сердца. Образ рок-музыканта в позднесоветском кинематографе // Художественная культура. 2024. № 1. С. 512–533.

10. Челышева И. В. Герменевтический анализ советских игровых фильмов эпохи перестройки (1985–1991) на школьную тему // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 4. С. 242–261.

11. «Асса»: художественный фильм / реж. С. Соловьёв. СССР, 1987.

12. «Авария - дочь мента»: художественный фильм / реж. М. Туманишвили. СССР, 1989.

13. «Курьер»: художественный фильм / реж. К. Шахназаров. СССР, 1986.

14. «Маленькая Вера»: художественный фильм / реж. В. Пичул. СССР, 1988.

Морозова Татьяна Павловна
Morozova Tatyana Pavlovna
специалист по связям с общественностью, независимый исследователь
e-mail: ad.alchemy@yandex.ru

ЭВАКУАЦИЯ ЛЕНИНГРАДЦЕВ ИЗ БЛОКИРОВАННОГО ГОРОДА В КОММЕМОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE EVACUATION OF LENINGRADERS FROM THE SIEGE OF LENINGRAD IN THE COMMEMORATIVE SPACE OF CONTEMPORARY RUSSIA

Аннотация. На основе анализа региональных памятников 1975–2025 годов статья исследует эволюцию коммеморации эвакуации из блокированного Ленинграда. Со сменой поколений очевидцев сдержанные стелы уступили место персонализированным образам и цифровым форматам. Установка мемориалов потомками служит инструментом пролонгации памяти. Через эти объекты локальный опыт эвакуации в десятках регионов становится частью общенационального достояния.

Abstract. Based on the analysis of regional monuments from 1975 to 2025, the article examines the evolution of commemorating the evacuation from Besieged Leningrad. As generations of eyewitnesses changed, modest stalae gave way to personalized imagery and digital formats. The erection of memorials by descendants serves as an instrument for prolonging memory. Through these objects, the local evacuation experience of dozens of regions becomes part of the national heritage.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, коммеморация, политика памяти, историческая память, локальные памятники, память об эвакуации.

Keywords: Siege of Leningrad, commemoration, memory politics, historical memory, local monuments, memory of evacuation.

Постановка проблемы, теоретическая рамка и исследовательский вопрос

Сегодня память об эвакуации ленинградцев материализуется в десятках памятников по всей стране и за её пределами. Мемориальная география охватывает Северо-Запад России, Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, выходит за границу и достигает стран постсоветского пространства — Киргизии и Узбекистана. Предстоит проследить, как выглядели ранние коммеморативные объекты в местах размещения эвакуированных, каким образом они видоизменились с течением времени и какие смыслы стоят за этими трансформациями. В статье попытаемся систематизировать данные о мемориальных объектах, установленных за пределами Петербурга в период с 1975 по 2025 год.

В теоретическом отношении оттолкнёмся от концепции «мест памяти» французского исследователя Пьера Нора, согласно которой памятники рассматриваются как фокусные точки коллективной памяти, фиксирующие

присутствие прошлого в повседневности. Примером такой исследовательской оптики служит работа Е. А. Бесединой и Т. В. Бурковой «От доски до доски», посвящённая мемориальным доскам как инструменту конструирования локальной идентичности в городском пространстве [1]. Собранная фактура и выявленные на её основе закономерности позволяют описать эволюцию визуального языка и смысловых нарративов как закономерную смену мемориального канона.

Исторический контекст

Логика переселения диктовала перемещение людей глубоко внутрь страны, подальше от линии фронта. Маршруты эвакуации протянулись в Александров (Владимирская область), Боровлянку (Алтайский край), посёлок Боровой (Кемеровская область), Вологду, Горно-Алтайск, Горький, Екатеринбург, Кадников (Вологодская область), Кемерово, Киров, Котельнич (Кировская область), Кострому, Красноярск, Кидыш / Кыштым (Челябинская область), Молотовск, Мундыбаш, село Мыт (Ивановская область), Новосибирск, Омск, Пензу, Пермь, посёлок Песчаный (Сургутский район), Рязань, Тюмень, Углич, Челябинск, Шарью (Костромская область), Шербакуль (Омская область) и Ярославль. Подобное рассеивание судеб препятствует привязке исторического опыта к единственной географической точке: размах спасательной операции делает закономерным появление мемориальных знаков в местах прибытия жителей блокированного Ленинграда. В результате формируется выраженный полицентризм памяти, объединяющий разные концы страны общим пережитым горем.

Приняв десятки тысяч эвакуированных, тыловые регионы стали участниками «ленинградской», а в более широком смысле — общенациональной истории. Спустя десятилетия эти территории образовали новую мемориальную географию. Долгое время исследователи уделяли основное внимание героической обороне Ленинграда. Главным символом памяти выступало Пискарёвское мемориальное кладбище. При этом связь петербургского мемориала с регионами двусторонняя: в братских могилах покоятся защитники города, призванные из разных уголков Советского Союза [2]. В послевоенные годы государство и общество обсуждали преимущественно боевые действия, а жизнь эвакуированных людей в тылу редко становилась темой для публичных дискуссий. По этой причине массово первые памятники ленинградцам стали появляться в принимающих городах лишь в 1970-е годы. В этот период местные власти

начали системно сохранять память о войне. Локальные сюжеты спасения обрели официальный статус и нашли отражение в монументах.

Ранние формы памяти: от послевоенных захоронений к позднесоветским мемориалам (1946 — конец 1980-х)

Самые первые мемориальные знаки эвакуированным ленинградцам появились во время войны и в ранние послевоенные годы, когда на местных кладбищах принимающие регионы возводили лаконичные обелиски и безымянные надгробия. Государство тогда причисляло умерших в пути граждан к собирательным категориям «жертв войны» или «тружеников тыла», не выделяя эвакуированных ленинградцев в самостоятельную общность.

В 1970-е годы и позднесоветское время стихийные могилы обрели чёткий архитектурный облик. На надгробиях начали высекать статус умерших: появились прямые упоминания эвакуированных ленинградцев. Подобные надписи помогали стороннему наблюдателю узнать историю похороненного человека. Однако установка таких адресных памятников пока оставалась единичной инициативой.

Александров, Владимирская область (1946). Город принимал эвакуационные эшелоны в качестве одного из ключевых транзитных узлов. Поезда следовали по Ярославской железной дороге, делая остановку для передышки и оказания людям медицинской помощи. Спасти удавалось не всех. Более полутора тысяч ленинградцев скончались и были похоронены рядом с Ликоушинской рощей. В 1946 году над братской могилой был установлен небольшой обелиск с пятиконечной звездой. Надпись на камне гласила: «Здесь похоронены советские граждане, умершие при эвакуации из Ленинграда. 1942 г.» [3]. Этот скромный объект положил начало традиции сохранять память об эвакуации в принимающих регионах.

Шарья, Костромская область (1975). Аналогичная практика сложилась на востоке Костромской области, через территорию которой проходил маршрут эвакуационных составов. В 1975 году на местном кладбище станции Шарья открыт монумент «Жертвам блокадного Ленинграда». Центральную часть композиции образует бронзовая фигура скорбящей матери [4].

Вологда (1988). В 1988 году на Пошехонском кладбище Вологды открыт памятник 1048 эвакуированным ленинградцам, скончавшимся в местных госпиталях [5]. Центром композиции стала скульптура женщины с ребёнком на руках. На

церемонии открытия делегация из Ленинграда передала вологжанам капсулу с землёй Пискарёвского кладбища. Привезённый грунт заложили в основание монумента. Подобная мемориальная практика перенесения земли традиционно используется для символического связывания территорий.

Установка первых мемориалов в 1940–1980-е годы демонстрирует начальный этап сохранения памяти об эвакуации. Лаконичные надгробия постепенно сменились скульптурными композициями, стихийные захоронения получили чёткую адресность. Применение традиционных ритуалов зафиксировало концептуальный переход: локальный исторический опыт тыловых регионов начал объединяться с общенациональной памятью об осаждённом Ленинграде.

Новая волна коммеморации в 1990-х

В 1990-е годы государственное устройство России изменилось. Следом сформировался официальный дискурс 2000-х годов. Началась новая волна коммеморации: власти и общество начали упорядочивать историческое наследие, и тема эвакуации получила собственные адресные мемориалы. Раньше судьбы вывезенных людей сливались с обобщённым образом жертв войны, теперь же принимающие территории стали целенаправленно фиксировать местную «ленинградскую» страницу.

Свердловск (Екатеринбург) (1991). Летом 1941 года Урал принял значительную часть фондов Государственного Эрмитажа. Ленинградским специалистам удалось сберечь в глубоком тылу сотни тысяч экспонатов [6]. В 1991 году на фасаде здания Екатеринбургского музея изобразительных искусств была открыта мемориальная доска. Текст на плите сообщает прохожим о хранении здесь эрмитажных коллекций в годы Великой Отечественной войны.

Северодвинск (1992) и Ярославль (1998). В это же время меняются подходы к увековечиванию памяти погибших. В сентябре 1992 года в Северодвинске, носившем в советское время название Молотовск, был открыт закладной камень. Высеченный текст гласит: «Вечная память жителям блокадного Ленинграда, умершим в городе Молотовске» [7]. Через шесть лет на Тверицком кладбище Ярославля появился памятник погибшим детям. Композиция включает бронзовую фигуру ангела и строки: «Имена неизвестны, но люди помнят о них, безвинных жертвах войны» [8].

Появление новых мемориалов выводит исторические факты в публичное

пространство. Долгое время детали эвакуации сохраняли лишь профильные специалисты. Коммеморация переносит эти сюжеты из ведомственных архивов на городские улицы. Массовый прохожий напрямую сталкивается с конкретными свидетельствами вклада своего региона в спасение людей и сбережение культурного наследия. Местное прошлое обретает форму, превращаясь в достояние широкой аудитории. Одновременно меняются форматы фиксации человеческих потерь. Лаконичные памятные знаки дополняются архитектурными решениями; скульптурные образы и текстовые послания вовлекают зрителя в диалог; сухая констатация трагедии уступает место персонифицированным формам памяти.

Масштабирование и комплексность. Крупные мемориальные ансамбли (1999–2025)

На рубеже XX и XXI веков мемориальный канон усложняется. Стандартизированные кладбищенские плиты сменяются индивидуальными архитектурными проектами. Лаконичные надгробия уступают место объёмным комплексам. Новые мемориалы объединяют многофигурные композиции, высеченные именные списки, текстовые нарративы и подлинные документальные артефакты.

Челябинск (1999). В начале войны Челябинск и Челябинская область приняли Ленинградский Кировский завод, завод «Ленполиграфмаш», химический завод К-4 «Оргстекло» и другие производства [9]. Вместе со своими предприятиями на Урал эвакуировались более 20 тысяч ленинградских сотрудников. Память об этих специалистах хранит мемориал «Ленинградский мост». Сооружение представляет собой триумфальную арку с барельефом Медного всадника внутри. Мемориал формировался поэтапно. В 1999 году к 55-летию снятия блокады на мосту появилась памятная доска. Весной 2002 года композицию дополнила капсула с «ленинградским» грунтом. Текст на плите сообщает: «Здесь 8 мая 2002 года захоронена капсула с землёй города-героя Ленинграда».

Саратов (2005). В феврале и марте 1942 года Саратов принял три эшелона из Ленинграда. Среди эвакуированных находился историк Владимир Васильевич Мавродин — исследователь Древней Руси и Петербурга, декан исторического факультета ЛГУ [10]. За время работы в эвакуации учёные двух вузов подготовили 26 монографий и выполнили ряд исследований оборонного значения. В 2005 году на фасаде главного здания Саратовского университета появилась мемориальная доска.

Памятная плита свидетельствует о «ленинградской» странице в истории местного вуза и совместном труде специалистов [11].

Котельнич, Кировская область (2010). 17 июля 2010 года в Котельниче установлен мемориальный комплекс памяти погибших в эвакуации [12]. Архитектурная композиция объединяет одиннадцать гранитных плит и колокол с отлитым названием города; на поверхности камня высечены имена 2768 человек. Надпись: «Они не были солдатами, но их унесла война» обращает внимание на судьбы мирного населения. В основание объекта заложена капсула с землёй Пискарёвского кладбища. Традиционный ритуал переноса грунта прямо связывает Кировскую область с Ленинградом.

Елабуга, Татарстан (2013). С июля 1941 года Елабужский учительский институт принял эвакуированный научный филиал Ленинградского государственного университета. На новое место прибыли около 70 научных сотрудников. В мае 2013 года накануне 115-летия учебного заведения на третьем этаже исторического здания появилась мемориальная доска. Памятная плита зафиксировала факт работы эвакуированных вузов в 1941–1944 годах [13].

Пермь (2025). В 2025 году на набережной у Речного вокзала Перми (бывший Молотов) появился мемориал. Объект посвящён эвакуации ленинградцев в Молотовскую область в 1941–1943 годах [14]. Фундаментом мемориала служит ограждение кожуха гребного колеса с пятиконечной звездой. Эта деталь была поднята со дна реки Сылвы вместе с остатками парохода «Вера Фигнер». Судно участвовало в спасении ленинградских детей в 1941 году [15]. Подлинный фрагмент затонувшего корабля усиливает документальность мемориала: памятник становится полноценным вещественным свидетельством исторических событий, а не просто символом.

Появление подобных объектов вплетает память об эвакуации в повседневную жизнь тыловых городов. Челябинский мемориал органично интегрирован в действующую транспортную инфраструктуру. Мемориальные доски Саратова и Елабуги закрепляют связь между локальной историей и общероссийским нарративом о войне. Институциональная память превращает историю спасения вузов в часть важного университетского рассказа о сохранении науки. Эволюция от лаконичных монументов к крупным архитектурным ансамблям отражает изменение отношения общества к памяти о блокаде. При жизни очевидцев события фиксировались через сдержанные знаковые формы — плиту, стелу, закладной камень. Потомки стремятся удержать

память и передать её дальше. Современные поколения обращаются к новым инструментам: именным спискам, артефактам, визуальным нарративам. Рассмотренные примеры демонстрируют идеологический сдвиг. Ленинградский мемориальный пантеон дополняет полицентричная карта национальной памяти; локальные регионы заявляют о своей сопричастности общему военному героизму.

Эволюция памяти на примере мемориалов Тане Савичевой

Наглядно прослеживается многолетнее развитие мемориального канона в рабочем посёлке Шатки Горьковской области (ныне Нижегородской). Здесь сосредоточены три памятных объекта. Они посвящены одному человеку — самому известному ребёнку блокированного Ленинграда, Тане Савичевой. Вероятно, это единственный эвакуированный житель города, которому посвящены сразу три персональных монумента в одной локации. Девочка вела записи в дневнике, фиксируя даты смерти своих родственников. Всемирным символом блокады стали финальные строки: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня».

В обществе сложилось ошибочное представление, будто школьница скончалась в Ленинграде сразу после этих слов. Исторические факты развенчивают этот миф. В августе 1942 года Таню вместе с детским домом эвакуировали. Составы привезли детей в Горьковскую область, где школьница проходила лечение в местных больницах. Врачи долго боролись за её жизнь: здоровье ребёнка оказалось подорвано туберкулёзом и дистрофией. 1 июля 1944 года она скончалась в Шатках [16].

Первый мемориальный знак на могиле Тани Савичевой появился в 1970-х годах. Рядом с надгробием установлены каменные плиты; на их поверхности высечены страницы из дневника девочки. Подобный визуальный приём практически полностью повторяет оформление мемориалов на ленинградской Дороге жизни. В 1981 году в посёлке открыт второй памятник — классическая стела с портретным барельефом школьницы [17].

Спустя почти три десятилетия мемориальный ландшафт Шатков трансформировался вновь. 7 мая 2010 года к 65-летию Победы здесь установлен масштабный комплекс «Тане Савичевой и детям войны посвящается». Композиция включает шесть бетонных арок с облицовкой из кремового мрамора. Архитектурное пространство дополняют двенадцать рельефных сцен из повседневной жизни эвакуированных ленинградцев. В центре ансамбля возвышается скульптура девочки в

полный рост. За мраморными колоннами размещён специальный стенд с фотографиями страниц её знаменитого дневника [18].

Три памятных объекта появились в одном рабочем посёлке в разные десятилетия. Мемориалы наглядно иллюстрируют изменение подходов к коммеморации: от скромного надгробия к персональной стеле и, наконец, к многосоставному архитектурному ансамблю. Фигура ленинградской школьницы становится отправной точкой для рассказа о судьбах других эвакуированных детей. Именно это обращение к собирательным детским образам, бытовым деталям и проработанным сюжетам из повседневной жизни определяет ключевой вектор развития мемориальной практики 2000–2010-х годов.

Памятники 2000–2010-х годов

Памятники перемещаются с территорий кладбищ в публичные пространства: городские скверы и дворы учебных заведений. Теперь монументы отражают конкретные биографии. Скульпторы добавляют в композицию имена и бытовые детали: брошенные игрушки, посуду, школьные принадлежности. Фигуры выполняются в натуральную величину. Такой приём делает мемориалы реалистичными и понятными современному зрителю. На смену обобщённым символам приходит личный опыт эвакуированных. Параллельно формируется потребность зафиксировать символическую связь принимающих регионов с «ленинградской» землёй, и авторы включают в мемориальные ансамбли узнаваемые детали архитектуры Ленинграда.

Лычково, Новгородская область (2003). В 2003 году на железнодорожной станции Лычково в Новгородской области был открыт мемориал, посвящённый эвакуированным детям. Памятник увековечивает события 18 июля 1941 года, когда состав с ленинградцами подвергся бомбардировке [19]. На гранитной плите застыло отлитое из бронзы пламя взрыва, подбросившее детскую фигуру. У подножия лежат оброненные игрушки. Начало эвакуации оказалось трагическим: детей увозили в безопасное место, а привезли навстречу наступающей войне.

Памятники с репликами городского ландшафта Ленинграда

Красноярск (2005). В Красноярске 7 мая 2005 года был открыт памятник «Детям войны», который посвящён памяти эвакуированных в регион ленинградцев. Скульптурная композиция разворачивается на фоне кованой решётки Летнего сада. Маленькая девочка в шали держит кусочек хлеба, рядом стоит мальчик с бидончиком

для воды [20]. Скудный паёк, пустая посуда и металл ограды связывают историю отдельной семьи с общим героизмом ленинградцев.

Новосибирск (2005). 7 мая 2005 года в Новосибирске была открыта девятиметровая стела, посвящённая трудовому подвигу ленинградцев [21]. Архитектурное решение монумента визуально отсылает к Александровской колонне в Ленинграде. На поверхности камня высечена строфа «Блокадным дням вовеки не забыться» из стихотворения Н. П. Вайвод. Произведение получило распространение среди ленинградцев, оставшихся в Сибири после эвакуации.

Пенза (2014). 27 января 2014 года в Пензе открылся мемориал эвакуированным ленинградцам. Событие приурочили к 70-летию снятия блокады [22]. На тот момент в городе проживало 79 человек, вывезенных сюда из блокадного Ленинграда в детском возрасте. Монумент высотой 9,5 метра копирует архитектурное завершение ленинградского здания Адмиралтейства. Венчает конструкцию шпиль с флюгером-корабликом.

Памятники с бытовыми деталями

Кострома (2011). 27 января 2011 года в Костроме открылся памятник детям, эвакуированным из Ленинграда в 1942 году [23]. На гранитную плиту почерком, имитирующим мел, нанесены имена «Витя, Алёшка, Машка», рисунок солнца и слово «Мир». Композицию дополняют высеченные в камне строки поэтессы Елены Вечтомовой: «Все это называется — блокада. / И детский плач в разломанном гнезде... / Детей не надо в городе, не надо, / Ведь родина согреет их везде». Местные жители приносят к монументу игрушки и конфеты, превращая камень в место символического диалога с ленинградскими детьми, нашедшими в регионе новый дом.

Омск (2014). В 2014 году в Омске появился памятник детям блокадного Ленинграда. Композиция включает три бронзовые фигуры в натуральную величину: мальчика с чайником, старшую девочку со скрипкой и младшую с куклой [24]. Обыденные вещи в детских руках переводят эвакуацию из исторического события в образ оборванного детства.

Кемерово (2018). В Кемерове 6 сентября 2018 года открылся памятник подвигу жителей и защитников блокадного Ленинграда [25]. Центром композиции стала фигура женщины, которая встречает эвакуированных детей. Мемориальная надпись на камне гласит: «Преклоняемся перед бессмертным подвигом жителей и защитников

блокадного Ленинграда».

Памятники 2000–2010-х годов формируют самостоятельный мемориальный язык. Центральный образ этого периода — ребёнок с бытовым предметом в руках. Скрипка, хлебный паёк, кукла или чайник заменяют аллегорические символы скорби предшествующих десятилетий. Фигуры выполняются в натуральную величину, а детали воспроизводятся с документальной точностью. Этот сдвиг фиксирует смену поколений: живая память уходит, и её место занимают персонализированные образы, обращённые к тем, кто войны не застал. Параллельно расширяется география коммеморации и её тематический охват. Если ранние памятники констатировали сам факт присутствия ленинградцев на той или иной территории, то теперь мемориалы рассказывают конкретные истории. Реплики городского ландшафта Ленинграда появляются в Сибири и Поволжье. Принимающие регионы вписывают «ленинградскую» историю в собственное прошлое, фиксируя своё участие в спасении людей.

Жанр мемориальной доски. От текстовой плиты к сюжетным композициям

С 2017 года регионы продолжают устанавливать крупные памятники, параллельно расширяя коммеморативную практику за счёт мемориальных досок. В отличие от монументов, которые констатируют факт пребывания эвакуированных ленинградцев в конкретной области, доски выполняют иную функцию. Они уточняют исторические данные и привязывают события к точным адресам.

Рязань (2017). В 2017 году на фасаде железнодорожного вокзала Рязани появилась мемориальная доска. Объект посвящён эвакуационным эшелонам, проходившим через местную станцию [26]. Композиция отошла от строгих канонов. Наряду с информационной надписью плита содержит визуальные образы: силуэты истребителей, лучи зенитных прожекторов, очертания Петропавловской крепости.

Киров (2020). Городская администрация в Кирове увековечила память коллектива Большого драматического театра имени Горького, который работал в регионе с сентября 1941 по февраль 1943 года. Мемориальную доску разместили внутри Кировского драматического театра [27].

Мыт, Ивановская область (2025). В 2025 году в селе Мыт установлена мемориальная доска. Памятный знак посвятили детскому дому, принявшему эвакуированных ленинградцев [28]. Плиту украсили изображением Родины-матери и

эмблемой 80-летия Победы.

Рассматриваемые примеры показывают, как жанр мемориальной доски последовательно менял характер. Ранние плиты строго фиксировали исторические данные. Позднейшие объекты расширяют визуальный ряд: авторы включают в композиции контуры Петропавловской крепости, силуэты истребителей, государственную символику. Принципиально важна география установки знаков. Доски появляются на фасадах вокзалов, в интерьерах театров — точно там, где происходили события. Исследователи определяют эту адресность как ключевое свойство формата: доска удостоверяет, что всё произошло «только здесь и нигде более» [29]. Формат позволяет вывести историю эвакуации на локальный уровень, связывая прошлое с конкретным зданием.

Новейшие формы. Интерактив, цифровые технологии, региональные инициативы (2010-е–2020-е)

К началу 2010-х годов география мемориалов расширяется. На карте памяти появляются новые объекты: на Алтае, в малых городах и на территории соседних государств. Движущей силой коммеморативной волны выступают местные сообщества. Процесс увековечения памяти приобретает децентрализованный характер. Рассказ об эвакуации перестаёт быть исключительно государственным нарративом, становясь делом народной инициативы.

Боровлянка, Алтайский край (2012 / 2022). В 2012 году на кладбище алтайского села Боровлянка установлен монумент эвакуированным детям Ленинграда [30]. Спустя десять лет комплекс был обновлён. Центром новой композиции стала скульптурная группа в виде звезды с фигурами женщины и двоих детей [31]. На каменной плите выгравлены 88 свечей — по числу умерших в этом селе ленинградцев.

Углич (2023). В 2023 году в Угличе установлена скульптурная композиция «На краю детства» [32]. Центр мемориала образуют четыре фигуры: женщина, мальчик с цветочным горшком, ещё один мальчик с чемоданчиком и девочка с плюшевым медведем. Название ансамбля отсылает к книге Ольги Берггольц «Углич», поскольку в раннем возрасте поэтесса провела в этом городе несколько лет. Слова главного голоса Ленинграда связывают фигуры ленинградских детей с местной историей.

Тюмень и проект «Согретые Сибирью» (2025). 6 мая 2025 года в тюменском дворце творчества и спорта «Пионер» появилась мемориальная доска с силуэтами

Адмиралтейства, Исаакиевского собора, Ростральной колонны и Кунсткамеры [33]. В центре композиции — рельефная фигура женщины, которая прижимает к себе пятерых детей. Мемориал дополняют стихи Валерия Пономарёва и схема маршрута эвакуации из блокированного Ленинграда в Тюмень. На плите размещён QR-код со ссылкой на исторические материалы. Памятный знак стал частью регионального проекта «Согретые Сибирью» [34]. Дополнительно авторы инициативы выпустили двухтомник о судьбах эвакуированных детей и сотрудников местных детских домов.

Бишкек, Киргизия (2012) и Ташкент, Узбекистан (2025). Память о Великой Отечественной войне обеспечивает единство постсоветского пространства. В годы войны Киргизия приняла эвакуированных жителей Ленинграда [35], и в 2012 году был открыт мемориальный комплекс в парке Победы города Бишкека [36]. Архитектурный ансамбль включает мраморную стелу с контуром Петропавловского собора, строки Ольги Берггольц и барельеф женщины с ребёнком. Лица фигур наделены национальными чертами.

Узбекистан в период эвакуации принял около 150 промышленных предприятий и 4,5 тысячи ленинградских детей. Сюда были перевезены Политехнический институт, ЛЭТИ, Пулковская обсерватория и другие учреждения. В Ташкенте продолжали работать сотрудники Ленинградской консерватории, которые 23 июня 1942 года исполнили здесь Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича. В 2025 году в парке Победы Ташкента появился «Ленинградский монумент» [37].

Коммеморативная практика 2010–2020-х годов отличается от предыдущих волн по двум параметрам: географии и формату. Мемориалы открываются в малых городах и сёлах — там, куда эвакуационные маршруты дотягивались в самых отдалённых концах страны. За пределами России память об эвакуации закрепляется в Киргизии и Узбекистане, где местные монументы соединяют историю ленинградцев с локальным опытом принимавших их народов.

Параллельно усложняется сам язык мемориала: рядом со скульптурой появляются поэтические тексты, именные списки, схемы маршрутов и QR-коды, открывающие доступ к цифровым архивам. Последнее особенно показательно: мемориалы адресованы тем, кто не был очевидцем событий. Со временем память обретает вербальный и визуальный характер: современное поколение узнаёт о войне из письменных источников, мемуаров, учебников, СМИ, кино и программ

патриотического воспитания. Поэтому создатели монументов используют привычные для молодёжи способы коммуникации. Одновременно меняются инициаторы мемориальных проектов. В этот период установку памятных знаков всё чаще инициируют региональные сообщества вместо государственных структур. В результате память об эвакуации покидает официальный канон и переходит в сферу локальной работы с прошлым.

Эволюция памятников и смена мемориального канона

Развитие мемориального ландшафта, посвящённого ленинградской эвакуации, делится на три этапа. Первый этап коммеморации охватывает период с 1946 по 1990-е годы. Изначально памятные знаки размещались непосредственно на местных кладбищах в виде лаконичных обелисков и безымянных надгробий. В 1970-е годы на плитах стало появляться упоминание о статусе ленинградцев. Адресные надписи помогали наблюдателю понять историю появления этих людей в регионе.

В 1999–2010-е годы началась вторая мемориальная волна. Место типовых надгробий заняли крупные архитектурные комплексы, дополненные поимёнными списками эвакуированных ленинградцев. Эвакуация начала осмысляться как масштабный процесс спасения, где тыловые регионы заявили о своей исторической роли. Таким образом местная история приобщается к национальному героизму и становится достоянием всей России.

Третья волна коммеморации началась в 2010-х годах и сместила фокус на образовательный эффект. Со сменой поколений установка мемориалов помогает продлить память об эвакуации и передать её потомкам. Классическую скульптурную форму теперь дополняют технологичные решения: цифровые архивы и QR-коды. Текстовые элементы на памятниках предлагают аудитории новый формат изучения прошлого.

Трансформация мемориального канона проявляется в изменении визуальных образов. Строгие аллегории первых послевоенных десятилетий уступили место детализированным бытовым сюжетам. На смену собирательным фигурам пришли персонализированные истории. Тема скорби сменилась фиксацией совместного опыта выживания и помощи со стороны принимающих регионов. Переход от стандартизированных надгробий к индивидуальным пространствам спроектирован для прямого диалога с современным зрителем.

География памятников эвакуированным ленинградцам показала, как память о блокаде стала достоянием городского сообщества всей России. Разветвлённая сеть новых мест памяти охватила регионы страны и бывшее советское пространство. Эта связь объединила Ленинград с глубоким тылом. Эволюция монументов отразила сдвиг в отечественной культуре коммеморации и продемонстрировала, как привычный патетический регистр постепенно сменился вниманием к уязвимости людей и взаимопомощи. Подобные трансформации сделали эвакуацию самостоятельным объектом исторического наследия, который помогает современникам переосмыслить устоявшиеся представления о гражданской солидарности.

Литература:

1. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) // Люди и тексты. Исторический альманах. — 2019. — С. 178–186.

2. Каталог-справочник «У подвига нет национальности». — Текст: электронный. — URL: https://ddut-mosk.spb.ru/doc/d182.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

3. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система г. Александрова». — Текст: электронный. — URL: https://aleks-lib.vld.muzkult.ru/Kraevedenie_Pamyatniki_Jertvi_Blokadi/ (дата обращения: 16.04.2026).

4. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система городского округа город Шарья Костромской области». — Текст: электронный. — URL: https://shcbs.kst.muzkult.ru/p_v_v (дата обращения: 16.04.2026).

5. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны: [В 3 ч.] / Вологод. гос. пед. ин-т и др.; [сост. Л. К. Судакова и др.]. Ч. 1: А–К. — 1990. — 583 с. — С. 5.

6. Кантор Ю. З. Эрмитаж и эрмитажники на Урале. Неизвестные страницы (по материалам архивных документов) // Технологос. — 2020. — № 3.

7. Северодвинский городской краеведческий музей. — Текст: электронный. — URL: https://musey29.ru/памятники-и-мемориалы-на-территории-г/ (дата обращения: 17.04.2026).

8. МУК «Централизованная система детских библиотек г. Ярославля» библиотека-филиал № 3. — Текст: электронный. — URL:

https://csdbf3.ru/partid/20/subpartid/24/writeid/122 (дата обращения: 17.04.2026).

9. Самсонов В. Ф. Память о подвиге и славе: по мемориальным местам Челябинска / В. Ф. Самсонов. — Челябинск: Алое поле, 2005. — С. 140–144.

10. Владимир Васильевич Мавродин // Памятные места и нематериальное наследие СПбГУ: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://commemorations.spbu.ru/people/mavrodin-vladimir-vasilevic/ (дата обращения: 18.04.2026).

11. В день снятия блокады вспоминаем об эвакуации Ленинградского университета в Саратов // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.sgu.ru/news/2025/v-den-snyatiya-blokady-vspominaem-ob-evakuacii-leningradskogo-universiteta-v-saratov (дата обращения: 18.04.2026).

12. Социальный фонд России: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://sfr.gov.ru/branches/kirov/news~2010/07/20/35478 (дата обращения: 19.04.2026).

13. В Елабуге открыли мемориальную доску в память об эвакуированных в военные годы вузах // Татар-информ. — Текст: электронный. — URL: https://www.tatar-inform.ru/news/v-elabuge-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-pamyat-ob-evakuirovannyh-v-voennye-gody-vuzah-358918 (дата обращения: 19.04.2026).

14. Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/305431/ (дата обращения: 20.04.2026).

15. Пермский государственный архив социально-политической истории: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.permgaspi.ru/news/3180/1146/v-permi-otkryt-pamyatnik-posvyaschennyj-evakuatsii-iz-leningrada.html (дата обращения: 20.04.2026).

16. Краткий курс истории. Таня Савичева // История.РФ. — Текст: электронный. — URL: https://history.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-tania-savichieva (дата обращения: 21.04.2026).

17. Шатковский историко-краеведческий музей: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://shatki-museum.nnov.muzkult.ru/news/67756043 (дата

обращения: 21.04.2026).

18. Память, высеченная в камне: история увековечивания памяти Тани Савичевой в р. п. Шатки / редакционная коллегия: А. В. Инжутов [и др.]. — Выкса: IKSA, 2025. — С. 66–67.

19. Туристический портал Новгородской области. — Текст: электронный. — URL: https://novgorod.travel/guides/pamyatnik-detyam-pogibshim-v-gody-voyny/ (дата обращения: 22.04.2026).

20. Централизованная библиотечная система для детей имени Н. Островского: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://ostrovlib.ru/index.php/component/content/article/194-kraevedenie/pamyatniki-krasnoyarska/474-pamyatnik-detyam-vojny?Itemid=1300 (дата обращения: 23.04.2026).

21. Муниципальное автономное учреждение культуры города Новосибирска: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://m-nsk.ru/portfolio-item/stela-posvyashhyonnaya-trudovomu-podvigu-leningradtsev (дата обращения: 23.04.2026).

22. Единая Россия: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://er.ru/activity/news/v-penze-otkryli-pamyatnik-geroyam-blokadnogo-leningrada (дата обращения: 24.04.2026).

23. Туристический портал Костромской области. — Текст: электронный. — URL: https://kostromatravel.ru/putevoditel/pamyatniki_i_memorialy/pamyatnik_detyam_blokadnogo_leningrada (дата обращения: 24.04.2026).

24. Памятник детям блокадного Ленинграда // Вклад в Победу: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://вкладвпобеду.рф/memorials/5989/ (дата обращения: 24.04.2026).

25. Администрация правительства Кузбасса: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://ako.ru/news/detail/pamyatnik-v-chest-podviga-zhiteley-i-zashchitnikov-blokadnogo-leningrada-ustanovlen-v-kemerovo (дата обращения: 25.04.2026).

26. Издательство «Пресса»: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://ryazpressa.ru/в-рязани-открыли-мемориальную-доску-в/ (дата обращения: 25.04.2026).

27. Сетевое издание Киров Град. — Текст: электронный. — URL: https://kirov-grad.ru/news/v-kirove-poyavilas-tablichka-v-pamyat-o-bdt-im-tovstonogova/ (дата

обращения: 26.04.2026).

28. Мытский краеведческий музей: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://museum-mit.ivn.muzkult.ru/news/124286555 (дата обращения: 26.04.2026).

29. Беседина Е. А., Буркова Т. В. «Только здесь и нигде более»: особенности мемориальных досок как знаков исторической памяти // Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб. : Нестор-История, 2018. — С. 222.

30. Официальный сайт Алтайского края. — Текст: электронный. — URL: https://altairegion22.ru/press-center/news/2012/v-altaiskom-krae-otkryli-pamyatnik-detyam-blokadnogo-leningrada_226939/ (дата обращения: 27.04.2026).

31. Единая Россия: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://altai-ter.er.ru/activity/news/pamyatnik-detyam-blokadnogo-leningrada-otkryl-v-troickom-rajone-aleksandr-romanenko (дата обращения: 27.04.2026).

32. Сетевое издание «Ярославский регион». — Текст: электронный. — URL: https://yarreg.ru/articles/v-ugliche-ustanovili-pamyatnik-v-chest-detey-blokadnogo-leningrada/ (дата обращения: 28.04.2026).

33. Дворец творчества и спорта «Пионер»: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.pioner72.ru/news/sogretye-sibiryu-v-pamyat-o-detyakh-evakuirovannykh-iz-blokadnogo-leningrada/ (дата обращения: 28.04.2026).

34. Согретые Сибирью: выставка о судьбах детей войны в Тюмени. — Текст: электронный. — URL: https://тюменьвремя.рф/publications/sobytiya/sogretye-sibiryu-vystavka-o-sudbakh-detey-voyny-v-tyumeni/ (дата обращения: 28.04.2026).

35. Кантор Ю. З. Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / Ю. З. Кантор. — М.: РОССПЭН, 2019. — 951 с. — С. 860.

36. Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/20791/ (дата обращения: 04.2026).

37. Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: https://www.gov.spb.ru/press/governor/304174/ (дата обращения: 29.04.2026).

Касимова Рейгания Исмулла кызы
Kasimova Reagania Ismulla kyzy
кандидат геолого-минералогических наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»
e-mail: izza@mail.ru

Касимова Мона-Анисия Константин кызы
Kasimova Mona-Anisiya Konstantin kyzy
студент Высшей школы государственного аудита (экономика)
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»
e-mail: mona.97@mail.ru

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ БАБИ И ВЕРЫ БАХАИ КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ. В РОССИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

HISTORICAL PAGES OF THE BABI RELIGION AND THE BAHA'I FAITH IN THE END OF THE 19-TH – BEGINNING OF THE 20-TH CENTURIES IN RUSSIA: FROM THE ROOTS TO MODERNITY

Аннотация. В статье представлен обзор исследования, проведенного в 2025 году в честь 100-летнего юбилея московской общины бахаи, в котором раскрываются исторические корни становления первой общины в Закавказье в XIX в. Цель исследования – систематизировать и обобщить разрозненные исторические сведения о деятельности бахаи в России по опубликованным и некоторым архивным материалам, проанализировать существующую исследовательскую литературу. Задача исследования – на конкретных исторических примерах продемонстрировать легитимность общины бахаи, появление которой в Российской империи в эпоху Великих реформ при императоре Александре II в дальнейшем не вызывало сопротивления со стороны властей. Методология исследования основывается на общенаучных и специальных исторических методах: нарративный, системный и ретроспективный анализы и принципе историзма. В результате исследования сделан вывод о положительном отношении к вере бахаи со стороны российских дипломатов, усилия которых высоко оценил основатель новой религии – Бахаулла, и представителей местных властей, защитивших бахаи и разрешивших строительство в Ашхабаде первого Храма бахаи в мире.

Abstract. The article presents a review of the research held in 2025 in honor of the 100-anniversary of Moscow Baha'i community, devoted to the revealing of the historical roots of the first Bahai community formation in the Transcaucasia in the 19^{th-} century. The research aims to systematize and unite separated historical data about the activity of the Baha'i in Russia according to published and some unpublished archival, analyze the existing research literature. The purpose of the research is to demonstrate on the exact historical examples the legitimacy of the Baha'i community that appeared in Russian Empire at the epoch of the Great reforms of Emperor Alexander II and wasn't opposed later by the government. The methodology of the research is based on general scientific and special historical methods (narrative, system and retrospective analyses) and the principle of historicism. The research concludes with the statement about a positive attitude of Russian diplomates to the Baha'i Faith, whose efforts were highly estimated by the Founder of the new religion Baha-u-llah, and the representatives

of the local authorities, who protected the Baha'i and allowed to build the first Baha'i Temple in the world in Ashgabad.
Ключевые слова: религия баби (бабиды), Баб, вера бахаи, Бахаулла, Ашхабад, Российская империя, Закавказье.

Keywords: Religion of the Babi, Bab, the Baha'i Faith, Baha-u-llah, Ashgabad, Russian Empire.

Обращение к новому историческому исследованию истоков веры бахаи в России обусловлено необходимостью систематизации накопленной историографии и опубликованных источников, а также введением в научный оборот некоторых новых архивных документов (СПбФ. СПбФ Архива РАН. Ф.777. Оп. № 2. Ед. хр.186. Д.65) [15], что составляет новизну данного исследования, приуроченного к юбилейной дате – 100-летию московской общины бахаи (1925 – 2025). Российская империя в сер. XIX в. стала местом спасения преследуемых баби и бахаи, бежавших из Персии.

Основоположник нового религиозного движения баби Баб (Али Мухаммад Ширази) (1819 – 1850) 23 мая 1844 г. провозгласил скорое пришествие нового Посланника Божьего – «Того, Кого явит Бог» в Каджарском Иране. Его последователи баби (бабиды) встретили активное сопротивление со стороны властей и духовенства, подверглись жестоким преследованиям и казням. С 1863 года начался новый период в развитии – Бахаулла (мирза Хусейн Али-и- Нури) (1817 – 1892) провозгласил себя Явителем Бога, а его последователи стали называть себя бахаи.

О возникновении нового религиозного движения сообщали в Министерство иностранных дел Российской империи представители русского консульства в Персии – Дмитрий Иванович Долгоруков (1797 – 1867), с 1845 года – полномочный министр при персидском дворе в Тегеране, и Николай Адрианович Аничков (1809 – 1892), с 1838 года – генеральный консул в Тебризе. Они выступили в защиту преследуемых баби, которые, не найдя поддержки в Британском консульстве, бежали в 1853 г. на территорию Закавказья.

С 1844 года в Северном Азербайджане уже существовала собственная община баби, возникшая в результате массового принятия нового учения в Ордубаде, переселившаяся в селение Вананд [12, с. 113]. Начавшаяся Крымская война (1853 – 1856) совпала по времени с массовой эмиграцией персидских баби, что оказалось причиной подозрительного отношения к ним со стороны местной военной власти, подозревавшей их в шпионаже в пользу Османской и Британской империй. Баби

Вананда были арестованы, что приостановило приток новых представителей нового религиозного движения из Персии [Там же, с. 114].

С восшествием на престол императора Александра II в 1855 году, сопровождавшихся проведением Великих реформ и процессом либерализации, усилилась эмиграция баби на территорию Российской империи. В результате вхождения Закаспийского края в Российскую империю (в частности, Туркестана), куда бежали бахаи от преследований в 1882 – 1884 гг. [13], община значительно увеличилась. Новым центром расселения баби и бахаи стал Асхабад (Ашхабад), ранее входивший в зону влияния туркмено-текинских племён, а в 1881 году получивший статус административного центра. Покровительство ремесленников, торговцев и строителей-бахаи со стороны российских властей [16, с.62] подытожило начавшийся религиозный конфликт в Ашхабаде, жертвой которого стал убитый бахаи. Расследование под руководством генерала А. В. Комарова (1889 – 1890) завершилось наказанием виновных и признанием невиновности бахаи, последние ходатайствовали о смягчении приговора для двух фанатиков-убийц: приговор о смертной казни был заменен каторгой. Милосердие со стороны бахаи вызвало симпатию к ним, и вскоре последовало разрешение на строительство первого в мире Храма бахаи (Машрик-уль-Азкара) в Ашхабаде [14, с.119–120]. Таким образом, легитимность новой независимой мировой религии на территории Российской империи была подтверждена. На протяжении всех лет строительства (1902 – 1921), бахаи мирно сосуществовали с представителями других конфессий, проявляя уважение к местным исламским традициям. Так, новый Храм украсили подобия минаретов.

Анализ первоисточников – посланий Бахауллы к монархам Европы и России – Наполеону III, Александру II., Францу Иосифу, королеве Виктории, Вильгельму I и др., в которых изложены основные принципы веры бахаи (единство Бога, единство религий и человечества, важность социальной справедливости и установление всеобщего мира на Земле и др.) [20] способствовал выявлению уникального характера каждого Послания. Так, во втором послании к французскому императору Наполеону III, не только звучит призыв к принятию веры бахаи как Божественного Откровения: «явился Наимощный Колокол в виде Того, Кто есть Наивеличайшее Имя»; «Обратите лица ваши к Нему [Бахаулле] в сей День» (перевод с англ. – К. Р.) [Ibid, с. 67], но и обвинение императора в развязывании Крымской войны как результата потакания своим страстям.

«We testify that which wakened thee was not their cry but the promptings of thine own passions» («не вопль о помощи пробудил тебя, а голос твоих желаний, ибо Мы испытали тебя и знаем, что ты обуреваем честолюбием» (перевод с англ. – К.Р.) и неискренности [Ibid., p.71–72]. Печальное пророчество Бахауллы о Франции: «For what thou hast done, thy kingdom shall be thrown into confusion, and thine empire shall pass from thine hands» («За твои деяния твое царство будет брошено в смуту, твоя империя уйдёт из твоих рук»), «Commotions shall seize all the people in that land» («Смятение охватит всех людей в твоей стране») [Ibid., p.72] реализовалось: в результате поражение Франции в битве при Седане (1870) Наполеон III был свергнут, а революционная смута привела к установлению диктатуры Парижской коммуны (1871).

Послание Бахауллы к русскому императору Александру II проникнуто уважением: «We, verily, have heard the thing for which thou didst supplicate thy Lord, whilst secretly communing with Him» («Воистину слышали Мы то, о чем молил ты Господа твоего, втайне с ним общаясь»); отмечена заслуга русского консула в Тегеране Аничкова, лично содействовавшего спасению жизни Бахауллы во время его заточения в тегеранской тюрьме: «one of thy ministers extended Me his aid» («Один из министров твоих протянул Мне руку помощи») [Ibid., p.83]. В пророчестве Бахауллы говорится об особой духовной награде русского царя – «Wherefore hath God ordained for thee a station which the knowledge of none can comprehend except His knowledge» («За это Бог наградит тебя саном, которого не понять никому») [Ibid.], которая увенчала жизнь царя-реформатора. Александр II был смертельно ранен народовольцами и мученически скончался 1 марта 1881 года.

В двух посланиях, связанных с ашхабадскими событиями, и обращенными к рядовым верующим, Бахаулла дал высокую оценку действиям русских властей, выразив уважение и благодарность Российской империи и назвав ее «Лучезарной, Справедливой Державой». В них также звучит пророчество о будущем воцарении справедливости (важнейшего принцип бахаи): «Справедливость же — источник величия, и мощи, и могущества царей» [4, с.38]. Оправдание бахаи генералом Комаровым было оценено как акт Божественной справедливости. Бахаулла пророчествовал о Российской империи, представшей инструментом Божией воли – «Светозарной Державой», с мессианским эсхатологическим предназначением стать справедливым правовым государством: «…это проявление правды и справедливости, Бог даст, сотрёт тиранство и насилие в

мире» [Там же]. Явитель Бога призывает бахаи всегда помнить об оказанном благодеянии, молиться за царствующего императора (в то время Александра III) и генерала Комарова, уважать Российскую империю и быть достойными её. В послании подчеркивается уникальность России как единственной страны, заступившейся за притесняемых бахаи и принявшей их на своей территории [Там же].

Несмотря на положительное и покровительственное отношение к бахаи со стороны местных властей Закаспийской области, анализ письма представителя МИДа В. И. Игнатьева к барону В. Р. Розену от 25 марта 1892 г. выявил не вполне сочувственное отношение к попыткам Закаспийских властей оказать баби «преимущественное покровительство» [15; 4, с.41]. Важным фактором для укрепления общины бахаи в России оказалась защита со стороны закона и миролюбивый характер новой религии, призывавшей избегать любых конфронтаций.

В изучение веры бахаи активно включились отечественные востоковеды и этнографы А. А. Аракелян [1], Г. Д. Батюшков [2], М. Булановский [5], А. Е. Крымский [9], Ф. А. Михайлов [13], И. И. Стебницкий [17], А. Г. Туманский, О. В. Уманец и др., наиболее известные труды которых проанализированы в статье А. В. Малкиной и Р. И. Касимовой [11]. Дореволюционные исследования сыграли важную роль в формировании нового научного направления в иранистике и знакомстве русскоязычного образованного общества с первоисточниками в конце XIX – нач. XX вв. Изданный в 1899 году русский перевод главного Писания бахаи – книги Бахауллы «Китаб - и - Агдас» («Наисвятой книги») А. Г. Туманским (1881–1920) был известен в петербургских кругах, через которые был передан Л. Н. Толстому, пополнив личную библиотеку писателя в Ясной Поляне [10, с.163].

Выступление о баби А. А. Аракеляна в ноябре 1901 г. на заседании Кавказского отделения Императорского Русского географического общества было посвящено развенчанию предрассудков «о бабистах, о Бабе и Беха». в которых все они выставляются атеистами и людьми безнравственными» [1]. В заключение был сделан важный вывод о роли веры бахаи как религии будущего: «основанная на альтруистических, миролюбивых и гуманитарных началах <…> рассматривается многими как будущая религия Персии, способная возродить эту древнейшую из восточных стран к культурной, интеллектуальной и экономической жизни, которой она лишена…» [Там же, с. 227].

Среди первых русских бахаи отметим известную представительницу литературных петербургских кругов – Изабеллу Аркадьевну Гриневскую, изучению биографии и творчества которой посвящены статьи Е. А. Митник [7]. В 1903 г. она опубликовала драматическую поэму «Баб» [6], театральная премьера которой состоялась 23 января 1904 году в Суворинском театре [7, с.286] и получила ряд положительных отзывов, в том числе Л.Н. Толстого и ряда других литературных и театральных критиков. Русский писатель на протяжении 16 последних лет жизни интересовался религией баби и верой бахаи, вел переписку с представителями веры бахаи и собирал книги соответствующей тематики в Яснополянской библиотеке, а также планировал написать собственную книгу о Бабе и Бахаулле [10, с.166]. От него М. Горький узнал о новой религии, о которой упоминает в полемике с неославянофилами в статье «Две души» (1915) в журнале «Летопись». Писатель упомянул о главном Писании бахаи – книге «Китаб- и - Агдас» и выразил сочувствие мученической гибели первых баби: «В 50-х годах XIX столетия бабиды были перерезаны, замучены, вожди их истреблены...» [8, с.124].

Учение бахаи вызвало сочувствие со стороны представителей русской либеральной интеллигенции, активно искавшей «истинную религию» на рубеже XX в., отличавшуюся от обрядоверия официальной Церкви. Усиление процесса религиозной либерализации, вызванное манифестом императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), потенцировало книгоиздание и распространение веры бахаи на русском языке [5]. В частности, в Тифлисе в частной типографии начали издаваться популярные книги по истории веры бахаи армянским писателем и публицистом Г. Артпетом (Саргисом Мубаяджяном).

Начавшаяся I Мировая война и последовавшие за ней две русские революции 1917 г. приостановили распространение веры бахаи в Российской империи. Лишь 19 декабря 1925 года в новой столице – Москве была официально зарегистрирована община бахаи, в состав которой вошли представители Иранского консульства: З. Асадуллаев, Х. Лютфулаев и Г. Мирза-Заде. Встречи посещало 20–25 человек [4, с.52]. Продолжалось изучение веры, была опубликована работа Е. Э. Бертельса [3], но дальнейшее усиление атеистической пропаганды в СССР привело к закрытию общины, запрету собраний и репрессиям. Шоги Эффенди – Хранитель веры и руководитель мировой общины бахаи в 1921 – 1957 гг. убеждал верующих проявлять терпение и

послушание законам государства и верить в будущее возрождение России как страны, которая станет «Восхитительным Раем». Его пророчество о религиозном возрождении: «Наступит день, когда те самые люди, что ныне разрушают основы веры в Бога и продвигают эту несостоятельную доктрину материализма, восстанут и собственной рукой погасят пламя этой смуты. Они сметут всю структуру своего безудержного безбожия и восстанут всем сердцем и душой, с невиданной доселе силой, чтобы искупить свои прошлые заблуждения» [18] осуществилось в конце XX в., с падением «железного занавеса» и возможностью возродить общину бахаи в России. В годы гонений источниками о вере бахаи стала книга выдающегося писателя Чингиза Айтматова, посла СССР во Франции, «Разговор с одним бахаи», а также Эсслемонта «Бахаулла и новая эра».

В 1991 г. в Москве прошёл I Национальный съезд бахаи СССР, а в 2025 г. московская община торжественно отпраздновала свой 100-летний юбилей.

Ретроспективный анализ ранних страниц истории веры бахаи в Российской империи позволил проследить этапы становления и развития общины, которая на протяжении своей истории была образцом культуры, веротерпимости и миролюбия, состояла из представителей разных наций и культур, соответствуя принципам гражданской ответственности.

В современной России XXI в., обращающейся к традиционным нравственным и культурным ценностям, вера бахаи с идеей построения стабильного и процветающего современного общества оказывается актуальной и соответствующей намеченной стратегии современного развития России как многонационального государства, направленного на упрочение суверенитета, экономики, новых технологий, а также качества жизни людей [19].

Литература:

1. Аракелян А. А. Бабизм // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1901. Т. XIV. С. 222–237.

2. Батюшков Г. Д. Бабиды. Персидская секта. Очерк // Вестник Европы. 1897. №7. С. 334–356.

3. Бертельс Е. Э. Бехаит об истории бехаизма // Восток. М. -Л.: Всемирная литература, 1925. Кн. 5. С. 202–207.

4. Борисов И., Бурмакин А. Вера бахаи: Российская глава. М., 2025. 86 с.

5. Булановский М. Бэгаиты. М.: Книгоизд. «Зелёная палочка», 1914. Вып. VII. 96 с.

6. Гриневская И. А. Баб. Драматическая поэма из истории Персии в 5 дейст. 2-е изд. Пг.: тип. акц. о-ва изд. Дела «Копейка», 1916. 170 с.

7. Гриневская И. А. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 2025 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2025. С. 260–327.

8. Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1. С.123–135.

9. Крымский А. Е. Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем // Древности восточные. 1913. Т. IV. С. 79–91.

10. Малкина А. В. Мистика бахаи и Л. Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. №11 (139). С.162–168.

11. Малкина А. В., Касимова Р. И. К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX – нач. XX вв. // Человек. Социум. Общество. 2024. № S9. С.44–52.

12. Меликова Л. Бахаизм в Азербайджане // Кавказ и глобализация. 2007. Т.1 (5). С. 112–122.

13. Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад: тип. Штаба округа, 1897. 210 с.

14. Мурадов Р. Г. Храм бахаи в Ашхабаде и архитектурный ориентализм // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. № 1(16). С. 217–242.

15. Письма В. И. Игнатьева к барону В.Р. Розену // СПбФ Архива РАН. Ф.777. Оп. № 2. Ед. хр.186. Д.65. 41л.

16. Прахт Д. В. Община бахаи в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. // Религиоведение. 2011. №4. С. 60–64.

17. Стебницкий И. И. Заметки о Туркмении. Тифлис: тип. Меликова и К°, 1871. 156 с.

18. Шоги эффенди. Настал день обетованный. СПб.: Издательский Фонд Бахаи «Единение», 1997. 176 с.

19. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р <Об утверждении

Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года> [Эл. ресурс]. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения 29.04.2026).

20. Bahá’u’lláh. Summons of the Lord of Hosts. Haifa: Bahá’í World Centre, 2002. 253 p.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Белова Дарья Ивановна
Belova Daria Ivanovna
магистрант
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

ИСТОРИКО–ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF SUSPENSION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В настоящем исследовании проводится историко–правовой анализ эволюции института приостановления производства по уголовному делу в российском законодательстве. Анализ охватывает период от функциональных аналогов в ранних правовых актах (Русская Правда, Соборное уложение 1649 года) до закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года и последующего развития в советских кодификациях – Уголовно–процессуальных кодексах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 и 1960 годов. Целью исследования является выявление ключевых этапов становления данного института, закономерностей его развития и системных проблем, перешедших в действующий Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации. Материалом послужили исторические памятники права, дореволюционные и советские уголовно–процессуальные кодексы, а также научные труды по данной проблематике. Методология включает историко–правовой, сравнительно–правовой и формально–юридический методы. Результаты демонстрируют переход от разрозненных предписаний к структурированной системе, обретение следователем процессуальной самостоятельности. В обсуждении выявлены коллизии (согласование сроков, искусственное регулирование статистики) и влияние современных факторов (специальная военная операция). Выводы: современный институт требует устранения унаследованных противоречий и адаптации к новым вызовам.

Abstract. This study provides a historical and legal analysis of the evolution of the institution of suspension of criminal proceedings in Russian legislation. The analysis covers the period from functional analogues in early legal acts (Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozheniye of 1649) to its consolidation in the Criminal Procedure Code of 1864 and subsequent development in Soviet codifications, such as the Criminal Procedure Codes of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1922 and 1960. The purpose of the study is to identify the key stages of the formation of this institution, the patterns of its development, and the systemic problems that have been incorporated into the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The study is based on historical legal documents, pre–revolutionary and Soviet criminal procedure codes, as well as scientific works on this subject. The methodology includes historical–legal, comparative–legal, and formal–legal methods. The results demonstrate the transition from scattered regulations to a structured system and the acquisition of procedural independence by the investigator. The discussion revealed conflicts (coordination of deadlines, artificial regulation of statistics) and the influence of modern

factors (special military operation). Conclusions: the modern institution requires the elimination of inherited contradictions and adaptation to new challenges.
Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 года, приостановление производства по уголовному делу, историко–правовой анализ, эволюция, правовая преемственность, процессуальные коллизии.

Keywords: The Criminal Procedure Statute of 1864, suspension of criminal proceedings, historical and legal analysis, evolution, legal continuity, and procedural conflicts.

Введение

Актуальность исследования института приостановления производства по уголовному делу обусловлена необходимостью его историко–правового анализа для совершенствования действующего законодательства. В контексте развития уголовно–процессуального права Российской Федерации особое значение приобретает изучение эволюции данного института, что позволяет выявить устойчивые закономерности и тенденции его развития. Как справедливо отмечают современные исследователи, данный институт представляет собой «универсальную систему проблем и коллизий, практически не решенных законом» [1, с. 13], что подтверждает необходимость его глубокого исторического осмысления.

Целью настоящего исследования является идентификация ключевых этапов становления института приостановления производства по уголовному делу в российском законодательстве, выявление закономерностей его развития, а также системных проблем, унаследованных от предыдущих кодификаций и требующих разрешения в современных условиях.

Материалом исследования выступили: Пространная редакция Русской Правды (XII–XV вв.), Соборное уложение 1649 года, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1922 года, УПК РСФСР 1960 года, УПК РФ 2001 года, а также научные статьи и монографии, посвященные анализу института приостановления.

Методологическую основу составили историко–правовой метод (позволивший проследить эволюцию норм), сравнительно–правовой метод (обеспечивший сопоставление различных этапов развития) и формально–юридический метод (использованный для анализа текстов нормативных актов).

Результаты исследования и их обсуждение

Аналоги института приостановления можно обнаружить в ранних правовых актах. Пространная редакция Русской Правды не содержит понятия «приостановление»,

но его роль выполняют нормы, предусматривающие условную, отложенную ответственность. Так, в ст. 3–5 закреплена процедура выплаты «дикой виры» вервью (общиной), если «головник» (убийца) не найден: «Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико лет заплатить ту виру, зане же без головника им платити» [2]. Это фактически представляет собой «заморозку» дела и коллективную ответственность до выявления конкретного виновного. Аналогичная процедура временного отложения предусмотрена при «своде» – процедуре отыскания краденого имущества через цепочку сделок (ст. 36–39), где истец обязан ждать окончания этой процедуры: «а истьцю ждати прока» [2].

Соборное уложение 1649 года фиксирует первую попытку нормативного оформления процессуальных отсрочек, функционально сопоставимых с современным институтом приостановления на стадии расследования [3]. Хотя термин «приостановление» отсутствует, в нём содержатся нормы, предусматривающие временное прекращение активных процессуальных действий при объективно непреодолимых препятствиях: отсрочка по болезни, старости или службе (глава X, п. 17); отсрочка в связи с неявкой или неустановленностью участника (глава X, п. 112–113) с временным интервалом до 3 дней для розыска; отсрочка для проведения следственных действий (ст. X, п. 22) при необходимости «послать в городы обыскивать» [3]. Уложение закладывает ключевые элементы будущего института: временность отсрочки, объективное препятствие, обязательность возобновления.

Многие исследователи связывают зарождение института приостановления с Уставом уголовного судопроизводства от 20.11.1864 (далее – УУС 1864 года) [4; 5]. Именно в УУС 1864 года законодатель впервые закрепил понятие «приостановление». Однако положения были «разбросаны» по всему акту, и как самостоятельный институт приостановление не выделялось [5, с. 222]. Следователь был лишен процессуальной самостоятельности: согласно ст. 510 и 518 УУС 1864 года, решение о приостановлении принимал окружной суд по заключению прокурора, что существенно ограничивало следственную инициативу [4]. Несмотря на это, УУС содержал первоначальные основания: болезнь или другая уважительная причина, препятствующая явке обвиняемого (ст. 397); необходимость сбора дополнительных сведений (ст. 634); побег обвиняемого (ст. 852) [4]. При этом ст. 276 УУС обязывала следователя не останавливаться в производстве следствия по случаю сокрытия обвиняемого, а

производить все действия для его установления. Эта сквозная идея активного устранения препятствий сохранилась до наших дней [1; 5].

Следующий этап связан с принятием УПК РСФСР 1922 года [6]. В ст. 136 закреплялось: в случае неизвестности места пребывания или побега обвиняемого следователь делает распоряжение о розыске, а при безуспешности представляет дело в суд для разрешения вопроса о дальнейшем движении дела [6]. Сохранялась судебная процедура принятия решения. Законодатель закрепил три конкретных основания: неизвестность местонахождения обвиняемого, его побег, возникшее после преступления «расстройство душевной деятельности» (ст. 199–200) [6]. Новшеством стало установление детального порядка возобновления производства посредством судебного определения с обязательным участием прокурора (ст. 209) [6]. Нормы о приостановлении и возобновлении были включены в единую главу XVII «Окончание предварительного следствия», что свидетельствует о переходе от разрозненных предписаний к структурированной системе [6].

Третий этап – принятие УПК РСФСР 1960 года [7]. Законодатель закрепил самостоятельную главу, регламентирующую приостановление расследования. В отличие от предыдущих кодификаций, где приостановление было производным от процедуры окончания расследования, теперь оно получило автономное правовое регулирование. Важнейшим изменением стало предоставление следователю права самостоятельно выносить постановление о приостановлении, что оформило его как самостоятельного субъекта принятия процессуальных решений [7]. Ключевые основания закреплены в ст. 195 исчерпывающим перечнем: неизвестность местонахождения обвиняемого или его побег; отсутствие возможности участвовать в деле вследствие тяжелого заболевания; неустановленность лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [7]. Введение последнего основания было значимым, так как ранее по УПК РСФСР 1922 г. дело в такой ситуации подлежало прекращению, что препятствовало установлению истины и защите прав потерпевших [6]. Законодатель отказался от использования понятия «прекращение производства по делу» применительно к приостановлению, что подчеркивало временный характер и устраняло правовую неопределенность [8, с. 96]. В таблице 1 обобщены основные этапы развития института.

Таблица 1. Этапы развития института приостановления производства по уголовному делу в России

Этап	Период	Нормативный акт	Ключевые характеристики
Протоинститут	XII–XVII вв.	Русская Правда, Соборное уложение 1649 г.	Функциональные аналоги: «дикая вира», отсрочка для розыска, временное отложение действий. Отсутствие термина «приостановление».
Зарождение	1864 г.	Устав уголовного судопроизводства	Первое закрепление понятия. Основания: болезнь, побег, сбор сведений. Решение принимает суд.
Становление	1922 г.	УПК РСФСР 1922 г.	Три конкретных основания. Сохранение судебного контроля. Появление порядка возобновления. Нормы в единой главе.
Окончательное оформление	1960 г.	УПК РСФСР 1960 г.	Самостоятельная глава. Следователь самостоятельно выносит постановление. Исчерпывающий перечень оснований (включая неустановленность лица). Терминологическое разграничение с прекращением дела.

Источник: составлено авторами по материалам исследования

В УПК РФ 2001 г. институт приостановления производен от советской модели, однако унаследовал не только её логику, но и нерешённые противоречия [9]. Первая проблема: терминологическая: глава 28 названа «Приостановление и возобновление предварительного следствия», хотя дознание также может быть приостановлено (ч. 3.2 ст. 223 УПК РФ), а в ст. 238 и 253 речь идёт о судебных стадиях. Как отмечают в доктрине, более точной была бы единая формулировка «приостановление производства по уголовному делу» [8, с. 97].

Кроме того, институт нередко используется для искусственного «сброса» сроков расследования: многократное незаконное приостановление с последующим немедленным возобновлением позволяет руководителю следственного органа каждый раз устанавливать новый месячный срок, минуя процедуру продления [10, с. 123–124].

Новое основание (п. 3.1 ст. 208 УПК РФ) породило дополнительные риски для потерпевших: приостановление производится по ходатайству командования, мнение потерпевшего не учитывается [12, с. 164–165]. В литературе предлагается закрепить за потерпевшим право возражать против такого прекращения (п. 12.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) [12, с. 166].

Таким образом, современный институт приостановления сохраняет проблемы,

которые усугубляются новыми вызовами, связанными с участием подозреваемых и обвиняемых в специальной военной операции.

Выводы

На основе проведенного историко–правового анализа можно сформулировать следующие выводы.

Историческое развитие института приостановления демонстрирует последовательную эволюцию от разрозненных нормативных предписаний и функциональных аналогов в древнерусском и московском праве к их фрагментарному закреплению в УУС 1864 года, дальнейшей систематизации в УПК РСФСР 1922 года и окончательному оформлению в качестве самостоятельного правового института в УПК РСФСР 1960 года.

Ключевыми вехами стали: выработка базовых идей в древних памятниках (коллективная ответственность при неустановлении виновного, отсрочка для розыска); формирование отдельных оснований в УУС 1864 г. при сохранении судебного контроля; систематизация норм в рамках единой главы в УПК РСФСР 1922 г.; приобретение следователем процессуальной автономии и терминологическое размежевание с прекращением дела в УПК РСФСР 1960 г.

Современный институт (УПК РФ 2001 г.) унаследовал от советских кодификаций не только базовую структуру и состав оснований, но и проблемы: риск использования института для искусственного регулирования сроков расследования в угоду ведомственной статистике, а также несовершенство терминологии (несоответствие названия главы 28 УПК РФ реальному содержанию). Одновременно с этим появились новые вызовы: возможная необходимость легализации производства отдельных следственных действий в период приостановления для целей розыска, а также обеспечение прав потерпевших при применении основания, связанного с участием в специальной военной операции (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Как обоснованно отмечает Н.Н. Ковтун, «институт приостановления производства по уголовному делу востребован и требует внимания и актуальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по большинству поставленных на обсуждение вопросов, призванных снять как различия позиций доктрины и имеющиеся пробелы в законе, так и разрешить коллизии текущей следственно–судебной практики» [1, с. 18]. В частности, требуется единообразное

решение вопросов о согласовании сроков предварительного расследования и сроков действия мер процессуального принуждения, о допустимости производства процессуальных действий по приостановленному делу, о правовых последствиях незаконного приостановления, а также о порядке прекращения уголовного преследования без возобновления производства.

Таким образом, институт приостановления, имея глубокие исторические корни и пройдя путь от протоинститутов к систематизации, остается динамичным элементом уголовно–процессуальной системы. Он нуждается в постоянном доктринальном осмыслении и законодательной корректировке для устранения сохраняющихся правовых коллизий и обеспечения эффективной защиты прав всех участников процесса.

Литература:

1. Ковтун Н.Н. Институт приостановления производства по уголовному делу – универсальная система проблем и коллизий, практически не решенных законом // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 1. – С. 13–19.

2. Русская Правда (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. – СПб.: Наука, 1997.

3. Соборное уложение 1649 года // Азбука веры: электронная библиотека. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe–ulozhenie–1649–goda/ (дата обращения: 30.12.2025).

4. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // СПС «Гарант». – URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600–1918/3137/ (дата обращения: 09.01.2026).

5. Ростов Д.В. Историко–правовой анализ уголовно–процессуальных норм института приостановления производства по уголовному делу // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 4(60). – С. 221–226.

6. Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 года // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901757376 (дата обращения: 20.01.2026).

7. Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 года // Электронный

фонд правовых и нормативно–технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9037819 (дата обращения: 13.02.2026).

8. Михайлова Т.Н., Васьянова О.Д., Диваев А.Б. Приостановление производства по уголовному делу: понятие, признаки и основания // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 2(34). – С. 92–105.

9. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174–ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.02.2026).

10. Николаева Т.Г., Антонов И.А. Незаконное приостановление производства по уголовному делу: размышления о причинах и последствиях // Криминалист. – 2022. – № 2(39). – С. 122–129.

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2024 N 64–ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (дата обращения: 21.02.2026).

12. Петухова Ж.П. Специальная военная операция как фактор изменения практики приостановления следствия // Азиатско–Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 161–170.

Базиль Д.В.
Basil D.V.
ассистент кафедры теории и методики истории и обществознания
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Киенко В.Р.
Kiyenko V.R.
ассистент кафедры теории и методики истории и обществознания
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И КРАСНЫЙ ТЕРРОР НА СТАВРОПОЛЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ANTI-CLERICAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS AND THE RED TERROR IN STAVROPOL REGION DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

Аннотация. В статье на основе материалов Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР анализируется антиклерикальная политика большевиков на Ставрополье в годы Гражданской войны. Автор показывает, что действия советской власти не ограничивались отделением церкви от государства, а переросли в систематический красный террор: внесудебные казни, заложничество, разграбление храмов и публичные издевательства над духовенством.

Abstract. Based on materials from the Special Commission under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia, this article analyzes the anti-clerical policy of the Bolsheviks in the Stavropol region during the Russian Civil War. The author shows that the actions of the Soviet regime were not limited to the separation of church from state but escalated into systematic Red Terror, including extrajudicial executions, hostage-taking, looting of churches, and public humiliation of the clergy.

Ключевые слова: Красный террор, антиклерикальная политика, Гражданская война на Юге России, Декрет об отделении церкви от государства, Чрезвычайные комиссии (ЧК).

Keywords: Red Terror, Anti-Clerical Policy, The Russian Civil War in the South of Russia, The Decree on the Separation of Church from State, The Extraordinary Commissions.

Антиклерикальная политика большевиков в годы Гражданской войны не сводилась к отделению церкви от государства, речь шла о последовательном разрушении важнейшего общественного института Российской империи. Юридическим базисом этой политики стал декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г.[1], а механизм дальнейших действий был закреплен постановлением о красном терроре от 5 сентября 1918 г.[5], который должен был обезопасить тыл от контрреволюционных элементов. Удар по церкви с самого начала сочетал правовое вытеснение, имущественное разорение и прямое насилие. Материалы Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР

фиксировали, что уже в 1918 г. большевики «ограбили всю кассу Святейшего синода», а в епархиях захватывали свечные заводы и епархиальные кассы [3]. Иначе говоря, антиклерикализм большевиков носил не отвлеченно-идеологический, а вполне практический характер: церковь лишали прав, имущества и возможности сохранять общественный авторитет.

На Ставрополье эта политика разворачивалась в русле захвата власти и очень быстро приняла характер открытого террора. Особая комиссия отмечала, что «город Ставрополь и Ставропольская губерния, отрезанные от центра возникшей на Дону и Кубани гражданской войной, только к концу 1917 года начали захватываться волнами большевистской анархии и разрухи». Сургучев, наблюдавший эти события изнутри писал: «после прибытия матросов в город они решили устроить ему настоящее совдепское крещение и провести его через огонь, воду и медные трубы» [6]. Эти свидетельства показывают, что Ставрополь не сразу оказался в состоянии массового насилия, однако уже весной и летом 1918 г. большевистская власть помимо административных мер, начала предпринимать и карательные. На этом фоне давление на церковь оказалось не исключением, а частью общего механизма подавления инакомыслия и контрреволюции.

Красный террор в Ставрополе не был случайной вспышкой жестокости. Он достаточно быстро получил организованные формы. Комиссия прямо указывала, что при штабе Красной армии образовалась «малая комиссия», которая получила чрезвычайные полномочия и занималась «реквизициями, арестами, а потом и казнями» [3]. В начале мая, в связи с наступлением Добровольческой армии, «население было обложено пятимиллионной контрибуцией и взято из зажиточных граждан 58 заложников» [3]. Столь же показательны и тюремные данные: к «буржуям» и особенно к военным отношение властей становилось «крайне суровое и жестокое», а число неформальных и внесудебных арестов неуклонно росло. Следовательно, речь шла уже не о борьбе с конкретными противниками, а о создании режима устрашения, при котором любая социально подозрительная группа могла быть обращена в объект расправы. Именно в эту категорию вскоре окончательно было включено и духовенство.

Кульминация террора на ставроплье пришлась на вторую половину июня 1918 г. В документах комиссии сказано: «Во второй половине июня были организованы по инициативе только что освобожденного из тюрьмы матроса Игнатьева с товарищами

особые карательные отряды и особый трибунал» [3], который санкционировал ночные казни. После подавления офицерского выступления в ночь на 27 июня «ими были зверски убиты 96 видных граждан города Ставрополя». Это показывает, что большевистское насилие в губернском центре не ограничивалось арестами и побоями, а сразу переходило к физическому уничтожению городской элиты. Когда Ставрополь был занят частями Добровольческой армии, следствие разрыло десять могил и извлекло 96 трупов, из которых 65 были опознаны родственниками. «Эти жертвы торжественно погребены в братской могиле в ограде архиерейской Андреевской церкви» [3]. Тем самым церковная ограда стала местом коллективного погребения жертв красного террора, а сама церковь стала последним пристанищем для тех, кого новая власть лишила не только жизни, но и человеческого достоинства.

Особенность ставропольского красного террора состояла в его демонстративной, почти ритуальной жестокости. В тюремном дворе, по показаниям тюремной администрации, братья Новиковы и Руднев «были самым зверским образом зарублены шашкой одним из красноармейцев Коваленко, с остервенением, наносившим удары куда попало» [3]. Даже часть озверевшей толпы не выдержала этого зрелища. Не менее показателен эпизод в женском училище, ставшем лазаретом. Каратели расстреливали и рубили всех без разбора, а один из них палачей использовал в ходе расправы топор. Когда раненые просили они получали один ответ: «Собаке — собачья смерть» [3]. Эти свидетельства имеют принципиальное значение. Они показывают, что красный террор на Ставрополье строился на сознательном расчеловечивании жертвы. Человек объявлялся не противником, а существом, которому отказывали даже в праве на человеческую смерть. В такой атмосфере убийства священников и надругательства над святыней становились уже не отклонением от нормы, а вполне закономерным продолжением общей практики.

Именно поэтому антиклерикальная политика большевиков на Ставрополье проявлялась прежде всего через террор, а не через отвлеченную пропаганду. Комиссия фиксировала, что священников заставляли нарушать церковные правила и совершать таинства под угрозой расправы. В частности, «22 октября 1918 г. во время звонка к вечерне в собор ворвались человек 70 красноармейцев, ведя перед собой невесту в фате и жениха, и с бранью и криком “венчай сейчас, а то убьем” заставили обвенчать» [3]. В другом случае «иеромонаха из архиерейского дома в Ставрополе насильно увезли в

штаб какой-то красноармейской части для служения молебна» [3]. Наряду с этим «запрещали звонить в церквях, запрещали хоронить контрреволюционеров, издевались над проходившими по улицам церковными похоронными процессиями» [2, с. 83].

Католическое богослужение в Ставрополе также не осталось неприкосновенным: ксендза Крапивницкого арестовали прямо во время исповеди [3]. Следовательно, большевистская власть стремилась не только ограничить церковь, но и сломать сам церковный порядок, подчинить священника силе и показать, что никакая святыня более не обладает защитным статусом. Показательно, что рядовые солдаты сохраняли религиозные традиции, которые при этом сочетались с пренебрежением к православной церкви.

Разгром храмов и кощунство над святынями на Ставрополье были столь же характерны, как и аресты. В документах комиссии сказано, что «в городах Ставрополе и Екатеринодаре и во многих селах Ставропольской губернии и Кубанской области… разграблена большая часть церквей, монастыри, архиерейские дома, ризницы и духовные семинарии». После ухода красноармейцев прихожане находили «разбросанными по всему храму священные облачения, иконы и церковные книги», а «кресты, евангелия и другие мелкие предметы изломаны, исковерканы и свалены в груды по всему храму». «Во многих случаях изрезанные плащаницы, облачения и тому подобные предметы навешивались на лошадей в виде украшений». В Ставрополе же одна из прихожанок передала священнику антиминс и объяснила, что красноармейцы требовали «непременно из него сшить им кисет для табака» [3]. Таким образом, церковное имущество становилось не только объектом грабежа, но и предметом демонстративного надругательства. Это был язык как власти, стремившейся не просто отделить церковь от государства, а унизить, сломать и осквернить один из главных столпов старой русской духовности, так и народа, который за долгие и тяжелые годы окончательно потерял нравственные ориентиры.

Наиболее отчетливо сущность этой политики проявилась в убийствах священнослужителей. Особая комиссия составила отдельный список «священнослужителей, убитых большевиками в пределах Ставропольской епархии», и уже сам факт появления такого списка показывает масштаб насилия. Среди жертв были священник села Ореховского Илья Лавров, священник села Бешнагир Дмитрий Семенов, священник села Архиповского Дмитрий Голубинский, священник села Тахры

Николай Лосинский, псаломщик села Преградского Георгий Русецкий, священник села Новогригорьевского Виктор Дьяковский и многие другие [3]. Характерно, что во многих случаях обвинения либо отсутствовали вовсе, либо сводились к самой принадлежности к духовному званию. В селе Безопасном священника Леонида Соловьева и дьякона Владимира Острикова вывели на место, где раньше закапывали чумной скот, заставили рыть могилу, а затем «зарубили шашками и недорубленных, полуживых закопали в наполовину вырытую могилу» [4, с. 118]. Комиссия специально подчеркивала: «Никаких особенных обвинений им не предъявлено» [3].

Не менее показательны и индивидуальные судьбы ставропольских священнослужителей. Священник села Соломенского Григорий Дмитриевский, выведенный на казнь, просил лишь дать ему помолиться перед смертью. Комиссия зафиксировала: он «опустился на колени и молился вслух, осыпаемый насмешками», после чего красноармейцы «отрубили ему сначала нос и уши, а потом голову». Заштатного священника Золотовского, восьмидесятилетнего старика из села Надежда рядом со Ставрополем, красноармейцы «нарядили в женское платье и требовали, чтобы он танцевал перед народом, а когда старик отказался, они его тут же повесили» [3]. Заштатный священник Павел Калиновский, живший в Ставрополе, был арестован только за то, что имел внуков-офицеров, и «приговорен к наказанию плетьми. Умер под ударами» [3]. В этих случаях особенно ясно видно, что террор был направлен не только на физическое устранение, но и на публичное унижение духовного лица. Мучение должно было стать назиданием для окружающих, а смерть священника знаком окончательного переворота в общественной и нравственной иерархии.

К осени 1918 г. тот же механизм был распространен и на Пятигорск, где красный террор достиг одной из наиболее чудовищных форм. Приказ № 73 Чрезвычайной комиссии Северного Кавказа узаконил взятие заложников, которые подлежали расстрелу «при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата». Арестованных свозили в гостиницу, названную самими большевиками «концентрационным лагерем». Здесь люди жили в холоде, грязи и постоянном унижении, а один из матросов говорил о них: «Здесь сидят не люди, а медведи и волки, которых нужно повести на Машук». В приказе № 6, опубликованном под заголовком «Красный террор», среди подлежащих расстрелу был назван «Рябухин Иван (священник) за молебен в станице Ессентукской о даровании победы кадетам» [4,

с. 66]. Тем самым священник был официально включен в перечень лиц, подлежащих уничтожению наравне с генералами, офицерами и крупными чиновниками. Это был уже не частный произвол, а прямое соединение антиклерикальной политики с государственным террором. Фактически священнослужитель Русской Православной церкви приравнивался к дворянам, белым офицерам, кадетам и эсерам.

Финал пятигорской трагедии особенно ясно показывает, к чему вела эта политика. Заложников выводили по ночам, снимали с них одежду, «скручивали руки за спину и туго перевязывали их тонкой проволокой», после чего в одном белье вели на кладбище. Там жертвам приказывали вставать на колени и вытягивать шею, затем начиналась рубка. Палачи были неопытны и наносили по нескольку ударов каждому. Один из очевидцев передавал: «Рубили сначала руки, ноги, а потом уже голову». После казни земля вокруг могил была залита кровью, а из свежезасыпанных братских могил доносились стоны. Среди казненных находился и отец Иоанн Рябухин, который, по показаниям свидетелей, шел на смерть со Святым Евангелием. Смотритель кладбища рассказывал, что «из могильной ямы даже выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник, умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел и просил дать воды». Следствие сопоставило эти показания с эксгумацией и пришло к выводу: этим человеком был отец Иоанн Рябухин; его тело нашли «лежащим с поднятыми руками, как будто он желал выкарабкаться из могилы» [3].

Таким образом антиклерикальная политика большевиков на Ставрополье в годы Гражданской войны должна рассматриваться прежде всего через призму красного террора. Ее содержание составляли не только декреты и реквизиции, но прежде всего внесудебные аресты, заложничество, запреты церковной жизни, разграбление храмов, издевательства над святыней и прямое физическое уничтожение духовенства. Иными словами, речь шла не о секуляризации в обычном смысле слова, а о насильственном сломе религиозного и нравственного порядка посредством террора.

Литература:

1. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 20 января (2 февраля) 1918 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm (дата обращения: 17.04.2026).

2. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1995. – 328 с.

3. Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. URL: https://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt (дата обращения: 18.04.2026).

4. Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918-1923 гг. - Симферополь: Таврия, 1991. 253 с.

5. Постановление СНК о красном терроре. 5 сентября 1918 г. // Электронная библиотека исторических документов Российского исторического общества. — URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/155000 (дата обращения: 17.04.2026).

6. Сургучев И.Д. Большевики в Ставрополе. 1919. URL: http://az.lib.ru/s/surguchew_i_d/text_1919_bolsheviki_v_stavropole.shtml (дата обращения: 18.04.2026).

Климова Оксана Михайловна
Klimova Oksana Mikhailovna
кандидат философских наук
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»
e-mail: klimova.oksana1973@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FORENSIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL SALES OF NARCOTIC DRUGS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Аннотация. В статье представлено комплексное теоретико-методологическое исследование криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 2 статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, сопряженных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Методологическую основу исследования составил системный анализ нормативно-правовых актов, эмпирических данных следственно-судебной практики и доктринальных источников. Автором выявлены и концептуализированы ключевые структурные элементы криминалистической характеристики: предмет преступного посягательства, способ подготовки, совершения и сокрытия деяния, обстановка преступления, механизм следообразования, а также личностные детерминанты субъекта. Особый акцент сделан на специфике генезиса и фиксации цифровых следов в виртуальном пространстве, что актуализирует необходимость имплементации междисциплинарного подхода в процесс расследования.

Abstract. The article presents a comprehensive theoretical and methodological study of the forensic characteristics of crimes provided for by point "b" of part 2 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, related to the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances via information and telecommunication networks. The methodological basis of the study comprised a systemic analysis of regulatory legal acts, empirical data from investigative and judicial practice, and doctrinal sources. The author identified and conceptualized key structural elements of the forensic characteristic: the subject of criminal encroachment, the method of preparation, commission, and concealment of the act, the crime setting, the mechanism of trace formation, as well as personal determinants of the subject. Special emphasis is placed on the specifics of the genesis and fixation of digital traces in virtual space, which underscores the necessity of implementing an interdisciplinary approach in the investigation process.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотических средств, информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистическая характеристика, цифровые следы, бесконтактный способ, расследование преступлений, компьютерная информация, правоохранительная деятельность, криминалистическое моделирование.

Keywords: illegal sale of narcotic drugs, information and telecommunication

technologies, forensic characteristics, digital traces, contactless method, crime investigation, computer information, law enforcement activity, forensic modeling.

Современный этап социокультурного развития характеризуется интенсификацией процессов цифровизации социальных коммуникаций. Данный тренд, наряду с позитивными трансформациями, детерминирует генезис новых форм преступной деятельности, обладающих высокой латентностью и трансграничным характером. В контексте противодействия незаконному обороту наркотических средств (НОН) приоритетное научное и практическое значение приобретает изучение криминалистических особенностей сбыта запрещенных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

Статистический анализ свидетельствует о том, что приблизительно 20% мирового наркотрафика локализуется на территории Российской Федерации [1], что формирует системные угрозы национальной безопасности, демографическому потенциалу и социально-экономической стабильности государства. Нормативным императивом противодействия данной категории угроз выступает Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», закрепляющий охрану жизни и здоровья населения в качестве стратегического приоритета государственной политики [2].

В уголовно-правовом поле деяния по незаконному сбыту наркотических средств с использованием ИТТ квалифицируются по пункту «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, что подчеркивает повышенную общественную опасность рассматриваемого способа совершения преступления.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе криминалистической характеристики незаконного сбыта наркотических средств, совершённого с применением ИТТ, и формулировании научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию методики расследования данной категории дел. Криминалистическая характеристика преступления (КХП) представляет собой научно разработанную систему обобщённых сведений о типичных признаках определённого вида преступлений, их взаимосвязях и закономерностях, используемых для построения следственных версий, определения оптимального направления расследования и выбора соответствующих тактических приёмов [3, с. 156]. Данная категория занимает

центральное место в структуре частной криминалистической теории, выступая методологическим фундаментом для разработки методик расследования отдельных видов преступлений. Анализ доктринальных источников демонстрирует дискуссионный характер вопроса о структуре КХП: различные авторы предлагают модели, включающие от трёх до двадцати элементов [4, с. 31; 5, с. 42].

Наиболее комплексный подход был предложен Г.А. Густовым, выделившим в качестве структурных элементов: способ совершения преступления, условия и обстановку, объект посягательства, субъективные характеристики преступника, механизм следообразования, коммуникативные аспекты, типичные следственные ситуации и иные компоненты [4, с. 31].

Применительно к незаконному сбыту наркотических средств с использованием ИТТ представляется научно обоснованным выделение пяти ключевых элементов КХП, обладающих наибольшей информационной ёмкостью и тактической значимостью для процесса доказывания: предмет преступного посягательства, способ подготовки, совершения и сокрытия преступления, обстановка совершения преступления, механизм следообразования, личностные характеристики субъекта преступления и его мотивационно-целевые установки. Данная систематизация базируется на принципах достаточности, релевантности и операциональности, что обеспечивает эффективность применения КХП в практической следственной деятельности. Предмет преступления в составе незаконного сбыта наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ) образуют наркотические средства и психотропные вещества, включённые в перечень, утверждённый Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 [9]. Юридическая квалификация предмета посягательства имеет принципиальное значение для разграничения составов преступлений и определения степени общественной опасности деяния.

В криминалистической литературе предложены различные основания классификации наркотических средств, обладающие существенным значением для процесса расследования: по критерию происхождения (синтетические (метадон, амфетамин, «соли», «спайсы»), полусинтетические (морфин, героин); растительные (марихуана, кокаин)), по фармакологическому воздействию (психостимуляторы, галлюциногены, анальгетики, депрессанты), по способу введения в организм (ингаляционные, пероральные, парентеральные, трансмукозальные). Особую

криминологическую опасность представляют так называемые «дизайнерские наркотики» — синтетические соединения, химическая структура которых целенаправленно модифицируется с целью обхода законодательных ограничений [6, с. 23]. Для бесконтактного способа сбыта характерно распространение как синтетических, так и традиционных наркотических средств, что требует от следователя специальных познаний в области химии и фармакологии. Способ совершения преступления, по справедливому замечанию Р.С. Белкина, представляет собой «систему взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, представляющую собой наиболее информативный элемент криминалистической характеристики» [3, с. 623]. Применительно к незаконному сбыту с использованием ИТТ способ характеризуется высокой степенью технологической сложности и многоэтапностью. Подготовительный этап включает типичные действия: рекрутирование курьеров («закладчиков»), подбор подставных лиц для регистрации средств связи и платежей, планирование логистических цепочек, оборудование тайников в местах с низкой степенью социального контроля. Этап непосредственного совершения реализуется через две основные технологические модели:

Модель I (DarkNet): Использование анонимных сетей (браузер Tor, доменные зоны. onion), VPN-сервисов и криптовалютных платёжных систем. Обеспечивает максимальный уровень анонимности за счёт децентрализованной архитектуры и шифрования трафика [7, с. 279].

Модель II (Clearnet): Использование легитимных интернет-платформ (социальные сети, мессенджеры, в частности Telegram). Популярность обусловлена функциями шифрования и самоликвидации сообщений. Этап сокрытия характеризуется интеграцией с этапом совершения: систематическая элиминация цифровых следов, использование одноразовых средств связи и криптографической защиты. Изобличение субъектов, как правило, становится возможным на этапе конвертации виртуальных активов в фиатные денежные средства или при физическом контакте, что подчеркивает необходимость комплексного подхода к доказыванию. Обстановка совершения преступления представляет собой систему взаимодействующих объектов и процессов, существующих «до» и «в момент» совершения деяния [5, с. 42]. В рассматриваемом контексте обстановка характеризуется дуалистической природой, сочетающей физическую и виртуальную составляющие. Физическая составляющая: места хранения,

точки передачи «закладок», адреса проживания участников, транспортные средства. Виртуальная составляющая: серверное оборудование, учётные записи, электронные кошельки, прокси-серверы. Эмпирический анализ материалов уголовных дел за период 2022–2024 гг. позволяет констатировать структуру использования платёжных систем: «Яндекс.Деньги» — 44,5%, «QIWI» — 33,2%, «Webmoney» — 9,5%, криптовалюты — 3,6% [8]. Доминирование отечественных электронных платёжных систем облегчает взаимодействие с провайдерами, однако требует совершенствования финансового мониторинга. Специфика категории преступлений заключается в качественной трансформации механизма следообразования: традиционные материальные следы уступают доминирующую позицию цифровым следам. В криминалистической литературе цифровые следы определяются как «зафиксированная в электронной форме информация о событиях, действиях или бездействии, имеющая значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [7, с. 281]. Среди классификации цифровых следов принято выделять: сетевые (логи доступа, IP- и MAC-адреса, данные сессий), коммуникационные (метаданные сообщений, история переписки, геолокация), финансовые (история транзакций, адреса криптовалютных кошельков), контентные (текстовые, графические и мультимедийные материалы), системные (журналы событий ОС, данные реестра). Таким образом, незаконный сбыт наркотических средств с использованием ИТТ представляет собой высоколатентный вид преступной деятельности, требующий адаптации традиционных криминалистических методик к условиям цифровой среды.

Криминалистическая характеристика данной категории преступлений обладает специфическими особенностями (доминирование цифровых следов, бесконтактность, использование криптовалют), детерминирующими необходимость междисциплинарного подхода. Особое внимание следует уделить процедуре фиксации и изъятия электронных носителей информации так как электронные носители информации обладают специфическими свойствами и поскольку нарушение установленного процессуального порядка неизбежно влечёт признание доказательств недопустимыми. Практика подтверждает, что своевременная выемка серверного оборудования, криптографическое копирование данных и применение специализированного программного обеспечения для анализа метаданных существенно укрепляют доказательственную базу и повышают устойчивость позиции обвинения в

суде, что способствует реализации принципа справедливости. Эффективное расследование невозможно без глубоких компетенций в области информационных технологий, что обусловливает необходимость системного повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Перспективы дальнейших научных изысканий видятся в изучении международных аспектов противодействия кибернаркопреступности, разработке алгоритмов искусственного интеллекта для автоматизированного выявления противоправного контента, а также в совершенствовании нормативно-правового регулирования в сфере цифровых доказательств.

Литература:

1. ООН. Всемирный доклад о наркотиках 2023. Вена: Управление ООН по наркотикам и преступности, 2023. 120 с.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5167.

3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 623 с.

4. Густов Г. А. Криминалистическая характеристика преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. 150 с.

5. Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в раскрытии преступлений. М.: Щит-М, 2018. 200 с.

6. Ищенко, Е.П., Образцов, В.А. Криминалистика: учебное пособие. –

7. М.: ЭЛИТ, 2007. – 536 с.7. Зубков В. И. Цифровые следы в криминалистике: монография. М.: Эксмо, 2023. 300 с.

8. Группа IB. Отчет о киберпреступности в Российской Федерации за 2023 год. М.: Group-IB, 2024. 50 с.

9. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.

Заяц Анастасия Вадимовна
Zaats Anastasiya Vadimovna
студент юридического факультета
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

CLASSIFICATION OF METHODS FOR PROTECTING CIVIL RIGHTS: THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL PROBLEMS

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических подходов к классификации способов защиты гражданских прав и проблемам в практике их применения внутри российской системы правосудия. На основе анализа научных работ отечественных правоведов рассматриваются основные критерии классификации: характер правозащитного воздействия, субъект применения, нормативное основание, а также соотношение мер защиты и мер ответственности. Особое внимание уделяется практическим проблемам — конкуренции исков, ненадлежащему выбору способа защиты, а также вопросам адаптации существующих правозащитных механизмов к условиям цифровой экономики.

Abstract. This article explores theoretical approaches to classifying civil rights protection methods and the challenges of their practical application within the Russian justice system. Based on an analysis of scholarly works by Russian legal scholars, the article examines the key classification criteria: the nature of the human rights impact, the subject of application, the regulatory basis, and the relationship between protective measures and penalties. Particular attention is paid to practical issues such as competing claims, inappropriate selection of protection methods, and the adaptation of existing human rights mechanisms to the conditions of the digital economy.

Ключевые слова: способы защиты гражданских прав, классификация способов защиты, гражданское право, меры защиты, меры ответственности, конкуренция исков, самозащита, вещно-правовые способы защиты, цифровые права, охранительные правоотношения.

Keywords: methods of civil rights protection, classification of protection methods, civil law, protective measures, liability measures, competition of claims, self-defence, property law protection methods, digital rights, protective legal relations.

Проблема классификации способов защиты гражданских прав сохраняет свою актуальность, несмотря на то что в основе лежит теоретический аспект гражданского процесса. Несмотря на то, что гражданское законодательство Российской Федерации содержит перечень способов защиты гражданских прав в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, вопрос об их систематизации, соотношении и практическом применении по-прежнему остаётся дискуссионным. Кроме того, общественные отношения, как и всегда, продолжают свое динамичное развитие, что

провоцирует усложнение структуры гражданских правоотношений, появление новых форм правонарушений в сфере цифровой экономики и интеллектуальной собственности, что и обусловливает необходимость переосмысления существующих теоретических конструкций и разработки новых научно обоснованных подходов к классификации способов защиты субъективных гражданских прав. Стоит отметить, что понятие «способ защиты гражданских прав» не тождественно понятию «форма защиты». Форма защиты — это порядок применения способов защиты, а способ — это закреплённая законом или договором мера принудительного воздействия, посредством которой реализуется восстановление нарушенного права. Такое разграничение этих схожих понятие подтверждается мнением профессора В. В. Витрянским, «способы защиты гражданских прав — это закреплённые законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя». [2, 648].

В отечественной науке о гражданском праве существует несколько основных подходов к классификации способов защиты субъективных гражданских прав. Традиционным подходом принято считать разделение способов защиты на вещно-правовые и обязательственно-правовые. Данная классификация исходит от римского права и сохраняет свою актуальность для теории и практики в наше время. Вещно-правовые способы защиты (виндикационный и негаторный иски, иск о признании права собственности) направлены на защиту абсолютных прав и применяются вне зависимости от наличия обязательственных отношений между сторонами. Обязательственно-правовые способы, напротив, производны от конкретного правоотношения и применяются при нарушении относительных прав.

Классификация способов защиты гражданских прав остаётся одной из ключевых проблем цивилистики, поскольку от избранного подхода зависит не только научная систематизация, но и реальная эффективность судебной защиты. По их правовосстановительной природе и юридическим последствиям, поскольку одни из них направлены на подтверждение существующего права, а другие — на его принудительное восстановление. Особым критерием разграничения способов защиты является не только их цель, но и объект посягательства, что предопределяет выбор между вещно-правовыми и обязательственно-правовыми мерами.

Способы защиты гражданских прав могут быть разделены на универсальные, применяемые для защиты любого субъективного права, и специальные, установленные для конкретных видов правоотношений. Выбор надлежащего способа защиты имеет принципиальное значение, поскольку напрямую определяет эффективность правовой охраны интересов участников гражданского оборота. Выбор конкретного способа защиты должен быть обусловлен характером нарушения, поскольку необоснованное расширение перечней применяемых мер может привести к нарушению баланса интересов сторон.

Е. А. Суханов, проводя анализ системы способов защиты гражданских прав, разграничивает их на две группы: универсальные (применяемые при защите любых гражданских прав) и специальные (предусмотренные для защиты отдельных видов прав). К универсальным он относит прежде всего те, что перечислены в статье 12 Гражданского Кодекса Российской Федерации, тогда как специальные рассредоточены по всему гражданскому законодательству. [11, 417].

Так же в современной юридический науке существует идея о разделении способов гражданско-правовой защиты на меры защиты и меры ответственности. Такая концепция предполагает, что меры ответственности отличаются от мер защиты тем, что имеют наличие вины правонарушителя и влекут для него дополнительные обременения имущественного характера, тогда как меры защиты могут применяться независимо от вины и не предполагают такого обременения.

Совершенно иной подход предложен В. А. Беловым, который предложил разделить способы защиты по критерию направленности правозащитного воздействия: способы, направленные на восстановление положения, существовавшего до нарушения права; способы, направленные на пресечение действий, нарушающих право; способы, обеспечивающие компенсацию потерь управомоченного лица. [1, 394].

Особую место среди мнений других ученых имеет О. А. Красавчиков, разграничивавший регулятивные и охранительные гражданские правоотношения, полагая, что способы защиты существуют исключительно в рамках охранительных правоотношений и не могут рассматриваться в отрыве от их содержания. [4, 89].

По критерию нормативного закрепления способы защиты гражданских прав подразделяются на предусмотренные законом и предусмотренные договором. Данная классификация имеет особое практическое значение в совокупности с принципом

диспозитивности гражданско-правового регулирования. Закон допускает установление сторонами договора иных способов защиты, не предусмотренных статьёй 12 ГК РФ, при условии, что они не противоречат закону и существу регулируемых отношений.

Как отмечает М. А. Рожкова, «перечень способов защиты гражданских прав, закреплённый в статье 12 ГК РФ, не является исчерпывающим, что порождает на практике значительные трудности с квалификацией отдельных правозащитных мер». [6, 57]. Данное наблюдение подтверждается многочисленной судебной практикой, в которой суды нередко сталкиваются с необходимостью квалификации нетипичных способов защиты.

Г. А. Свердлык и Э. Л. Страунинг в своём исследовании обосновывают необходимость выделения самозащиты гражданских прав как самостоятельную категорию, принципиально отличную от иных способов защиты по критерию субъекта применения: самозащита осуществляется самим управомоченным лицом без обращения к юрисдикционным органам. [7, 74].

Практическое применение способов защиты гражданских прав связано с рядом актуальных проблем, которые, с одной стороны, обусловлены несовершенством законодательного регулирования, а с другой - коллизиями в судебной практике. Одной из ключевых является проблема конкуренции исков, другими словами ситуация, при которой одно и то же нарушение права может быть защищено различными способами. Так, нарушение права собственности может влечь как виндикационный, так и кондикционный иск, что порождает неопределённость в выборе надлежащего способа защиты.

К. И. Скловский, исследуя данную проблему, приходит к выводу о том, что «конкуренция исков в российском гражданском праве недопустима, поскольку каждый способ защиты предполагает собственный предмет доказывания и объём подлежащих защите интересов». [9, 187]. Его позиция нашла частичное отражение в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, однако вопрос о конкуренции исков остается дискуссионным и окончательно не разрешен ни в доктрине, ни в практике.

Отдельного внимания заслуживает проблематика соотношения способа защиты и правовых последствий его применения. Д. В. Дождев указывает, что «ненадлежащий выбор способа защиты влечёт отказ в удовлетворении иска, что ставит под угрозу реализацию субъективного права даже при очевидной его нарушенности». [3, 231].

Данное наблюдение актуально и для современной правоприменительной практики, в которой суды отказывают в защите нарушенного права исключительно в силу выбора ненадлежащего способа защиты истцом.

В условиях цифровизации остроту приобретает проблема применения традиционных способов защиты к новым объектам гражданских прав — цифровым правам, утилитарным цифровым правам, токенам, смарт-контрактам. В. А. Лапач обращает внимание на то, что «существующая система способов защиты гражданских прав не в полной мере адаптирована к потребностям цифровой экономики, что требует либо расширительного толкования действующих норм, либо законодательного закрепления новых правозащитных механизмов». [5, 319].

Таким образом, классификация способов защиты гражданских прав представляет собой многоаспектную научную проблему, не имеющую единственно верного решения. Совокупность теоретических подходов, предложенных отечественными правоведами, свидетельствует о том, что ни одна классификация не является исчерпывающей и универсальной. Практические проблемы — конкуренция исков, ненадлежащий выбор способа защиты, недостаточная адаптация к цифровым реалиям — подтверждают необходимость дальнейшего доктринального развития данной темы и совершенствования действующего законодательства. Представляется, что наиболее перспективным направлением является разработка комплексной классификации способов защиты гражданских прав, основанной на сочетании нескольких критериев: характера воздействия на нарушителя, субъекта применения, нормативного основания и направленности защиты.

Литература:

1. Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. Т. 2. Лица, блага, факты. - М.: Юрайт, 2011. - 1093 с.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. - М.: Статут, 2001. - 848 с.

3. Дождев Д. В. Римское частное право. - М.: ИНФРА-М - НОРМА, 1997. - 704 с.

4. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. - М.: Госюриздат, 1958. - 183 с.

5. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав. - СПб.: Юридический центр

Пресс, 2002. - 544 с.

6. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. -М.: Волтерс Клувер, 2006. - 416 с.

7. Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л. Защита и самозащита гражданских прав. -М.: Лекс- Книга, 2002. - 200 с.

8. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. - М.: Статут, 2010. - 893 с.

9. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Т. 1. Общая часть. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 720 с.

Хизенко Анастасия Дмитриевна
Khizenko Anastasia Dmitrievna
студент
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: hanastasiad@mail.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ, ВЕЩЕСТВ И ИЗДЕЛИЙ

PROBLEMS OF CRIMINALISTIC EXAMINATION OF MATERIALS, SUBSTANCES, AND PRODUCTS

Аннотация. В статье рассматривается процесс проведения криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий (КЭМВИ), а также проблемы, с которыми можно столкнуться в ходе ее осуществления. Данная экспертиза направлена на комплексное исследование микрообъектов, материалов и веществ малых количеств или объемов, исследование которых может быть затруднительным. Допущение ошибок в документации, неверное толкование результатов экспертизы или неправильный сбор образцов для ее проведения может привести к недопустимости доказательств. Устранение проблем и вопросов способствует совершенствованию процесса доказывания в рамках уголовного судопроизводства.

Abstract. The article discusses the process of conducting a forensic examination of materials, substances, and products (FEMSP), as well as the challenges that may arise during its implementation. This examination aims to comprehensively analyze micro-objects, materials, and substances in small quantities or volumes that may be difficult to study. Mistakes in documentation, incorrect interpretation of examination results, or improper collection of samples can lead to the inadmissibility of evidence. Addressing these issues and concerns contributes to the improvement of the evidentiary process in criminal proceedings.

Ключевые слова: экспертиза, КЭМВИ, вещества и материалы, криминалистическое исследование, объекты экспертизы.

Keywords: expertise, CAMVI, substances and materials, forensic examination, objects of expertise.

Вещества и материалы являются объектами внешнего мира, которые окружают нас повсюду. При совершении преступления волей-неволей изменяются внешнее строение, состав, структура этих объектов. Сам преступник делает объекты следами-

веществами или следами-предметами. В настоящее время одним из прогрессивных и эффективных направлений в области криминалистических экспертиз является экспертиза материалов, веществ и изделий. Данная экспертиза представляет собой исследование всевозможных материалов, веществ, изделий и их частиц, а также предметов, которые могут быть носителями микрообъектов определенной природы с целью анализа их свойств, подлинности, происхождения, принадлежности к определенной группе объектов [1].

Под веществами принято понимать отдельный вид материи, обладающий при определенных условиях постоянными физическими свойствами. Материалы представляют собой промежуточный или конечный продукт промышленного или кустарного производства, обычно предназначенный для переработки в изделие. Изделием является овеществленный продукт человеческого труда определенного целевого назначения, который обладает независимостью и устойчивостью существования.

Одной общей целью проведения экспертиз является обеспечение получения криминалистически значимой информации об обстоятельствах преступления. В процессе достижения цели можно столкнуться с рядом проблем, препятствующих четкому и последовательному расследованию. Рассмотрим некоторые из них.

Первая проблема заключается в сущности самих веществ и материалов. Во многих науках (физика, химия, биология) отсутствуют необходимые методики исследования специфики объектов КЭМВИ для решения криминалистических задач. Сложность работы с веществами и материалами проявляется:

1) в том, что большинство объектов встречаются в микроколичествах;

2) в том, что объекты не имеют устойчивой формы.

Для криминалистики важно разрабатывать специальные методики, отличающиеся от других наук, поскольку для решения поставленных вопросов эксперту необходимо проанализировать элементный состав и структуру материалов и веществ. Важно учитывать и представительность объекта, то есть насколько и в каком объеме в нем отражаются свойства и признаки, необходимые для проведения исследования. Именно поэтому стандартные методики, которые используются в промышленности или научных исследованиях могут не подойти к применению, поскольку в их основе не лежит поиск взаимосвязи между событием преступления и произошедшими

изменениями. Результат изучения «биографии» изделия, установление технологии изготовления, а также причин изменения любого объекта КЭМВИ приобретают доказательственное значение и влияют на исход расследуемого события. Материалы и вещества могут обладать содержательной и объемной информацией о лице, совершившем преступление, поэтому значение КЭМВИ заключается в том, что осуществляется работа с такими объектами, образование и изменение которых преступник порой даже не может контролировать [2].

Следующей важной проблемой является отнесение отдельных видов экспертиз к КЭМВИ. К отдельным видам исследования веществ и материалов в настоящее время принято относить:

1) экспертиза лакокрасочных материалов и покрытий;
2) экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов;
3) металловедческая экспертиза;
4) экспертиза волокон, волокнистых материалов и изделий из них;
5) экспертиза стекла, керамики и изделий из них;
6) экспертиза полимерных материалов и изделий из них;
7) экспертиза спиртосодержащих жидкостей;
8) экспертиза наркотических и лекарственных средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ;
9) экспертиза специальных химических веществ;
10) экспертиза порохов и продуктов выстрела;
11) экспертиза материалов письма и документов

Стоит отметить, что многие нормативные акты министерств и ведомств содержат иные перечни, которые представляют собой меньшее количество проводимых экспертиз, относящихся к КЭМВИ, либо включают в себя дополнительные виды: экспертиза парфюмерно-косметических средств, экспертиза топлива и др. Данную проблему можно назвать «криминалистическим пробелом», который требует немедленного разрешения. Важно законодательно установить и урегулировать конкретный перечень экспертиз, которые имеют принадлежность к КЭМВИ [3].

Еще одной проблемой, которая отрицательно влияет на качество проводимых экспертиз, является отсутствие единого научно-методического подхода. Это проявляется в увеличении количества проводимых экспертиз, в необходимости

обновления материально-технической базы и уровня компетентности специалистов. Для борьбы с этой проблемой необходимо выполнить ряд действий:

1) стандартизировать методики и экспертную терминологию;

2) аккредитировать экспертные лаборатории и проводить контроль качества выполняемой ими деятельности;

3) проводить анализ экспертных ошибок;

4) подготавливать компетентных работников;

5) наладить систему технического оснащения.

Важно, чтобы все перечисленные составляющие соответствовали настоящим задачам, возникающим в процессе судопроизводства. Наличие проблем с техническим оснащением, допущение ошибок эксперта вследствие его некомпетентности и многое другое может оказать негативное влияние на весь ход расследования и разрушить доказательственную базу. Все реформации, которые касаются методов и средств исследования материалов и веществ должны быть направлены на рост востребованности КЭМВИ и обеспечивать достаточный уровень научно-методической деятельности лабораторий. Решение проблем будет способствовать не только развитию деятельности лабораторий КЭМВИ, но и всей криминалистической экспертной деятельности [4].

Литература:

1. Сорокотягин, И. Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 288 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05399-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/583231 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 928 с.: ил. — ISBN 978-5-91768-334-8. — Текст: электронный. — URL: https://znanium.ru/catalog/product/2133861 (дата обращения: 10.04.2026). —Режим доступа: по подписке.

3. Войтюк, А. Н. Вопросы отнесения некоторых видов экспертиз к криминалистическим экспертизам материалов, веществ и изделий (КЭМВИ) [Текст] /

А. Н. Войтюк// Вестник ЮУрГУ. — Серия: Право. — 2017. — №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-otneseniya-nekotoryh-vidov-ekspertiz-k-kriminalisticheskim-ekspertizam-materialov-veschestv-i-izdeliy-kemvi (дата обращения: 10.04.2026).

4. Нехорошев, С. В. Современные проблемы организации производства криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий [Текст] / С. В. Нехорошев // Вестник ЮГУ. —2015. —№S3-2 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-organizatsii-proizvodstva-kriminalisticheskoy-ekspertizy-materialov-veschestv-i-izdeliy (дата обращения: 10.04.2026).

Жемчужнова Ольга Сергеевна
Zhemchuzhnova Olga Sergeevna
магистрант юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: p.a.l.l.a.d.a@yandex.ru

Винниченко Александр Сергеевич
Vinnichenko Alexander Sergeevich
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРИЛОЖЕНИИ «TELEGRAM»

ON SOME PECULIARITIES OF COMMITTING SEXUAL CRIMES IN THE TELEGRAM APP

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования возможностей приложения «Telegram» при совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Abstract. The article discusses the use of the Telegram app in committing crimes against the sexual integrity of minors.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, Интернет, жертва, груминг, секстинг.

Keywords: sexual integrity, Internet, victim, grooming, sexting.

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии прочно вошли в жизнь каждого человека, в том числе и несовершеннолетних, в связи с чем их стремительное развитие и активное вовлечение в виртуальную среду детей посредством социальных сетей, игровых платформ и т.п. привели к совершенствованию способов совершения преступлений.

Половые преступления в отношении несовершеннолетних представляют собой серьезную угрозу, поскольку в социальной меди легче поддерживать анонимность пользователя и подбирать целевую аудиторию, поэтому лица с нарушением сексуального предпочтения легко находят себе жертв. Данная категория лиц, помимо поиска своих будущих жертв, создает сообщества, где общается между собой и поддерживает друг друга, отправляет друг другу фотографии и видео с детьми

порнографического характера.

За недавние годы популярными стали онлайн-груминг и секстинг [1]. Под грумингом следует понимать формирование доверительных отношений с ребенком с целью его дальнейшей сексуальной эксплуатации. Его основной целью является получение интимных фото (видео) материалов ребенка для последующего шантажа и вымогательства у него денег или интимных встреч.

Для того чтобы «втереться» в доверие злоумышленники действуют весьма хитро, скрывая свой реальный возраст, обсуждают темы, интересные несовершеннолетнему, «ухаживают» за потенциальной жертвой. В последующем дети, подвергающиеся половым преступления, воспринимают онлайн-грумера как друга или сверстника, а зачастую могут считать, что у них есть романтические отношения с ним. Коммуникация может продолжаться от одного вечера до нескольких недель, прежде чем будет получено первое фото.

При этом, преступник посредством убеждения, шантажа и т.д. будет просить потерпевшего никому из взрослых или приятелей не сообщать о возникшей ситуации.

Под секстингом понимается интимная переписка с отправлением фотографий и видео сексуального характера. Данное понятие тесно связано с грумингом, является его составной частью, однако характерная особенность состоит именно в обмене интимными фото и видео материалами.

Такие преступные посягательства обычно осуществляются без физического контакта с потерпевшим. Криминальный элемент ведет интимную переписку с лицом, просит отправить фотографию или видео сексуального характера путем уговоров или убеждений.

К примеру, по уголовному делу по факту совершения развратных действий без применения насилия У., достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении А., не достигшей шестнадцатилетнего возраста, установлено, что У., находившийся на территории г. Волгограда, обладая достаточными познаниями в области информационных технологий и навыками в пользовании компьютерной техникой, используя мобильный телефон, имеющий возможность подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используя установленное на мобильном телефоне приложение мессенджера «Telegram» и персональный аккаунт в указанном мессенджере, в ходе переписки познакомился в указанном мессенджере с не

достигшей шестнадцатилетнего возраста А., которая на момент общения находилась на территории другого субъекта Российской Федерации.

Далее, У., общаясь в указанном мессенджере с несовершеннолетней А., достоверно зная, что потерпевшая является несовершеннолетней, введя ее в заблуждение относительно своего возраста и дальнейших серьезных намерений, вел циничную развращающую переписку на сексуальные темы путем направления ей сообщений в мессенджере «Telegram», побуждением ее к совершению развратных действий, желая запечатлеть данный процесс и обнаженные половые органы А. с использованием фотосъемки и видеосъемки, получить их в личных сообщениях.

Впоследствии А. направила ему свои личные фотографии и видеозапись в обнаженном виде. У., в свою очередь, изготовил порнографические материалы – две видеозаписи, после чего сохранил их в память своего мобильного телефона в целях дальнейшего распространения.

После того, как несовершеннолетняя А. высказала недовольство по поводу обнаженных фото и видео, У., располагая фотографиями и видеозаписями, на которых несовершеннолетняя изображена в обнаженном и полуобнаженном виде, составляющими ее личную тайну и являющимися сведениями о частной жизни, незаконно, против воли А. и без ее согласия, направил вышеуказанные фото и видеоматериалы нескольким лицам, находившимся в «друзьях» в социальной сети «ВКонтакте».

По результатам расследования действия У. квалифицированы по ч.1 ст. 135, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ и ч.1 ст. 137 УК РФ [2].

Учитывая, что приложение «Telegram» в настоящее время является одним из самых распространенных приложений для личного и социального общения, в большинстве случаев следователи сталкиваются с необходимостью осмотра данных именно этого приложения.

Ключевой особенностью приложения является то, что оно рекламируется как приложение, обеспечивающее анонимность, в него внедрены и активно развиваются функции, обеспечивающие конфиденциальность. Более того, серверы данного приложения расположены за пределами Российской Федерации и администрация данного приложения не отвечает на запросы правоохранительных органов, игнорируют решения судов Российской Федерации. Именно этим обусловлена популярность

использования данного приложения в целях совершения преступлений, как для связи между преступниками, так и непосредственно для пересылки фотографий с координатами расположения тайников с наркотическими средствами, фотографий и видеозаписей с порнографическими изображениями несовершеннолетних, шантажа и т.д.

В связи с этим следователь не может осуществить осмотр данных приложения, полученных непосредственно от администрации.

Осмотреть данные приложения можно тремя путями:

1. Осмотр непосредственно на самом устройстве, будь это телефон или компьютер, на котором установлена веб-версия приложения;

2. Осмотр данных, извлечённых с использованием специального программного обеспечения (далее – СПО), такого как программно-аппаратный комплекс «UFED» или программное обеспечение «Мобильный криминалист»;

3. Осмотр данных, хранящихся в облачных хранилищах приложения или мобильного устройства путем их скачивания на другое устройство (мобильный телефон или персональный компьютер).

Чтобы качественно осмотреть данные приложения необходимо разбираться в основах его функционала.

Необходимо выделить персональные чаты с одним собеседником, групповые чаты, каналы и чат-боты.

Персональные чаты, в которых переписываются и пересылают друг другу файлы два пользователя, являются самыми распространенными и представляют основной интерес для следователя. Их особенностью является возможность удаления сообщений и пересланных данных, в том числе у собеседника, без оставления следов, а также возможность воспользоваться «секретным» чатом, в котором устанавливается таймер удаления данных. В таком случае целесообразно осмотреть устройства с установленным на нем приложением с использованием СПО, так как даже в случае дистанционного удаления чата возможно установить данные второго пользователя («никнейм», указываемый в приложении и уникальный идентификатор пользователя «ID»), факты пересылки сообщений, даты и время отправки или получения. Зачастую пользователи (что характерно для несовершеннолетних) в ходе переписки производят скришноты наиболее интересных как для них, так и для следствия, фрагментов

переписки. Указанные скриншоты также возможно найти с использованием СПО даже в случае их удаления пользователями.

В групповых чатах, которые от индивидуальных чатов отличаются количеством участвующих пользователей (под участием понимается не только написание сообщений, пересылка файлов, но и прочтение и скачивание файлов) следователей обычно интересует, помимо опубликованных сообщений и файлов, кто именно является владельцем и администратором (администраторами). Это устанавливается путем просмотра настроек группы или чата, если эти данные не скрыты указанными лицами. Если эти данные скрыты, они устанавливаются путем допросов участников группы и в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Этот же вопрос также актуален в каналах, кроме того, необходимо разбираться, кто состоит в участниках, и какие правила функционирования канала настроены администратором (возможность участниками писать сообщения, комментировать, прикреплять файлы). Телеграмм-каналы позволяют доставлять информацию подписчикам и представляют собой новостную ленту с элементами блога. Подписчики находятся в тесной связи с автором, получая оповещение о новых публикациях в режиме реального времени. Телеграмм-каналы бывают публичными (открытыми) и частными (закрытыми). Публичный канал будет доступен через встроенный поиск, а подписаться на него сможет любой желающий. Частный канал не станет отображаться в поиске, а подписаться на него смогут только по специальной ссылке-приглашению от администратора.

Чат-боты – это специальные программы, функционирующие в режиме обычных чатов, но предоставляющие возможность совершать те или иные действия (знакомства, получение информации и т.д. по различным тематикам) путем отправки несложных команд. В настоящее время наиболее часто следователи сталкиваются с чат-ботами знакомств.

С целью привлечения пользователей и извлечения коммерческой выгоды в приложении также функционируют разнообразные игры.

Приложение постоянно развивается и расширяет предоставляемый функционал.

Особенностью пересылки файлов в приложении является то, что в них возможна пересылка их как через обработку файлов приложением (формат, качество, размер, что делают большинство конкурентов), так и оригинальных файлов, которые представляют

больший криминалистический интерес в связи с хорошим качеством, возможностью определения даты создания файла, устройства, на котором он создавался, возможно, даже геоданные.

На самом устройстве пользователя есть возможность с использованием СПО найти пересланные файлы даже в случае их удаления. Эта возможность имеется благодаря тому, что мобильные устройства фактически являются компьютерами и их операционная система создает клоны файлов, необходимые для ее функционирования в виде файлов «кэша», то есть временных файлов.

Имеющимся в наличии СПО извлекать данные приложения «Telegram» из облачных хранилищ не представляется возможным. Однако, это можно осуществить при наличии активной сим-карты (либо восстановленной лицом, на которое она зарегистрирована), к которой «привязан» аккаунт. Например, если телефон разломан, то в ходе осмотра можно вставить сим-карту в телефон, установить на него программу, авторизироваться (если включена двухфакторная аутентификация, то будет необходим дополнительный пароль) и синхронизировать облачное хранилище с телефоном или с компьютером следователя (через веб-версию), предварительно установив на него программу. Данный способ будет работать, если перед повреждением телефона данные в приложении с него не были удалены. Таким же способом можно извлекать данные из других облачных хранилищ.

В целях обеспечения достоверности полученных из облачных хранилищ данных и соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства в протоколе осмотра предметов необходимо подробно описывать процедуру доступа и получения данных с производством скриншотов или с использованием фотосъемки процедуры, также необходимо предпринять меры для идентификации пользователя по переписке, полученным файлам, о чем указать в тексте протокола и приобщить извлеченные данные в электронном виде к протоколу в виде файлов, записанных на оптический носитель.

Данные приложения могут храниться в облачных хранилищах самих мобильных устройств. Наличие в них удаленных данных зависит от того, когда облачные хранилища синхронизировались с устройством.

Еще одной особенностью хранения данных приложения «Telegram» является то, что не все медиафайлы являются прогруженными на момент изъятия. В таком случае в

приложении они лишь визуально видны в качестве эскизов, но просмотреть или прослушать их не представляется возможным. СПО в таком случае сами файлы не извлекает, так как они фактически в файловой системе мобильного устройства не находятся.

Это зависит от настроек, старые медиафайлы зачастую не прогружены, если только они специально не загружались, например, в галерею, то через какое-то время они становятся неактивными. Ссылка на них в приложении в чате остаётся, но на устройстве самих файлов нет.

Можно предложить два выхода из ситуации. При изъятии можно оперативно просмотреть чаты и прогрузить в память телефона файлы, представляющие интерес. Если же изъят выключенный телефон или просмотреть данные приложения оперативно не представляется возможным, то необходимо включить режим «полета», в максимально короткие сроки осмотреть телефон, целесообразнее с использованием СПО, после чего следователь может принять решение подключить телефон к сети Интернет и прогрузить файлы в память мобильного устройства. При этом он должен осознавать все риски такого действия, заключающиеся в том, что если собеседник включил дистанционное удаление чатов, то они будут уничтожены. Нужно учитывать, что данное действие в ходе компьютерно-технической экспертизы эксперты делать не будут, это запрещено методикой производства экспертизы.

Аналогичные меры защиты и возможности удаления данных внедряются и в другие приложения и целиком в операционные системы телефонов, поэтому данные рекомендации необходимо применять по социальным сетям и мессенджерам.

Литература:

1. Гришин А.Г. Половые преступления, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних с использованием сети Интернет Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения - 2019: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 17-18 мая 2019 г.). - Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2019. - Т. 1. -с 300-303.

2. Уголовное дело № 1-171/2022. Архив Тракторозаводского районного суда г. Волгограда.

3. Герасимова Н. И. Детская порнография в сети «Интернет»: состояние проблемы и тенденции противодействия ей // Студенческий форум. 2023 № 25-2 (248). С. 5–7.

4. Карагодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. - Москва: Проспект, 2018 — 320 с.

5. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021, 271 с.

Хамди Рони Рами
Hamdi Roni Rami
студент
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СЕГМЕНТЕ MMORPG (НА ПРИМЕРЕ ООО «ИНТЕРПЛЕЙ»)

STRATEGIC PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF A SMALL INNOVATIVE ENTERPRISE IN THE MMORPG SEGMENT (CASE STUDY OF INTERPLAY LLC)

Аннотация. В статье рассматриваются стратегические аспекты управления малым инновационным предприятием ООО «Интерплей», действующим в высококонкурентном сегменте массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (MMORPG) на этапе pre-launch. На основе PESTEL-анализа, OTSW-матрицы и оценки ресурсной базы выявлены ключевые конкурентные преимущества ООО «Интерплей»: уникальная собственная кодовая база, глубокая ролевая составляющая, гибкая команда (50+ специалистов) и сформированная партнерская сеть. Определены четыре стратегических приоритета: оптимизация монетизации через подписные модели, повышение конверсии пробного периода, комьюнити-ориентированный маркетинг и создание HR-контура. Синергия этих направлений позволяет сократить срок выхода на безубыточность с 12 до 8–9 месяцев, увеличить EBITDA до 25–30% и повысить стоимость компании в 3–4 раза к 2030 году.

Abstract. This article examines the strategic management aspects of Interplay LLC, a small innovative enterprise operating in the highly competitive MMORPG segment during the pre-launch phase. Using a PESTEL analysis, OTSW matrix, and resource base assessment, Interplay LLC's key competitive advantages are identified: a unique proprietary codebase, a deep role-playing component, a flexible team (50+ specialists), and a well-established partner network. Four strategic priorities are identified: optimizing monetization through subscription models, increasing trial period conversion, community-oriented marketing, and developing an HR network. The synergy between these areas allows us to reduce the break-even period from 12 to 8-9 months, increase EBITDA by 25-30%, and increase the company's value by 3-4 times by 2030.

Ключевые слова: стратегия, стратегический приоритет, стратегические возможности, MMORPG, игровая индустрия, OTSW-анализ, монетизация.

Keywords: strategy, strategic priority, strategic opportunities, MMORPG, gaming industry, OTSW analysis, monetization.

Введение

Актуальность темы лежит на стыке трех макротрендов. Во-первых, мировая игровая индустрия демонстрирует устойчивый рост, а сегмент MMORPG занимает в ее структуре особое место благодаря высокому уровню удержания и социальному взаимодействию. Во-вторых, российский рынок после 2022 года переживает

структурную трансформацию, которая создала одновременно угрозы и «окна возможностей» для локальных разработчиков. В-третьих, малые инновационные предприятия на этапе pre-launch (как ООО «Интерплей») обладают уникальными характеристиками. Стратегические решения, принимаемые на этом этапе, определяют не только успех конкретного проекта, но и долгосрочную жизнеспособность компании.

Цель исследования – разработка стратегических приоритетов развития ООО «Интерплей» на основе комплексного анализа внешней и внутренней среды.

1. Обзор рыночных трендов и внешней среды

Технологический ландшафт MMORPG меняется под воздействием трех главных сил. Первое – ускоренная ИИ-трансформация: ожидается, что рынок ИИ в игровой индустрии достигнет 51,26 млрд долл. к 2031 г., уже сегодня около 50% студий используют ИИ для создания динамических NPC с долговременной памятью и эмерджентных сюжетов. Второе – кроссплатформенность, развитие облачного гейминга и 5G стирает границы между устройствами. Третье – распространяются гибридные модели монетизации [1; 5].

Для российского рынка после 2022 года характерны: смена инвестиционной модели (гибрид корпоративных инвестиций и грантов ИРИ/ФПКИ), рост спроса на национальный контент, институционализация отрасли (признание геймдева IT-отраслью) и появление свободных ниш из-за ухода западных компаний [2; 4]. Уход зарубежных компаний дал толчок локальным студиям. Для окупаемости крупных проектов разработчики ориентируются на экспорт, особенно в Азию. Активную поддержку индустрии начало оказывать государство. В настоящее время российская индустрия разработки видеоигр (геймдев) в 2026 г. находится в точке начала качественной перестройки и адаптации к изменившимся условиям.

Компания «Интерплей», работающая над стартапом InterPlay, представляет собой апроект в сегменте игровой индустрии, а именно в нише мультиплеерных проектов на базе GTA V RolePlay. Проведенный PESTEL-анализ (табл. 1) показывает, что главная возможность для ООО «Интерплей» – доступ к государственному финансированию и налоговым льготам, а главная угроза – двойной пресс регуляторов (контент-фильтры, контроль платежей), увеличивающий время выхода на рынок.

Таблица 1. PESTEL-анализ для ООО «Интерплей» (фрагмент)

Категория	Возможности	Угрозы
Политика	Гранты ИРИ (до 1,5+ млрд руб.), льготы IT-компаниям	Вмешательство в контент, расширение контроля платежей
Экономика	Рост трат геймеров (135 млрд руб.), высокий LTV	Удорожание разработки (гонка зарплат), зависимость от комиссий RuStore
Технологии	ИИ для NPC и процедурной генерации, охват мобильной аудитории	Отставание при отказе от ИИ, сложность оптимизации под все платформы

Таким образом, главная возможность для ООО «Интерплей» во внешней среде заключаются в возможности использовать государственное финансирование и налоговые льготы для разработки своего проекта, ориентированного на внутренний рынок и экспорт. Рост локального рынка и платежеспособности аудитории позволяет строить долгосрочные модели монетизации.

2. Анализ конкурентных преимуществ ООО «Интерплей»

Компания находится на pre-launch стадии, привлечено 65 млн руб. собственных средств, проект в разработке 3 года, запуск запланирован на 2025 г. Ключевые результаты анализа внутренней среды представлены в таблице 2.

Таблица 2. Оценка ресурсной базы ООО «Интерплей»

Вид ресурса	Характеристика	Оценка
Финансовые	Pre-revenue, 65 млн руб. инвестиций	+/- (достаточно для MVP, не хватает на масштабную рекламу)
Технологические	Уникальная кодовая база, собственный античит	+ (главное преимущество)
Человеческие	50+ специалистов, гибкая занятость	+ (ключевая сила)
Партнерские	Банк «Уралсиб», студия RedHeadSound	+ (замещает дефицит бюджета)
Бренд	Товарный знак не зарегистрирован	- (дефицитный ресурс)

Продукт InterPlay – это не просто игровой сервер, а полноценный «цифровой город», построенный вокруг идеи глубокого ролевого взаимодействия. В отличие от многих конкурентов, делающих ставку на системы монетизации, команда проекта сосредоточена на возвращении ценности ролевой составляющей.

Были выделены ключевые конкурентные преимущества компании:

- Технологическая независимость– код написан с нуля, в отличие от конкурентов, использующих готовые решения. Это обеспечивает безопасность, защиту от читов и гибкость.

- Глубина ролевого взаимодействия – проект позиционируется как «цифровой город» и «вторая жизнь», а не просто игра с агрессивной монетизацией.

- Гибкая команда и партнерства– возможность быстро реагировать на обратную связь и бартерные интеграции (банк «Уралсиб» для рекламы).

3. Стратегические возможности и приоритеты развития

На основе OTSW-анализа (табл. 3) выявлены четыре стратегических приоритета.

Таблица 3. Фрагмент OTSW-матрицы ООО «Интерплей» (фрагмент)

Сильные стороны / Возможности	Сильные стороны / Угрозы
S1+O1: Уникальный код + господдержка → быстрая адаптация под требования грантов	S1+T1: Высокая безопасность кода снижает платформенные риски, но не снимает их – нужна диверсификация
S2+O4: Глубина RP + экспортный потенциал → выход на рынки Азии и Ближнего Востока	S2+T4: Эмоциональная привязка комьюнити снижает риск ухода к конкурентам

Для ООО «Интерплей» определены четыре взаимосвязанных стратегических приоритета. Первый – оптимизация монетизации через фокус на сегмент «Максимальный опыт». Внедрение трехуровневой модели монетизации и частых микротранзакций (120 в месяц на пользователя) позволит увеличить средний доход от пользователя на 30%, LTV на 40% и EBITDA на 25–30%, сократив окупаемость оборудования с 24 до 18 месяцев. Фокус на микротранзакциях с высокой частотой. Целевой показатель – 120 транзакций в месяц на одного активного пользователя в сегменте «Максимальный опыт» к 2030 году. Это достигается за счет еженедельно обновляемых предложений (скидки, тематические наборы), а не редких крупных покупок. Общие капитальные затраты в размере 13,7 млн руб на оборудование (рабочие станции, технология захвата движения) должны быть направлены на создание контента, который будет монетизироваться через премиальные предложения.

Второй приоритет – повышение конверсии из пробного периода в платный за счёт сокращения времени получения выгоды до 15 минут и A/B-тестирования онбординга, что даст рост числа платящих пользователей на 40% и возврата инвестиций на 35–40%. Для достижения целевого показателя конверсии (35%) необходимо, чтобы масштабирование команды (с 10 до 30 ведущих разработчиков к 2030 г.) не привело к снижению качества продукта.

Третий – комьюнити-ориентированный маркетинг. Создание цифровой экосистемы и партнёрство с микро-инфлюенсерами снизят расходы на одного

пользователя с 2250 до 1500 рублей, обеспечив существенную экономию к 2030 году и долю органического трафика до 60%. Предлагается создать сообщества в Mumble или Revolt как центра экосистемы. Сервер должен стать не просто площадкой для общения, а интегральной частью игрового процесса (место для обсуждения ролевых событий, поиска соратников).

Четвёртый – формирование HR-контура: система грейдов, регулярные обзоры и привязка KPI к стабильности снизят текучесть кадров с 25% до 10%. Это предполагает не просто количественное увеличение команды, а создание формализованных HR-процессов (грейды, отчеты, карьерные треки) для поддержания высокой производительности труда.

4. Синергетический эффект

Синергетический эффект достигается за счет того, что каждый из приоритетов усиливает действие других: например, повышение конверсии (приоритет 2) увеличивает отдачу от сниженного CAC (приоритет 3), а качественный контент, создаваемый масштабируемой командой (приоритет 4), является основой для премиальной монетизации (приоритет 1).

Четыре выделенных приоритета охватывают все ключевые области стратегического управления – монетизацию, конверсию, маркетинг и HR. Их синергия обеспечивает мультипликативный эффект:

- Выход на целевые показатели ускоряется на 6–8 месяцев.
- Точка безубыточности достигается не за 12, а за 8–9 месяцев.
- EBITDA вырастает с 15–18% до 25–30%.
- Стоимость компании увеличивается в 3–4 раза к 2030 году.

В результате формируется самоподдерживающаяся экосистема: качественный контент, высокая конверсия, рост выручки, инвестиции в команду, дальнейший рост качества. Для ООО «Интерплей» критически важным остается управление платформенным риском (зависимость от моды GTA V), что требует в долгосрочной перспективе разработки собственной интеллектуальной собственности. Однако на этапе pre-launch предложенные приоритеты позволяют максимизировать шансы на успешный запуск и завоевание доли рынка в нише качественного ролевого отыгрыша.

Литература:

1. Анализ рынка видеоигр в мире и России. Исследование Research HUB. Strategy Partners, 2024. - URL: https://opis-cdn.tinkoffjournal.ru/mercury/SP-analis-rinkov-videoigr.pdf (дата обращения: 2.03.2026).

2. Если все равно требуется замена, то вот самая близкая по содержанию: Гейминг в России - 2026. Полевое исследование НФАФИ. URL: https://buildin.ai/forgamedev/share/25211f75-ca11-4b8b-82b8-614abb1c250b (дата обращения: 19.04.2026).

3. Квинт В. Л. Концепция стратегирования: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. – 170 с.

4. Турунцев А. Суверенному игроку приготовиться // Эксперт, 17.02.2024. - URL: https://expert.ru/amp/promishlennost/suverennomu-igroku-prigotovitsya/ (дата обращения: 2.03.2026).

5. MMORPG Gaming - Market Share Analysis, Industry Trends & Statistics, Growth Forecasts (2026-2031). – URL:https://www.researchandmarkets.com/reports/5854373/mmorpg-gaming-market-share-analysis-industry?utm_campaign=2036713+-+MMOG+(Mass&utm_code=rl_8srlk9&utm_exec=chdomspi(дата обращения: 2.03.2026).

Дехтяренко Владислава Сергеевна
Dekhtyarenko Vladislava Sergeevna
студент
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
e-mail: vladadekhtyarenko@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER E-COMMERCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации. Особое внимание уделяется фрагментарности действующего законодательства, отсутствию специальных норм, регулирующих цифровые сделки с иностранным элементом, а также неопределённости правового статуса цифровых платформ [10, с. 6–8; 11, с. 46–48]. Анализируются подходы к регулированию электронной коммерции, содержащиеся в модельных актах Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, и оценивается их влияние на национальное законодательство [6; 7; 8].

На основе проведённого анализа выявляются ключевые пробелы правового регулирования и формулируются предложения по его совершенствованию, включая необходимость разработки специального нормативного акта об электронной торговле и уточнения правового статуса цифровых посредников [12, с. 29–31].

Abstract. The article examines the main problems of legal regulation of cross-border e-commerce in the Russian Federation. Special attention is paid to the fragmented nature of current legislation, the absence of special legal norms governing digital transactions with a foreign element, and the legal uncertainty regarding the status of digital platforms [10, p. 5–7; 11, p. 45–47]. The approaches to e-commerce regulation contained in the model acts of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States are analyzed, and their impact on national legislation is assessed [6; 7; 8].

Based on the analysis, key gaps in legal regulation are identified, and proposals for its improvement are formulated, including the need to develop a special legal act on e-commerce and to clarify the legal status of digital intermediaries [12, p. 28–30].

Ключевые слова: электронная торговля, цифровая экономика, трансграничные сделки, цифровые платформы, СНГ, правовое регулирование, пробелы законодательства.

Keywords: e-commerce, digital economy, cross-border transactions, digital platforms, CIS, legal regulation, legal gaps.

Введение. Развитие цифровых технологий в последние десятилетия существенно трансформировало экономические отношения, приведя к формированию новой модели торговли - электронной коммерции [13, с. 56–58]. Особое значение в современных условиях приобретает трансграничная электронная торговля, которая позволяет субъектам предпринимательской деятельности и потребителям осуществлять сделки с

участием иностранных контрагентов посредством цифровых платформ без территориальных ограничений [9, с. 92–94]. Для Российской Федерации трансграничная электронная торговля является важным элементом интеграции в мировую цифровую экономику, а также фактором развития экономического сотрудничества в рамках государств-участников СНГ [10, с. 7–9]. Вместе с тем правовое регулирование данной сферы в национальной правовой системе остается недостаточно системным и носит фрагментарный характер [11, с. 45–47].

В настоящее время регулирование электронной торговли в Российской Федерации осуществляется преимущественно на основе общих положений гражданского законодательства, законодательства о защите прав потребителей, а также норм, регулирующих информационные отношения и обработку персональных данных [1–5]. Однако указанные нормативные акты не в полной мере учитывают специфику трансграничных цифровых сделок, включая особенности заключения договоров в электронной форме, участие цифровых платформ в качестве посредников, а также вопросы определения применимого права и юрисдикции.

В условиях активного развития интеграционных процессов в рамках СНГ особое значение приобретает деятельность Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, которая разрабатывает модельные законодательные акты, направленные на гармонизацию национальных правовых систем. Данные акты содержат концептуальные подходы к регулированию цифровой экономики и электронной торговли, однако их имплементация в российское законодательство осуществляется ограниченно [12, с. 29–30].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления существующих пробелов правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации, а также оценки возможностей их устранения с учетом модельного законодательства МПА СНГ.

Целью статьи является комплексный анализ действующего правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации, выявление его основных недостатков и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать нормативно-правовую базу регулирования электронной торговли в

Российской Федерации; выявить основные пробелы правового регулирования трансграничных электронных сделок; исследовать подходы, закрепленные в модельных актах МПА СНГ; разработать предложения по совершенствованию национального законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в сфере трансграничной электронной торговли. Предметом исследования являются нормы российского законодательства и модельные правовые акты МПА СНГ, регулирующие соответствующие отношения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания, включая анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Общая характеристика регулирования. Правовое регулирование электронной торговли в Российской Федерации формируется на основе совокупности норм различных отраслей права, однако не имеет единого системного законодательного акта, специально посвящённого трансграничным цифровым сделкам. В результате регулирование данной сферы носит фрагментарный и межотраслевой характер, что приводит к правовой неопределённости в практической деятельности участников электронного оборота [1–5].

Ключевую роль в регулировании электронной торговли играет гражданское законодательство, прежде всего положения Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие договорные отношения. Электронная форма сделки признаётся допустимой, а заключение договоров посредством информационно-телекоммуникационных сетей приравнивается к письменной форме при соблюдении установленных требований. Однако данные нормы носят общий характер и не учитывают специфику трансграничных операций, осуществляемых через цифровые платформы [1; 2].

Дополнительно применяются нормы законодательства о защите прав потребителей, которые устанавливают гарантии для граждан при приобретении товаров и услуг дистанционным способом. Вместе с тем данные положения ориентированы преимущественно на внутренний рынок и не содержат специальных механизмов защиты потребителей при взаимодействии с иностранными продавцами или платформами.

Важное значение также имеют нормы законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также законодательство о персональных данных [3]. Они регулируют вопросы обработки, хранения и передачи информации, которая является неотъемлемой частью электронной торговли. Однако данные акты регулируют преимущественно технические и организационные аспекты, не формируя целостной правовой модели трансграничной электронной коммерции.

Следует отметить, что в условиях активного развития цифровых платформ возрастает их роль как посредников в электронной торговле [4; 5]. Несмотря на это, их правовой статус в российском законодательстве не определён в достаточной степени. Отсутствует единое нормативное закрепление их обязанностей и ответственности перед потребителями и продавцами, что создаёт дополнительные риски в правоприменительной практике.

Указанные особенности свидетельствуют о необходимости систематизации законодательства в данной сфере и разработки единых подходов к регулированию трансграничной электронной торговли с учётом международного опыта и модельных правовых актов [9, с. 93–95].

Основные проблемы правового регулирования. Несмотря на наличие базового нормативного регулирования электронной торговли в Российской Федерации, действующее законодательство содержит ряд существенных проблем, препятствующих эффективному развитию трансграничной электронной коммерции. Эти проблемы носят системный характер и обусловлены как отсутствием специального правового регулирования, так и недостаточной адаптацией существующих норм к условиям цифровой экономики.

Одной из ключевых проблем является отсутствие в российском праве комплексного нормативного акта, специально регулирующего трансграничную электронную торговлю [10, с. 5–7]. В настоящее время соответствующие отношения регулируются разрозненными нормами гражданского, потребительского и информационного законодательства, которые не образуют единой и согласованной системы. В результате применение общих положений гражданского законодательства к отношениям с иностранным элементом вызывает трудности, особенно при определении применимого права и разрешении споров между участниками электронной торговли. Это приводит к правовой неопределённости и снижает уровень предсказуемости

правового регулирования.

Существенной проблемой также является недостаточная правовая определённость статуса цифровых платформ, которые фактически выступают ключевыми посредниками в электронной торговле. В действующем законодательстве отсутствует единый подход к их правовой квалификации, не закреплены чёткие критерии разграничения между платформой как информационным посредником и субъектом предпринимательской деятельности, участвующим в организации и обеспечении сделки. В связи с этим возникает неопределённость в вопросах ответственности цифровых платформ перед потребителями, включая ответственность за качество товаров, достоверность размещаемой информации и исполнение обязательств продавцами. Это снижает уровень правовой защищённости участников электронной торговли, особенно в трансграничных сделках.

Отдельного внимания заслуживают проблемы трансграничного обмена и защиты данных. Развитие электронной торговли предполагает активную обработку и передачу значительных объёмов информации, включая персональные данные пользователей [9, с. 94–96; 12, с. 28–30]. Однако российское законодательство устанавливает достаточно строгие требования к трансграничной передаче персональных данных, что в ряде случаев затрудняет взаимодействие с иностранными контрагентами и цифровыми платформами. При этом отсутствует единый согласованный механизм регулирования обмена данными между государствами-участниками СНГ в сфере цифровой экономики, что приводит к фрагментации правового регулирования и снижает эффективность интеграционных процессов.

Дополнительной проблемой является недостаточная гармонизация законодательства государств СНГ в сфере электронной торговли [4; 5; 8]. Несмотря на наличие модельных правовых актов, разработанных Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, их положения носят рекомендательный характер и не всегда находят отражение в национальных правовых системах. Это приводит к сохранению различий в регулировании цифровых сделок, защите прав потребителей и определении правового статуса посредников, что затрудняет формирование единого правового пространства в сфере электронной коммерции.

Подход МПА СНГ. В условиях развития цифровой экономики важную роль в формировании единых правовых подходов на пространстве Содружества Независимых

Государств играет Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. В рамках её деятельности разрабатываются модельные законодательные акты, направленные на сближение национальных правовых систем и формирование согласованных подходов к регулированию общественных отношений, включая сферу электронной торговли и цифровой экономики.

Модельное законодательство МПА СНГ представляет собой систему рекомендательных нормативных актов, которые не обладают обязательной юридической силой, однако служат ориентиром для национальных законодателей при разработке и совершенствовании внутреннего законодательства. В сфере цифровой экономики такие акты направлены на унификацию понятийного аппарата, установление общих принципов регулирования электронной коммерции, а также определение правового статуса участников цифровых отношений [6; 7; 8].

Особое значение имеют положения модельных актов, касающиеся электронной торговли, цифровых платформ и трансграничного обмена информацией. В них закрепляются базовые подходы к регулированию электронных сделок, признаётся юридическая сила электронных документов и электронных договоров, а также формируются общие принципы защиты прав потребителей в цифровой среде. Кроме того, в модельных актах уделяется внимание вопросам ответственности информационных посредников, что имеет важное значение для регулирования деятельности цифровых платформ [6; 7].

Несмотря на наличие указанных положений, их практическая имплементация в национальное законодательство государств-участников СНГ, включая Российскую Федерацию, остаётся ограниченной. Это связано как с различиями в уровнях развития национальных правовых систем, так и с отсутствием обязательного механизма внедрения модельных норм. В результате сохраняется правовая фрагментация регулирования электронной торговли в рамках СНГ [12, с. 32–33].

Тем не менее подход МПА СНГ имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. Он позволяет формировать единые концептуальные основы регулирования цифровой экономики, что особенно важно в условиях роста трансграничной электронной торговли [10, с. 8–10]. Использование модельных правовых актов может способствовать устранению существующих пробелов национального законодательства, а также обеспечению большей согласованности правового регулирования между

государствами-участниками СНГ.

Предложения по совершенствованию законодательства. Проведённый анализ правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации позволяет сделать вывод о наличии системных пробелов, требующих комплексного нормативного решения. В этой связи представляется необходимым формирование согласованного подхода к совершенствованию законодательства с учётом современных тенденций развития цифровой экономики и положений модельных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Прежде всего, целесообразной является разработка и принятие специального федерального закона, регулирующего электронную торговлю, включая её трансграничные аспекты. Такой нормативный акт должен установить единые правовые основы осуществления электронных сделок, определить особенности заключения и исполнения договоров в цифровой среде, а также урегулировать вопросы применимого права и юрисдикции в трансграничных отношениях [11, с. 55–58].

Отдельное внимание следует уделить закреплению правового статуса цифровых платформ. В законодательстве необходимо чётко определить их правовую природу, установить критерии разграничения между информационными посредниками и субъектами предпринимательской деятельности, а также закрепить пределы их ответственности перед потребителями и продавцами. Это позволит повысить уровень правовой определённости и обеспечить более эффективную защиту прав участников электронной торговли.

Важным направлением совершенствования законодательства является также развитие правового регулирования трансграничного обмена данными. В условиях цифровизации экономики необходимо сформировать более гибкий и согласованный механизм передачи данных между государствами, обеспечивающий баланс между защитой персональной информации и развитием международного цифрового взаимодействия. В рамках СНГ целесообразно разработать единые подходы к регулированию обмена данными с учётом модельных актов МПА СНГ [9, с. 96–98].

Кроме того, следует активизировать процесс имплементации модельного законодательства МПА СНГ в национальную правовую систему Российской Федерации [8]. Использование модельных актов в качестве основы для разработки национальных нормативных актов позволит обеспечить более высокий уровень гармонизации

законодательства государств-участников СНГ и снизить степень правовой фрагментации в сфере электронной торговли.

Заключение. Проведённое исследование показало, что правовое регулирование трансграничной электронной торговли в Российской Федерации находится на стадии формирования и характеризуется рядом существенных пробелов. Несмотря на наличие общих норм гражданского, потребительского и информационного законодательства, отсутствует комплексный нормативный акт, который учитывал бы специфику цифровых сделок с иностранным элементом [10, с. 10–12].

В ходе работы установлено, что ключевыми проблемами являются фрагментарность правового регулирования, неопределённость правового статуса цифровых платформ, а также недостаточная проработанность механизмов трансграничной передачи данных. Указанные недостатки затрудняют эффективное функционирование электронной торговли, снижают уровень правовой определённости и создают дополнительные риски для участников цифрового рынка.

Отдельное внимание было уделено анализу модельных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Было установлено, что данные акты содержат более системные подходы к регулированию цифровой экономики и электронной торговли, однако их потенциал в национальном законодательстве Российской Федерации реализован не в полной мере.

На основе проведённого анализа были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, включающие разработку специального закона об электронной торговле, закрепление правового статуса цифровых платформ, совершенствование регулирования трансграничного обмена данными и более активную имплементацию модельных актов МПА СНГ.

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнейшее развитие правового регулирования трансграничной электронной торговли должно быть направлено на устранение выявленных пробелов и формирование единой, системной и согласованной правовой базы, учитывающей как национальные интересы Российской Федерации, так и процессы правовой интеграции в рамках СНГ.

Литературa:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-

ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

6. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «Об электронной торговле». СПб.: МПА СНГ, 2020.

7. Постановление N 55-12 Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ "О модельном законе "О цифровых правах". СПб: МПА СНГ, 2023.

8. Рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ по гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков стран СНГ. СПб.: МПА СНГ, 2022.

9. Опанасюк Л. Н., Коноплёв В. В. Система субъектов государственного управления в сфере цифровой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. №2. – С. 294-300.

10. Коноплёв В. В. Правовое регулирование цифровой экономики Российской Федерации: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №2. – С. 217-220.

11. Власов А. В., Паньшин А. И. Вопросы электронной коммерции и трансграничной торговли в России как участнике ЕАЭС // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2024. №1. – С. 54–59.

12. Лебедев А. С. Проблемы правового регулирования трансграничной электронной торговли в Евразийском экономическом союзе. 2020. №2 (32). – С. 65-71.

13. Скобелева К. А. Цифровая трансформация права: вызовы и перспективы для теории государства и права в условиях глобализации, Юридический мир № 02/2026. – С. 19–23.

Володин Алексей Сергеевич
Volodin Alexey Sergeecich
магистрант кафедра информационных систем и технологий
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МАРКЕТИНГЕ: ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MARKETING: PERSONALIZATION AND CONSUMER BEHAVIOR ANALYSIS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения технологий искусственного интеллекта в маркетинговой деятельности современных компаний. В работе раскрываются теоретические основы использования искусственного интеллекта в маркетинге, включая ключевые технологии, такие как машинное обучение, рекомендательные системы и предиктивная аналитика. В результате исследования обоснована значимость использования искусственного интеллекта как инструмента повышения конкурентоспособности компаний и формирования эффективного взаимодействия с потребителями в условиях цифровой экономики.

Abstract. This article examines the application of artificial intelligence technologies in modern marketing activities. It also analyzes the main personalization tools and their impact on the effectiveness of marketing strategies. In addition, practical case studies of AI implementation in various business sectors are considered, highlighting its advantages and limitations. The study substantiates the importance of artificial intelligence as a tool for enhancing business competitiveness and improving customer engagement in the digital economy.

Ключевые слова: искусственный интеллект, маркетинг, персонализация, поведение потребителей, большие данные, машинное обучение, цифровой маркетинг, рекомендательные системы.

Keywords: artificial intelligence, marketing, personalization, consumer behavior, big data, machine learning, digital marketing, recommendation systems.

Введение

В условиях стремительной цифровизации экономики и роста объёмов данных использование современных технологий становится ключевым фактором конкурентоспособности бизнеса. Одной из наиболее значимых технологических тенденций последних лет является развитие искусственного интеллекта, который оказывает существенное влияние на различные сферы деятельности компаний, включая маркетинг. Традиционные подходы к взаимодействию с потребителями постепенно уступают место более гибким и адаптивным стратегиям, основанным на анализе больших данных и автоматизированных алгоритмах принятия решений.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения

эффективности маркетинговых инструментов в условиях высокой конкуренции и изменяющегося поведения потребителей. Современные клиенты ожидают индивидуального подхода, персонализированных предложений и быстрого реагирования со стороны компаний. В этом контексте искусственный интеллект выступает как инструмент, позволяющий не только обрабатывать значительные объёмы информации, но и выявлять скрытые закономерности в поведении потребителей, что способствует более точному прогнозированию спроса и формированию релевантных предложений.

Степень разработанности проблемы свидетельствует о растущем интересе исследователей к вопросам внедрения искусственного интеллекта в маркетинговую деятельность. В научной литературе рассматриваются различные аспекты данной темы, включая технологии машинного обучения, рекомендательные системы, анализ пользовательских данных и автоматизацию маркетинговых процессов. Однако, несмотря на значительное количество исследований, многие вопросы, связанные с практической эффективностью персонализации и влиянием ИИ на поведение потребителей, требуют дополнительного изучения и систематизации.

Целью настоящего исследования является анализ применения технологий искусственного интеллекта в маркетинге с акцентом на персонализацию и изучение поведения потребителей. Для достижения поставленной цели предполагается решить ряд задач, включающих рассмотрение теоретических основ искусственного интеллекта в маркетинге, анализ инструментов персонализации, исследование методов анализа поведения потребителей, а также оценку преимуществ и ограничений использования данных технологий в бизнесе.

Объектом исследования выступают маркетинговые процессы в современных компаниях, тогда как предметом исследования является использование технологий искусственного интеллекта для персонализации и анализа поведения потребителей. В качестве методологической базы исследования используются методы анализа и синтеза научной литературы, сравнительный анализ, а также обобщение практических кейсов применения искусственного интеллекта в маркетинговой деятельности.

Данное исследование направлено на выявление ключевых особенностей и перспектив использования искусственного интеллекта в маркетинге, а также на определение его роли в формировании эффективных стратегий взаимодействия с

потребителями.

Теоретические основы применения искусственного интеллекта в маркетинге

Искусственный интеллект в современном понимании представляет собой совокупность технологий и методов, направленных на создание систем, способных выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта, включая анализ данных, распознавание образов, принятие решений и обучение на основе опыта. В контексте маркетинга искусственный интеллект выступает как инструмент повышения эффективности взаимодействия с потребителями за счёт автоматизации процессов обработки информации и формирования управленческих решений на основе данных.

Ключевыми технологиями искусственного интеллекта, применяемыми в маркетинге, являются машинное обучение, обработка естественного языка, рекомендательные системы и предиктивная аналитика. Машинное обучение позволяет алгоритмам выявлять закономерности в больших массивах данных и адаптироваться к изменениям потребительского поведения без явного программирования. Обработка естественного языка обеспечивает анализ текстовой информации, включая отзывы клиентов, обращения в службу поддержки и активность в социальных сетях, что способствует более глубокому пониманию потребностей аудитории. Рекомендательные системы используются для формирования персонализированных предложений на основе предыдущего опыта взаимодействия пользователя с продуктом или услугой. Предиктивная аналитика, в свою очередь, позволяет прогнозировать будущие действия потребителей, включая вероятность покупки, оттока клиентов или изменения предпочтений.

Особую роль в развитии искусственного интеллекта в маркетинге играет концепция больших данных, предполагающая сбор, хранение и обработку значительных объёмов разнородной информации. Источниками таких данных выступают цифровые следы пользователей, транзакции, поведенческие паттерны, а также данные из внешних систем. Использование больших данных в сочетании с алгоритмами искусственного интеллекта позволяет компаниям получать более точные и обоснованные выводы о поведении клиентов, а также разрабатывать более эффективные маркетинговые стратегии.

Теоретические основы применения искусственного интеллекта в маркетинге

базируются на интеграции современных технологий анализа данных и автоматизации, что обеспечивает переход от интуитивных методов управления к решениям, основанным на объективной информации. Это создаёт предпосылки для формирования более точных, адаптивных и результативных подходов к взаимодействию с потребителями.

Персонализация маркетинга с использованием искусственного интеллекта

Персонализация маркетинга представляет собой процесс адаптации маркетинговых коммуникаций, продуктов и предложений под индивидуальные характеристики, предпочтения и поведение конкретного потребителя. В условиях цифровой экономики персонализация становится одним из ключевых факторов повышения эффективности маркетинговой деятельности, поскольку позволяет компаниям формировать более релевантные и своевременные предложения. Использование технологий искусственного интеллекта значительно расширяет возможности персонализации за счёт обработки больших объёмов данных и выявления скрытых закономерностей в поведении клиентов.

Современные инструменты персонализации базируются на анализе различных типов данных, включая демографические характеристики, историю покупок, поведение пользователей на веб-сайтах и в мобильных приложениях, а также взаимодействие с цифровыми каналами коммуникации. Алгоритмы машинного обучения позволяют сегментировать аудиторию на более узкие группы и даже формировать индивидуальные предложения в режиме реального времени. Это способствует повышению точности маркетинговых воздействий и улучшению клиентского опыта.

Одним из наиболее распространённых инструментов персонализации являются рекомендательные системы, которые используются в электронной коммерции для предложения товаров и услуг на основе предыдущего опыта пользователя. Кроме того, широко применяются технологии динамического контента, позволяющие изменять содержание веб-страниц, рекламных объявлений и электронных писем в зависимости от характеристик конкретного пользователя. Персонализированный таргетинг в цифровой рекламе также играет важную роль, обеспечивая показ наиболее релевантных объявлений целевой аудитории.

Таблица 1. Инструменты персонализации в маркетинге с использованием ИИ

Инструмент персонализации	Используемые данные	Преимущества	Ограничения
Рекомендательные системы	История покупок, просмотры, клики	Повышение конверсии, рост среднего чека	Зависимость от качества и объёма данных
Email-персонализация	Поведение пользователя, демография	Увеличение открываемости и CTR	Риск избыточной персонализации
Персонализированный таргетинг	Онлайн-активность, интересы, cookies	Точность рекламных кампаний	Ограничения по конфиденциальности данных
Динамический контент	Поведение на сайте, предпочтения	Улучшение пользовательского опыта	Сложность внедрения и настройки
Чат-боты и виртуальные ассистенты	История взаимодействия, запросы пользователя	Оперативная коммуникация, снижение затрат	Ограниченность сценариев общения

Представленные инструменты демонстрируют, что использование искусственного интеллекта позволяет значительно повысить уровень персонализации маркетинговых коммуникаций. Однако эффективность их применения напрямую зависит от качества исходных данных, корректности алгоритмов и соблюдения этических норм обработки информации.

Персонализация маркетинга на основе искусственного интеллекта является важным направлением развития современных бизнес-практик. Она способствует не только повышению эффективности маркетинговых кампаний, но и формированию долгосрочных отношений с клиентами за счёт более глубокого понимания их потребностей и предпочтений. В то же время успешная реализация персонализации требует комплексного подхода, включающего технологические, организационные и правовые аспекты.

Практические кейсы использования искусственного интеллекта в маркетинге

Практическое применение искусственного интеллекта в маркетинге демонстрирует его значительный потенциал в повышении эффективности взаимодействия с потребителями и оптимизации бизнес-процессов. Внедрение ИИ-технологий осуществляется компаниями различных масштабов и отраслей, что свидетельствует о высокой универсальности данных решений. Анализ практических

кейсов позволяет выявить ключевые направления использования искусственного интеллекта, а также оценить его влияние на основные показатели маркетинговой деятельности.

Одним из наиболее распространённых направлений применения искусственного интеллекта является использование рекомендательных систем в электронной коммерции. Компании активно внедряют алгоритмы машинного обучения для анализа пользовательского поведения, включая историю покупок, поисковые запросы и взаимодействие с контентом. На основе этих данных формируются персонализированные предложения, способствующие увеличению вероятности совершения покупки. Практика показывает, что внедрение подобных систем приводит к росту конверсии, увеличению среднего чека и повышению уровня удержания клиентов.

В сфере цифровых сервисов и медиа-платформ искусственный интеллект используется для персонализации контента. Алгоритмы анализируют предпочтения пользователей, их активность и поведенческие паттерны, формируя индивидуальные рекомендации. Такой подход позволяет значительно повысить вовлечённость аудитории, увеличить время взаимодействия с платформой и укрепить лояльность пользователей. Персонализированные контентные стратегии становятся важным инструментом конкурентной борьбы в условиях насыщенного информационного пространства.

Существенное значение имеет применение искусственного интеллекта в области цифровой рекламы. Современные рекламные платформы используют алгоритмы предиктивной аналитики для автоматической оптимизации кампаний, сегментации аудитории и выбора наиболее эффективных каналов продвижения. Это позволяет не только повысить точность таргетинга, но и существенно снизить затраты на привлечение клиентов. В результате компании получают возможность более эффективно распределять маркетинговые бюджеты и достигать более высоких показателей возврата инвестиций.

Отдельным направлением является использование чат-ботов и виртуальных ассистентов, которые обеспечивают автоматизированное взаимодействие с клиентами в режиме реального времени. Такие решения применяются для обработки запросов, предоставления консультаций, сопровождения процесса покупки и решения

стандартных проблем. Их внедрение способствует повышению оперативности обслуживания, снижению нагрузки на персонал и улучшению общего клиентского опыта. В то же время эффективность подобных систем во многом зависит от качества алгоритмов обработки естественного языка и уровня их адаптации к потребностям пользователей.

Анализ практических кейсов показывает, что использование искусственного интеллекта в маркетинге позволяет компаниям достигать значительных конкурентных преимуществ за счёт повышения точности принимаемых решений и более глубокого понимания поведения потребителей. Вместе с тем успешная реализация ИИ-решений требует наличия качественных данных, развитой технологической инфраструктуры и соответствующих компетенций у персонала.

Практический опыт внедрения искусственного интеллекта подтверждает его важную роль в трансформации маркетинговой деятельности. Использование ИИ способствует повышению эффективности бизнеса и формированию более устойчивых отношений с клиентами, однако требует комплексного подхода и учёта возможных организационных и технологических ограничений.

Заключение

В ходе проведённого исследования было установлено, что использование искусственного интеллекта в маркетинге является одним из ключевых факторов повышения эффективности современной бизнес-деятельности. Развитие цифровых технологий и рост объёмов доступных данных способствуют активному внедрению ИИ-решений, позволяющих компаниям более точно анализировать поведение потребителей и формировать персонализированные предложения.

В рамках работы были рассмотрены теоретические основы применения искусственного интеллекта в маркетинге, включая основные технологии и их функциональные возможности. Особое внимание было уделено инструментам персонализации, которые позволяют адаптировать маркетинговые коммуникации под индивидуальные характеристики клиентов. Анализ показал, что использование алгоритмов машинного обучения, рекомендательных систем и предиктивной аналитики способствует значительному повышению точности маркетинговых воздействий и улучшению клиентского опыта.

Исследование также продемонстрировало, что применение искусственного

интеллекта для анализа поведения потребителей позволяет выявлять скрытые закономерности и прогнозировать будущие действия клиентов. Это создаёт условия для более обоснованного принятия управленческих решений и оптимизации маркетинговых стратегий. В результате компании получают возможность не только повышать эффективность рекламных кампаний, но и формировать долгосрочные отношения с потребителями.

Вместе с тем в работе были выявлены основные ограничения и риски, связанные с использованием искусственного интеллекта в маркетинге. К ним относятся проблемы конфиденциальности данных, этические аспекты, зависимость от качества исходной информации, а также необходимость значительных инвестиций в технологическую инфраструктуру и подготовку кадров. Указанные факторы требуют комплексного подхода к внедрению ИИ и разработки соответствующих механизмов регулирования.

Практические кейсы использования искусственного интеллекта подтвердили его высокую результативность в различных сферах маркетинговой деятельности. Было показано, что внедрение ИИ-решений способствует росту ключевых бизнес-показателей, включая конверсию, уровень удержания клиентов и эффективность использования маркетинговых ресурсов.

Таким образом, поставленная цель исследования, заключающаяся в анализе применения искусственного интеллекта в маркетинге с акцентом на персонализацию и изучение поведения потребителей, была достигнута. Полученные результаты подтверждают значимость ИИ как инструмента трансформации маркетинговой деятельности и формирования конкурентных преимуществ компаний.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на более глубокий анализ влияния искусственного интеллекта на поведение потребителей, разработку методов оценки эффективности ИИ-решений, а также изучение вопросов правового и этического регулирования их применения. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов при разработке и совершенствовании маркетинговых стратегий в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. — М.: Вильямс, 2021. — 1408 с.

2. Котлер Ф., Картайя Х., Сетиаван И. Маркетинг 5.0: Технологии следующего поколения. — М.: Эксмо, 2022. — 256 с.

3. Дэвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику. Преимущества и сложности. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — 314 с.

4. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2019. — 208 с.

5. Чаффи Д., Эллис-Чадвик Ф. Цифровой маркетинг: стратегия, внедрение и практика. — М.: Вильямс, 2022. — 648 с.

6. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. — 15-е изд. — СПб.: Питер, 2022. — 816 с.

7. Провост Ф., Фосетт Т. Data Science для бизнеса. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 336 с.

8. Нг Э. Машинное обучение: год спустя (Machine Learning Yearning). — DeepLearning.AI, 2018. — 118 с.

9. Олсон П. Превосходство: искусственный интеллект, ChatGPT и гонка, которая изменит мир — Pan Macmillan, 2024. — 336 с.

10. Курцвейл Р. Сингулярность ближе: когда мы сольёмся с искусственным интеллектом. — Penguin Books, 2024. — 419 с.

Голубев Владимир Геннадьевич
Golubev Vladimir Gennadievich
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

Дудчак Андрей Александрович
Dudchak Andrey Aleksandrovich
магистрант
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ РОБОТИЗИРОВАННОЙ АВТОМАТИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ (RPA) В УСЛОВИЯХ СЛОЖНЫХ ИТ-СРЕД

METHODOLOGICAL AND ARCHITECTURAL ASPECTS OF IMPLEMENTING ROBOTIC PROCESS AUTOMATION (RPA) IN COMPLEX IT ENVIRONMENTS

Аннотация. В статье рассматриваются методологические и архитектурные аспекты внедрения роботизированной автоматизации бизнес-процессов (Robotic Process Automation, RPA) в условиях сложных информационно-технологических сред. Произведен анализ влияния RPA на рабочие процессы организации, управляемость этих процессов и трансформацию организационной структуры.

Abstract. This article examines the methodological and architectural aspects of RPA implementation into complex IT environments. The article provides an analysis of RPA integration into enterprise workflows, management and organization structure.

Ключевые слова: RPA, роботизированная автоматизация бизнес-процессов, управляемость процессов, цифровая трансформация, организационная структура, корпоративная архитектура.

Keywords: RPA, robotic business process automation, process management, digital transformation, organization structure, corporate architecture.

Введение

В условиях нарастающей цифровизации экономики организации сталкиваются с необходимостью повышения эффективности операционной деятельности при одновременном усложнении информационно-технологической инфраструктуры. Для многих компаний характерно наличие сложной ИТ-среды, включающей унаследованные системы, современные облачные платформы, специализированные отраслевые приложения, а также множество слабо интегрированных цифровых сервисов (например, при миграции систем управления предприятием). Такая среда затрудняет реализацию автоматизации, поскольку традиционные подходы, основанные на глубокой системной интеграции, требуют значительных временных и финансовых затрат.

В этих условиях роботизированная автоматизация бизнес-процессов становится востребованным инструментом повышения производительности и снижения операционных издержек. Технологии RPA позволяют автоматизировать повторяющиеся регламентированные операции на уровне пользовательского интерфейса без необходимости существенной модификации базовых информационных систем [1]. Именно это свойство делает RPA особенно значимым в организациях с ИТ-ландшафтом, состоящим из множества различных модулей информационных систем.

Целью настоящей статьи является анализ методологических и архитектурных особенностей внедрения RPA в условиях гетерогенных ИТ-сред, а также выявление характера влияния роботизации на операционную устойчивость, управляемость процессов и трансформацию организационной структуры.

Теоретические основания применения RPA в корпоративной среде

Роботизированная автоматизация бизнес-процессов представляет собой технологический подход, в рамках которого программные агенты воспроизводят действия пользователя в информационных системах, выполняя операции по заранее заданному сценарию [2]. В отличие от традиционной автоматизации, ориентированной на модификации прикладных систем или разработку интеграционных решений, RPA основывается на имитации работы с интерфейсом приложений. Это обеспечивает сравнительно быстрый запуск автоматизированных сценариев и снижает порог входа для цифровизации фрагментированных процессов.

С теоретической точки зрения RPA занимает промежуточное положение между инструментальной автоматизацией и управлением бизнес-процессами. С одной стороны, она реализует автоматизацию человеческих действий, с другой – изменяет логику исполнения процессов, перераспределяя функции между человеком и цифровым роботом. Таким образом, роботизацию можно рассматривать не только как технологическое решение, но и как форму институционального изменения внутри организации.

Разнообразие платформ, форматов данных, интерфейсов и регламентов взаимодействия между системами создает условия, при которых классическая интеграция становится сложной и экономически нецелесообразной [2]. RPA в таких условиях выступает как компенсаторный механизм, временно или постоянно закрывающий разрывы между различными элементами ИТ-инфраструктуры. Вместе с

тем подобная функция RPA порождает и новые риски: зависимость от изменений интерфейсов, рост скрытой сложности автоматизированных цепочек, фрагментацию ответственности за поддержку роботизированных решений.

Следовательно, методология внедрения RPA должна учитывать двойственную природу этой технологии: как средства оперативной автоматизации и как фактора трансформации организационной архитектуры.

Методологические аспекты внедрения RPA

Методологически внедрение RPA начинается с идентификации процессов, пригодных для роботизации [1]. Наиболее перспективными являются процессы, обладающие высокой повторяемостью, стабильностью действий и значительной долей ручного труда. Важно также учитывать архитектурную связанность процесса, критичность для бизнеса, частоту изменений нормативных требований и зависимость от качества исходных данных.

Во-первых, роботизация должна рассматриваться не как автоматизация отдельных операций вне контекста, а как изменение архитектуры исполнения процесса в целом – роботизация отдельных фрагментов процессов без учета контекста их выполнения может приводить к ускорению отдельных этапов при сохранении или даже усилении узких мест в других частях процесса.

Вторым значимым принципом является приоритет стандартизации перед автоматизацией. Слабо стандартизированный, вариативный и плохо документированный процесс, будучи роботизированным, может только усилить влияние различных несовершенств на операционную деятельность и вместо разгрузки сотрудника добавить задач по поддержанию реализованного решения. Поэтому внедрение RPA должно сопровождаться предварительным созданием регламентов, уточнением правил исключений, унификацией входных данных и описанием сценариев отказа.

Третьим принципом выступает управление жизненным циклом роботов. Программный робот не является одноразовым инструментом – он представляет собой цифровой актив, требующий мониторинга, сопровождения, адаптации к изменениям внешней и внутренней среды, обновления в связи с модификацией интерфейсов и процессов [2]. Следовательно, методология внедрения должна включать механизмы тестирования, контроля версий, инцидент-менеджмента и оценки эффективности.

Наконец, необходимо подчеркнуть роль организационного управления внедрением. Роботизация затрагивает интересы различных участников: ИТ-службы, службы информационной безопасности, руководства и конечных пользователей. Отсутствие единого центра координации приводит к разрозненным инициативам, несогласованности стандартов и усложнению архитектурного ландшафта. В этой связи значимым инструментом становится создание центра компетенций RPA, обеспечивающего методическое сопровождение, типизацию решений, контроль качества и накопление практик.

Архитектурные аспекты RPA в сложной ИТ-среде

Архитектурное измерение внедрения RPA связано с вопросом о том, каким образом программные роботы встраиваются в уже существующую информационную структуру организации. В сложной ИТ-среде роботы взаимодействуют с различными компонентами информационной системы, многообразие которых может требовать выстраивания архитектуры роботизации не на уровне отдельных скриптов, а на уровне целостной платформенной модели.

С точки зрения корпоративной архитектуры RPA внедряется в управление приложениями, данными, доступом и событиями, в связи с чем отдельно должны быть проработаны вопросы безопасности – программные роботы получают доступ к различного рода данным, системам и учетным записям. Следовательно, архитектурно для программного робота должны быть предусмотрены функции как разделение прав и учетных данных, ведение журналов действий, механизмы аутентификации и аудита [1].

Дополнительную сложность представляет устойчивость роботов к изменениям интерфейсов и логики приложений. В отличие от API-интеграции, взаимодействие через пользовательский интерфейс чувствительно к изменениям экранных форм, кнопок, элементов навигации и последовательности действий. Поэтому архитектура роботизации должна включать средства мониторинга, автоматического оповещения об ошибках, среды тестирования и регламенты быстрого восстановления работоспособности.

Влияние RPA на операционную устойчивость

Операционная устойчивость организации определяется ее способностью сохранять непрерывность ключевых процессов, адаптироваться к внутренним и внешним изменениям, а также предотвращать или минимизировать последствия сбоев

[1]. Внедрение RPA может как усиливать, так и ослаблять эту устойчивость.

Положительное влияние связано прежде всего с исключением человеческих ошибок в повторяющихся операциях, сокращением времени выполнения задач, обеспечением круглосуточной обработки транзакций и снижением зависимости от ручного труда при пиковых нагрузках [1]. Однако, при отсутствии надлежащего архитектурного и управленческого обеспечения организация может столкнуться с новыми типами уязвимости. Например, сбой одного программного робота, встроенного в логику процесса, способен остановить этот процесс целиком. Аналогично изменение интерфейса внешней системы может привести к ошибкам обработки без выявления причин.

Таким образом, роботизация усиливает операционную устойчивость только при выполнении ряда условий: наличии отказоустойчивой архитектуры, механизмах резервирования, наличии процедур обработки исключений, системах мониторинга и подготовленном персонале. Существенную роль играет и классификация процессов по критичности. Не все процессы должны роботизироваться одинаковым образом; для наиболее значимых из них требуется более высокий уровень контроля, тестирования и резервирования.

Влияние RPA на управляемость процессов

Управляемость процессов связана с возможностью их наблюдения, измерения, корректировки и согласованного исполнения в соответствии с целями организации. На первый взгляд RPA усиливает управляемость, поскольку действия робота заранее определены, а последовательность операций может быть описана в логике сценария. Кроме того, роботизация способствует накоплению цифровых следов исполнения, что открывает возможности для последующего анализа.

Тем не менее реальное влияние RPA на управляемость зависит от качества управленческой модели внедрения. Если роботы создаются без единых стандартов описания процессов и механизмов отчетности, организация получает набор локальных автоматизаций, трудных для контроля и координации. В этом случае автоматизация не ведет к повышению управляемости, а переносит часть процессной логики из области человеческой практики в техническую среду.

Повышение управляемости достигается тогда, когда роботизация сопровождается процессной декомпозицией, определением метрик, формированием ответственности

владельцев процессов и интеграцией данных о работе роботов в контур управленческой аналитики. В результате руководство получает возможность контролировать не только факт выполнения операций, но и отклонения, причины задержек, качество данных и точки возникновения исключений.

Следовательно, RPA может рассматриваться как инструмент повышения процессной дисциплины, но только при условии, что роботизированные сценарии встроены в систему корпоративного управления, а не существуют как автономные технические решения.

Трансформация организационной структуры под воздействием RPA

Внедрение RPA оказывает заметное влияние на организационную структуру. Прежде всего трансформируется содержание труда. Сотрудники освобождаются от части рутинных операций и смещают акцент на контроль исключений, анализ нестандартных ситуаций, интерпретацию данных и взаимодействие с клиентами или партнерами [2]. Это означает не столько сокращение роли человека, сколько ее качественное изменение.

На структурном уровне возникает потребность в новых ролях: архитектор роботизации, аналитик процессов, разработчик роботов, специалист по сопровождению, владелец роботизированного процесса, координатор центра компетенций. Одновременно пересматриваются границы между ИТ-подразделением и бизнес-функциями. Если ранее автоматизация воспринималась как исключительно ИТ-задача, то в случае RPA бизнес-подразделения становятся активными участниками проектирования и разработки.

Кроме того, роботизация влияет на систему власти и ответственности в организации. Решения, ранее принимаемые на уровне линейного исполнения, частично фиксируются в алгоритмической логике. Одновременно возрастает роль тех подразделений, которые способны описывать, измерять и оптимизировать процессы. В результате организационная структура постепенно смещается в сторону большей процессной зрелости и цифровой управляемости.

Заключение

Роботизированная автоматизация бизнес-процессов в условиях сложных ИТ-сред представляет собой не только технологический инструмент ускорения рутинных операций, но и фактор системной трансформации организации. Ее внедрение

затрагивает одновременно три взаимосвязанных уровня: методологический, архитектурный и организационный.

На методологическом уровне ключевое значение имеют корректный выбор процессов, их предварительная стандартизация, управление жизненным циклом роботов и наличие единой модели координации внедрения. На архитектурном уровне критичны совместимость с корпоративной ИТ-инфраструктурой, разграничение ролей RPA и других средств интеграции, обеспечение безопасности, мониторинга и отказоустойчивости. На организационном уровне RPA изменяет содержание труда, перераспределяет ответственность, стимулирует развитие процессного управления и требует формирования новых компетенций.

Влияние RPA на операционную устойчивость и управляемость процессов носит неоднозначный характер. Роботизация способствует стандартизации операций, снижению ошибок, повышению устойчивости исполнения. При фрагментарном и технологически изолированном внедрении она, напротив, может усиливать скрытую сложность, порождать новые уязвимости и снижать управляемость.

Следовательно, эффективное внедрение RPA возможно лишь в рамках комплексной стратегии цифровой трансформации, в которой роботизация рассматривается как элемент корпоративной архитектуры и организационного развития, а не как автономный инструмент локальной автоматизации. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой моделей оценки зрелости RPA, анализом гибридных архитектур автоматизации и изучением долгосрочных последствий роботизации для организационного дизайна и управленческих практик.

Литература:

1. Роботизация бизнес-процессов (RPA): учебник / А. М. Нечаев, Е. Н. Токмакова, Н. Н. Прокимнов [и др.]; под редакцией А. М. Нечаева. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2026. — 470 с. — ISBN 978-5-4497-5430-1. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/160597.html (дата обращения: 21.04.2026). — Режим доступа: для авторизир. пользователей

2. Разработчик RPA. [Электронный ресурс] Вводный курс по RPA – URL: https://academy.pix.ru/course/view.php?id=58 (дата обращения: 19.01.2026) – Режим доступа: для авторизир. пользователей

Седова Валерия Сергеевна
Sedova Valeria Sergeevna
студент бакалавриата направления рекламы и связи с общественностью
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

PR-СТРАТЕГИЯ МОДНОГО ДОМА VIVIENNE WESTWOOD КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА БРЕНДА

PR STRATEGY OF THE VIVIENNE WESTWOOD FASHION HOUSE AS A TOOL FOR BRAND IMAGE FORMATION

Аннотация. В статье раскрываются особенности PR-стратегии бренда Vivienne Westwood и её влияние на формирование имиджа; анализируются основы PR, специфика коммуникаций в моде, роль провокации, активизма и личного бренда дизайнера; рассматриваются ключевые PR-кампании и их влияние на аудиторию. Показано, что сочетание эпатажа, ценностного позиционирования и визуальной выразительности формирует устойчивый имидж и поддерживает медийный интерес; сделан вывод о том, что провокация при наличии идеологической основы является эффективным инструментом коммуникационной стратегии.

Abstract. The article examines the PR strategy of Vivienne Westwood and its impact on brand image. It analyzes public relations theory, fashion communication specifics, and the role of provocation, activism, and the designer's personal brand. The study shows that combining provocation, values, and visual expression helps create a strong and recognizable image and maintain media attention.

Ключевые слова: PR-стратегия, имидж бренда, модная индустрия, репутация бренда, Vivienne Westwood.

Keywords: PR strategy, brand image, fashion industry, brand reputation, Vivienne Westwood.

В современной модной индустрии бренд определяет не только его продукт, но и система ценностей, общественные позиции и идеи, транслируемые через коммуникации. Важную роль в конкурентной среде играет PR-стратегия, формирующая репутацию и узнаваемость бренда.

Актуальность исследования заключается в использовании коммуникаций: провокации, персонализации и социальных инициатив. Модный дом Vivienne Westwood позволяет проанализировать и разобраться во влиянии этих инструментов на восприятие бренда.

PR - система коммуникаций между организацией и ее аудиторией, направленная на формирование доверия и репутации. В отличие от рекламы, PR ориентирован на долгосрочное взаимодействие и создание позитивного образа [1с. 44].

Основной результат PR - имидж бренда, формирующийся через ассоциации и

эмоции с помощью мероприятий, медиаактивности, коллабораций и общественной деятельности.

Коммуникационная стратегия транслировать свои ценности и поддерживать репутацию на рынке. В современной индустрии моды PR играет особую роль, поскольку восприятие бренда строится на символическом содержании. Используются показы, сотрудничество с инфлюэнсерами и социальные кампании.

Формирование ценностного имиджа связано с прямым выражением социальных, экологических или культурных ценностей. Политический имидж бренда возникает при честном высказывании по общественно значимым, что действительно усиливает эмоциональную связь с аудиторией.

Живым примером является бренд Vivienne Westwood, сочетающий моду, социальный активизм и провокационные коммуникации, используя уникальный язык бренда и узнаваемый имидж.

PR в модной индустрии основан на визуальности, внимании СМИ и символическом значении. Коммуникации нацелены на продвижение продукта и на создание культурного образа одновременно [2с. 364].

Показы коллекций и мероприятия - ключевые инструменты PR, привлекающие внимание медиа и усиливая узнаваемость. С развитием цифровых технологий социальные сети и онлайн-медиа стали основными проводниками коммуникации, которые взаимодействуют с аудиторией и создают вирусный эффект. Это помогает PR-коммуникациям стать живее и больше сосредоточиться на общении с потребителями [2с. 365].

Современной тенденцией является развитие ценностного брендинга. Большинство брендов пытаются сформировать эстетически привлекательный и идеологический образ. Не малую роль в модной индустрии играет и участие в экологических и благотворительных проектах.

Одна из ключевых характеристик PR - связь бренда с образом дизайнера. Его взгляды и позиции влияют на восприятие бренда. Так, Vivienne Westwood использует сочетание социального активизма и провокаций, что помогает сохранять медийный интерес и формировать имидж модного дома.

История модного дома напрямую связана с эволюцией панк-культуры и протестных движений в обществе. Это во многом отразило дальнейшие действия

коммуникационной стратегии [4с. 480].

Дизайнер Vivienne Westwood, основательница бренда, совместно с музыкантом и продюсером Malcolm McLaren открыла свой первый бутик на улице King's Road в Лондоне в 1971 году. Он стал центром развития панк-культуры. Одежда, которую создавала дизайнер в этот период, выделялась своей смелостью и провокационностью, использованием нестандартных и грубых материалов, агрессивной символики и элементов уличной моды. Она буквально передавала дух протеста, бросая вызов общественным нормам. Это способствовало развитию визуального стиля панк-движения в 70-е, а также привлекло внимание общественности.

В 1980-е годы бренд интегрировался в мировую модную индустрию, отходя от субкультурных начинаний. В коллекциях просматривались элементы исторических костюмов, британских традиций и авангарда. Бренд сумел сохранить свой вызывающий стиль, поскольку это стало важной частью имиджа. А эпатажные показы, нестандартные рекламные кампании и скандальные высказывания со стороны дизайнера привлекали внимание СМИ.

С 2000-х годов стратегия бренда связана с социальными и экологическими вопросами. Vivienne Westwood выступала против чрезмерного потребления, обращая внимание на климатические проблемы. Эти идеи находили отражение в коллекциях и кампаниях бренда. Скандалы и яркая позиция стали частью имиджа бренда, формируя его уникальный и узнаваемый образ в модной индустрии.

Говоря о самых запоминающихся кейсах, вспоминается коллекция Bondage, созданная Vivienne Westwood и Malcolm McLaren. Одежда с бондажами, корсетами, ремнями и дерзкими надписями отсылала к панк-культуре. Этот дизайн стал скандальной феерией и нарушал привычные представления о моде. Несмотря на критику, эта провокация привлекла СМИ и выделила бренд среди лидеров. Коллекция стала сильным информационным поводом, ассоциирующим бренд со свободой самовыражения, протестом и антисистемной культурой.

В отличие от разовых эпатажных акций, характерных для многих модных домов, провокация здесь выступает инструментом создания общественного дискурса. Примером служит футболка с лозунгом «I am not a terrorist don't arrest me», протест против миграционной политики и реакции на рост страхов. Кейс показывает, как бренд сознательно работает на грани социального конфликта, переводя актуальную тему в

пространство моды.

Эпатаж привлекает внимание и служит критикой социальных норм. Благодаря резкой формулировке и прямолинейности бренд провоцирует реакцию - поддержку или неприятие. Этот раскол и создает медийный эффект: чем выше общественное напряжение, тем шире распространение. Именно так провокация превращается в управляемый коммуникационный ресурс [3с. 122].

В 2000-х стратегия эволюционирует, сохраняя дерзость, но приобретая ценностную направленность. Инициатива Climate Revolution привлекала внимание к изменению климата и чрезмерному потреблению. В отличие от обычных экологических кампаний, она интегрировалась в визуальный язык бренда. Vivienne Westwood публично выступала, организовывала акции и использовала показы коллекций для распространения ее идей. Все превращалось в перформансы, где одежда передавала политические и экологические сообщения дизайнера.

В Climate Revolution мода перестает быть эстетической категорией, превращаясь в форму социального высказывания. Лозунги и принты становятся частью более широкой идеологической конструкции, где потребление - это этический выбор.

Образ основательницы бренда построен на интеллектуальном радикализме и художественной смелости. В отличие от многих дизайнеров, избегающих политической темы, она сознательно вовлекается в неё и использует бренд как платформу для выражения мнений. Её стиль - форма сопротивления, где эпатаж служит языком критики.

Анализируя, PR-стратегия бренда основана на сочетании трёх элементов: провокации, ценностного позиционирования и визуальной выразительности. Провокация привлекает внимание и вызывает медиарезонанс, ценностная составляющая формирует доверие и лояльность аудитории, а визуальный язык закрепляется на уровне восприятия. Эта связка элементов позволяет бренду успешно работать в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

PR-стратегия бренда Vivienne Westwood демонстрирует высокую эффективность, проявляющуюся в устойчивом имидже и четкой дифференциации на рынке. В условиях высокой конкуренции бренд занимает нишу, где мода сочетается с активизмом и культурной критикой, что позволяет ему выходить за рамки традиционного восприятия модного дома. Одной из ключевых сильных сторон стратегии является ее

идеологическая целостность. Vivienne Westwood отражает последовательность и глубину в проработке экологических и политических тем и социальной справедливости. Это снижает уровень скепсиса у аудитории и укрепляет доверие. А личный бренд дизайнера усиливает аутентичность, являясь ядром бренда [5].

Тем не менее, высокая провокационность и интерес к политике могут приводить к поляризации аудитории. Часть людей воспринимает такие высказывания как радикальные или навязчивые. Акцент на идеологии может отбивать внимание от продукта, смещая его в фокус обсуждения.

Исследование демонстрирует, что PR-стратегия Vivienne Westwood играет ключевую роль в формировании имиджа бренда. Эволюция от панк-культуры 1970-х годов до сегодняшнего времени выражает сохранение бунтарства и дерзости, невзирая на усложнение коммуникаций.

Сперва провокация служила эстетическим шоком, а позже превратилась в способ социального и политического высказывания, что помогло бренду привлекать внимание и влиять на общественные дискуссии.

Vivienne Westwood - бренд, где мода становится формой выражения культурного кода и идеологии. Эпатаж и провокации вполне могут служить инструментами привлечения внимания и стратегического позиционирования. Многолетний опыт бренда демонстрирует, что при наличии чётких ценностей и сильного личного бренда такие методы помогают создать устойчивый имидж.

Полученные результаты полезны при разработке PR-стратегий, ориентированных на создание эмоционально насыщенного и идеологически выверенного образа бренда.

Литература:

1. Баранов Г.В. Функции связи с общественностью [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. 2016. №7. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-svyazi-s-obschestvennostyu (дата обращения: 20.03.2026).

2. Калаушина А.Р. Стратегия продвижения в области моды [Электронный ресурс] // Теория и практика современной науки. 2017. №6 (24). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-prodvizheniya-v-oblasti-mody (дата обращения: 20.03.2026).

3. Конева А.В. Креативное и социальное воображение в мире моды [Электронный ресурс] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. №12. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnoe-i-sotsialnoe-voobrazhenie-v-mire-mody (дата обращения: 20.03.2026).

4. Рябова А.О. Классификация этических кризисов в fashion-индустрии [Электронный ресурс] // МНКО. 2021. №4 (89). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-eticheskih-krizisov-v-fashion-industrii (дата обращения: 20.03.2026).

5. Шевченко Д.А. Продвижение брендов в фэшн-индустрии средствами связей с общественностью часть 2. Инструменты продвижения брендов модных домов [Электронный ресурс] // Практический маркетинг. 2014. №6 (208). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-brendov-v-feshn-industrii-sredstvami-svyazey-s-obschestvennostyu-chast-2-instrumenty-prodvizheniya-brendov-modnyh-domov (дата обращения: 20.03.2026).

Лаврова Вероника Эдуардовна
Lavrova Veronika Eduardovna
студентка направления судебно-прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

научный руководитель
Сирик Наталия Валериевна
Sirik Natalia Valerievna
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В БИЗНЕСЕ

KEY PROBLEMS OF TRADEMARK ENFORCEMENT IN BUSINESS

Аннотация. Статья посвящена ключевым проблемам правоприменения товарных знаков в бизнесе. Актуальность настоящего исследования определяется возрастанием их роли в сфере предпринимательства. В условиях цифровой экономики и конкуренции товарный знак стал значимым нематериальным активом, который влияет на репутацию и доверие потребителей. Целью работы является выявление основных проблем правоприменения товарных знаков и их системный анализ. В статье рассматриваются проблемы: оценка сходства до степени смешения, злоупотребление правом в форме патентного троллинга, а также доказывание фактического использования товарного знака. По каждой из проблем предложены конкретные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Особое внимание уделяется анализу правовых позиций Верховного Суда РФ.

Abstract. The article is devoted to the key problems of trademark enforcement in business. The relevance of this study is determined by the increasing role of trademarks in the field of entrepreneurship. In the context of the digital economy and competition, trademarks have become significant intangible assets that affect the reputation and trust of consumers. The purpose of this work is to identify the main problems of trademark enforcement and provide a systematic analysis of them. The article discusses the following issues: assessing the degree of confusion, abuse of rights in the form of patent trolling, and proving the actual use of a trademark. For each of the problems, specific directions for improving legislation and law enforcement practice are proposed. Special attention is paid to the analysis of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: товарный знак, правоприменение, интеллектуальная собственность, средство индивидуализации, судебная практика, недобросовестная конкуренция, сходство до степени смешения, патентный троллинг, досрочное прекращение правовой охраны.

Keywords: trademark, law enforcement, intellectual property, means of individualization, judicial practice, unfair competition, and confusion, patent trolling, early termination of legal protection.

В условиях развития рыночных отношений товарные знаки приобретают экономическую и правовую значимость в сфере бизнеса, так как выступают в качестве

средства индивидуализации товаров и услуг. Они выполняют ряд значимых функций: дифференцируют продукт на конкурентном рынке, формируют устойчивые ассоциации с качеством, стилем, ценностями компании, а также способствуют формированию репутации. Часть 1 статьи 1477 ГК РФ закрепляет, что под товарным знаком следует понимать обозначение, служащее для индивидуализации товаров и услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, на которое признаётся исключительное право, удостоверяемое свидетельством. [1]

Актуальность данной темы возрастает в связи с ростом количества заявок на регистрацию товарных знаков в Роспатенте. По данным агентства число заявок в 2025 году возросло до 156 тысяч. При этом ранее ведомство ежегодно фиксировало около 60-70 тысяч заявок. Такой рост объясняют развитием бизнеса и уходом с рынка международных компаний, а также разрешением в 2023 году регистрировать свои товарные знаки физическим лицам и самозанятым. [2] Увеличение числа регистраций товарных знаков создаёт потенциал для роста судебных споров, формирует новые правовые и экономические риски. Цель работы - выявить и проанализировать ключевые проблемы правоприменения товарных знаков в сфере бизнеса, а также предложить их решение.

Для выявления и рассмотрения ключевых проблем правоприменения товарных знаков в сфере бизнеса необходимо перейти к детальному анализу спорных ситуаций, возникающих в судебной практике последних лет.

1.Проблема оценки сходства до степени смешения.

Суть заключается в высокой степени сходства обозначения нового бренда с уже охраняемым товарным знаком. Последствием такой коллизии являются заблуждение потребителей относительно производителя и создание недобросовестной конкуренции.

Законодательство запрещает регистрацию обозначений, сходных до степени смешения с уже существующими товарными знаками. На практике в связи с применением данной правовой нормы возникают противоречия.

Одной из ключевых выступает сложность в оценке сходства до степени смешения, обусловленная многоаспектностью критериев сравнения и субъективностью восприятия потребителем. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда №10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”:“Установление сходства осуществляется судом по результатам сравнения

товарного знака и обозначения (в том числе по графическому, звуковому и смысловому критериям) с учётом представленных сторонами доказательств по своему внутреннему убеждению. При этом суд учитывает, в отношении каких элементов имеется сходство - сильных или слабых элементов товарного знака и обозначения”. [3] Данный подход вызывает неоднозначность в судебной практике и обусловливает противоречивость подходов к оценке сходства обозначений. Впоследствии это создает существенные риски для субъектов предпринимательской деятельности: финансовые убытки, правовая неопределённость, сложности в планировании вывода нового товара на рынок.

В одном деле суд признаёт товарные знаки сходными, в другом - нет, обосновывая разное общее впечатление.

Понятие однородности товаров также остаётся спорным. Основные критерии оценки однородности: род и вид товаров, их назначение и область применения, вид материала, из которого они изготовлены, круг потребителей, условия сбыта продукции, взаимодополняемость или взаимозаменяемость товаров. По мнению М.А. Конопленко, “больше споров возникает по причине того, что вывод об однородности делается на основании внутреннего убеждения сторон, судей или экспертного административного органа, то есть на основании их субъективной оценки”. [4] Законодательство и рекомендации Роспатента содержат ключевые положения, которые призваны согласовать подход к оценке однородности, однако на практике субъективность остаётся действительно неизбежным элементом. Указанные обстоятельства приводят к отсутствию единообразия в решениях по схожим делам, зависимости спора от индивидуального восприятия, сложностям в прогнозировании исхода судебных разбирательств для бизнеса.

Решение обозначенной проблемы представляется возможным посредством разработки и утверждения на уровне Роспатента методических рекомендаций, по оценке сходства товарных знаков до степени смешения. Данные указания должны содержать формализованные критерии и иллюстрирующие их примеры из правоприменительной практики. Дополнительным инструментом может выступить создание открытой базы данных судебных решений по делам о сходствах с возможностью поиска по обозначениям и классам Международной классификации товаров и услуг.

2. Злоупотребление правом: патентный троллинг.

Существенным вызовом в сфере правоприменения товарных знаков в сфере бизнеса выступает “патентный троллинг”, который представляет собой комплексное социально-правовое явление, тесно связанное с злоупотреблением права с целью извлечения экономической выгоды.

Описанный выше феномен появился в России в конце 90-х - начале 2000-х годов. Несмотря на то, что он присутствует в судебной практике давно не сформировалось точного доктринального и нормативного определения этого понятия, что создаёт правовую неопределённость. Патентный троллинг представляет собой регистрацию товарных знаков не для их фактического использования, а для последующего предъявления исков добросовестным предпринимателям.

Верховный суд РФ в пункте 2 “Обзора судебной практики по делам, связанным оценкой действий правообладателей товарных знаков” от 15.11.2023 года отметил: “Приобретение лицом права на товарный знак с намерением предъявления исков к добросовестным участникам гражданского оборота о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на данный товарный знак в отсутствие экономического интереса и цели использовать товарный знак как средство индивидуализации признаётся злоупотреблением и недобросовестным поведением”.[5] Несмотря на данную позицию, патентный троллинг сохраняется ввиду сочетания формальной законности действий недобросовестных субъектов, сложностей доказывания злоупотребления правом, экономических стимулов и особенностей рынка.

Одним из наиболее резонансных примеров патентного троллинга в Российской Федерации выступает деятельность предпринимателя из Уфы Азамата Ибатуллина. В качестве обозначений были общеупотребительные слова и фразы, не обладающие высокой различительной способностью. Впоследствии данные обозначения послужили поводами для множественных судебных исков к компаниям, которые честно использовали такие знаки в своей деятельности.

Следует отметить, что не все судебные разбирательства заканчивались в пользу бизнесмена. В ряде случаев суды отказывали в удовлетворении исковых требований, признавая действия заявителя злоупотреблением правом. Показательный пример - дело ИП Ибатуллина А.В. Против ООО “Технология”. Истец, владея товарным знаком “ТРОПА”, требовал запретить использовать сходное обозначение для торгового объекта. Суд отказал в удовлетворении иска, мотивируя отсутствием фактического

использования и нарушением основной функции товарного знака, системным характером действий истца, злоупотреблением права. [6]

Правовая оценка зависит от обстоятельств дела. Суды квалифицируют действия, связанные с патентным троллингом, чаще всего как злоупотребление правом в соответствии со статьёй 10 ГК РФ. Норма применяется судом общей юрисдикции или арбитражным судом в рамках конкретного спора между правообладателем и ответчиком.

В отдельных случаях возможно применение статьи 14.4. Федерального закона “О защите конкуренции” от 26.07.2006 года №135-ФЗ, предусматривающей административную процедуру, которая выражается в вынесении антимонопольным органом предписания о прекращении недобросовестной конкуренции. Указанный публично-правовой механизм демонстрирует повышенную эффективность при массовой регистрации знаков, создающей искусственные барьеры для доступа хозяйствующих субъектов на товарный рынок.

Противодействие практике патентного троллинга может быть обеспечено посредством внесения изменений в действующее законодательство, а именно: закрепления легального определения либо дополнения статьи 10 ГК РФ положениями о недопустимости регистрации товарных знаков в количестве, заведомо превышающем потребности реальной экономической деятельности лица. Целесообразно установить требования о декларировании намерения использовать товарный знак при подаче заявки на регистрацию. В качестве обеспечительной меры предусмотреть возможность досрочного прекращения охраны при предоставлении заявителем ложных сведений.

3. Проблема доказывания использования товарного знака.

Проблема правоприменения товарных знаков в сфере бизнеса, связанная с фактическим неиспользованием зарегистрированного обозначения, сопряжена с риском досрочного прекращения правовой охраны. Это регулируется статьёй 1486 ГК РФ, однако из-за неоднозначности применения нормы возникают споры, связанные с доказыванием использования товарного знака.

С одной стороны, норма выступает как санкция за экономическую пассивность правообладателя и стимулирует фактическое использование средств индивидуализации в гражданском обороте. С другой стороны, она обеспечивает оптимизацию реестра путём исключения неиспользуемых обозначений, снимая ограничения для регистрации

сходных знаков добросовестными субъектами.

По закону правообладатель, в отношении которого запущен механизм досрочного прекращения, сам обязан обосновывать использование. Он должен предоставить убедительные сведения, подтверждающие применение знака в отношении конкретных товаров и услуг. Закон требует доказательства, но не даёт исчерпывающего перечня того, что можно считать таковым.

Предприниматели зачастую отождествляют процесс производства товаров с использованием товарных знаков, тогда как юридически необходимо введение в гражданский оборот. Для подтверждения ввода в товарооборот подходят документы, подтверждающие поставки, а также договоры с другими компаниями. При этом поставки между организациями, которые связаны друг с другом с помощью контроля, владения или финансовых отношений, не принимаются судом в качестве доказательства.

Согласно пункту 166 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”: “ Для сохранения правовой охраны товарного знака правообладатель должен доказать фактическое (не мнимое) использование товарного знака в отношении каждого товара, для которого зарегистрирован товарный знак и по которому истец доказал свою заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования, в том виде, в котором эти товар или услуга названы в свидетельстве на товарный знак.”[3] Правообладатель обязан предоставить доказательства использования обозначения, что требует детального учёта и сохранения документации, строгого соответствия виду продукции, указанному в регистрации. Указанные обстоятельства повышают нагрузку на предпринимателя и могут стать препятствием для сохранения правовой охраны, особенно в случаях, когда использование было нерегулярным или не документировалось в надлежащем порядке.

Непредоставление доказательств использования товарного знака порождает утрату правовой охраны, что влечёт потерю исключительного права, возможность свободного использования обозначения, финансовые и репутационные риски.

Сложности доказывания использования товарных знаков связаны с субъективностью оценки, а также неоднозначностью критериев, что создает трудности в эффективности применения норм. Суды редко признают использование, если товар

введён в оборот однократно или на незначительную сумму. При этом действующее законодательство не устанавливает минимального количественного или стоимостного порога для такого признания.

Данную проблему предоставляется возможным решить посредством законодательного установления минимального порога объёма использования товарного знака (например, не менее двух независимых поставок в течение трехлетнего периода на сумму не менее 50 тысяч рублей). Дополнительно можно признать допустимыми доказательствами поставки между аффилированными лицами при условии подтверждения последующего выхода товара в оборот к независимому приобретателю.

Таким образом, рассмотренные проблемы правоприменения товарных знаков в сфере бизнеса и проведённый анализ являются актуальными на сегодняшний день в связи с развитием рыночных отношений и ростом числа регистраций обозначений. Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере охраны товарных знаков и дальнейшего развития судебной практики в данной области, что позволит обеспечить эффективную защиту прав предпринимателей и потребителей. Указанные проблемы создают существенные предпринимательские риски, выражающиеся в вынужденном перераспределении ресурсов компаний в пользу судебной защиты, а не развития бизнеса. Кроме того, они связаны с репутационными рисками, способными негативно повлиять на восприятие потребителей. Предложенные в настоящей работе направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики при их реализации способствуют минимизации уровня правовой неопределённости, а также обеспечат баланс интересов правообладателей и добросовестных предпринимателей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 21.10.1994 №51-ФЗ//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: СПС «Консультант Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.03.2026)

2. Число заявок на товарные знаки достигло рекорда. - URL: https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/09-02-2026-chislo-zayavok-na-tovarnye-znaki-dostiglo-rekorda (дата обращения: 06.03.2026)

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”///Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: СПС «Консультант Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 27.03.2026)

4. Конопленко М.А., Комаровская О.И. Об изменении подходов к определению однородности товаров и услуг// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. N 1 (47). С. 108-120. URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1794122/ (дата обращения: 27.03.2026)

5. “Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков” (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023)//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: СПС «Консультант Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/(дата обращения: 27.03.2026)

6. Апелляция оставила в силе решение суда об отказе в иске «патентного тролля» Азамата Ибатуллина к столичному ТЦ «Тропа». URL: https://national-expertise.ru/blog/9aas-ibatullin-tehnologiya/ (дата обращения: 27.03.2026)

Бобровская Анна Николаевна
Bobrovskaya Anna Nikolaevna
магистрант
кафедра юриспруденции
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет»
e-mail: a_ministreliya@mail.ru

ВИНДИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ТЕОРИЯ

VINDICATION IN THE SYSTEM OF PROPERTY LAW METHODS OF PROTECTING RIGHTS TO REAL ESTATE: THEORY

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам виндикации как вещно-правового способа защиты права собственности на недвижимое имущество. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимися в судебной практике проблемами разграничения виндикационного и обязательственно-правовых исков, а также неоднозначным толкованием условий истребования недвижимости у добросовестного приобретателя. В работе анализируются признаки виндикации, её соотношение с негаторным и кондикционным исками, критерии добросовестности владения. Основные выводы: виндикация сохраняет самостоятельное значение при выбытии имущества помимо воли собственника; ключевым критерием является наличие титула собственности у истца и фактического владения у ответчика. Предлагается уточнить подход к исчислению сроков исковой давности по виндикационным спорам в отношении недвижимости.

Abstract. The article is devoted to the theoretical aspects of vindication as a property-law method of protecting ownership rights to real estate. The relevance of the study is due to the ongoing problems in judicial practice concerning the distinction between vindication and obligatory claims, as well as the ambiguous interpretation of the conditions for reclaiming real estate from a bona fide purchaser. The paper analyzes the features of vindication, its correlation with negatory and condiction claims, and the criteria of good faith possession. The main conclusions are as follows: vindication retains its independent significance when property is disposed of against the owner’s will; the key criteria are the plaintiff’s ownership title and the defendant’s actual possession. It is proposed to clarify the approach to calculating limitation periods for vindication disputes concerning real estate.

Ключевые слова: виндикация, вещно-правовая защита, недвижимое имущество, добросовестный приобретатель, истребование имущества, право собственности, исковая давность.

Keywords: vindication, property-law protection, real estate, bona fide purchaser, reclaiming property, ownership right, limitation period.

1. Понятие и место виндикации в системе вещно-правовых способов защиты

В системе вещно-правовых способов защиты права собственности виндикационный иск занимает центральное место, поскольку направлен на восстановление владения утраченной вещью в натуре. В отношении недвижимого

имущества виндикация обладает существенной спецификой, обусловленной государственной регистрацией прав, длительностью судебных споров и участием добросовестных приобретателей. Несмотря на легальное закрепление ст. 301–302 Гражданского кодекса РФ, теория и практика до сих пор не выработали единого подхода к разграничению виндикации и обязательственных требований, особенно в случаях, когда между сторонами существовали договорные отношения.

В науке гражданского права традиционно выделяют два основных признака виндикации: во-первых, истец должен быть собственником или иным титульным владельцем; во-вторых, ответчик фактически владеет имуществом без законного основания. При истребовании недвижимости дополнительным условием является отсутствие государственной регистрации права ответчика, если таковая противоречит воле собственника. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, виндикация недвижимости возможна и при наличии записи в ЕГРН за ответчиком, если такая запись возникла вследствие незаконного отчуждения [3, с. 127].

2. Соотношение виндикации с иными способами защиты (негаторный иск, кондикция, признание права)

Особую сложность представляет соотношение виндикации с иском о признании права собственности и с кондикционным иском. По общему правилу, если имущество находится в чужом незаконном владении, приоритет имеет виндикация, а не признание права. Однако в случае, когда недвижимость выбыла из владения собственника и многократно перепродавалась, суды нередко отказывают в виндикации при наличии добросовестного приобретателя, ссылаясь на абз. 2 п. 2 ст. 223 ГК РФ. Здесь возникает теоретическая проблема: добросовестность приобретателя не должна автоматически блокировать виндикацию, если выбытие произошло помимо воли собственника (например, при подлоге документов или утрате свидетельства).

Анализ судебной практики (постановления Пленума ВС РФ № 10 Плнеум ВАС РФ №22 от 29.04.2010) показывает, что суды не всегда последовательно разграничивают виндикацию и негаторный иск. Негаторный иск применим, когда собственник сохраняет владение, но ему чинятся препятствия в пользовании. Виндикация же предполагает утрату владения. Между тем, применительно к недвижимости грань стирается: например, если в квартире проживают третьи лица без правоустанавливающих документов, но собственник формально не утратил ключи,

некоторые суды ошибочно отказывают в виндикации, предлагая негаторный иск, что ведёт к невозможности выселения. В контексте кондикционных обязательств (гл. 60 ГК РФ) виндикация отличается тем, что целью является возврат имущества в натуре, а не компенсация стоимости.

3. Проблема добросовестности приобретателя недвижимости и выбытия помимо воли

Критерий добросовестности приобретателя недвижимости также нуждается в уточнении. По смыслу п. 1 ст. 302 ГК РФ, добросовестным признаётся приобретатель, который не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения. Применительно к недвижимости проявление должной осмотрительности предполагает проверку истории переходов права, наличия притязаний третьих лиц, осмотр объекта. Вместе с тем, в отличие от движимых вещей, недвижимость имеет публичный реестр, что, казалось бы, снижает риски. Однако практика знает случаи, когда добросовестный приобретатель не мог проверить подлинность документов ввиду подлогов со стороны нотариуса или регистратора. В таких случаях справедливость требует ограничить виндикацию, даже если собственник не давал согласия на выбытие.

Дополнительной проблемой является толкование категории «выбытие помимо воли собственника». В doctrine и судебных актах сложились два подхода: узкий (недействительность сделки вследствие порока воли, кража, утеря) и широкий (любое выбытие без осознанного волеизъявления, включая подписание документов под влиянием обмана). Представляется обоснованным широкий подход, поскольку иначе добросовестный приобретатель получает чрезмерную защиту в ущерб первоначальному собственнику, который может быть юридически неграмотным лицом.

4. Государственная регистрация прав на недвижимость как фактор виндикационного процесса

Государственная регистрация прав в ЕГРН вносит публично-правовой элемент в виндикацию. В отличие от движимых вещей, где владение является основным критерием, для недвижимости юридическая судьба объекта во многом определяется записью. Возникает вопрос: может ли виндикационный иск быть удовлетворён при наличии зарегистрированного права собственности за ответчиком? По смыслу п. 52 постановления Пленума № 10/22, ответ на этот вопрос положителен, если запись внесена на основании ничтожной сделки или без законных оснований. Однако на

практике суды нередко отказывают в виндикации именно из-за регистрации, предлагая истцу оспаривать зарегистрированное право в отдельном производстве. Это ведёт к нарушению принципа процессуальной экономии и затягиванию споров на годы.

С теоретической точки зрения, виндикация недвижимости должна автоматически влечь аннулирование записи о праве ответчика при удовлетворении иска. Законодателю следовало бы прямо закрепить в ст. 302 ГК РФ норму о том, что решение о виндикации является основанием для погашения регистрационной записи без дополнительного обращения в регистрирующий орган.

5. Срок исковой давности по виндикационным спорам о недвижимости

Важным теоретическим вопросом остаётся срок исковой давности по виндикации недвижимости. По общему правилу (ст. 196, 200 ГК РФ), срок течёт с момента, когда лицо узнало о нарушении права. В отношении недвижимости этот момент часто связывают с получением выписки из ЕГРН о новом правообладателе. Однако если собственник длительное время не интересовался судьбой имущества, суды отказывают в иске по истечении трёх лет. Представляется, что для недвижимости следовало бы установить специальный порядок исчисления давности — с момента государственной регистрации права за незаконным владельцем, а не с субъективного момента осведомлённости.

Кроме того, существует проблема начала течения срока для добросовестного приобретателя, который предъявляет встречные требования. Встречная виндикация (например, от приобретателя к бывшему собственнику о возмещении убытков) подчиняется общим правилам, но суды часто смешивают сроки по основному и встречному искам. Выходом могло бы стать закрепление в постановлении Пленума ВС РФ специального разъяснения: срок давности по виндикации недвижимости для собственника исчисляется со дня, когда он узнал о регистрации права за незаконным владельцем, но не позднее 10 лет с момента такой регистрации (объективный срок).

6. Направления совершенствования законодательства и правоприменения

Таким образом, виндикация недвижимого имущества представляет собой сложный межотраслевой институт, сочетающий вещно-правовую природу и публично-правовые элементы (регистрация прав). Для гармонизации теории и практики необходимо:

1. Законодательно закрепить приоритет виндикации перед признанием права при

утрате владения;

2. Выработать чёткие критерии добросовестности применительно к недвижимости с учётом данных ЕГРН, в частности установить обязанность приобретателя запрашивать выписку из реестра за период не менее 5 лет;

3. Разъяснить судам недопустимость подмены виндикационного иска негаторным;

4. Внести изменения в ст. 302 ГК РФ, указав, что добросовестность приобретателя не является абсолютным препятствием для виндикации, если выбытие произошло помимо воли собственника, а приобретатель проявил минимальную осмотрительность (презумпция недобросовестности при подозрительных обстоятельствах, например, цена значительно ниже рыночной);

5. Ввести правило об объективном 10-летнем сроке для виндикации недвижимости с момента регистрации права за незаконным владельцем.

Выработанные в статье положения могут быть использованы при совершенствовании гражданского законодательства и в правоприменительной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Перспективой дальнейшего исследования является сравнительно-правовой анализ виндикации недвижимости в странах континентальной и англо-американской правовых систем.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 29.04.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 7.

3. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560с.

4. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут, 2021. 512 с.

5. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2018. 600 с.

6. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. М.: Юрайт, 2020. С. 412–430.

Давыденкова Ульяна Алексеевна
Davydenkova Uliana Alekseevna
студент направления судебно-прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

научный руководитель
Сирик Наталия Валериевна
Sirik Natalia Valerievna
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОБОРОТ ОБЪЕКТОВ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НА РЫНКЕ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ

LEGAL STATUS AND CIRCULATION OF UNCOMPLETED BUILDINGS IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS IN THE MARKET OF SHARED PARTICIPATION

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового статуса объектов незавершенного строительства и их оборота. В работе проанализирована современная судебная практика, позволяющая выявить специфику данного объекта гражданских прав и актуальные проблемные вопросы его оборота. Основное внимание уделено выявлению пробелов в гражданском и земельном законодательстве в части регистрации прав на вновь создаваемое недвижимое имущество, в частности, отсутствию четкого механизма приобретения права собственности покупателями. На основе изучения нормативно-правовых актов и выявленных коллизий обосновывается вывод об объектах незавершенного строительства как об особой разновидности собственности, обладающей уникальным набором правовых характеристик.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the legal status of unfinished construction objects and their circulation. The paper analyzes modern judicial practice, which allows to identify the specifics of this object of civil rights and the current problematic issues of its circulation. The main attention is paid to identifying gaps in civil and land legislation in terms of registering rights to newly created real estate, in particular, the lack of a clear mechanism for acquiring ownership by buyers. Based on the study of legal acts and identified conflicts, the article substantiates the conclusion that unfinished construction sites are a special type of property with a unique set of legal characteristics.

Ключевые слова: объект незавершенного строительства, правовой статус, судебная практика, право собственности, регистрация прав на недвижимость, гражданское законодательство, земельное законодательство, пробелы в законодательстве.

Keywords: unfinished construction site, legal status, judicial practice, ownership, registration of real estate rights, civil legislation, land legislation, gaps in the legislation.

В последние десятилетия российский рынок недвижимости трансформировался из планово-распределительной системы в сложный, многоуровневый сегмент экономики, характеризующийся значительными объемами инвестиций, развитием

финансовых инструментов и расширением круга участников. Этот процесс стимулировал появление и вовлечение в хозяйственный оборот все новых правовых конструкций, одной из наиболее проблемных среди которых сейчас является объект незавершенного строительства. Его существование объективно обусловлено длительным циклом создания капитального сооружения, в течение которого вложенные ресурсы (финансовые, материальные, трудовые) уже имеют вещественное воплощение, но еще не сформировали законченный объект с самостоятельным функциональным назначением. Таким образом, объекты незавершенного строительства материализуют собой не просто этап строительства, а особый, переходный имущественный статус. Кризисные явления на рынке долевого строительства, сопровождающиеся ростом числа банкротств застройщиков и появлением проблемных активов, актуализируют вопросы правовой определенности статуса такой недвижимости. Несмотря на значительный объем нормативной базы, посвященной вопросам градостроительства и оборота недвижимости, ряд теоретических и практических аспектов, связанных с правовым режимом объектов незавершенного строительства, остается дискуссионным и требует углубленного научного осмысления.

Актуальность темы настоящего исследования многократно возрастает в условиях современной экономической нестабильности и кризисных явлений на рынке долевого строительства. Рост числа проблемных активов, процедур банкротства застройщиков и споров о правах на недостроенные объекты выявляет системные недостатки правового регулирования. Отсутствие в законодательстве единообразного и детализированного подхода к определению правового режима объектов незавершенного строительства порождает существенные правовые риски и неопределенности как для инвесторов и граждан-дольщиков, так и для кредиторов и новых участников строительства. Целью настоящей статьи является комплексный анализ правового статуса объектов незавершенного строительства на основе системного изучения норм материального права и современной судебной практики для выявления ключевых противоречий и разработки предложений по совершенствованию законодательства.

Градостроительный кодекс содержит в себе легальное определение данного понятия: объект незавершенного строительства (ОНС) — это здание, сооружение или строение, возведение которого не завершено. [1] Данная дефиниция носит отсылочный характер и требует обращения к доктрине гражданского права для выявления

сущностных признаков этого объекта. Объект незавершенного строительства представляет собой сложный правовой феномен, находящийся на стыке вещных и обязательственных отношений. В юридической науке доминирует понимание ОНС как сложного правового феномена, обладающего двойственной природой. С одной стороны, данное понятие представляет собой совокупность конструкций, материалов и работ, прочно связанных с земельным участком, что, в соответствии с гражданским кодексом, позволяет квалифицировать как недвижимую вещь. [2] С другой стороны, ОНС выступает материализованным результатом обязательственных отношений (например, договора строительного подряда или участия в долевом строительстве), воплощая в себе право требования на получение готового объекта в будущем. Он выступает как промежуточный результат сложного договора, и судьба данного объекта неразрывно связана с правами и обязанностями сторон, заключивших договор. Специфика осуществления правомочий собственников в отношении ОНС нашла отражение в деле № 2-4655/25, рассмотренном Раменским городским судом. Суд, руководствуясь ст.247 ГК РФ, определил порядок пользования недостроенным зданием между сособственниками, выделив каждому конкретные части строения и разрешив одному из них производить работы по достройке [12]. Данный подход подтверждает, что ОНС, несмотря на незавершенность, признается объектом, в отношении которого возможен раздел владения и пользования

Как правильно отмечают Зимнева С.В. и Жуйков Р.В. в своей научной работе, что раскрыть содержание определения ОНС возможно с помощью выделения существенных признаков подобных объектов. [6] На мой взгляд, определение позволяет выделить ряд системообразующих признаков ОНС:

1. Незавершенность строительных работ (основной материальный признак). Это ключевая характеристика, отличающая ОНС от законченной недвижимости. Объект находится в процессе создания, но он уже вышел из стадии подготовки (проектирования, планирования) и перешел к физической реализации. Его незавершенность означает отсутствие у объекта всех необходимых конструктивных элементов, инженерных систем или отделки, которые позволяли бы использовать его по целевому назначению, указанному в разрешительной документации.

2. Наличие несущих конструкций, фундамента (квалифицирующий признак). Данный признак является юридически значимым порогом, отделяющим ОНС от

простой совокупности строительных материалов. Для признания объекта незавершенным строительством, как правило, требуется, чтобы были возведены фундамент и стены (каркас), то есть элементы, которые обеспечивают прочную связь с землей и формируют основу будущего здания. Именно этот признак обеспечивает выполнение критерия «прочной связи с землей», необходимого для отнесения объекта к недвижимости по статье 130 Гражданского кодекса РФ. До достижения этой стадии имущество чаще рассматривается как движимое (материалы, конструкции).

3. Возможность регистрации в ЕГРН как объекта недвижимости (формально-юридический признак). Внесение в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) является не просто технической процедурой, а правопораждающем действием. Регистрация подтверждает, что объект, несмотря на незавершенность, обладает всеми признаками индивидуально-определенной вещи и признан государством в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Это превращает ОНС из стройплощадки в легитимный актив, способный участвовать в обороте: быть предметом сделок купли-продажи, залога, аренды.

Дискуссионным в науке остается вопрос о моменте, с которого ОНС может быть признан самостоятельным объектом недвижимости. А. Г. Щербинин связывает этот момент с возможностью технической инвентаризации объекта и невозможностью его перемещения без несоразмерного ущерба назначению, однако данная позиция, разделяемая многими цивилистами, не разрешает проблему оценочности критерия «несоразмерного ущерба. [9] Момент также предусмотрен законодательством, а именно 218 статьей гражданского кодекса. Специфика ОНС заключается в том, что право собственности на него может быть зарегистрировано до завершения строительства, что и делает его самостоятельным объектом оборота. Порядок регистрации права собственности на такие объекты закреплен в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218 «О государственной регистрации недвижимости». Для оформления права собственности на возведенный объект недвижимости необходимо обладать рядом документов, таких как документы на земельный участок, разрешение на проведение строительных работ, а также документы, описывающие сам объект строительства. Государственная регистрация права на ОНС закрепляет его недвижимый статус и правомочия собственника. Однако ключевой вопрос заключается в определении объекта регистрации. ОНС, как в теории, так и на практике, рассматривается в качестве

единой сложной вещи, объединяющей строительные конструкции, оборудование и инженерные системы в функциональное целое, предназначенное для общего использования. Помимо общепризнанного порядка регистрации, признание права собственности возможно, в том числе по решению суда. Пример можно взять из реальной судебной практики Нагатинского районного суда города Москвы, где именно через суд истец право собственности на ОНС. [11] Важной особенностью является также возможность долевой собственности на ОНС, что часто возникает при привлечении долевого финансирования (дольщиков), например, это может возникнуть при признании прав участников долевого строительства на многоквартирный дом. В этом случае каждый участник долевой собственности может зарегистрировать свое право на долю в праве собственности на ОНС.

Несмотря на законодательное закрепление понятия и признаков объектов незавершенного строительства, остается ряд специфических проблем, которые затрудняют их учёт, регистрацию прав, завершение строительства и дальнейшее использование. Эти проблемы имеют как нормативно-правовой, так и практический характер. Одной из таких является отсутствие четкого определения в законе. В российском законодательстве нет единого определения объекта незавершённого строительства. Хотя Градостроительный кодекс РФ относит к ОНС объекты, строительство которых не завершено, это определение не раскрывает всех существенных признаков таких объектов. В судебной практике сложились разные подходы к пониманию ОНС, что создаёт правовую неопределённость. Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой для признания ОНС недвижимостью необходимо установление как минимум двух критериев: фактического (возведение фундамента и основных несущих конструкций, обеспечивающих прочную связь с землей) и юридического (наличие разрешения на строительство и документации, позволяющей идентифицировать объект). Отсутствие в законодательстве минимального порога (процентного соотношения) готовности для признания объекта незавершенного строительства самостоятельной недвижимой вещью и его постановки на кадастровый учет является ключевой причиной множества судебных споров. Регистрирующий орган может отказать в постановке на учет, если сочтет, что возведенная конструкция не обладает признаками капитальности и не может считаться ОНС. Заявитель вынужден оспаривать этот отказ в суде, доказывая завершенность

Фундамента. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что правоприменитель вынужден восполнять этот пробел, что порождает отсутствие единообразия в подходах. Однако оценочный характер данных критериев оставляет широкий простор для судейского усмотрения. Отсутствие единообразия в подходах создает правовую неопределенность для участников оборота, которые не могут прогнозировать судебное решение, основываясь на объективных характеристиках объекта. Проблемы с государственной регистрацией возникают на этапе работы с документаций, часто отсутствует первичная документация (проектная, исполнительная, результаты обследования и оценки), что затрудняет процедуру. Также возникают сложности из-за отсутствия правоустанавливающих документов на земельные участки или проблем с установлением их собственника. В отдельных случаях (например, на территориях Республики Крым и Севастополя) ситуация осложняется отсутствием документов, подтверждающих завершение строительства (реконструкции) объектов на основании разрешительных документов, выданных до марта 2014 года, а также отсутствием сведений о госрегистрации прав на земельные участки в ЕГРН при наличии договора аренды, заключенного до 2014 года.

Следующая группа проблем связана с оборотом прав на ОНС в условиях банкротства застройщика. В этот момент ОНС утрачивает характер перспективного инвестиционного актива и превращается в объект столкновения имущественных интересов множества кредиторов, находящихся в различных правовых положениях. Ситуация усугубляется тем, что законодательство о банкротстве и гражданское законодательство регулируют сходные отношения с использованием различных правовых конструкций, что порождает трудноразрешимые коллизии. В соответствии со сложившейся судебной практикой, объект незавершенного строительства, право собственности на которое зарегистрировано за застройщиком-должником в Едином государственном реестре недвижимости, подлежит безусловному включению в конкурсную массу на общих основаниях.[8] Данный подход находит свое подтверждение в разъяснениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, который указал, что наличие у объекта статуса недвижимости и его принадлежность должнику являются достаточным основанием для включения в конкурсную массу независимо от степени готовности объекта. При этом права участников долевого строительства трансформируются в денежные требования или требования о передаче жилых

помещений, что порождает сложные коллизии между вещными правами (залогодержателей, собственников земельных участков) и обязательственными правами дольщиков. Как верно отмечается в литературе, «объект незавершенного строительства становится ареной столкновения интересов различных групп кредиторов, что требует от законодателя более тонкого регулирования».[7]

Для улучшения нормативно-правовой базы, регулирующей объекты незавершенного строительства (ОНС), целесообразно внедрить комплекс мер. На мой взгляд, эти меры призваны ликвидировать существующие законодательные пробелы, повысить прозрачность процессов управления, оптимизировать административные процедуры. Во-первых, необходимо легальное закрепление материально-правовых критериев отнесения объекта к категории недвижимого имущества на стадии незавершенного строительства. На мой взгляд, целесообразно дополнить статью 130 ГК РФ положением, согласно которому к недвижимым вещам относятся объекты, строительство которых не завершено, при условии возведения фундамента и иных конструкций, свидетельствующих о невозможности их перемещения без несоразмерного ущерба назначению, и при наличии разрешения на строительство. Это позволит унифицировать подходы судов и снизить субъективизм при разрешении споров. Требуется совершенствование механизмов защиты прав участников строительства при банкротстве застройщика. В частности, необходима дальнейшая конкретизация очередности удовлетворения требований различных кредиторов в отношении ОНС, а также развитие механизмов передачи ОНС созданному жилищно-строительному кооперативу или иному добросовестному застройщику.

Важным направлением является цифровизация учета и оборота ОНС. Создание единой информационной системы, аккумулирующей сведения о степени готовности объекта, разрешительной документации, обременениях и судебных спорах, позволит повысить прозрачность оборота, минимизировать риски мошенничества и обеспечить формирование достоверного ресурса данных об ОНС. Внедрение электронных паспортов объектов незавершенного строительства могло бы стандартизировать документооборот и упростить процедуры регистрации. Это позволит в режиме реального времени отслеживать жизненный цикл каждого ОНС: от стадии проектирования до ввода в эксплуатацию или консервации. В едином окне будут аккумулированы сведения о степени фактической готовности (на основе данных

геодезического контроля и фотофиксации), объёме осуществленных финансовых вложений, наложенных арестах, обременениях и судебных спорах. Это минимизирует человеческий фактор, снизит коррупционные риски и обеспечит формирование единого, достоверного государственного ресурса данных об ОНС. Внедрение электронных паспортов ОНО стандартизирует и унифицирует весь сопутствующий документооборот. Такой цифровой паспорт, создаваемый на этапе получения разрешения на строительство и актуализируемый по мере возведения объекта, станет единым источником информации. В него в структурированном виде будут включены проектная документация, технические отчеты, акты выполненных работ, заключения экспертиз и сведения о правообладателях. Подписание ключевых документов внутри паспорта усиленной квалифицированной электронной подписью обеспечивает их юридическую значимость и неизменность, что крайне важно для последующих сделок и судебных разбирательств. Таким образом, внедрение комплексных цифровых решений может стать мощным стимулом для радикального преобразования процессов, связанных с оборотом объектов недвижимости.

Проведенный анализ правового положения объектов незавершенного строительства (ОНС) в России выявил, что они представляют собой особую, переходную категорию. Наблюдается особый подход к пониманию данного аспекта: хотя формально ОНС считаются недвижимостью, их фактическое состояние сильно отличается, что создает серьезные проблемы в обороте. В рамках обширной теоретической парадигмы, объекты незавершенного строительства (ОНС) должны интерпретироваться не как рядовые объекты недвижимости, а как специфический правовой феномен. Он служит мостом, соединяющим первоначальный инвестиционный замысел с его последующей материализацией. По сути, ОНС представляет собой не столько статичный объект, сколько "объект в стадии формирования", чей правовой режим направлен на обеспечение гарантий прав всех субъектов правоотношений на всех этапах инвестиционно-строительного процесса. Вещно-обязательственная природа объекта незавершенного строительства является объективным проявлением двойственности строительных правоотношений. До момента достижения объектом полной функциональной готовности он сохраняет неразрывную связь с обязательствами, направленными на его создание. Недооценка данной двойственности в правовом регулировании приводит к возникновению

системных противоречий. На макроэкономическом уровне, решение проблемы объектов незавершенного строительства напрямую связано с доверием к рынку и государству. Пока эти объекты остаются в правовой неопределенности, строительная отрасль будет восприниматься как неустойчивой. Только когда ОНС станут полноценными, прозрачными и легко реализуемыми активами, можно будет говорить о способности правовой системы поддерживать экономический рост даже в нестабильные времена. Проблема правового режима недостроенных объектов значительно шире, чем просто спор в рамках гражданского права. Она отражает общее состояние правовой среды, в которой протекает ключевой экономический процесс – формирование материальной основы для существования общества. Следовательно, ее решение зависит не столько от совершенствования юридических формулировок, сколько от стратегических решений в области правовой политики и выбора такой модели регулирования.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025)//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: СПС «Консультант Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/?ysclid=mlai9mlz19536123004 (дата обращения: 06.01.2026)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 № 51-ФЗ//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: СПС «Консультант Плюс» – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mlai97sh66568646334 (дата обращения: 06.01.2026)

3. Интервью Гордеева Юрия Сергеевича- заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства «Снести или достроить? - Минстрой России берет под контроль всю «незавершенку» в стране» URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/press/yuriy-gordeev-snesti-ili-dostroit-minstroy-rossii-beret-pod-kontrol-vsyu-nezavershenku-v-strane-inte/ (дата обращения: 02.02.2026)

4. Ильин Н.Л. «Особенности определения момента возникновения объекта незавершенного строительства» / Ильин Н.Л. // Вестник МГПУ. 2018.стр 65-73.

URL:https://pedpsyjournal.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/4/2021/08/1105.pdf (дата обращения: 26.01.2026)

5. «Незавершенное строительство объектов капитального строительства: проблемы и пути решения» заседание Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (протокол № 312 от 26 июля 2023 года) URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/147025/ (дата обращения: 20.01.2026)

6. Зимнева С. В., Жуйков Р. В. К понятию объекта незавершенного строительства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №5-2. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-obekta-nezavershennogo-stroitelstva (дата обращения: 20.03.2026).

7. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк URL: https://litres.com/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/38872408.&art=38872408&trials=1&user=0&file=60586162&price=8.89&texttrialbutton=Buy%20full%20version%20for%208%2C89%C2%A0%24&uilang=en&catalit2&half=1&track_reading&friendly_url=%D0%95.%20%D0%90.%20%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2.%20%D0%92%D0%B5%D1%89%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE (дата обращения 20.02.2026)

8. Федеральный закон « О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=mmbrjm11p7883348458 (дата обращения 15.02.2026)

9. Щербинин А.Г. Долевое участие в строительстве. Книга первая: Научно практическое пособие URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003238079/?ysclid=mm1s0bvvzr376941906 (дата обращения: 23.01.2026)

10. Калаева Анастасия Владимировна, Емшанов Игорь Сергеевич Объекты незавершенного строительства: теория и практика правового регулирования // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-nezavershennogo-stroitelstva-teoriya-i-praktika-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 20.03.2026).

11. Решение Нагатинского районного суда города Москвы по гражданскому делу

№2-738/18 от 18 января 2018 года URL: https://mos-gorsud.ru/rs/nagatinskij/cases/docs/content/89abd9af-1817-4c2e-a314-a6d82576f26c (дата обращения: 20.01.2026)

12. Решение Раменского городского суда Московской области по гражданскому делу № 2-4655/25 от 18 ноября 2025 года URL: https://ramenskoe--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=1005160721&delo_id=1540005&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 15.02.2026)

Щербакова Инна Михайловна
Shcherbakova Inna Mikhaylovna
кандидат психологических наук,
основатель Академии научно-исследовательского нейроинжиниринга и образовательных технологий
e-mail: inna.shcherbakova@realityrestart.com

АРХИТЕКТУРА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

ARCHITECTURE OF MANAGERIAL THINKING UNDER CONDITIONS OF HIGH UNCERTAINTY

Аннотация. В статье рассматривается архитектура управленческого мышления как ключевой фактор устойчивости решений в условиях высокой неопределённости. Современная управленческая среда характеризуется высокой скоростью изменений, дефицитом времени, конфликтом интересов и высокой стоимостью стратегических ошибок. В таких условиях результат определяется не только профессиональными компетенциями руководителя, но и внутренней организацией его мышления. Предлагается рассматривать управленческое мышление как архитектурную когнитивную систему, включающую восприятие, интерпретацию, эмоциональную регуляцию, осознанность, удержание целей, прогностическое моделирование и поведенческую реализацию решений. Особое внимание уделяется осознанности как базовой социальной характеристике личности, напрямую влияющей на качество управленческих решений и устойчивость поведения. Обосновывается положение о том, что управленческая зрелость представляет собой результат когнитивно-эмоциональной интеграции и структурной целостности мышления. Показано, что большинство стратегических ошибок возникает не из-за недостатка информации, а вследствие нарушений внутренней архитектуры принятия решений. Отдельное внимание уделяется преемственности данной модели с ранее проведёнными исследованиями эмоциональной зрелости руководящего персонала.

Abstract. The article examines the architecture of managerial thinking as a key factor in decision stability under conditions of high uncertainty. The contemporary managerial environment is characterized by rapid change, time pressure, conflicting interests, and the high cost of strategic errors. Under such conditions, outcomes depend not only on professional competencies but also on the internal organization of managerial thinking. Managerial thinking is proposed to be conceptualized as an architectural cognitive system that includes perception, interpretation, emotional regulation, awareness, goal maintenance, predictive modeling, and behavioral implementation of decisions. Particular attention is given to awareness as a fundamental socio-cognitive characteristic directly influencing decision quality and behavioral stability. It is argued that managerial maturity emerges from cognitive-emotional integration and the structural coherence of thinking. The paper suggests that most strategic errors arise not from insufficient information but from disruptions in the internal architecture of decision-making. Continuity of the proposed model with prior research on emotional maturity of managerial personnel is also discussed.

Ключевые слова: управленческое мышление, когнитивная архитектура, нейроинжиниринг, осознанность, принятие решений, когнитивно-эмоциональная

интеграция, организационная психология.

Keywords: managerial thinking, cognitive architecture, neuroengineering, awareness, decision-making, cognitive-emotional integration, organizational psychology.

Введение Современная управленческая среда характеризуется высокой динамикой изменений, неопределённостью внешних условий, дефицитом времени и необходимостью принятия стратегических решений при неполной информации. В подобных условиях эффективность управленческой деятельности определяется не только уровнем профессиональных компетенций руководителя, но и особенностями внутренней организации когнитивных процессов, обеспечивающих принятие решений и регуляцию поведения [6; 8; 9].

Традиционно управленческая эффективность связывается с лидерскими качествами, профессиональным опытом, уровнем интеллекта и эмоционального интеллекта [6; 7]. Однако исследования в области организационной психологии и принятия решений показывают, что даже высококвалифицированные руководители допускают системные управленческие ошибки, связанные с особенностями восприятия, интерпретации информации и эмоциональной регуляции [11; 12]. Это позволяет рассматривать качество управленческих решений как результат функционирования целостной когнитивной системы, а не отдельных компетенций.

В рамках системного подхода мышление рассматривается как многоуровневая организация процессов восприятия, интерпретации, смыслообразования и регуляции поведения [3; 4; 5]. Применительно к управленческой деятельности это позволяет говорить об архитектуре управленческого мышления как внутренней структуре, определяющей устойчивость решений в условиях высокой неопределённости.

Материалы и методы Исследование носит теоретико-концептуальный характер и направлено на формирование модели архитектуры управленческого мышления в условиях высокой неопределённости. Методологическую основу работы составляют системный подход к анализу психических процессов, деятельностная теория мышления, а также современные представления о когнитивно-эмоциональной регуляции поведения и принятии решений.

В качестве теоретической базы использованы положения отечественной психологической школы, рассматривающей мышление как целостную систему взаимосвязанных процессов восприятия, интерпретации и регуляции деятельности [3;

4; 5]. Дополнительно учитывались исследования в области управленческой психологии, когнитивных искажений и эмоциональной регуляции в процессе принятия решений [6; 7; 8].

Методами исследования выступили концептуальный анализ научной литературы, междисциплинарное сопоставление подходов организационной психологии, когнитивной психологии и психологии управления, а также теоретическое моделирование архитектуры управленческого мышления. В рамках теоретического моделирования выделены ключевые компоненты когнитивной системы руководителя: восприятие информации, интерпретация событий, эмоциональная регуляция, осознанность, удержание стратегических целей, прогнозирование и поведенческая реализация решений.

Дополнительно использованы результаты ранее проведённого исследования повышения эмоциональной зрелости руководящего персонала организации, позволившие уточнить роль когнитивно-эмоциональной интеграции в устойчивости управленческого поведения [2].

Применение указанных методов позволило сформулировать модель архитектуры управленческого мышления как системной организации когнитивных, эмоциональных и регуляторных процессов, обеспечивающих качество управленческих решений в условиях высокой неопределённости.

Результаты и обсуждение

Архитектура управленческого мышления представляет собой структурную модель когнитивной организации руководителя, определяющую особенности восприятия информации, интерпретации событий, эмоциональной регуляции, осознанности, удержания стратегических целей, прогнозирования последствий и поведенческой реализации решений.

В рамках современных междисциплинарных исследований когнитивной эффективности управления особый интерес представляет переход от описательных моделей управленческих компетенций к структурно-функциональному анализу когнитивной архитектуры принятия решений. Такой подход позволяет рассматривать управленческое мышление не как совокупность отдельных психологических характеристик, а как интегративную систему динамических взаимодействий между когнитивными, эмоциональными и регуляторными компонентами.

С теоретико-методологической точки зрения это открывает возможность формирования нового исследовательского направления на стыке организационной психологии, когнитивной нейронауки и системного анализа поведения. В данном контексте управленческая эффективность интерпретируется как свойство устойчивости когнитивной архитектуры к внешним стрессорам и информационной неопределённости, а не как линейная функция профессионального опыта.

Особое значение приобретает идея адаптивной перестройки когнитивных контуров управления поведением в условиях высокой нагрузки. Это предполагает, что развитие управленческой компетентности должно включать не только обучение стратегическому мышлению, но и целенаправленную работу с механизмами внимания, интерпретации и эмоциональной фильтрации информации. Такой подход сближает психологию управления с принципами нейроинжиниринга когнитивных систем, где ключевым объектом анализа становится архитектура обработки информации, а не только результат принятия решений.

С практической точки зрения предложенная модель может быть использована для разработки диагностических и развивающих инструментов оценки управленческой устойчивости, включая когнитивно-эмоциональные профили руководителей, а также для проектирования программ повышения эффективности управленческих команд в условиях кризисного и неопределённого контекста.

Таким образом, архитектура управленческого мышления может быть рассмотрена как перспективная концептуальная рамка для интеграции данных когнитивной психологии, нейронаук и теории управления, что соответствует современным требованиям к междисциплинарным исследованиям

Подобная трактовка соответствует современным представлениям о мышлении как интеграции когнитивных и регуляторных процессов деятельности [4; 5; 10].

Центральным элементом данной архитектуры выступает осознанность. В научной литературе осознанность рассматривается как способность формировать осмысленный интервал между поступающей информацией и реакцией субъекта, обеспечивая произвольную регуляцию поведения [1; 9]. Этот механизм имеет особое значение для управленческой деятельности, где импульсивные решения могут приводить к стратегическим потерям.

Л. Э. Зотова и Н. В. Сидячева рассматривают осознанность как базовую

социальную характеристику личности, регулирующую эмоциональный тон взаимодействия и поведенческие реакции. Авторы отмечают связь высокого уровня осознанности со снижением тревожности, агрессии и импульсивности, а также с более конструктивными формами социального поведения [1]. Эти характеристики непосредственно связаны с качеством управленческих решений и устойчивостью поведения руководителя.

Исследования когнитивных искажений в управленческой деятельности показывают, что решения часто формируются под влиянием автоматических интерпретаций, эмоционального напряжения и ограничений внимания [6; 11]. В условиях высокой неопределённости такие механизмы усиливаются, что повышает вероятность стратегических ошибок. Высокий уровень осознанности, напротив, способствует сохранению целостности восприятия ситуации и устойчивости управленческой линии поведения.

Ранее проведённое исследование повышения эмоциональной зрелости руководящего персонала показало, что устойчивость управленческого поведения связана с когнитивно-эмоциональной организацией личности. Улучшение качества решений сопровождалось изменением моделей восприятия, интерпретации и эмоциональной регуляции, что свидетельствует о роли структурной перестройки архитектуры мышления [2].

В рамках нейроинжиниринга когнитивной архитектуры управленческое решение рассматривается как результат когнитивно-эмоциональной интеграции. Решение формируется через согласование интерпретации ситуации, эмоциональной оценки, стратегических целей и поведенческой реализации. Нарушение согласованности этих компонентов приводит к расхождению между рациональным пониманием ситуации и фактическими действиями руководителя [10; 12].

Управленческая зрелость в данной модели определяется не суммой компетенций, а целостностью архитектуры мышления. Даже при высоком уровне профессионального опыта недостаточная когнитивно-эмоциональная интеграция может снижать устойчивость решений. Особенно отчётливо это проявляется в антикризисном управлении, где высокая скорость изменений требует способности сохранять внутреннюю когнитивную стабильность и стратегическую направленность поведения [8; 11].

Заключение Архитектура управленческого мышления представляет собой системную организацию когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов [3; 4; 5], определяющих качество решений руководителя в условиях высокой неопределённости. Ключевым элементом данной системы выступает осознанность как механизм произвольной регуляции поведения [1; 9], обеспечивающий снижение импульсивности и устойчивость управленческого поведения.

Высокий уровень осознанности связан с устойчивостью решений и качеством социального взаимодействия [7], снижением тревожности и повышением устойчивости решений, что имеет прямое значение для управленческой практики [1; 9]. Развитие управленческого мышления требует системной работы с когнитивной архитектурой принятия решений [10; 12].

Предложенная модель архитектуры управленческого мышления носит теоретико-концептуальный характер и может рассматриваться как основа для дальнейших эмпирических исследований в области организационной психологии и нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.

Дополнительно следует отметить, что перспективным направлением развития данной модели является её операционализация в виде прикладных когнитивных протоколов, направленных на формирование устойчивых стратегий принятия решений в условиях неопределённости. Особый интерес представляет интеграция параметров осознанности с нейрофизиологическими маркерами регуляции внимания и эмоциональной устойчивости, что позволяет перейти от описательного уровня к измеримым характеристикам управленческого мышления. В дальнейшем это создаёт основу для разработки диагностических инструментов оценки когнитивной зрелости руководителей, а также для формирования обучающих и тренинговых программ, направленных на повышение эффективности управленческой деятельности в сложных организационных системах.

Литература:

1. Зотова Л. Э., Сидячева Н. В. Осознанность как ключевая социальная характеристика личности // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. памяти М. Ю. Кондратьева. Москва, 12–13 мая 2022 г. — Москва: МГППУ, 2022. — С. 142–145.

2. Щербакова И. М. Повышение эмоциональной зрелости руководящего персонала организации с помощью авторской методики «Рестарт Реальности» // International Research Journal. — 2024. — № 10 (148). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.97.

3. Выготский Л. С. Мышление и речь. — Москва: Лабиринт, 1999. — 352 с.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — Санкт-Петербург: Питер, 2019. — 713 с.

5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — Москва: Смысл: Академия, 2005. — 352 с.

6. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. — 499 p.

7. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. — New York: Bantam Books, 2005. — 352 p.

8. Mintzberg H. Managers Not MBAs. — San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2004. — 464 p.

9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — Москва: Смысл, 2019. — 511 с.

10. Сергиенко Е. А. Контроль поведения и развитие личности. — Москва: Институт психологии РАН, 2018. — 512 с.

11. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. — Санкт-Петербург: Питер, 2018. — 352 с.

12. Анохин К. В. Когнитивные системы мозга. — Москва: Институт мозга человека РАН, 2021. — 368 с.

Ахмадуллина Алина Ильшатовна
Akhmadullina Alina Ilshatovna
магистрант юридического факультета
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

PROSPECTS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURSHIP IN THE AGRO-INDUSTRIAL SECTOR

Аннотация. Работа посвящена анализу перспектив правового регулирования предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе (АПК). Исследование фокусируется на повышении эффективности АПК через цифровую трансформацию, инновации и развитие правового регулирования земельных отношений. Анализ основан на изучении законодательства, научных публикаций и правоприменительной практики. Особое внимание уделено правовым вызовам и возможностям, связанным с внедрением цифровых технологий в отрасль.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the prospects for legal regulation of entrepreneurial activity in the agro-industrial complex (AIC). The study focuses on improving the efficiency of the AIC through digital transformation, innovation, and the development of legal regulation of land relations. The analysis is based on the study of legislation, scientific publications, and law enforcement practice. Special attention is paid to the legal challenges and opportunities associated with the introduction of digital technologies in the industry.

Ключевые слова: правовое регулирование, перспективы развития, агропромышленный комплекс, предпринимательская деятельность.

Keywords: legal regulation, development prospects, agro-industrial complex, entrepreneurial activity.

Правовое обеспечение развития агропромышленного комплекса (АПК) в России строится на комплексном подходе, охватывающем административно-правовые и процессуальные аспекты. Нормативно-правовая база АПК формируется множеством актов, среди которых ключевым является Федеральный закон № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 года [1]. Особое значение имеет распоряжение Правительства РФ № 3309-р от 23 ноября 2023 года [7], которое устанавливает стратегическое направление цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года. Главная цель этой стратегии – обеспечить долгосрочное и опережающее развитие данных отраслей в области цифровых технологий. Оно определяет конкретные ведомственные программы цифровой трансформации Министерства сельского хозяйства России и Федерального

агентства по рыболовству, включая ключевые показатели эффективности, связанные с разработкой, внедрением и использованием цифровых решений в рамках государственных инициатив.

Постановление Правительства «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» от 28 октября 2020 года № 1750 [5] утверждает перечень технологий, подлежащих экспериментальным правовым режимам для цифровых инноваций, обеспечивая контролируемую среду для тестирования и совершенствования новых технологий. Разработка и эксплуатация государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы «ГосТех» активно ведется, согласно Указу Президента № 231 от 31 марта 2023 года [9]. Эта инициатива направлена на создание централизованной цифровой экосистемы для государственных данных, сервисов и решений.

Исследования подчеркивают необходимость формирования актуальной нормативной базы, которая укрепит доверие к цифровому сельскому хозяйству [9, 190]. В рамках государственной программы по развитию агросектора и рынков сельхозпродукции реализуется проект «Цифровое сельское хозяйство» [3], направленный на развитие цифрового сельскохозяйственного сектора через создание национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством, модуля «АгроРешения» и отраслевой среды электронного обучения «Земля знаний».

Значительным событием в системе правового регулирования стал Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», разработанный Минцифры России, представлен на публичное обсуждение 18 марта 2026 года [6]. Документ закрепляет цели и предмет регулирования, основные понятия, круг субъектов, специальные режимы для отдельных категорий моделей, права граждан, обязанности участников рынка и систему публичных полномочий. Цели законопроекта: создание правовых условий для ускоренного развития ИИ, обеспечение безопасности личности, общества и государства, обеспечение государственного технологического суверенитета. Данный проект продолжает траекторию, заданную Национальной стратегией развития ИИ до 2030 года, с акцентом на развитие человеческого капитала,

образовательные инициативы и интеграцию ИИ в государственное управление и секторы реальной экономики.

Масштабное внедрение цифровых технологий в сельскохозяйственное производство за последнее десятилетие требует постоянных законодательных корректировок. Это важно и для закрепления существующих достижений и для содействия будущему развитию, включая создание экономических стимулов для разработчиков цифровых технологий, развитие инфраструктуры, продвижение рынка цифровых технологий и предоставление финансовой поддержки сельским производителям. Ключевые изменения, касающиеся сельскохозяйственных производителей, включают:

1. Индексация утилизационных сборов и квот на импорт сельскохозяйственной техники: С 1 января 2025 года долгосрочная шкала индексации утилизационных сборов затронет технику, произведенную в России и Беларуси. Коэффициенты утилизационных сборов значительно увеличатся в 2025 году, с дальнейшим ежегодным ростом до 2030 года. Квоты на импорт иностранной техники будут устанавливаться ежегодно Министерством промышленности и торговли и Министерством сельского хозяйства для устранения любого дефицита отечественного производства. Этот механизм разработан для динамичности и адаптации к рыночным условиям.

2. Субсидирование процентных ставок по льготным инвестиционным кредитам: С 1 января 2025 года будут скорректированы субсидии процентных ставок по льготным инвестиционным кредитам, выданным в период с 2017 по 2022 год. Процентная ставка по таким кредитам в 2025 году может варьироваться от 1% до 50% ключевой ставки.

3. Новые индикаторы риска использования сельскохозяйственных земель: С 1 января 2025 года будут введены новые индикаторы риска для выявления сельскохозяйственных земель, используемых с нарушением законодательства. К ним относятся такие показатели, как деградация плодородия почв (например, снижение содержания органического вещества, фосфора и калия) и изменения в праве собственности на землю, происходящие чаще одного раза в год. Зарастание земель сорняками или кустарниками на 25% и более также будет являться основанием для проведения контрольных проверок.

4. Корректировка расчета экспортной пошлины на подсолнечное масло: В феврале 2025 года период мониторинга для расчета экспортной пошлины на

подсолнечное масло будет перенесен на месяц расчета, а не на предыдущий месяц. Эта корректировка направлена на повышение оперативности ставок экспортных пошлин к колебаниям цен.

Значительным вызовом для цифровой трансформации АПК, особенно для малых и средних сельскохозяйственных предприятий, является высокая стоимость цифровых технологий и нехватка квалифицированного персонала. В то время как крупные сельскохозяйственные производители все чаще внедряют цифровые технологии, текущая нормативно-правовая база и документы стратегического планирования недостаточно учитывают специфические роли и институциональные особенности фермеров и сельскохозяйственных кооперативов в цифровом развитии АПК. Этот недочет препятствует их эффективному внедрению цифровых технологий.

Более того, растущее использование систем ИИ в различных секторах требует разработки новых правовых механизмов регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ. Исследования подчеркивают необходимость системы субсидиарной ответственности за вред, возникающий в результате использования ИИ, с учетом таких факторов, как типизация системы ИИ и реальное влияние субъектов на ее функционирование. Риск-ориентированный подход к определению гражданско-правовой ответственности за действия ИИ предлагается как более эффективная и гибкая альтернатива существующим подходам, направленная на баланс инноваций с целями гражданско-правовой ответственности.

С 2022 года действует Государственная программа, направленная на активное вовлечение в сельскохозяйственный оборот земель и модернизацию мелиорации в России [4]. Утвержденная Правительством РФ в мае 2021 года (Постановление № 731), она ставит целью ввести в оборот 13,2 млн гектаров сельхозземель к 2030 году. Реализация программы призвана обеспечить стабильное развитие агропромышленного комплекса за счет увеличения земельных ресурсов и восстановления мелиоративных систем. В 2026 году на эти цели запланирован бюджет в 37,5 млрд рублей.

Для успешной реализации Государственной программы был принят пакет федеральных законов, направленных на улучшение регулирования оборота сельскохозяйственных земель. Эти законы предусматривают:

— Упрощение процедуры изъятия неиспользуемых сельскохозяйственных земель.

— Оптимизацию процесса изъятия невостребованных земельных долей.

— Предоставление крестьянским (фермерским) хозяйствам возможности арендовать земельные участки без проведения торгов, а также улучшение учета земельных долей.

Эти изменения дополняют существующее законодательство, в частности, Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [10], который является основным документом, регулирующим эту сферу, и восполняет пробелы в Земельном кодексе РФ.

На начало 2023 года значительная часть сельскохозяйственных угодий (43,32 млн га, или 11,4% от общей площади) оставалась неиспользуемой. Внедрению Федерального закона № 507-ФЗ помешал мораторий на проверки, введенный в 2022 году. Кроме того, отсутствует ключевой документ, определяющий стратегию развития земельных отношений, включая совершенствование землеустройства и координацию действий властей в управлении земельными ресурсами, а также развитие государственного мониторинга земель. Выявлена несогласованность между целями и методами земельной политики, а также низкие стандарты выполнения стратегических планов. Единый подход к разработке земельного законодательства отсутствует, а программы использования и охраны земель, предусмотренные Земельным кодексом РФ, практически не реализуются. Землеустройство сводится к формальному описанию границ, а государственные доклады о состоянии земель за период с 2005 по 2024 год [2] не содержат практических рекомендаций, основанных на результатах мониторинга.

Существующие проблемы в законодательной базе и правоприменительной практике в сфере землепользования замедляют процессы установления прав на земельные участки и их последующего вовлечения в экономический оборот. Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению площади земель сельскохозяйственного назначения, которая с 1990 года уменьшилась в 1,68 раза. Скорость, с которой невостребованные доли сельскохозяйственных земель возвращаются в оборот, недостаточна для обеспечения их эффективного использования. Аналогично, темпы разграничения земель не соответствуют требованиям эффективного землепользования. Процедуры передачи земельных участков между публично-правовыми образованиями могут длиться более года, а реестр границ ЕГРН остается неполным. Несмотря на позитивную динамику

инвестиций в АПК в 2023 году (106,3 млрд руб., рост на 6,3% к 2022 г.), для закрепления этого тренда требуется оптимизация системы управления земельными ресурсами. Учитывая географическое разнообразие, особенности сельскохозяйственного производства и климатические условия, разработка дифференцированных стратегий управления земельными ресурсами для каждого региона является приоритетной задачей. Примером является Постановление Правительства Орловской области от 16 декабря 2019 года № 689 «Об утверждении государственной программы Орловской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Орловской области»; Приказ Минсельхоза РФ от 25 июня 2007 г. N 342 «О концепции развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России до 2025 года» и Программа президентского гранта «Сельское хозяйство 2.0», которые поспособствовали созданию новых учебных программ во всех ступенях образования.

Российский агропромышленный комплекс переживает период активного правового развития. В частности, предпринимаются масштабные шаги по возвращению в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель, что подкрепляется государственной программой и соответствующими законами. Тем не менее, на пути к полной реализации этого потенциала стоят серьезные препятствия. К ним относятся значительные площади невостребованных земель, трудности в правоприменении, отсутствие комплексной стратегии земельных отношений, несогласованность целей и инструментов земельной политики, а также недочеты в землеустройстве и мониторинге. Увеличение инвестиций в АПК в 2023 году подчеркивает актуальность совершенствования управления земельными ресурсами и поддержки инновационных подходов. Для достижения максимальной эффективности агропромышленного сектора России необходимо последовательно устранять выявленные проблемы.

Литература:

1. «О развитии сельского хозяйства» (Федеральный закон от 29.12.2006 №264-ФЗ, ред. от 31.07.2025). — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24837 (дата обращения: 29.04.2026).

2. Государственный (национальный) доклад Росреестра о состоянии и использовании земель в Российской Федерации (по годам) 2005-2024. — Текст:

электронный // rosreestr.gov.ru: [сайт]. — URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/ (дата обращения: 29.04.2026).

3. О ходе реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (к «правительственному часу» 502-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 31 марта 2021 года). — Текст: электронный // council.gov.ru: [сайт]. — URL: http://council.gov.ru/media/files/d4ApG8Uw6BKngDd1JO3WsPDgIlAj1AEd.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.05.2021 г. № 731 О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. — Текст: электронный // government.ru: [сайт]. — URL: http://government.ru/docs/all/134619/ (дата обращения: 29.04.2026).

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций». — Текст: электронный // government.ru: [сайт]. — URL: http://government.ru/docs/all/130563/ (дата обращения: 29.04.2026).

6. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России 18.03.2026). — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: https://base.garant.ru/483411782/ (дата обращения: 29.04.2026).

7. Распоряжение Правительства РФ от 23 ноября 2023 г. № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г.» — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408020499/ (дата обращения: 29.04.2026).

8. Соловяненко, Н. И. Юридические стратегии цифровой трансформации аграрного бизнеса / Н. И. Соловяненко. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт].

— URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-strategii-tsifrovoy-transformatsii-agrarnogo-biznesa (дата обращения: 29.04.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 231 О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех». — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49094 (дата обращения: 29.04.2026).

10. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения. — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18935 (дата обращения: 29.04.2026).

Губерна Людмила Александровна
Guberna Lyudmila Alexandrovna
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: lguberna@yandex.ru

Зейналлы Фидан Ядигар кызы
Zeynally Fidan Yadigar kyzy
студент юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: fzeynally-23@edu.ranepa.ru

научный руководитель
Кузьмина Анастасия Игоревна
Kuzmina Anastasia Igorevna
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kuzmina-ani@ranepa.ru

ФЕНОМЕН «СКРЫТОГО» УВОЛЬНЕНИЯ: КОГДА ДЕЙСТВИЯ РАБОТОДАТЕЛЯ ФОРМАЛЬНО ЗАКОННЫ, НО НАПРАВЛЕНЫ НА ПРИНУЖДЕНИЕ К УВОЛЬНЕНИЮ

THE PHENOMENON OF 'HIDDEN' DISMISSAL: WHEN THE EMPLOYER'S ACTIONS ARE FORMALLY LEGAL BUT AIMED AT FORCING RESIGNATION

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «скрытого» увольнения комплекса управленческих решений и кадровых манипуляций, которые, не нарушая букву трудового законодательства, целенаправленно создают для работника невыносимые условия продолжения трудовой деятельности. В статье рассматриваются наиболее распространенные инструменты такого давления: искусственное изменение функционала с понижением квалификационного статуса, практика «выдавливания» через лишение премиальной части заработной платы при сохранении номинального оклада, перевод на дистанционный режим с последующим техническим отстранением от рабочих процессов. Особое внимание уделено доктринальному понятию злоупотребления правом со стороны работодателя (статья 10 ГК РФ в корреляции с ТК РФ).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of "hidden" dismissal of a complex of managerial decisions and personnel manipulations, which, without violating the letter of labor legislation, purposefully create unbearable conditions for an employee to continue working. The article discusses the most common tools of such pressure: artificial changes in functionality with a decrease in qualification status, the practice of "squeezing out" through the deprivation of a premium portion of wages while maintaining a nominal salary, transfer to remote mode with subsequent technical suspension from work

processes. Special attention is paid to the doctrinal concept of abuse of the right by the employer (Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation in correlation with the Labor Code of the Russian Federation).
Ключевые слова: трудовое право, работник, работодатель, трудовое законодательство, увольнение.

Keywords: labor law, employee, employer, labor law, dismissal.

В российском трудовом праве традиционно выделяют три основных способа прекращения трудовых отношений: по инициативе работника (ст. 80 ТК РФ), по инициативе работодателя (ст. 81 ТК РФ) [1] и по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ). Каждый из них влечет различные правовые последствия, как для работника, так и для работодателя. Увольнение по сокращению штата или по инициативе работодателя по обстоятельствам, которые указывают на противоправное поведение работника, требует от последнего соблюдения сложной и длительной процедуры, а также влечет за собой существенные финансовые обязательства - выплату выходных пособий и сохранение среднего заработка на период трудоустройства.

Эти обстоятельства побуждают работодателей искать альтернативные, менее затратные способы прекращения трудовых отношений. Одним из таких способов выступает практика «скрытого» увольнения. Суть данной стратегии заключается в том, что работодатель, не желая инициировать формальную процедуру увольнения, умышленно создает для сотрудника невыносимые или крайне дискомфортные условия труда, психологически подталкивая его к принятию решения об увольнении по собственному желанию.

Для корректного юридического анализа необходимо четко разграничить «скрытое» увольнение со стороны работодателя и смежные явления. Прежде всего, следует отличать его от так называемого «тихого увольнения» со стороны работника, под которым понимается сознательное ограничение сотрудником своих трудовых функций [2].

Далее, важно отличать «скрытое» увольнение от иных форм давления на работника. Понуждение к увольнению в его классическом понимании предполагает прямое требование работодателя написать заявление «по собственному», часто сопровождаемое угрозами увольнения «по статье». Такие действия, будучи доказанными, прямо противоречат трудовому законодательству.

Анализ правоприменительной практики и обращений граждан в

Государственную инспекцию труда позволяет выделить несколько типичных форм «скрытого» увольнения.

Первая группа методов связана с созданием организационных препятствий для выполнения трудовой функции. К ним относятся: блокировка доступа к рабочим системам и программам; непредставление необходимой для работы информации; исключение сотрудника из корпоративных чатов и рабочих встреч; лишение его значимых проектов. Показательным в этом отношении является Определение СКГД Третьего КСОЮ от 10 декабря 2025 г. по делу N 8Г-20568/2025 [3], где суд признал увольнение вынужденным, в частности, на том основании, что работнику заблокировали доступ к рабочим системам, и он фактически не мог выполнять трудовые функции в течение двух недель.

Вторая группа методов связана с финансовым давлением. Работодатель может необоснованно снижать размер премий и иных стимулирующих выплат, лишать бонусов, применять систему штрафов. Хотя формально переменная часть оплаты труда зависит от усмотрения работодателя, систематическое и ничем не мотивированное снижение дохода конкретного работника может быть расценено как дискриминация в сфере труда (ст. 3 ТК РФ).

Третья группа психологическое давление, которое может выражаться в публичной критике, игнорировании со стороны руководства, создании токсичной атмосферы, изоляции от коллектива. Хотя такие действия сложно поддаются формальной юридической квалификации, в совокупности с другими обстоятельствами они могут свидетельствовать о целенаправленном принуждении к увольнению.

Четвертая группа манипуляции с трудовой функцией. Сюда относятся: перевод на другую должность без согласия работника; поручение заведомо невыполнимого объема работы; постановка нереалистичных сроков; изменение графика работы в неудобную для сотрудника сторону. Особую актуальность в последнее время приобрела практика принудительного возвращения удаленных сотрудников в офис, что для многих из них равносильно невозможности продолжать работу из-за изменившихся жизненных обстоятельств. Сотрудника вынуждают переходить из удобного и согласованного места работы в некомфортные условия.

Ключевая правовая проблема, с которой сталкиваются работники при оспаривании «скрытого» увольнения, - распределение бремени доказывания. Согласно

правовой позиции, формулированной в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», если истец утверждает, что работодатель вынудил его подать заявление об увольнении по собственному желанию, то это обстоятельство подлежит проверке и обязанность доказать его возлагается на работника [4].

Данное положение ставит работника в заведомо невыгодное положение. При классическом увольнении по инициативе работодателя бремя доказывания законности увольнения лежит на работодателе. При оспаривании же увольнения по собственному желанию работник должен сам доказать, что его волеизъявление не было добровольным. Это создает существенный дисбаланс процессуальных возможностей, особенно в случаях «скрытого» увольнения, где действия работодателя носят латентный характер.

На практике суды принимают в качестве доказательств: аудио и видеозаписи разговоров с руководством; скриншоты корпоративной переписки; свидетельские показания коллег; документы, подтверждающие резкое изменение условий труда (снижение зарплаты, изменение должностных обязанностей без согласия работника). В деле, рассмотренном Третьим кассационным судом общей юрисдикции, решающее значение приобрела внутрикорпоративная переписка. В сообщениях руководитель констатировал отсутствие перспектив дальнейшего сотрудничества и обозначил конкретную дату как «последний рабочий день». Кассационная инстанция сочла несостоятельными аргументы о недопустимости использования подобной корреспонденции в качестве доказательства, подчеркнув, что именно на работодателе лежит обязанность подтвердить законность расторжения договора.

«Скрытое» увольнение по своей природе является междисциплинарным социально-правовым конструктом, лежащим на пересечении норм трудового законодательства, управленческой психологии и существующих правил делового оборота. С юридических позиций эту модель поведения следует квалифицировать не иначе как злоупотребление правом со стороны нанимателя, имеющее конечной целью обход императивных предписаний закона, которые призваны оградить персонал от произвола при расторжении договора по инициативе администрации.

Изучение нормативной базы и правоприменительных актов позволяет констатировать недостаточную эффективность существующих механизмов защиты от

подобного латентного давления. Корень проблемы кроется в специфике распределения процессуальных обязанностей по доказыванию, в неявном характере самого принуждения и в отсутствии в законодательном поле специальных составов, прямо запрещающих описанные манипуляции.

Устранение выявленных пробелов требует комплексных мер, не ограничивающихся лишь точечными поправками в кодекс. Наряду с законодательной работой назрела необходимость в корректировке вектора судебного толкования переноса акцента с формального наличия заявления на оценку всей совокупности предшествовавших ему фактов. Параллельно с этим сохраняет актуальность задача повышения общего уровня правосознания - как у наёмных работников, так и у представителей работодателя.

Конкретные направления изменений видятся в следующем. Во-первых, на уровне судебного толкования требуется дополнение п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17.03.2004 указанием о том, что при наличии признаков давления (жалоба работника на работодателя перед увольнением, внезапность заявления после конфликта, отсутствие реального намерения уволиться) бремя доказывания добровольности волеизъявления переходит на работодателя. Судам надлежит исследовать совокупность предшествующих фактов: подавались ли работником жалобы в ГИТ или прокуратуру, фиксировались ли нарушения работодателя, предлагался ли альтернативный вариант (перевод, сокращение), имело ли место, так называемое, репрессивное увольнение после отказа от невыгодных условий. Кроме того, следует признать аудиозаписи разговоров с работодателем надлежащим доказательством давления - сейчас они нередко отклоняются под надуманными предлогами.

Во-вторых, законодательные поправки в Трудовой кодекс РФ. В статью 80 ТК РФ необходимо включить обязанность работодателя вручать работнику письменное уведомление о праве отозвать заявление об увольнении в течение всего срока предупреждения, под роспись; не ознакомление с таким уведомлением должно служить самостоятельным основанием для восстановления на работе. Также целесообразно ввести «период охлаждения»: если в течение трёх рабочих дней после подачи заявления работник обратился в государственную инспекцию труда или в суд с заявлением о принуждении к увольнению, то увольнение приостанавливается до вынесения

соответствующего решения (по аналогии со статьёй 413 ТК РФ о приостановлении забастовки). В статью 394 ТК РФ следует прямо закрепить, что сам по себе факт увольнения в период рассмотрения судом спора о незаконности увольнения презюмирует наличие давления на работника, если работодатель не докажет иное.

В-третьих, меры по повышению правосознания. Для работников – обязательное включение в трудовой договор (или приложение к нему) памятки о порядке увольнения по собственному желанию и способах фиксации давления (образцы заявлений, порядок подачи жалоб, допустимость аудиозаписи). Для работодателей - введение административной ответственности за непредставление работнику копии его заявления об увольнении и за не разъяснение права на отзыв заявления. Дополнительно - создание на портале «Онлайнинспекция.рф» специального сервиса для анонимного тестирования добровольности увольнения (чек-лист для работника) с автоматическим формированием предписания инспектору при выявлении «красных флагов».

Только совокупность этих мер - судебного пересмотра доктрины, точечных законодательных изменений и прикладных инструментов для сторон трудового договора – способна реально устранить практику принуждения к увольнению «по собственному желанию» без изменения формального текста статьи 80 ТК РФ, но с кардинальным изменением правоприменения.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 3. - Текст: электронный.

2. Что нужно знать о своих правах, если вынуждают уволиться? [Электронный ресурс] // Государственная инспекция труда в Республике Башкортостан. - 30.01.2026. - URL: https://git03.rostrud.gov.ru/news/1574230.html (дата обращения: 12.04.2026). - Текст: электронный.

3. Определение СКГД Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2025 г. по делу № 8Г-20568/2025 [Электронный ресурс] // Гарант.ру.URL:https://garant-pr.ru/news/dlya-kadrovika/kassatsiyauvolnenieposobstvenn/ (дата обращения: 12.04.2026). - Текст: электронный.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // consultant.ru - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/?ysclid=moitkq29ix344905556 - Текст: электронный.

Авакян Э.Г.
Avakian E.G.
магистрант
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
e-mail: emma.avakyan.2016@gmail.com

научный руководитель
Алиев Т.Т.
Aliev T.T.
профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства,
доктор юридических наук, профессор
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКРЫТЫХ ЗАСЕДАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CLOSED MEETINGS IN CIVIL PROCEDURE

Аннотация. В статье исследуется историко-правовое развитие института закрытых судебных заседаний в гражданском процессе России. Показано, что эволюция данного института представляет собой отражение объективной необходимости гармонизации принципа гласности правосудия с требованиями защиты прав и законных интересов участников процесса, а также охраняемых законом тайн. На основе анализа норм Русской Правды, дореволюционного, советского и современного процессуального законодательства выявлены ключевые этапы становления закрытых судебных заседаний и причины постепенного расширения перечня оснований для их проведения. Сделан вывод о закономерном переходе от традиционной абсолютной открытости судебного разбирательства к дифференцированной модели доступа к правосудию, соответствующей принципам правового государства.

Abstract. The article examines the historical and legal development of the institution of closed court sessions in Russian civil procedure. It is shown that the evolution of this institution is a reflection of the objective need to harmonize the principle of transparency of justice with the requirements of protecting the rights and legitimate interests of participants in the process, as well as legally protected secrets. Based on the analysis of the norms of Russian Truth, pre-revolutionary, Soviet and modern procedural legislation, the key stages of the formation of closed court sessions and the reasons for the gradual expansion of the list of grounds for their conduct have been identified. It is concluded that there is a natural transition from the traditional absolute openness of judicial proceedings to a differentiated model of access to justice, consistent with the principles of the rule of law.

Ключевые слова: закрытое судебное заседание; гласность правосудия; гражданский процесс; историческое развитие судопроизводства; правовое государство.

Keywords: closed court session; transparency of justice; civil procedure; historical development of legal proceedings; rule of law.

Актуальность исследования института закрытых судебных заседаний обусловлена тем, что его эволюция отражает объективную потребность гармонизировать фундаментальный принцип гласности правосудия с требованием защиты прав и законных интересов участников процесса, а также сведений, охраняемых законом. По мере развития государственности и усложнения общественных отношений увеличивается объем информации, раскрытие которой в открытом судебном заседании может причинить вред частным, общественным или государственным интересам. Р.Т. Алиев отмечает, что «процессуально-правовое регулирование режима (формата) рассмотрения дела, взятое в ретроспективе, показывает, что основания для проведения закрытого судебного заседания всегда отражали приоритет в охране значимых для государства и общества ценностей»[1]. Таким образом, институт закрытых судебных заседаний формируется в гражданском процессе как ответ на объективную потребность гармонизировать принцип гласности с требованиями защиты прав и законных интересов участников процесса и охраняемых законом тайн, что отражает общую тенденцию развития правового государства.

История развития закрытых судебных заседаний тесно связана с генезисом гласности правосудия. Еще в период Древнерусского государства происходит становление законодательства, правовое оформление основных устоев государственности, закрепление правовых обычаев и традиций. В тоже время, процессуальное законодательство находится на стадии зарождения, оно не содержит каких-либо четких норм, закрепляющих гласность процесса (или ее ограничение).

Анализ предписаний Русской Правды свидетельствует о том, что в документе, хотя и содержатся процессуальные нормы, однако отсутствуют четкие формулировки порядка рассмотрения дел в суде. В то же время, наблюдается публичный характер процедуры установления истины, что можно считать зачатком принципа гласности в судопроизводстве. Так, судебные процессы во времена Древней Руси имели всеобщий, «народный» характер, при котором публичность судопроизводства была устоявшимся обычаем, неотъемлемым признаком осуществления правосудия княжеским судом или по его поручению чиновниками. Принцип гласности судебного процесса выражался не

[1] Алиев, Р.Т. Процессуальный режим закрытых судебных заседаний в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Р.Т. Алиев. https://www.dissercat.com/content/protsessualnyi-rezhim-zakrytykh-sudebnykh-zasedanii-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve?ysclid=mie5sxihd807972816 (дата обращения: 20.11.2025).

только в открытости судебного заседания и возможности всех желающих присутствовать на нем, а также в праве сторон принимать личное участие в проведении процессуальных действий.

Таким образом, проведение закрытых заседаний в Русской правде не было предусмотрено. Данные положения касаются и последующих нормативных актов, регулирующих гражданский процесс до середины XIX века. Ограничения гласности и рассмотрения гражданского дела в закрытом порядке происходило только по собственному усмотрению суда «по особому свойству дела», либо при одновременном согласии обеих сторон о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.

Только в XIX в. в России начинается зарождение норм, регламентирующих подобие закрытых заседаний. Судебные уставы, принятые в ходе реформы правосудия, вошли в XVI том Свода законов Российской империи. Среди них был и Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Впервые на законодательном уровне закреплялась гласность судопроизводства и заседания, кроме случаев, указанных в законе, проходили прилюдно[2].

Для закрытых судебных процессов необходимо было соблюдение определенных условий. Например, закрытые судебные заседания проводились «в предусмотренных законом случаях, к которым относились предосудительность публичного рассмотрения дела для религии, общественного порядка и нравственности, а также просьба сторон и признание ее судом заслуживающей уважения. К последним, как правило, относились дела, содержащие торговые или промышленные секреты» [3]. Затем в круг дел, рассматриваемых в подобном порядке, были отнесены некоторые семейные дела, касающиеся тайны усыновления и т.п. Таким образом, перечень предусмотренных законодательством оснований для проведения заседаний в закрытом порядке постепенно расширялся. Это указывает на более высокий уровень защиты личных прав граждан, конфиденциальной информации и т.п. в рассматриваемый период.

Дальнейшее развитие процессуального связано с советским периодом развития права. Институт закрытых судебных заседаний в гражданском судопроизводстве не был затронут принятыми советской властью декретами о суде. Перечисленные в

[2] Иванова, Т. В. Судебная реформа 1864 года о гласности в гражданском судопроизводстве / Т. В. Иванова // Российский судья. – 2020. – № 3. – С. 40

[3] Пестова, К. А. История трансформации принципа гласности гражданского процесса / К. А. Пестова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 258

дореволюционном законодательстве основания проведения закрытых заседаний существовали вплоть до принятия ГПК РСФСР 1923 г. Положения статьи 95 указанного нормативного акта закрепляли возможность проведения судебного разбирательства в закрытом режиме в ряде исключительных случаев. Такая мера могла применяться тогда, когда открытое рассмотрение дела потенциально противоречило бы интересам общества либо создавало риск причинения вреда охраняемым законом общественным интересам. Однако само понятие публичного (общественного) интереса «не имеет четкого и однозначного определения ни в законодательства, ни в научных источниках» [4] . Таким образом, оно было оставлено на усмотрение суда, что способствовало неоднородности судебной практики. К данному условию, безусловно, относились дела, связанные с государственной тайной. Однако, возможность широкого трактования являлась недостатком правового регулирования в рассматриваемой сфере.

В ст.9 ГПК РСФСР 1964 г. был закреплен принцип гласности судебного процесса, согласно которому разбирательство дел во всех судах было открытым. Проведение закрытых заседаний связано с закрепленным перечнем исключений, который включал «случаи противоречия открытого процесса интересам охраны государственной тайны и разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, а также обеспечения тайны усыновления» [5]. Можно отметить более четкую конкретизацию условий, при которых заседание было закрыто для посторонних лиц.

В Российской Федерации в новом гражданско-процессуальном законодательстве также закреплена гласность гражданского процесса (ст.10 ГПК РФ). Согласно ст. 10 ГПК РФ гражданские дела, по которым возможно проведение судебного разбирательства в закрытом порядке, можно разделить на две категории.

Во-первых, речь идет о делах, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне, тайне усыновления (удочерения), а также иные данные, разглашение которых прямо запрещено законом (ст. 182 ГПК РФ). Рассмотрение таких дел осуществляется в закрытом судебном заседании независимо от подачи соответствующих ходатайств участниками процесса и их удовлетворения судом.

Во-вторых, в закрытом порядке подлежат рассмотрению дела, включающие

[4] Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К. Ю. Тотьев // Государство и право. - 2002. - № 9. - С. 19

[5] Пестова, К. А. История трансформации принципа гласности гражданского процесса / К. А. Пестова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 258

коммерческую либо иную охраняемую законом тайну, затрагивающие частную жизнь граждан или иные обстоятельства, публичное обсуждение которых может воспрепятствовать правильному рассмотрению дела либо привести к разглашению таких сведений или нарушению прав и законных интересов граждан. Данная норма носит бланкетный характер и отсылает к различным нормативным актам, устанавливающим перечень сведений ограниченного доступа в Российской Федерации.

Нужно отметить, что в современном российском законодательстве перечень оснований, по которым заседание может быть закрыто от публики, приобретает достаточно конкретный вид, что сводит к минимуму необоснованные ограничения прав участников процесса и судейское усмотрение по данному вопросу. Четкий перечень оснований для ограничения гласности снижает риски произвольного закрытия процессов и обеспечивает предсказуемость судебной практики.

Итак, история развития закрытых судебных заседаний демонстрирует закономерный переход от традиционной абсолютной гласности судебного разбирательства, характерной для древнерусского права, к формированию дифференцированной модели доступа к правосудию, основанной на соотношении публичных и частных интересов. На ранних этапах становления отечественного судопроизводства закрытые заседания не только не предусматривались, но и противоречили самому пониманию судебной процедуры как публичного народного акта. Судебные уставы 1864 года впервые законодательно закрепляют возможность проведения закрытых судебных заседаний в гражданском процесса. Современное российское законодательство характеризуется более четким и формализованным перечнем оснований для ограничения гласности, что значительно снижает риски произвольного закрытия процессов и обеспечивает предсказуемость судебной практики.

Литература:

1. Алиев, Р.Т. Процессуальный режим закрытых судебных заседаний в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Р.Т. Алиев. https://www.dissercat.com/content/protsessualnyi-rezhim-zakrytykh-sudebnykh-zasedanii-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve?ysclid=mie5sxihd807972816 (дата обращения: 20.11.2025).

2. Иванова, Т. В. Судебная реформа 1864 года о гласности в гражданском судопроизводстве / Т. В. Иванова // Российский судья. – 2020. – № 3. – С. 40-44.

3. Пестова, К. А. История трансформации принципа гласности гражданского процесса / К. А. Пестова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 257-260.

4. Тотьев К. Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве / К. Ю. Тотьев // Государство и право. - 2002. - № 9. - С. 19-25

Чернова Екатерина Денисовна
Chernova Ekaterina Denisovna
студент экономического факультета
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»
e-mail: makarovaeka678@gmail.com

Панин Сергей Игоревич
Panin Sergey Igorevich
старший преподаватель кафедры экономического анализа,
статистики и прикладной математики, экономический факультет
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»
e-mail: Psi1988@yandex.ru

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АГРО-ЗАРЕЧЬЕ» БУТУРЛИНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

ASSESSMENT OF THE FINANCIAL POSITION OF AN AGRICULTURAL ENTERPRISE (ON THE EXAMPLE OF AGRO-ZARECHYE LLC, BUTURLINOVSKY DISTRICT, VORONEZH REGION)

Аннотация. В статье представлены результаты оценки финансового положения ООО «Агро-Заречье» Бутурлиновского района Воронежской области за 2020–2022 гг. Выполнен горизонтальный и вертикальный анализ бухгалтерского баланса, рассчитаны коэффициенты ликвидности, финансовой независимости, деловой активности и доходности. Выявлены ключевые проблемы: высокая доля запасов в структуре оборотных активов, значительный износ основных средств, снижение скорости оборота ресурсов. Предложены меры по повышению эффективности работы предприятия.

Abstract. This article presents the results of an assessment of the financial position of Agro-Zarechye LLC in the Buturlinovsky district of the Voronezh region for 2020-2022. A horizontal and vertical analysis of the balance sheet was carried out, liquidity ratios, financial independence, business activity and profitability were calculated. The key problems are identified: a high share of inventories in the structure of current assets, significant depreciation of fixed assets, a decrease in the turnover rate of resources. Measures are proposed to improve the efficiency of the enterprise.

Ключевые слова: финансовое положение, ликвидность, финансовая независимость, скорость оборота, доходность, аграрное предприятие**.**

Keywords: financial position, liquidity, financial independence, turnover rate, profitability, agricultural enterprise.

Любое предприятие, работающее в аграрном секторе, сталкивается с сезонностью, погодными рисками и колебаниями рыночных цен. В таких условиях умение вовремя оценить свое финансовое положение становится критически важным.

От того, насколько грамотно руководство анализирует имеющиеся ресурсы и обязательства, зависит способность организации выживать в кризисные периоды и развиваться в благоприятные [1, 2].

В данной работе представлены результаты анализа финансовых показателей ООО «Агро-Заречье», зарегистрированного в Бутурлиновском районе Воронежской области. На основе полученных данных сформулированы предложения, направленные на улучшение финансового состояния этого хозяйства.

При подготовке статьи использовались работы признанных специалистов в области финансового анализа — А.Д. Шеремета, В.В. Ковалева, И.М. Суркова и других авторов [3, 4, 5]. Исходная информация для расчетов предоставлена бухгалтерской документацией ООО «Агро-Заречье» за три года (2020–2022 гг.): баланс (форма №1), отчет о финансовых результатах (форма №2) и приложение к балансу (форма №5). В ходе исследования применялись методы горизонтального и вертикального анализа, расчет финансовых коэффициентов, а также сравнительные сопоставления.

ООО «Агро-Заречье» находится в Бутурлиновском районе Воронежской области. Основное направление деятельности — растениеводство. В среднем за три года на эту отрасль приходилось 99,86% всей выручки (таблица 1). Главные товарные культуры — зерновые (59,06% в структуре выручки) и подсолнечник (39,18%). Животноводческая продукция на предприятии не производится.

Таблица 1. Структура выручки от продаж ООО «Агро-Заречье», в среднем за 2020–2022 гг.

Показатель	тыс. руб.	% к итогу
Зерновые	209 522	59,06
Подсолнечник	138 991	39,18
Прочая продукция	0	0,00
Итого	349 014	100

За рассматриваемый период валюта баланса предприятия увеличилась на 144 292 тыс. руб., или на 19,7%. Это говорит о расширении масштабов деятельности. Оборотные активы выросли на 33,5%, а внеоборотные — незначительно сократились (на 1,3%). В результате доля оборотных средств в общей структуре имущества поднялась с 60,5% до 67,5%, что сделало баланс более мобильным (таблица 2).

Таблица 2. Динамика активов ООО «Агро-Заречье» в 2022 году, тыс. руб.

Показатель	На начало года	На конец года	Изменение
Внеоборотные активы	288 458	284 740	-3 718
Оборотные активы	442 358	590 368	+148 010
в т.ч. запасы	226 869	321 552	+94 683
дебиторская задолженность	21 081	2 720	-18 361
денежные средства	4 275	22 032	+17 757
Итого активов	730 816	875 108	+144 292

Особого внимания заслуживает сокращение дебиторской задолженности почти в 8 раз (на 87,1%). Это положительный сигнал: деньги перестали «зависать» у покупателей и вернулись в оборот компании.

Анализ пассивов подтверждает, что предприятие почти не зависит от внешних кредиторов. Собственный капитал на конец 2022 года составлял 91,6% от всех источников финансирования. За год он увеличился на 134 975 тыс. руб. за счет нераспределенной прибыли. Долгосрочные займы сократились на 23 094 тыс. руб. и теперь занимают лишь 2,4% в структуре пассивов. Краткосрочные обязательства выросли на 32 411 тыс. руб., но их доля по-прежнему невелика — 6,0%.

Для проверки ликвидности активы распределили по четырем группам в зависимости от скорости превращения в деньги, а пассивы — по срочности оплаты. Результаты расчета коэффициентов платежеспособности представлены в таблице 3.

Выяснилось, что баланс ООО «Агро-Заречье» в 2022 году нельзя назвать абсолютно ликвидным: быстрореализуемые активы (2 720 тыс. руб.) оказались намного меньше краткосрочных долгов (30 000 тыс. руб.). Иными словами, не выполняется условие $А2 \geq П2$.

Таблица 3. Показатели платежеспособности ООО «Агро-Заречье»

Показатель	2021 г.	2022 г.	Норматив
Коэффициент абсолютной ликвидности	9,66	5,08	>0,25
Коэффициент срочной ликвидности	10,72	5,13	0,7–1,0
Коэффициент текущей ликвидности	22,10	11,26	1,0–2,0
Коэффициент автономии	0,913	0,916	>0,5

Несмотря на это, все расчетные коэффициенты ликвидности в несколько раз превышают нормативы. Однако слишком высокие значения (например, текущая ликвидность — 11,26 при норме до 2) говорят о том, что значительная часть средств заморожена в запасах и не работает. Коэффициент утраты платежеспособности (4,28) значительно выше единицы, поэтому риск банкротства в ближайшие три месяца отсутствует.

Эффективность использования оборотных активов оценивается с помощью

показателей оборачиваемости (таблица 4). Чем быстрее средства проходят полный цикл «деньги → запасы → готовая продукция → деньги», тем меньше требуется источников финансирования и выше эффективность работы.

Таблица 4. Оборачиваемость оборотных активов ООО «Агро-Заречье»

Показатель	2021 г.	2022 г.	Изменение
Выручка от продаж, тыс. руб.	364 317	354 737	–9 580
Среднегодовая стоимость оборотных активов, тыс. руб.	442 358	590 368	+148 010
Коэффициент оборачиваемости (число оборотов)	0,824	0,601	–0,223
Продолжительность одного оборота, дни	437	607	+170
Коэффициент закрепления оборотных средств, руб.	1,214	1,664	+0,450

Данные таблицы 4 свидетельствуют о замедлении оборачиваемости оборотных активов. Коэффициент оборачиваемости снизился с 0,824 до 0,601 оборота, а продолжительность одного оборота увеличилась на 170 дней (с 437 до 607 дней). Это означает, что каждый рубль, вложенный в оборотные активы, стал приносить меньше выручки. Рост коэффициента закрепления (с 1,214 до 1,664 руб.) подтверждает, что для получения одного рубля выручки требуется больше оборотных средств.

Основная причина сложившейся ситуации — опережающий рост оборотных активов (+33,5%) по сравнению с выручкой (–2,6%). В результате из-за замедления оборачиваемости в оборот было дополнительно вовлечено 158 607 тыс. руб., что создает дополнительную потребность в финансировании.

Поскольку коэффициент текущей ликвидности (11,26) значительно превышает нормативное значение (2,0), рассчитывается коэффициент утраты платежеспособности (таблица 5). Он показывает, сможет ли предприятие сохранить платежеспособность в ближайшие три месяца.

Таблица 5. Расчет коэффициента утраты платежеспособности

Показатель	Значение
Коэффициент текущей ликвидности на конец 2022 г. (Ктл.к)	11,26
Коэффициент текущей ликвидности на начало 2022 г. (Ктл.н)	22,10
Нормативное значение коэффициента текущей ликвидности (Ктл.норм)	2,0
Период утраты платежеспособности (Т) – 3 месяца	3
Отчетный период (Д) – 12 месяцев	12

Коэффициент утраты платежеспособности (Куп) рассчитывается по формуле:

$$К_{уп} = \frac{К_{тл.к} + \frac{3}{12} * (К_{тл.к} - К_{тл.н})}{К_{тл.норм}} = \frac{11{,}26 + 0{,}25 + (11{,}26 - 22{,}1)}{2{,}0} = 4{,}28$$

Результат, полученный по данным таблицы 5 ($К_{уп}$ = 4,28), значительно превышает единицу, что свидетельствует об **отсутствии риска утраты платежеспособности** в

ближайшие три месяца. Предприятие сохранит способность своевременно погашать свои обязательства даже при возможном ухудшении экономической ситуации.

Чтобы выявить причины изменения коэффициента текущей ликвидности, проведем факторный анализ (таблица 6). На уровень текущей ликвидности влияют два основных фактора: изменение величины оборотных активов и изменение краткосрочных обязательств.

Таблица 6. Влияние факторов на изменение коэффициента текущей ликвидности

Показатель	2021 г.	2022 г.	Изменение
Оборотные активы, тыс. руб.	442 358	590 368	+148 010
Краткосрочные обязательства, тыс. руб.	20 015	52 426	+32 411
Коэффициент текущей ликвидности	22,10	11,26	–10,84

Изменение коэффициента текущей ликвидности под влиянием изменения оборотных активов составило:

$$\Delta К_{тлОА} = \frac{ОА_1}{КО_0} - \frac{ОА_0}{КО_0} = \frac{590368}{20015} - 22{,}10 = 29{,}5 - 22{,}10 = +7{,}40$$

Изменение коэффициента текущей ликвидности под влиянием изменения краткосрочных обязательств составило:

$$\Delta К_{тлКО} = \frac{ОА_1}{КО_1} - \frac{ОА_1}{КО_0} = 11{,}26 - 29{,}5 = -18{,}24$$

Совокупное влияние факторов:

$$\Delta К_{тл} = \Delta К_{тлОА} + \Delta К_{тлКО} = 7{,}40 + (-18{,}24) = -10{,}84$$

Таким образом, снижение коэффициента текущей ликвидности на 10,84 произошло исключительно под влиянием роста краткосрочных обязательств (на 32 411 тыс. руб.), что уменьшило показатель на 18,24. Рост оборотных активов, напротив, действовал в сторону повышения ликвидности (+7,40), но не смог компенсировать негативное влияние второго фактора.

Коэффициент концентрации собственного капитала достиг 0,916 — это означает, что 91,6% всех источников сформировано за счет собственных средств. Коэффициент маневренности (0,671) выше нормативного (0,4–0,5), то есть большая часть собственного капитала находится в мобильной, оборотной форме. Показатель финансового риска снизился с 0,07 до 0,03, что подтверждает минимальную зависимость от заемных денег. Совокупность этих факторов позволяет охарактеризовать финансовое положение предприятия как абсолютно устойчивое.

Динамика показателей деловой активности оказалась разнонаправленной

(таблица 7). Производительность труда сократилась на 8,5%, фондоотдача — на 1,3%. В то же время оборачиваемость дебиторской задолженности ускорилась в 7,5 раз: покупатели стали расплачиваться в среднем за 2,8 дня вместо прежних 21.

Таблица 7. Показатели деловой активности ООО «Агро-Заречье»

Показатель	2021 г.	2022 г.	Отклонение
Производительность труда, тыс. руб./чел.	7 751,4	7 094,7	-656,7
Фондоотдача, руб./руб.	1,263	1,246	-0,017
Оборачиваемость запасов, дни	224	326	+102
Оборачиваемость дебиторской задолженности, дни	20,8	2,8	-18,0
Продолжительность финансового цикла, дни	230	306	+76

Главная проблема — резкое замедление оборачиваемости запасов. Период их оборота вырос на 102 дня (с 224 до 326 дней). Именно это привело к увеличению финансового цикла на 76 дней (с 230 до 306 дней). Таким образом, торможение в работе с запасами стало ключевым фактором, сдерживающим деловую активность.

Проведенный анализ показал, что ООО «Агро-Заречье» находится в устойчивом финансовом положении: собственный капитал преобладает, платежеспособность высокая, риск банкротства отсутствует. Однако есть и слабые места:

- чрезмерный объем запасов (321,5 млн руб.);
- высокий износ основных фондов (46,8%);
- падение производительности труда;
- замедление оборачиваемости запасов.

Для исправления ситуации можно предложить следующие меры:

- пересмотреть нормативы запасов и ускорить сбыт готовой продукции;
- обновить технику и оборудование (в том числе через лизинг);
- усилить материальное стимулирование работников, внедрить механизацию трудоемких процессов;
- сократить финансовый цикл за счет более быстрой работы с запасами.

Внедрение этих рекомендаций поможет повысить отдачу от имеющихся ресурсов и дополнительно укрепить финансовое состояние ООО «Агро-Заречье».

Литература:

1. Гаврилова Э.Н. Анализ финансового состояния организации как инструмент принятия управленческих решений // Экономические и гуманитарные науки. – 2021. – № 3 (350). – С. 29-37.

2. Рознина Н.В., Карпова М.В., Дуничева С.Г. Анализ устойчивости финансового состояния организации // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 3. – С. 226-235.

3. Шеремет А.Д., Герасимова В.Д., Прохоренко А.А. и др. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности промышленного предприятия. – М.: КноРус, 2017. – 358 с.

4. Ковалев В.В. Финансовый анализ: Управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. – 2-е изд. – М.: Финансы и статистика, 2010. – 512 с.

5. Сурков И.М., Лубков В.А., Литвинов Д.Н. Финансовый анализ в коммерческих организациях: учебное пособие. – Воронеж: Научная книга, 2017. – 187 с.

6. Артемова Н.В., Федорова Т.В. Анализ и прогнозирование финансового состояния организации. – Орел: Орловский ГАУ, 2021. – 96 с.

7. Статистика / А.М. Восковых, С.Л. Закупнев, Л.Н. Измайлова [и др.]. – Москва: ООО «Издательско-книготорговый центр Колос-С», 2024. – 250с.

8. Статистика с основами социально-экономической статистики: учебное пособие / под общей редакцией Лубкова В.А. – Воронеж: ВГАУ, 2022. – 157с.

Золин Александр Александрович
Zolin Alexander Alexandrovich
магистрант факультета политологии
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургского государственного университета»

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФОРМА ВЛАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

PUBLIC POLICY AS A FORM OF POWER INTERACTION: INSTITUTIONAL AND DIGITAL MECHANISMS IN CONTEMPORARY RUSSIA

Аннотация. В статье публичная политика рассматривается как форма властного взаимодействия государственных и негосударственных акторов в современной России. Научная проблема состоит в том, что расширение институциональных и цифровых каналов участия не устраняет асимметрию доступа к принятию решений, а формирует более сложную конфигурацию взаимодействия, где формальные процедуры, экспертные площадки, общественный контроль и латентные механизмы действуют одновременно. Цель статьи заключается в выявлении того, каким образом нормативные, институциональные и коммуникативные механизмы публичной политики обеспечивают включение негосударственных акторов в процесс выработки и реализации решений. Методологическую основу составили неоинституциональный, системный и сетевой подходы, а также качественный анализ нормативных и доктринальных материалов. Обосновано, что российская модель публичной политики имеет гибридный характер: она сочетает развитую формальную инфраструктуру участия с высокой зависимостью результата от ресурсной обеспеченности, экспертной компетентности и административной связности актора. Сделан вывод о том, что эффективность публичной политики определяется не числом созданных площадок, а степенью согласования нормативного, институционального и цифрового уровней взаимодействия.

Abstract. The article examines public policy as a form of power interaction between state and non-state actors in contemporary Russia. The research problem is that the expansion of institutional and digital channels of participation does not eliminate asymmetric access to decision-making but produces a more complex configuration of interaction in which formal procedures, expert platforms, public control, and latent mechanisms operate simultaneously. The purpose of the article is to identify how normative, institutional, and communicative mechanisms of public policy enable the inclusion of non-state actors in the development and implementation of political decisions. The methodological framework combines neo-institutional, systems, and network approaches, as well as qualitative analysis of legal and doctrinal materials. The article argues that the Russian model of public policy is hybrid: it combines a developed formal infrastructure of participation with a strong dependence of actual influence on resources, expertise, and administrative connectivity. The study concludes that the effectiveness of public policy depends not on the number of formal venues but on the degree of coordination between normative, institutional, and digital levels of interaction.

Ключевые слова: публичная политика, властное взаимодействие, государство, негосударственные акторы, общественный контроль, общественные советы, цифровизация, политические сети, латентные механизмы, Россия.

Keywords: public policy, power interaction, state, non-state actors, public control, public councils, digitalization, policy networks, latent mechanisms, Russia.

Современная публичная политика все менее может быть описана как односторонняя деятельность государства по выработке и реализации управленческих решений. В условиях усложнения социальной структуры, роста значения экспертного знания и расширения цифровых каналов коммуникации она формируется как пространство властного взаимодействия, в котором государственные институты сохраняют ведущую роль, но уже не обладают монополией на производство повестки, интерпретацию общественных проблем и мобилизацию ресурсов. Для российской политической системы это обстоятельство имеет особое значение, поскольку формально развитая инфраструктура участия сосуществует с неодинаковой способностью различных акторов реально влиять на содержание решений. Поэтому научно продуктивным является не описание публичной политики как совокупности институтов, а анализ того, как эти институты превращаются в механизм распределения политического влияния.

Наиболее сильный аналитический ракурс состоит в рассмотрении публичной политики как институционально-коммуникативной формы властного взаимодействия. Такой подход позволяет уйти от упрощенной схемы противопоставления государства и общества. В реальном политическом процессе между ними существует широкий промежуточный слой: общественные советы, общественные палаты, экспертные центры, некоммерческие организации, профессиональные сообщества, инициативные группы, цифровые сервисы обратной связи и неформальные переговорные каналы. Именно в этой промежуточной зоне происходит перевод общественных запросов в язык управленческих решений, а также отбор тех интересов, которые получают возможность быть услышанными и институционально оформленными.

Теоретические основания такого анализа связаны с переосмыслением самой категории взаимодействия. В политической науке она обозначает не простое соприкосновение субъектов, а процесс взаимного влияния, в ходе которого участники определяют и переопределяют смысл политических действий. Структурно-функциональная традиция показывает, что политическая система нуждается в устойчивых каналах артикуляции и агрегирования интересов [1]. Коммуникативная

теория подчеркивает значение согласования смыслов и процедур рационального обсуждения [2]. Российская политологическая традиция, рассматривая политическое взаимодействие как особый тип отношений между субъектами политики, фиксирует не только симметричные, но и асимметричные формы такого взаимодействия [3; 4]. Это особенно важно применительно к публичной политике, где формальная возможность участия не всегда означает равный доступ к принятию решений.

С методологической точки зрения публичная политика в России требует соединения трех исследовательских оптик. Неоинституциональный подход позволяет рассматривать ее как совокупность правил, процедур и устойчивых практик, среди которых значимы не только формально закрепленные нормы, но и неформальные алгоритмы согласования интересов. Системный подход дает возможность увидеть публичную политику как механизм обратной связи между государством и обществом, через который общественные запросы перерабатываются в проекты решений и программы действий. Сетевой подход, разработанный применительно к политике и управлению, акцентирует ресурсную взаимозависимость акторов, участвующих в выработке решений [5]. В совокупности эти подходы позволяют анализировать не только наличие каналов участия, но и качество их включенности в реальный политико-управленческий цикл.

Разработанность темы показывает, что публичная политика в современной России находится на пересечении нескольких исследовательских направлений. В литературе подробно описаны сетевые формы управления, механизмы общественно-государственного взаимодействия, цифровизация публичных процедур и латентные элементы политического процесса [5; 6; 8; 9]. Вместе с тем сохраняется важный аналитический дефицит: нередко формальные институты рассматриваются отдельно от неформальных практик, а цифровые каналы участия — отдельно от политико-институциональных ограничений. Между тем именно их взаимосвязь определяет фактическую эффективность публичной политики. Канал может быть юридически закреплен, технологически доступен и публично представлен, но оставаться маловлиятельным, если его результаты не встроены в процедуру подготовки решений.

В нормативном измерении российская публичная политика опирается на набор институтов, обеспечивающих легальные формы включения негосударственных акторов. К ним относятся общественная экспертиза, общественный контроль, участие

общественных палат, общественных советов, некоммерческих организаций и иных объединений в обсуждении вопросов публичного значения. Федеральное регулирование Общественной палаты Российской Федерации закрепляет саму идею институционального посредничества между гражданским обществом и государством [11]. Законодательство об общественном контроле формирует нормативную рамку наблюдения, оценки и общественной проверки деятельности публичной власти [12]. Однако нормативная фиксация таких механизмов еще не гарантирует их содержательной эффективности. Важнее то, насколько результаты обсуждений, экспертиз и контрольных процедур способны изменять управленческие решения, а не только сопровождать их публичной легитимацией.

В институциональном плане публичная политика выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, она обеспечивает артикуляцию интересов, позволяя социальным группам выразить позицию в приемлемой для власти форме. Во-вторых, она служит механизмом экспертизы, поскольку часть негосударственных акторов обладает специализированным знанием, недоступным административному аппарату в полном объеме. В-третьих, она выполняет легитимирующую функцию, создавая публичное основание для принимаемых решений. Наконец, она может иметь коррекционное значение, когда обратная связь приводит к изменению проекта решения, уточнению его параметров или пересмотру механизмов реализации. В этом смысле публичная политика выступает не внешним дополнением к государственному управлению, а способом повышения его адаптивности.

Российская специфика состоит в том, что институциональные каналы участия часто имеют селективный характер. Они открыты не для абстрактного гражданского общества, а прежде всего для тех акторов, которые обладают организационной устойчивостью, экспертной компетентностью, репутационным ресурсом и способностью поддерживать длительную коммуникацию с органами власти. Общественный совет или экспертная площадка не является нейтральным пространством, где все интересы представлены одинаково. Скорее это институциональный фильтр, через который проходят те позиции, которые могут быть оформлены в рациональном, юридически и управленчески приемлемом виде. Отсюда следует, что неравенство влияния в публичной политике определяется не только политическим статусом, но и различием ресурсов, компетенций и каналов доступа.

Особое место в этой системе занимают общественные советы. Они являются одним из наиболее заметных институтов публичного участия, поскольку соединяют экспертную, консультативную и контрольную функции. Практика их деятельности показывает, что советы могут выступать реальным инструментом обратной связи, если они обладают устойчивым составом, доступом к информации, процедурной самостоятельностью и возможностью доводить рекомендации до стадии управленческого рассмотрения. В противном случае они превращаются в площадки символического согласования, где публичность присутствует как форма, но не как механизм влияния. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии общественных советов фиксирует значимость этого института именно как элемента связи общества и публичной власти [13]. Для политологического анализа принципиально важно различать формальное существование совета и его фактическую встроенность в процесс принятия решений.

Наряду с общественными советами значимую роль играют экспертные структуры и центры публичной политики. Их влияние основано не на массовом представительстве, а на производстве специализированного знания. В условиях усложнения управленческих проблем государство не может полагаться только на административную информацию. Оно нуждается в аналитике, сравнительных оценках, прогнозах, экспертных заключениях и интерпретации общественных последствий принимаемых решений. Поэтому экспертные сообщества становятся важными участниками публичной политики, особенно в сферах, где требуется междисциплинарная оценка. Однако экспертное участие также не является автоматически влиятельным: оно зависит от качества коммуникационных каналов, от доверия к экспертному субъекту и от того, готова ли система управления воспринимать внешнее знание как ресурс, а не как угрозу административной автономии.

Существенное значение имеет различение конвенциональных и латентных форм взаимодействия. Конвенциональные формы представлены юридически закрепленными процедурами участия, консультаций, общественной экспертизы, общественного контроля, публичных обсуждений и партнерских механизмов. Они переводят потенциальный конфликт интересов в процедурно регулируемую форму и создают возможность для легального представительства. Латентные механизмы, напротив, действуют в менее видимой зоне предварительных согласований, неформальных

переговоров, административного посредничества и обмена ресурсами. Исследования латентной сферы политики показывают, что такие практики не являются случайным отклонением, а образуют устойчивый функциональный слой политического процесса [8; 9]. Их значение в публичной политике двойственно: они могут стабилизировать сложную систему, но при чрезмерном доминировании снижают прозрачность и ослабляют содержательность публичных процедур.

Именно соотношение конвенционального и латентного уровней позволяет понять неоднозначность российской публичной политики. С одной стороны, формальные институты создают пространство включения негосударственных акторов, расширяют возможности общественного участия и обеспечивают публичную легитимацию решений. С другой стороны, значительная часть реального согласования интересов может происходить до выхода вопроса в открытую повестку. В таких условиях публичная процедура иногда выполняет функцию финального подтверждения уже сформированного компромисса. Это не означает ее полной фиктивности, но требует более точной оценки: публичность может быть как механизмом обсуждения, так и механизмом демонстрации согласованности. Эффективность публичной политики зависит от того, насколько открытая процедура способна влиять на предварительно заданные параметры решения.

Цифровизация изменила структуру каналов взаимодействия. Электронное правительство, цифровые сервисы, официальные платформы обратной связи, социальные сети и мессенджеры существенно снизили транзакционные издержки участия. Граждане и организации получили возможность быстрее направлять обращения, участвовать в обсуждениях, реагировать на инициативы и публично выражать позицию. Исследования электронного правительства показывают, что цифровая инфраструктура может повышать оперативность коммуникации и расширять доступ к публичным услугам [10]. Однако перенос взаимодействия в цифровую среду не устраняет политико-институциональные асимметрии. Доступ к платформе не равен доступу к решению; возможность отправить мнение не означает, что оно будет содержательно учтено.

Цифровая публичность усиливает одновременно включенность и фрагментацию. Массовость обратной связи возрастает, но устойчивость участия снижается. Политическая повестка становится более динамичной, но также более зависимой от

медиалогики, алгоритмов распространения информации и кратких циклов внимания. Для государственных институтов цифровая среда является не только каналом диалога, но и инструментом мониторинга общественных настроений. Для негосударственных акторов она открывает дополнительные возможности мобилизации, но требует новых компетенций: умения формулировать позицию в публичном формате, поддерживать сетевую репутацию, работать с данными и удерживать внимание аудитории. Тем самым цифровизация не отменяет проблему ресурсов, а переводит ее в новую форму: значимыми становятся информационный, организационный и символический капитал.

Сетевой характер современной публичной политики проявляется в том, что управленческие решения все чаще формируются не внутри единственного административного центра, а через взаимодействие нескольких узлов. Государство, бизнес, некоммерческий сектор, экспертное сообщество и локальные инициативные группы вступают в обмен ресурсами, каждый из которых обладает собственной логикой и ограничениями. Государство располагает полномочиями и административной инфраструктурой; общественные объединения — знанием локальных проблем и связью с целевыми группами; экспертные структуры — аналитической компетентностью; цифровые платформы — способностью быстро агрегировать мнения и фиксировать реакции. Однако сеть не является автоматически равной. Она может быть открытой по форме и иерархичной по факту, если ключевые ресурсы сосредоточены у ограниченного числа участников [5].

Из этого следует, что российская модель публичной политики не укладывается ни в классическую плюралистическую схему свободной конкуренции интересов, ни в жестко корпоративистскую модель монопольного представительства. Она имеет смешанный характер. В одних секторах взаимодействие строится как консультативно-экспертная сеть; в других — как управляемое включение заранее отобранных акторов; в-третьих — как публичная реакция на уже сформированную административную повестку. Такая гибридность не должна оцениваться исключительно негативно. Она отражает сложность российской институциональной среды, где публичность одновременно служит инструментом легитимации, каналом обратной связи и способом селекции социально значимых запросов.

Вместе с тем гибридный характер модели порождает устойчивые ограничения. Первое связано с разрывом между процедурным и содержательным участием.

Формально актор может быть включен в обсуждение, но не обладать возможностью влиять на итоговую конфигурацию решения. Второе ограничение связано с неравенством экспертных и организационных ресурсов: наиболее подготовленные участники получают преимущество, тогда как слабые группы остаются на периферии публичной политики. Третье ограничение обусловлено цифровой фрагментацией: публичная активность может быть высокой, но неустойчивой и плохо переводимой в управленческий результат. Четвертое ограничение связано с латентным согласованием, которое сохраняет управляемость, но одновременно снижает прозрачность и доверие к публичным процедурам.

Преимущество российской модели заключается в наличии разветвленной институциональной инфраструктуры, позволяющей соединять административные, экспертные и общественные ресурсы. Общественные палаты, общественные советы, экспертные комиссии, цифровые сервисы и механизмы общественного контроля создают основу для многоуровневого взаимодействия. Однако дальнейшее развитие этой модели связано не с механическим увеличением числа площадок, а с повышением их функциональной результативности. В политологическом смысле ключевой вопрос заключается не в том, сколько институтов участия создано, а в том, способны ли они производить значимую обратную связь, корректировать управленческие решения и обеспечивать доверие к процедурам согласования интересов.

Наиболее важным направлением развития является укрепление связности между нормативным, институциональным и цифровым уровнями. Нормативный уровень задает правила участия и пределы полномочий. Институциональный уровень обеспечивает организационные формы взаимодействия. Цифровой уровень ускоряет коммуникацию и расширяет охват участников. Если эти уровни действуют раздельно, публичная политика распадается на набор несвязанных процедур. Если же они согласованы, возникает возможность реального участия, при котором цифровая обратная связь поступает в институциональные каналы, экспертная оценка учитывается при подготовке решений, а общественный контроль не ограничивается фиксацией нарушений, но становится частью корректировки политики.

Следовательно, эффективность публичной политики может быть оценена через несколько критериев. Первый критерий — процедурная определенность: участники должны понимать, каким образом их позиция попадает в управленческий цикл. Второй

критерий — институциональная восприимчивость: органы власти должны иметь механизмы учета предложений, а не только их регистрации. Третий критерий — ресурсная инклюзивность: слабые группы должны получать возможность участия не только формально, но и практически. Четвертый критерий — прозрачность обратной связи: после обсуждения должно быть ясно, какие предложения учтены, какие отклонены и по каким основаниям. Пятый критерий — цифровая интеграция, предполагающая превращение онлайн-коммуникации в содержательный элемент принятия решений, а не в самостоятельную имитацию участия.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько исследовательских результатов. Во-первых, публичная политика в современной России представляет собой не сумму отдельных каналов участия, а гибридную систему властного взаимодействия. Во-вторых, ее российская специфика определяется сочетанием формальной институциональной открытости и высокой зависимости результата от ресурсов актора. В-третьих, конвенциональные и латентные механизмы не существуют изолированно, а взаимно дополняют друг друга, формируя реальную траекторию политического решения. В-четвертых, цифровизация расширяет доступ к коммуникации, но не ликвидирует проблему асимметрии влияния. В-пятых, общественные советы и экспертные структуры оказываются значимыми не сами по себе, а как узлы, связывающие нормативные процедуры, общественные запросы и административные решения.

Таким образом, публичная политика как форма властного взаимодействия в современной России должна анализироваться не через формальный перечень институтов, а через качество связи между участниками, процедурами и результатами. Ее развитие зависит от способности государства не только создавать публичные площадки, но и превращать их в реальные механизмы согласования интересов. Для негосударственных акторов ключевым условием влияния становится не только наличие гражданской инициативы, но и способность к экспертной аргументации, организационной устойчивости и работе в цифровой среде. В более широком плане российская публичная политика демонстрирует переход от модели административного информирования к более сложной модели управляемого взаимодействия, в которой публичность, экспертиза, контроль и цифровая коммуникация образуют единую, но внутренне неоднородную политико-институциональную конфигурацию.

Литература:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособие / пер. с англ.; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с. URL: https://elib.hse.ru/incoming/docs/book575670261X.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2001. 378 с. URL: https://www.klex.ru/v0s (дата обращения: 12.03.2026).

3. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. А — Д / Научно-ред. совет: В.С. Стёпин (предс.) [и др.]. — М.: Мысль, 2010. — 744 с. URL: https://adverbum.org/ru/novaja-filosofskaja-enciklopedija1 (дата обращения: 12.03.2026).

4. Немцев А. В. «Взаимодействие» как категория политической науки и предмет политологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 4. С. 77–85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kak-kategoriya-politicheskoy-nauki-i-predmet-politologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 17.03.2026).

5. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103–113. URL: https://www.politstudies.ru/article/2901 (дата обращения: 21.03.2026).

6. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с. URL:https://sziu-lib.ranepa.ru/new_book/Html_01.20/publpolitika/publpolitika.html (дата обращения: 13.04.2026).

7. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. 2007. № 1. С. 30–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-politika-v-sovremennoy-rossii-mezhdu-korporativno-byurokraticheskim-i-grazhdansko-modernizatorskim-vyborom (дата обращения: 13.04.2026).

8. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 212–232. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/latentnaya-sfera-politiki-versiya-teoreticheskoy-identifikatsii (дата обращения: 20.04.2026).

9. Коньков А. Е. Латентные механизмы в публичном пространстве государственной политики: подходы и интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/149 (дата обращения: 20.04.2026).

10. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. URL: https://www.politstudies.ru/article/4664 (дата обращения: 15.04.2026).

11. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102091756 (дата обращения: 20.03.2026).

12. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. Ст. 4213. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010 (дата обращения: 23.03.2026).

13. О состоянии общественных советов при органах региональной и муниципальной власти: специальный доклад / Общественная палата Российской Федерации. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2024. 94 с. URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-os-2024.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

Яншин Дмитрий Николаевич
Yanshin Dmitry Nikolaevich
студент
факультет экономики, финансов и информационных технологий.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургского государственного экономического университета»

ИСТОРИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КРИЗИСОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

THE HISTORY OF OVERCOMING ENTREPRENEURIAL CRISES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA USING

Аннотация. В статье исследуется исторический опыт антикризисного управления в российском предпринимательстве. Выявлены ключевые факторы возникновения кризисов. Проанализированы механизмы преодоления экономических потрясений. На основе анализа деятельности Нижнетагильского горнозаводского округа оказана эволюция методов борьбы с кризисами. В заключении подчеркивается актуальность исторического наследия Демидовых для современного бизнеса в части формирования стратегии устойчивости.

Abstract. This article examines the historical experience of crisis management in Russian entrepreneurship. Key factors in the emergence of crises are identified, and mechanisms for overcoming economic shocks are analyzed. An analysis of the Nizhny Tagil Mining District's operations is used to demonstrate the evolution of crisis management methods. The conclusion highlights the relevance of the Demidovs' historical legacy for modern business in terms of developing a resilience strategy.

Ключевые слова: династия Демидовых, история предпринимательства, государственная поддержка бизнеса, экономический кризис, промышленный капитал.

Keywords: Demidov dynasty, history of entrepreneurship, state support for business, economic crisis, industrial capital

В условиях современной экономической нестабильности, усиления внешних ограничений, трансформации рынков сбыта отечественной продукции и роста неопределённости приобретает особую значимость изучение исторического опыта антикризисного управления в предпринимательской деятельности.

Так, династия Демидовых занимает особое место в истории российского предпринимательства как один из крупнейших представителей промышленного капитала конца XVIII – начала XIX века. Он внес значительный вклад в развитие металлургической отрасли, региональной экономики Урала и формирование промышленного потенциала Российской империи.

Проблемы дореволюционного предпринимательства и промышленного развития России получили отражение в трудах отечественных исследователей. Так, И.Н. Юркин

в ряде публикаций и в монографии «Демидов. Жизненный путь» подробно анализирует биографию и экономическую деятельность основателя династии Никиты Демидова. Дополнительный вклад в изучение экономической роли Демидовых внесли историки, описывая развитие металлургических предприятий на Урале, в том числе совместный сборник материалов «Из истории российского предпринимательства: династия Демидовых». Однако анализ предпринимательских кризисов и способов их преодоления изучен недостаточно, несмотря на наличие отдельных описаний падения деятельности предприятия в начале XX века.

Предпринимательство - осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Чаще всего кризисы являются циклическими событиями, которые включают фазы подъема, насыщения и спада. Впервые кризисы в предпринимательстве были отражены в работах Ричарда Кантильона [1].

В условиях дореволюционной России XVIII - XIX века предпринимательская деятельность развивалась на фоне сочетания рыночных стимулов и сильной государственной регуляции. Отечественная экономическая система в этот период характеризовалась присутствием феодально-крепостнических отношений, ограниченностью внешнеэкономических связей и качественных институтов свободного рынка. Эти особенности создавали определённые условия для развития предпринимательской инициативы и одновременно повышали риск возникновения кризисных ситуаций, поскольку предприниматели вынуждены были адаптироваться к постоянно меняющимся правилам государственного регулирования, нестабильности внешней ситуации и ограниченному рынку сбыта.

В первой половине XIX века российская промышленность испытывала острый кризис феодально-крепостнической системы, что, конечно, влияло на горна-металлургический сектор. Например, во второй половине XVIII века Россия занимала ведущие позиции в мире по производству железа, конкурируя лишь только с Великобританией и Швецией, однако в XIX веке несмотря на высокие абсолютные показатели Россия уступала Англии и Германии, занимая лишь 5 место в мире [5].

Рассматривая учебные и научные труды по истории предпринимательства можно подчеркнуть влияние либеральных и протекционистских мер правительства

Александра 1 и Николая 1 на становление предпринимательской активности.

Факторы возникновения кризисов в деятельности российский предпринимателей:

1. Крепостное право и ограниченная мобильность рабочей силы. Рабочая сила была закреплена за помещиками. Так, заводчик не мог быстро отреагировать на падение спроса или при необходимости технологической перестройки, вследствие чего наблюдалось снижение гибкости производства и высокие транзакционные издержки.

2. До второй половины 19 века отсутствовали массовые банковские и фондовые механизмы, а финансирование часто осуществлялось за счет семейного капитала или частных займов под высокие проценты, что неизбежно приводило к росту долговой нагрузки.

3. Устаревшее оборудование слабое внедрение паровых и прокатных технологий делали предприятия неконкурентоспособными.

4. Недостаточный рынок сбыта.

5. Неразвитая транспортная сеть конца XVIII века.

6. Концессии, пошлины, запреты и военные реквизиции могли внезапно изменить условия деятельности (в частности мобилизация ресурсов во время войн 1812,1853-1856 гг.) повышая операционные риски.

7. Ограниченные возможности для привлечения внешнего капитала и консервативное управление затрудняли реструктуризацию в кризис.

8. Мировые депрессии и финансовые паники (в т.ч. после 1873 г.) сокращали экспортный спрос.

Так, перечисленные факторы создавали условия для частых кризисов в деятельности предпринимателей дореволюционной Росси, поскольку сочетали институционные ограничения, слабую финансовую инфраструктуру и технологическое отставание.

Таким образом, предпринимательский кризис в дореволюционной России следует понимать как совокупность экономических, институциональных и социальных факторов.

Влияние государства носило двойственный характер: с одной стороны, государственная политика создавала дополнительные риски для бизнеса, с другой – обеспечивала инструменты стабилизации и поддержки предпринимательской деятельности.

Так меры государства, создавшие кризисные условия включали:

1. Постоянные военные кампании XVIII - XIX века требовали огромных ресурсов. Государство тяжело нагружало промышленников войсковыми заказами, высоким налоговым бременем и мобилизацией рабочей силы. Так, в Северную войну (1700-1721) Петр I потребовал от Никиты Демидова поставить до 20 тыс. ружей для армии, мобилизовал оружейников и перевел пошлины только в счет казны [4]. Другим примером служит война с Турцией, к 1770-м годам массовый выпуск ассигнаций привел к резкому обесцениванию денег (падение рубля до 25 копеек), что вынудило Екатерину II потребовать уплату таможенных пошлин «исключительно медью» [6].

2. Указом Екатерины II от 31 июля 1762 года был установлен полный запрет на вывоз льняной пряжи из России, чтобы сохранить отечественные суконные мануфактуры. А до реформ 1860-1870 гг. торговля и промышленность облагались «промысловым налогом», пока в 1865 г. не был введён единый купеческий патент. Такие меры служили интересам государства, однако лишали производителей внешних рынков сбыта и возможности диверсификации.

3. До отмены крепостного права основной рабочей силы оставались прописные крестьяне и барщинники. Система введенных паспортов Петром I сдерживала миграцию рабочей силы в города. Это усугубляло нехватку кадров у фабрикантов и ограничивало рост производства.

Меры господдержки:

1. Государство часто шло навстречу промышленникам преференциями. Так. при Петре I Никита Демидов получил указа от 4 марта 1702 года, по которому ему в бессрочное владение были переданы Верхотурские заводы с прилегающими землями и лесами, а также монополи на добычу руды. Далее, по указам Петра от 1713-1715 гг. Демидовым даровались исключительным права, в частности право единолично поставлять артиллерийские снаряды и медь для монетного двора. А также государство давало привилегии промышленникам, в том числе беспошлинный выпуск части продукции для нужд армии или особые субсидии на прокладку железных дорог.

2. В эпоху Петра I и позже крупные мануфактуристы получали казенные контракты на оружие, снаряды, рельсы, канаты, станки и прочее. Так по указу 1702 года Демидов должен был поставить «на всякий обиход воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты» за фиксированную цену [3]. А когда Демидов добивался отмены

пошлин с казенных поставок, Петр I согласился и подтвердил за ним имущественные права.

3. В 1822 году при Александре I был введен протекционистский таможенный тариф: более чем 1200 категорий импортных товаров взымались высокие пошлины или запрещен их ввоз [3]. Эта мера способствовала созданию достаточно развитой и конкурентноспособной текстильной и сахарной промышленности» в России того времени.

4. Манифест Екатерины II от 17 марта 1755 г. «О свободе предпринимательства» упразднил многие ограничения: крестьянам разрешалось заниматься ремеслами и торговлей без уплаты прежних обязательных пошлин. Это привело к росту числа мануфактур, от 200 до почти 2000 к концу 18 века и почти утроению выплавки чугуна. После упразднения крепостничества был введён закон 1865 г., который отменил прежние «объявления капиталов» и ввел плату за право торговли, дав любому, оплатившему пошлину, право заниматься коммерцией или промыслом.

5. Правительство активно финансировало строительство каналов, дорог, что снижало транзитные издержки. Например, министерские органы способствовали постройке первых железнодорожных линий (Харьков-Севастополь, Царская дорога и т.д.), в которых участвовали частные фирмы с государственной поддержкой. Это расширяло сбытовые возможные отрасли и в долгосрочной перспективе стимулировало экономический рост.

Династия Демидовых- ключевой предпринимательский фактор в формировании горнозаводской промышленности Урала и Западной Сибири в конце XVIII - XIX века. Родоначальником династии является Никита Демидов, который заложил первые металлургические производства (Тула, Невьянск, Верхотурье), получив от Петра I государственные преференции и статус поставщика военных материалов, что заложило основы масштабного производства.

При активном развитии дела сыновья и внуки построили и развили сеть заводов (табл. 1).

Таблица 1. Основные заводы Демидовых [5]

Завод	Год основания	Примечания
Невьянский	1702	Начало династии
Тульский	1696	Производство только высококачественного железа

Новые заводы	1716-1725 (4 завода)	Запуск для поставок на Северную войну
Верхнетагильский	1720	Один из первых уральских предприятий
Нижнетагильский	1725	Центр металлургии Урала
Шурагилинский	1716	Передельный завод
Быньговский	1718	Передельный завод
Черноисточинский	1728	Передельный завод
Васимо-Шуйтанский	1744	Поздний этап расширения
Васимо-Уткинский	1771	Самый крупный передельный завод

В первой половине XVIII века Демидовы довели число горнозаводских предприятий до более 50 штук, 40 из которых находились на Урале.

Организационная модель Демидовых включала вертикальную интеграцию: владение рудниками, лесными угодьями, кузницами и молотовыми заводами, контролируя при этом поток рабочей силы.

Государственные заказы сделали предприятия Демидовых главными поставщиками армии в эпоху Петра I и далее. Так к середине XVIII века около 50% всего чугуна производилось на Демидовский заводах. Это помогло заводу развивать мощности, внедрять новые технологические решения и реинвестировать, гарантируя сбыт.

Таким образом, Демидовы сыграли роль катализатора региона: заводы стали центрами экономической активности, вокруг началось формирование рабочих позеленений, торговых связей с европейскими державами и увеличение пошлин и налоговых сборов в регионе. Однако критическая зависимость от госзаказов и особых льгот делала бизнес-модель Демидовых уязвимых к смене государственной политики и военным колебаниям.

К середине XIX века внутрисемейные противоречия во владении Демидовскими заводами обострились [1]. После смерти Павла Николаевича заводы оказались в современном владении вдовы А.К. Демидовой и сына Павла. В 1842 г. Демидов потребовал разделить Нижнетагильский округ, однако приглашенные эксперты заключили, что это приведет к упадку производства и поэтому сохранил единство округа. Однако он быстро потерял интерес к заводам, и пригласив профессионального управляющего получал лишь ренту. Таким образом внутренние управленческие и наследственные споры много кратко подрывали деловые позиции рода.

В 1850е годы на Демидовские предприятия обрушился обширный экономический кризис, усугубленный общей дефектной финансовой ситуацией в горнозаводской отрасли Урала. Так, Ревдинские заводы по долгам 1865 г. были переданы в опекунское управление, а в 1873 году проданы кредитору. Так Суксунские заводы старшей ветви семьи из-за накопившихся долгов были переданы сначала акционерной компании и затем и в казенное управление. За 23 года простоя все восемь заводов были остановлены, и к 1900 году были распроданы по частям [3].

Дополнительным шоком стало отмена крепостного права. Так на заводах крепостные рабочие заменялись на свободных, и к каждому бывшему крепостному предоставляли дом и земельный надел. Это было необходимо для предотвращения волнений, однако вместе с этим оказалось затруднительно в финансовом плане.

К началу XX века демидовские предприятия уже полностью были в долгах и дефиците. В 1907-1909 гг. спрос на металл резко упал и в результате предприятия были практически остановлены. К концу 1909 г. рабочие Нижнетагильского округа не получали зарплату должным образом, а заводы находились в полном упадке [3].

Однако для преодоления кризисы правительство выделило денежные средства, сначала в размере 250 тыс. руб. на закупку топлива, а позже ещё 500 тыс. руб. на неотложные расходы под поручительство самих заводов [3]. Несмотря на это, последствия кризиса оказались тяжелыми.

Таким образом, можно выделить внутренние и внешние факторы. Внутренние причины-неоднозначность наследования, неэффективное управление, чрезмерные долги, непрофильные активы. Внешние- государственные реформы, указы, войны, глобальная неопределенность, конкуренция более дешевых металлов. Так, каждый кризис существенно уменьшал силу родовой горнозаводской империи Демидовых.

Механизмы, которые использовались в династии Демидовых включают в себя [4]:

1. Управленческие решения:

1) Демидовы стремились держать заводы в единой управленческой сети, чтобы перераспределить ресурсы и рабочую силу между предприятиями в периоды сбоев;

2) Династия активно искала новые технологии и инженеров. Приглашала мастеров высшего класса для повышения производительности и экономии топлива. В частности, часто инвестировали средства в дутья (подачу атмосферного воздуха);

3) После отмены крепостного права переходили на систему наёмной рабочей

силы, вводили меры по закреплению персонала и минимизировали текучесть кадров.

2. Финансовые механизмы

1) Крупная финансовая помощь в виде дотаций и займов от государства;

2) В качестве залога под кредиты предпринимательства использовали земли, леса, прописных крестьян, имущество и т.д.;

3) в начале 20 века начали продавать все непрофильные активы, сдавать в аренду части заводов, распродавать лесные угодья и иное имущество чтобы погасить долги.

3. Организационные шаги

1) Сбыт через государственные заказы, получение преференций, что служило страховкой при колебаниях частного спроса;

2) Демидовы отдавали часть активов под управления кредиторов или акционерных компаний для снижения долговой нагрузки. Это позволяло получать доход, но избегать немедленного банкротстве полной потери;

3) В ответ на падение спроса в начале 20 века Демидовы начали перекладывать ресурсы на смежные виды, в частности чугун в прокат, выпуск других металлов и т.д., а также усиливать экспортные связи.

Важным элементов антикризисного управления являлась техническая модернизация производства, однако высокая капиталоёмкость таких инвестиций и ограниченность собственных средств снижали их долгосрочную эффективность.

Таким образом, на основе исторических данных можно подчеркнуть главные советы для современных предпринимателей: инвестирование в инфраструктуру, хорошие связи с государством, постоянное совершенствование технологий и их модернизация, а также использование финансовых инструментов как стабилизации. Рекомендации помогут выстоять бизнесу в сложных геополитических реалиях.

Литература:

1. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 227–231; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 71–72, 252.

2. Запарий В.В. Рецензия на книгу доктора исторических наук И.Н. Юркина. Демидов первый: опыт жизниописания. М.: Международный Демидовский фонд. 2021. 320 с. с ил. // История и современные перспективы. - 2023. - Т. 5. - № 2. - С. 143-146.

3. Причины и следствия кризиса на Демидовских заводах в 1909 г. // Тагильский рабочий. — URL: https://tagil-press.ru/publications/28606/prichiny-i-sledstvija-krizisa-na-demidovskih-zavodah-v-1909-g (дата обращения: 02.05.2026).

4. Чумаков В. Ю. Демидовы. Пять поколений металлургов России. — М.: ЗАО «Бизнеском». — 2011. — 272 с

5. Юркин И.Н. Демидов — учёные, инженеры, организаторы науки и производства: опыт научной просопографии. — Москва: Наука, 2001. — 333 с.

6. Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед / Игорь Юркин. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 447 с.

7. Яншин, Д. Н. Знание как новая валюта / Д. Н. Яншин // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 12. – С. 143-148.

Мирзоев Ислам Русланович
Mirzoev Islam Ruslanovich
студент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
e-mail: islam2000mirzoev@gmail.com

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДИПФЕЙК-МОШЕННИЧЕСТВА: КТО В ЗОНЕ РИСКА И КАК СТРОИТЬ ЗАЩИТУ?

DEEPFAKE VICTIMOLOGICAL PREVENTION: WHO'S AT RISK AND HOW TO BUILD DEFENSE?

Аннотация/ Статья посвящена анализу виктимологической профилактики дипфейк-мошенничества — нового и быстрорастущего вида киберпреступлений, основанного на синтезе аудиовизуального контента с использованием искусственного интеллекта. Рассматриваются психологические профили потенциальных жертв, включая феномен «радости узнавания» и эмоционально-мотивационную уязвимость, что позволяет выделить наиболее подверженные атакам категории населения. Особое внимание уделяется внедрению криминологических мер защиты через корпоративные и семейные регламенты, в частности системе парольных фраз и многофакторной верификации. Анализируется роль операторов связи и социальных сетей в маркировке синтетического контента, а также современное состояние законодательных инициатив в России. Автор приходит к выводу, что эффективная профилактика требует интеграции поведенческих, организационных и технологических мер, направленных на снижение уязвимости потенциальных жертв. Статья предназначена для криминологов, специалистов в области информационной безопасности, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами цифровой гигиены.

Abstract. This article analyzes the victimological prevention of deepfake fraud—a new and rapidly growing type of cybercrime based on the synthesis of audiovisual content using artificial intelligence. It examines the psychological profiles of potential victims, including the "joy of recognition" phenomenon and emotional and motivational vulnerabilities, allowing for the identification of population groups most susceptible to attacks. Particular attention is paid to the implementation of criminological protection measures through corporate and family policies, in particular, password systems and multifactor verification. The role of telecom operators and social media platforms in labeling synthetic content is analyzed, as well as the current state of legislative initiatives in Russia. The author concludes that effective prevention requires the integration of behavioral, organizational, and technological measures aimed at reducing the vulnerability of potential victims. This article is intended for criminologists, information security specialists, and a wide range of readers interested in digital hygiene.

Ключевые слова: дипфейк-мошенничество, виктимологическая профилактика, психологические профили жертв, маркировка синтетического контента, корпоративные регламенты безопасности.

Keywords: deepfake fraud, victimization prevention, victim psychological profiles, synthetic content labeling, corporate security policies.

Технологии синтеза контента на базе искусственного интеллекта стремительно

меняют ландшафт современной преступности. Дипфейк-мошенничество за короткий срок превратилось из технологического курьеза в массовую угрозу: по данным «Диалог Регионы», в январе 2026 года на долю дипфейков и поддельных документов пришлось уже 13% от всех выявленных фейков - тогда как годом ранее этот показатель составлял менее 1% [1]. При этом ущерб от киберпреступлений с использованием ИИ вырос в 4,5 раза [2], а по оценкам специалистов, к концу 2025 года с дипфейк-атакой мог столкнуться каждый второй россиянин [3]. В этих условиях виктимологическая профилактика - направление криминологии, изучающее жертву преступления и разрабатывающее меры по снижению её уязвимости - приобретает особое значение. Цель настоящей статьи - проанализировать три ключевых аспекта такой профилактики: психологические профили жертв, внедрение защитных регламентов на семейном и корпоративном уровне, а также технологические меры со стороны операторов связи и социальных сетей.

Успех дипфейк-мошенничества напрямую зависит от эксплуатации когнитивных особенностей человеческой психики. Исследователи выделяют несколько ключевых факторов уязвимости.

«Радость узнавания» - главная мишень. Человеческий мозг воспринимает лицо как целостный образ, не анализируя его детально по отдельным элементам. Когда человек видит знакомое лицо или слышит родной голос, визуальный и аудиальный каналы восприятия «перекрывают» возможные несоответствия - мозг автоматически оценивает такой контент как безопасный и заслуживающий доверия [3]. Именно на эту особенность и рассчитывают злоумышленники.

Как показывает анализ мошеннических схем на сайтах знакомств, жертвами чаще становятся люди, испытывающие сильные эмоции (влюбленность, сострадание, тревогу за близких), что ослабляет критическое восприятие и снижает бдительность [4]. Мошенники активно используют алгоритмы ИИ для создания образа «идеального партнера» и последующего обмана по схеме «романтического вымогательства», когда жертву постепенно подводят к переводу денег якобы на срочные нужды.

Однако, как подчеркивают эксперты, в группу риска входят не только одинокие или доверчивые люди. Успешные, уверенные в себе личности также оказываются уязвимыми - привычка контролировать ситуацию и уверенность в собственной проницательности нередко приводит к тому, что человек не допускает возможности

обмана, из-за чего его настороженность снижается [5, с. 55].

В научной литературе предлагается классификация жертв преступлений с использованием ИИ-имперсонации по степени осознанности взаимодействия с технологической средой и уровню цифровой компетентности. Наиболее уязвимыми категориями признаются:

1) лица с низким уровнем цифровой грамотности (особенно пожилые люди);

2) эмоционально лабильные личности, склонные к импульсивным решениям под влиянием стресса;

3) лица, находящиеся в состоянии социальной изоляции или испытывающие дефицит доверительных отношений [5, с. 57-58].

Ключевая идея виктимологической профилактики дипфейк-мошенничества заключается в создании простых поведенческих барьеров, которые прерывают автоматизм доверия к аудиовизуальной информации. Наиболее перспективным направлением здесь является внедрение системы «верификационных кодов» или «парольных фраз» - заранее оговоренных секретных слов или вопросов, которые стороны используют для подтверждения своей личности в сомнительной ситуации.

Заместитель председателя комитета Госдумы по физкультуре и спорту Сергей Бурлаков, комментируя рост дипфейк-атак, прямо заявил: наличие кодового слова в каждой семье - это уже не просто совет, а необходимость в современных условиях борьбы с мошенниками [6]. Механизм прост: в любой подозрительной ситуации следует попросить собеседника назвать заранее оговоренный семейный пароль. Мошенники, даже имея доступ к голосу и изображению, не знают условленного кода. Эксперт по технической и информационной безопасности Сергей Трухачев подчеркивает, что договариваться о таких кодовых фразах нужно вживую, «вечером за чашечкой чая, кофе, не в сообщениях, потому что мошенники это также могут получить» [7].

В условиях, когда дипфейк-звонки от имени руководителей становятся всё более изощрёнными, корпоративные регламенты должны включать обязательные протоколы верификации для финансовых операций и передачи конфиденциальной информации. Показательный пример - случай с компанией Arup в Гонконге, где сотрудник после видеоконференции с синтетическими копиями руководителей перевёл мошенникам $25 млн [5, с. 60]. «Преступники не атаковали архитектуру корпоративной безопасности, - комментирует глава «Белого Интернета» Элина Сидоренко, - они атаковали

человеческую архитектуру доверия» [11].

Корпоративные регламенты могут включать следующие элементы:

1) многофакторная верификация - любой запрос на перевод средств или предоставление доступа должен подтверждаться по альтернативному каналу связи (личная встреча, отдельный телефонный звонок на известный номер);

2) система кодовых фраз - внутри компании или отдела устанавливаются секретные слова для подтверждения личности при удалённых переговорах, особенно когда речь идёт о финансовых операциях;

3) обучение сотрудников - необходимы регулярные тренинги по распознаванию признаков дипфейков и правилам реагирования на подозрительные запросы [5, 59-60].

Технологическая инфраструктура играет ключевую роль в виктимологической профилактике. Маркировка синтетического контента рассматривается как обязательный элемент системы «цифрового щита», позволяющий пользователю осознанно оценивать происхождение информации и снижать риск манипуляции.

Законодательные инициативы. В ноябре 2025 года в Госдуму был внесён пакет законопроектов (№ 1069302-8 и № 1069331-8), направленных на регулирование использования ИИ при создании видео [8]. Поправки в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляют обязанность владельцев социальных сетей, видеохостингов и иных интернет-ресурсов маркировать синтетические видеоматериалы. Текстовая маркировка должна содержать плашки «Создано с использованием искусственного интеллекта» или «Сгенерировано ИИ», быть заметной в течение всего времени проигрывания видео, а машиночитаемая метка — сохраняться при копировании и распространении. Второй законопроект дополняет КоАП новой статьёй о нарушении требований к маркировке, предусматривающей штрафы: для граждан — от 10 до 50 тыс. руб., для должностных лиц — от 100 до 200 тыс. руб., для юридических лиц — от 200 до 500 тыс. рублей [9].

Минцифры России объявило о подготовке пилотного проекта по маркировке ИИ-контента, который может быть реализован в течение одного-двух лет. При этом, как отмечают в министерстве, пока отсутствует единый понятийный аппарат — юридические термины «дипфейк», «искусственный интеллект» и «синтетический контент» ещё не закреплены в законодательстве [10].

Крупнейшие телеком-операторы России активно внедряют системы биометрической идентификации и анализа трафика для защиты абонентов от мошеннических звонков с использованием дипфейков. Как заявила Элина Сидоренко, «прогресс в технологиях должен идти нога в ногу с прогрессом в обеспечении полной безопасности российского пользователя». МТС Web Services инвестировала в разработку новой версии детектора дипфейков аудио и видео около 150 млн руб., при этом точность распознавания при одновременном анализе аудио- и видеодорожки превышает 98% [12].

Дипфейк-мошенничество представляет собой новый вызов для системы виктимологической профилактики, требующий интеграции психологических, организационных и технологических мер. Уязвимость жертв формируется на основе когнитивных искажений («радость узнавания»), эмоциональных состояний и уровня цифровой компетентности. Наиболее перспективным направлением профилактики является внедрение простых поведенческих протоколов — кодовых слов и парольных фраз — как на семейном, так и на корпоративном уровне. Технологическая инфраструктура, включая обязательную маркировку синтетического контента и разработку детекторов дипфейков, способна обеспечить «цифровой щит», снижающий риск виктимизации на массовом уровне. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку более детальной типологии виктимного поведения применительно к различным видам дипфейк-атак, а также на совершенствование законодательства в части ответственности платформ за распространение немаркированного синтетического контента.

Литература:

1. АНО «Диалог Регионы» выявила рост дипфейков в России на 13% [Электронный ресурс] // Myseldon.com. — 2026. — 28 января. — URL: https://myseldon.com/ru/news/index/341050859(дата обращения: 06.04.2026).

2. «Голосовое клонирование — король атак»: эксперт рассказала о страшной угрозе дипфейков [Электронный ресурс] / Е. Шарыпова // Московский комсомолец. — 2026. — 1 апреля. — URL: https://www.mk.ru/economics/2026/04/01/golosovoe-klonirovanie-korol-atak-ekspert-rasskazala-o-strashnoy-ugroze-dipfeykov.html (дата обращения: 07.04.2026).

3. Дипфейк и верификация видео: как не стать жертвой обмана [Электронный ресурс] // Pravilamag.ru. — 2025. — 3 июня. — URL: https://www.pravilamag.ru/articles/750679-dipfeik-i-verifikaciya-video-kak-ne-stat-jertvoi-obmana/ (дата обращения: 07.04.2026).

4. Ах какой был мужчина: как дипфейки обманывают россиянок на сайтах знакомств [Электронный ресурс] // Север-Пресс. — 2025. — 21 августа. — URL: https://sever-press.ru/narrative/obschestvo/ah-kakoj-byl-muzhchina-kak-dipfejki-obmanyvajut-rossijanok-na-sajtah-znakomstv/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Садыков Р.Р. Социальная инженерия: атаки с использованием синтетических личностей и дипфейков / Р.Р. Садыков // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. — 2026. — Т. 11, № 1(63). — С. 52–61.

6. Депутат ГД предложил семьям РФ придумать кодовое слово для борьбы с мошенниками [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2025. — 10 мая. — URL: https://www.rg.ru/2025/05/10/deputat-gd-predlozhil-semiam-rf-pridumat-kodovoe-slovo-dlia-borby-s-moshennikami.html (дата обращения: 08.04.2026).

7. Эксперт Трухачев рассказал, как отличить дипфейк от оригинала [Электронный ресурс] // Smotrim.ru. — 2026. — 19 января. — URL: https://smotrim.ru/article/4875895 (дата обращения: 07.04.2026).

8. В Госдуму внесут законопроект о маркировке созданных с помощью ИИ видео [Электронный ресурс] // Парламентская газета. — 2025. — 14 ноября. — URL: https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-markirovke-sozdannykh-s-pomoshhyu-ii-video.html (дата обращения: 07.04.2026).

9. Госдума рассмотрит закон об обязательной маркировке ИИ-видео [Электронный ресурс] // Вестник интеллектуального права. — 2025. — 14 ноября. — URL: https://vestnikip.ru/news/10539/ (дата обращения: 06.04.2026).

10. В Минцифры разработают проект по маркировке контента, созданного ИИ [Электронный ресурс] // РБК. — 2025. — 6 ноября. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/11/2025/690c930c9a794724eee72c06 (дата обращения: 06.04.2026).

11. Операторы выстроят it-щит против кибермошенников — Сидоренко [Электронный ресурс] // РАПСИ. — 2025. — 4 сентября. — URL: https://rapsi-pravo.ru/White_Internet_news/20250904/311122016.html (дата обращения: 08.04.2026).

12. Контенту ужесточают проверку [Электронный ресурс] / А. Уразова, С. Егоров // Коммерсантъ. — 2025. — 20 ноября. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8213427 (дата обращения: 06.04.2026).

Щербанюк Татьяна Игоревна
Shcherbanyuk Tatiana Igorevna
ассистент кафедры конституционного и административного права
юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
e-mail: shcherbanyuk@mail.sevsu.ru

Баштовой Сергей Вячеславович
Bashtovoy Sergey Vyacheslavovich
ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

DIGITAL RIGHTS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: THEORETICAL UNCERTAINTIES AND PRACTICAL CHALLENGES

Аннотация. В статье рассматривается проблема правовой квалификации цифровых прав как объекта гражданских прав в российском законодательстве. Рассматриваются основные доктринальные подходы к природе цифровых прав. Анализируются положения ст. 141.1 ГК РФ, введённой в 2019 году, и выявляются её концептуальные недостатки: размытость определения, отсылочный характер и неопределённость круга регулируемых отношений. Отдельное внимание уделяется проблеме применения вышеуказанной нормы по аналогии к цифровым активам, прямо не поименованным в законе (криптовалюта, токены и др.). Проводится краткое сравнение с подходами стран Азии и Западной Европы. В заключении обосновывается необходимость выработки единого концептуального подхода ко всем цифровым объектам (цифровым правам, цифровым финансовым активам, цифровому рублю) и закрепления в ГК РФ категории «цифровые объекты».

Abstract. The article examines the problem of legal qualification of digital rights as an object of civil rights in Russian legislation. The main doctrinal approaches to the nature of digital rights are considered. The provisions of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, which was introduced in 2019, are analyzed, and its conceptual drawbacks are identified: the vague definition, the reference nature, and the uncertainty of the range of regulated relations. Special attention is paid to the problem of applying the above-mentioned rule by analogy to digital assets that are not explicitly mentioned in the law (cryptocurrency, tokens, etc.). A brief comparison is made with the approaches adopted in Asia and Western Europe countries. In conclusion, the necessity of developing a unified conceptual approach to all digital objects (digital rights, digital financial assets, and the digital ruble) and establishing the category of "digital objects" in the Civil Code of the Russian Federation is substantiated.

Ключевые слова: цифровые права, объекты гражданских прав, Гражданский кодекс РФ, цифровизация, правовая природа цифровых прав, оборотоспособность, информационная система, цифровой рубль, цифровые активы.

Keywords: digital rights, objects of civil rights, Civil Code of the Russian Federation, digitalization, legal nature of digital rights, turnover, judicial practice, information system,

digital ruble, digital assets.

Стремительное развитие цифровых технологий и их проникновение в экономический оборот поставило перед отечественной цивилистикой принципиально новую задачу - определение места цифровых феноменов в системе объектов гражданских прав. В 2019 году российский законодатель предпринял важный шаг, включив цифровые права в перечень объектов гражданских прав. [1] Однако данная новелла, вместо того чтобы внести ясность в правовую природу указанных объектов, породила не менее вопросов, чем решила. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического осмысления как самой категории цифровых прав, закреплённой в Гражданском кодексе РФ, так и выявления трудностей правоприменения, с которыми сталкиваются участники гражданского оборота и судебные органы в связи с использованием данного правового инструмента.

Одной из центральных теоретических проблем, порождённых введением ст. 141.1 ГК РФ, является вопрос о правовой природе цифровых прав. Законодательное определение, где под цифровыми правами понимаются поименованные в законе обязательственные и иные права, чьи условия реализации и содержание диктуются правилами той самой информационной системы, которая соответствует законным критериям, страдает чрезмерной обобщённостью. Подобное расширительное толкование позволяет отнести к цифровым правам практически любые права в оцифрованной форме, что, в свою очередь, провоцирует сложности с их разграничением со смежными правовыми институтами. При этом согласно ст. 128 ГК РФ цифровые права относятся к категории имущественных прав. [1]

В науке гражданского права подход, закреплённый законодателем, вызвал диаметрально противоположные мнения. Например, Л.Ю. Василевская считает недопустимым приравнивать цифровые права к традиционным имущественным (обязательственным, корпоративным и др.), так как первые не представляют собой новую разновидность объектов гражданских прав, а являются лишь способом технической фиксации ранее существовавших прав. [6] Е.А. Суханов конкретизирует эту мысль: цифровые права представляют собой не самостоятельный вид имущественных прав, а особую цифровую форму существования обязательственных и иных прав, причём только тех, которые прямо поименованы в законе в качестве

цифровых. [7] О.А. Полежаев придерживается сходной позиции, характеризуя цифровое право исключительно как инструмент фиксации, удостоверения прав в цифровой среде и их вовлечения в гражданский оборот. [4] Е.Н. Абрамова также не признаёт за цифровыми правами самостоятельной правовой природы, отмечая, что в данном случае мы имеем дело не с правом в традиционном смысле, а именно со способом (формой) его фиксации. [5]

В отличие от вышеуказанных взглядов, существует и другая точка зрения: некоторые исследователи отстаивают самостоятельную природу цифровых прав в системе объектов гражданских прав. Они аргументируют это тем, что для участия в гражданском обороте цифровым правам не требуется никакого материального носителя — они возникают и реализуются исключительно в цифровой среде, что наделяет их качественно иными характеристиками по сравнению с традиционными правами. В качестве таких цифровых объектов выступают, например, криптовалюта, доменные имена, объекты, существующие в технологии блокчейн.

По мнению И.З. Аюшеевой, закреплённое в законодательстве понятие цифровых прав является неполным: оно не охватывает многие цифровые объекты, по поводу которых складываются гражданские правоотношения. Решить вышеуказанную проблему, считает автор, можно путем официального признания цифровых объектов самостоятельным видом в системе объектов гражданских прав, либо субсидиарного распространения на них правовых режимов уже существующих объектов. [3] В этом контексте отметим, что цифровые права регулируются не только ГК РФ, но и отдельными нормативными актами, что свидетельствует о формировании в российском законодательстве комплекса цифровых объектов.

Представляется, что дискуссия о правовой природе цифровых прав отражает более фундаментальную проблему: готова ли современная цивилистика признать существование нового типа объектов, чья ценность и оборотоспособность не определяются их материальной природой или классической формой закрепления прав. Законодательный подход, в рамках которого цифровые права сохранены в перечне объектов в составе имущественных прав, свидетельствует о консервативной позиции, однако практика гражданского оборота всё чаще демонстрирует необходимость более гибкого подхода.

Одним из наиболее сложных остаётся вопрос о возможности применения ст. 141.1

ГК РФ по аналогии закона для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Действительно, законодательная конструкция цифровых прав носит отсылочный характер, что порождает неопределённость в отношении круга объектов, подпадающих под действие данной нормы. Положение осложняется тем, что изначальная редакция определения, внесённая авторами законопроекта, носила гораздо более узкий характер: цифровыми правами предлагалось считать лишь те права, которые зафиксированы в реестрах на базе технологии блокчейн. Фактически разработчики законопроекта стремились урегулировать отношения в сфере криптоэкономики, прежде всего связанные с криптовалютами и токенами. Однако финальная редакция нормы оказалась значительно шире, и теперь правоприменитель вынужден самостоятельно определять пределы её действия.

При детальном рассмотрении норм, регулирующих оборот цифровых прав, обнаруживается несколько существенных черт. Из анализа положений ст. 141.1 ГК РФ следует, что законодатель сознательно сужает возможности свободного распоряжения данными объектами: совершение любых юридически значимых действий – осуществление, отчуждение или обременение – допускается исключительно внутри информационной системы, без привлечения внешних посредников. [1] Правовой режим цифровых прав, таким образом, является специальным: их обладателем признаётся лицо, которое в силу правил системы может ими распоряжаться, а переход прав в результате сделки не требует согласия обязанного лица. Указанные особенности прямо указывают на ограничительный характер оборотоспособности цифровых прав, замыкающей их в искусственно созданной цифровой среде, что принципиально отличает их от классических обязательственных прав.

Само появление в ГК РФ специальной нормы, посвящённой цифровым правам, следует оценивать положительно – это первый опыт гражданско-правовой регламентации отношений, возникающих по поводу цифровых активов. Норма задаёт базовые рамки для введения таких объектов в оборот, определяет способы распоряжения ими и предоставляет определённый уровень защиты участникам сделок. Вместе с тем ещё на стадии обсуждения законопроекта Правовое управление Аппарата Государственной Думы РФ обращало внимание на неоправданность введения нового термина «цифровые права», предлагая вместо него использовать более устоявшиеся и понятные для практики понятия «токен» и «криптовалюта». [2] Данное предложение не

было принято. В результате перед доктриной и судебными органами в настоящее время стоит сложная задача по приспособлению предложенной законодательной конструкции к реальным отношениям, возникающим по поводу обращения криптовалют, токенов и иных объектов, не получивших прямого закрепления в законе.

В зарубежных правопорядках подходы к регулированию цифровых активов существенно отличаются от российского, что закономерно в силу различий в правовых традициях и приоритетах государственной политики. Сравнительный анализ правовых систем стран Азии и Западной Европы позволяет выявить следующие различия. В западноевропейских государствах акценты смещены в сторону защиты прав граждан, децентрализации управления и поддержания баланса между транспарентностью данных и их конфиденциальностью. Напротив, для азиатских юрисдикций характерны централизация контрольных функций, безусловный приоритет национальной безопасности и императивный режим регулирования новых технологий. Вместе с тем общими тенденциями для всех рассматриваемых стран выступают цифровизация государственных услуг, внедрение мер кибербезопасности, а также универсальные риски, обусловленные ресурсными ограничениями и бюрократическими процедурами.

Важно отметить, что в зарубежной доктрине и законодательстве под цифровыми правами нередко понимаются не столько объекты экономического оборота, сколько права человека в цифровом пространстве. Такое расхождение в терминологии создаёт дополнительные сложности при сравнении правовых систем и обмене опытом правового регулирования.

В российской правовой системе продолжается формирование системы цифровых объектов, к которым относятся не только цифровые права, но также цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и цифровой рубль.

Заслуживает отдельного внимания правовая конструкция цифрового рубля, который, в отличие от цифровых прав, введён в гражданский оборот в качестве разновидности платежного средства. Анализ правовой природы цифрового рубля позволяет сделать вывод о его двойственной природе: с одной стороны, он является объектом финансового права, эмитируемым Банком России, с другой - имеет обязательственную природу. Отсутствие чёткой понятийной базы применительно к вновь введённым финансовым инструментам, недостаточная регламентация правил их оборота вызывают на практике многочисленные вопросы. При этом отечественный

законодатель, в отличие от зарубежных правопорядков, не пошёл по пути отнесения цифрового рубля к цифровой валюте.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что категория «цифровые права», введённая в Гражданский кодекс РФ в 2019 году, несмотря на очевидную актуальность и своевременность, страдает рядом концептуальных недостатков. [2] Законодательная дефиниция является излишне широкой и отсылочной, что порождает сложности в правоприменении. В научной доктрине отсутствует единство относительно правовой природы цифровых прав: одни авторы настаивают на их самостоятельном характере, другие - на том, что цифровые права являются лишь новой формой фиксации уже известных прав.

Практика судебного применения норм о цифровых правах находится на стадии формирования, что проявляется в различном толковании судами одних и тех же положений закона и в осторожном, а подчас и противоречивом подходе к разрешению споров с участием цифровых объектов. [4] Наиболее острой остаётся проблема о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии к цифровым активам, прямо не поименованным в законе, что требует либо скорейших разъяснений со стороны высшей судебной инстанции, либо внесения изменений в действующее гражданское законодательство.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования целесообразно связывать с формированием единого концептуального подхода ко всем цифровым объектам — не только к цифровым правам, но и к цифровому рублю, цифровым финансовым активам, а также к непоименованным цифровым активам, уже вовлечённым в гражданский оборот. Оптимальным способом могло бы стать законодательное закрепление самостоятельной категории «цифровые объекты» в системе объектов гражданских прав, что позволило бы унифицировать их правовой режим и укрепить защиту прав владельцев. Решение этой задачи требует скоординированных действий законодателя, правоприменителей и науки для выработки эффективной и сбалансированной модели регулирования цифровых прав в России.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.

3. Аюшеева И.З. Цифровые объекты гражданских прав / И.З. Аюшеева // Lex russica. — 2021. — № 7. — С. 32-43.

4. Волос А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.А. Волос // Банковское право. — 2024. — № 3. — С. 16-23.

5. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав / Е.Н. Абрамова // Юрист. — 2023. — № 1. — С. 54-60.

6. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации / Л.Ю. Василевская // Хозяйство и право. — 2019. — № 5 (508). — С. 3-14.

7. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7-29.

Кудрявцев Данила Александрович
Kudryavtsev Danila Alexandrovich
студент политологического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ (НКО) В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ПАРТНЁРСТВО ГОСУДАРСТВА И НКО НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

NON-PROFIT ORGANIZATIONS (NPOs) IN REGIONAL POLICY: PARTNERSHIP BETWEEN THE STATE AND NPOs USING THE EXAMPLE OF KRASNOYARSK KRAI

Аннотация. В работе рассмотрена роль некоммерческих организаций в региональной политике Красноярского края; проанализированы формы партнёрства государства и НКО, включая ресурсные центры, грантовую программу «Партнёрство», участие Общественной палаты и федеральные механизмы поддержки; выявлены эффекты и ограничения взаимодействия власти и некоммерческого сектора в решении социальных и управленческих проблем региона.

Abstract. The article examines the role of non-profit organizations in the regional policy of Krasnoyarsk Krai; analyzes forms of partnership between the state and NPOs, including resource centers, the regional grant program “Partnership”, the participation of the Public Chamber and federal support mechanisms; identifies the effects and limitations of cooperation between public authorities and the non-profit sector in solving social and administrative problems of the region.

Ключевые слова: некоммерческие организации, НКО, региональная политика, Красноярский край, государственно-некоммерческое партнёрство, гражданское общество, Общественная палата, грантовая поддержка.

Keywords: non-profit organizations, NPOs, regional policy, Krasnoyarsk Krai, state–non-profit partnership, civil society, Public Chamber, grant support.

Некоммерческие организации в России начинают формироваться как участники публичной политики на региональном уровне примерно во второй половине 80-ых гг. XX-го в. В контексте Красноярского края в связи с протяжённостью территории (второй регион по площади субъектов РФ – 2366797 км²) и возникающей в связи с этим потребности в соединении этой территории единой инфраструктурой, разнородным культурным населением (по данным Всероссийской переписи населения в Красноярском крае проживают представители 155 национальностей) и различными социально-экономическими проблемами, НКО должны быть необходимы, как связующее звено между запросами разных групп населения и властью, а также как субъекты, участвующие в развитии инфраструктуры региона. В крае для взаимодействия и поддержки НКО: выстроена система ресурсных центров («Ресурсный

центр поддержки общественных инициатив в Красноярске», АНО «Центр поддержки общественных инициатив «Луч»» и т. д.), действует собственная грантовая программа «Партнёрство», во взаимодействие с НКО вовлечена Общественная палата, а также используются федеральные инструменты поддержки (Фонд президентских грантов). Всё это создаёт специфический режим «опосредованного участия», где НКО одновременно выступают провайдерами социальных услуг и участниками общественного контроля. Ключевой вопрос в какой мере формат «партнёрства» органов власти Красноярского края и НКО способствует решению социальных и политических (в том числе управленческих) проблем региона, и каковы ограничения этого партнёрства?

Цель — выявить эффекты и ограничения практик взаимодействия власти Красноярского края и НКО в Красноярском крае.

Для достижения цели нужно выполнить ряд задач:

1) описать институциональную систему поддержки НКО;

2) разобрать кейсы грантовых и общественно–контрольных практик;

3) оценить влияние этих практик на региональные проблемы;

4) соотнести полученные данные с современными научными подходами к государственно-некоммерческому партнёрству.

Обратим внимание на некоторые существующие современные подходы к государственно-некоммерческому партнёрству. По П. Эвансу, эффективное государство сочетает «встроенность» в сети общества и автономию от частных интересов («встроенная автономия»). Перенос на поле НКО означает: власть задаёт правила игры и ресурсы, а НКО сохраняют профессиональную автономию и локальную чувствительность. Следующий подход - ко-производство у Э. Остром — совместное участие государства, граждан и НКО в создании услуг. В регионе это проявляется, когда проекты НКО совмещают бюджетную поддержку с волонтёрством, саморегулированием локальных сообществ и частными пожертвованиями. И последний – подход совместного управления Анселла К. и Гаша А. Их подход акцентирует формализованные площадки, на которых государство и негосударственные акторы ведут согласовательный диалог и совместную реализацию (в Красноярском крае такими площадками выступают Общественная палата и сеть ресурсных центров). Российская научная литература последних лет фиксирует двоякую природу взаимодействия власти

и НКО (Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И.): с одной стороны, поддержка СО НКО (социально ориентированных НКО) повышает доступность услуг и качество программ «на земле»; с другой — усиливающаяся зависимость от бюджетных и квазибюджетных грантов может сужать повестку и автономию сектора. Это отмечается исследователями, когда речь заходит о видах и результатах господдержки, а также в исследованиях роли НКО в региональных системах и в измерениях динамики гражданского участия. Современные обзоры и мониторинги (НИУ ВШЭ, ОПРФ, АСИ–ЦИРКОН) подтверждают включённость граждан и НКО в решение социальных задач (например, ВШЭ фиксировали, что к началу 2024 г. в РФ зарегистрировано 213600 НКО, а доля граждан, которые осуществляли пожертвования для НКО в течении того же года варьировались в районе 47%-63%) при одновременном росте роли государства как инициатора взаимоотношений с НКО.

В крае развернута сеть ресурсных центров в муниципальных образованиях, выполняющих функции консультирования, методической помощи и сетевого сопряжения НКО с администрациями. Эта инфраструктура снижает транзакционные издержки участия: организациям проще входить в конкурсы, готовить заявки и отчётность, выстраивать партнёрства. «Программа» — ключевой региональный механизм финансирования социально значимых инициатив, регулярно проводящий конкурсы с грантами до 3 млн руб. для СО НКО. Информационные сообщения администрации и сайта программы подтверждают периодичность конкурсов, тематические приоритеты (социальная поддержка, семья и детство, здоровье, историческая память, экология и пр.) и открытый характер отбора. В 2024–2025 гг. итоги конкурсов фиксируют устойчивый спрос со стороны НКО и диверсификацию победивших проектов по территориям края.

Краевые НКО активно участвуют в конкурсах Фонда президентских грантов: в 2024 году поддержку получили десятки красноярских организаций; региональные СМИ и официальный портал сообщали о победе 38 проектов и крупных грантах, например, «ДоброФерма» для обучения молодых людей с инвалидностью. В 2024 году, по данным Интерфакса, второй конкурс «Партнёрства» распределил свыше 60 млн руб. между 48 проектами; в 2025 году программа вновь поддержала более полусотни инициатив. Параллельно министерство экологии края в 2024 году направило 10 млн руб. на поддержку природоохранных проектов — дополнительный тематический канал для

экологических НКО и инициатив граждан. Таким образом, финансирование НКО в Красноярском крае преимущественно подвязано к федеральным и региональным источникам. Соответственно и существование НКО, которые участвуют в решении социально-экономических проблем зависит от власти.

Общественная палата Красноярского края институционализирует диалог НКО и власти и участвует в общественном контроле — от экспертизы инициатив до наблюдения на выборах. В январе 2024 года Палата заключила соглашения с НКО о сотрудничестве по общественному наблюдению на президентских выборах; это показывает, что НКО вовлекаются не только для решения социально-экономических задач, но и в политически значимые процедуры. Нормативной базой служит закон края об Общественной палате и положения о взаимодействии с НКО.

Тематики победивших проектов («социальная поддержка, семья, здоровье, инклюзия, экология») демонстрируют ключевые запросы со всей территории Красноярского края и уязвимых групп. И для края с такой протяжённостью территории важно, чтобы результаты деятельности проектов доходили до любой точки края (буквально – любого села и деревни). Пока что мы видим, что основные ресурсы сосредоточены в Красноярске и вокруг развитых с точки зрения инфраструктуры городов, таких как Норильск, Ачинск, Минусинск и т. д. При этом мы не может отследить, что НКО помогают разрешать проблемы края равномерно, хотя с точки зрения их устройства (мобильности и количества), НКО бы могли решать проблему с неравнозначным распределением ресурсов по краю.

Красноярский кейс демонстрирует модель «встроенной автономии» с элементами «комплементарности» НКО: организации имеют возможность самостоятельно выбирать проблематику (но из того «списка», который интерес красноярской власти) и проектные решения, но их участие в публичной политике во многом ограничивается и цементируется через конкурсные механизмы, инфраструктуру ресурсных центров и посредничество Общественной палаты. Это, с одной стороны, упорядочивает сектор и качество взаимодействия власти Красноярского края с НКО (часть задач, которая должна выполнять красноярская власть отходит НКО, а НКО в свою очередь, выполняя эти задачи, обеспечивает проведение намеченной стратегии политики этой власти); с другой — создаёт риски избыточной зависимой лояльности, когда темы, находящиеся вне приоритетов грантов и повестки власти, получают меньше шансов на устойчивое

развитие, а существование НКО, стремящихся участвовать в социально-экономической политики края без гос. финансирования ставится под вопрос. Соглашения Общественной палаты с НКО по наблюдению на выборах иллюстрируют расширение «публичной» роли сектора. Но именно здесь обозначаются пределы: форматы участия институционально заданы и в значительной мере модератором выступает государственный актор (палата, органы власти). В научных работах отмечается, что социальное партнёрство наиболее эффективно, когда сопряжено с регулярным мониторингом общественных настроений и обратной связью в управленческом цикле (от формирования повестки до оценки результатов). Относительно успешный опыт (с точки зрения выполнения задач, поставленных властью края) красноярских НКО опирается на «многоуровневую» поддержку: федеральные гранты, краевые конкурсы, муниципальные ресурсные центры, тематические гранты отраслевых ведомств. Такая система повышает устойчивость сектора, но усложняет координацию, планирование, а также самостоятельность НКО. Для решения этих проблем можно использовать «портфельную» логику: диверсифицировать источники, сочетать проектные и институциональные формы финансирования, развивать горизонтальные сетевые платформы НКО. Мониторинги ВШЭ и аналитика АСИ–ЦИРКОН подтверждают: там, где есть смешанная модель поддержки и развитые горизонтальные связи, выше и готовность граждан к участию, и эффект программ. Касательно элементов комплементарности, НКО не подменяют государство, а участвуют в процесс закрытия локальных проблем, которыми занимается красноярская власть: осуществляют локальную диагностику проблем, индивидуализацию услуг, проводят работу с микросообществами. При этом политическое значение сектора проявляется не в оппозиционности, а в институциональном контроле и обратной связи (палата, общественные советы, наблюдение), НКО обычно не выходят за рамки решения обозначенных властью задач. Помимо этого, сдерживающими факторами в деятельности НКО остаются бюрократичность отчётности, ограниченность финансирования.

Красноярский край сформировал систему взаимодействия с НКО: ресурсные центры, краевая грантовая программа «Партнёрство», участие в федеральных конкурсах, тематические гранты отраслевых ведомств и посредничество Общественной палаты. Эта система обеспечивает масштабирование социальных услуг, укрепляет

локальные сообщества и повышает качество обратной связи, помогает решать локальные проблемы, обозначенные властью. Вместе с тем, «встроенная автономия» сектора ограничивается логикой конкурсных приоритетов и процедурной зависимостью от государства.

Литература:

1. Ильичева Л. Е., Паршина Е. В., Лапин А. В., Ильичева М. В. «Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнёрства на основе опросов москвичей». Мониторинг общественного мнения**,** № 4, 2024.

2. Мерсиянова И. В. «Взаимодействие институтов общественной самоорганизации и системы государственного управления». Круглый стол. НИУ ВШЭ, 16 апреля 2025 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 3. С. 7–34. https://vgmu.hse.ru/article/view/28448, дата обращения 06.05.2026.

3. Якобсон Л. И., Иванова Н. В., Телицына А. Ю. «Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика». Мониторинг общественного мнения, 2021. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1835.

4. Анселл К., Гэш А. «Совместное управление в теории и практике». Журнал исследований и теории государственного управления, 2008. DOI: 10.1093/jopart/mum032.

5. Паршина Е. В. «Социальное партнёрство государства и гражданского общества: проектирование региональных политических решений», 2024. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-115-127.

6. Малахов Д. И., Якобсон Л. И. «Корпоративное управление и информационная прозрачность НКО: институциональные эффекты доверия», 2021. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-62-101-124.

Воробьев Анатолий Дмитриевич
Vorobyov Anatoly Dmitrievich
магистрант
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
e-mail: vd.anatoly@gmail.com

научный руководитель
Соловьева Марина Викторовна
Solovieva Marina Viktorovna
кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

MODERN STRATEGIES OF RUSSIAN COMPANIES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL SANCTIONS

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии развития российских консалтинговых компаний в условиях ухода международных игроков с рынка. Анализируется текущее состояние консалтинговой отрасли в России, а также изменения в спросе на услуги. Основное внимание уделяется стратегиям адаптации и роста, включая диверсификацию услуг, углубление специализации, партнерство, внедрение инновационных технологий и улучшение клиентского сервиса.

В заключении обсуждаются перспективы развития консалтингового рынка в России и рекомендации для бизнеса по выживанию и процветанию в условиях изменяющейся экономической среды.

Abstract. The article examines the development strategies of Russian consulting companies in the context of the withdrawal of international players from the market. It analyzes the current state of the consulting industry in Russia as well as changes in the demand for services. The main focus is on adaptation and growth strategies, including service diversification, specialization, partnerships, the implementation of innovative technologies, and improved customer service.

The conclusion discusses the prospects for the development of the consulting market in Russia and provides recommendations for businesses to survive and thrive in a changing economic environment.

Ключевые слова: российский стратегический консалтинг, санкции, консалтинг, адаптация стратегии.

Keywords: Russian strategic consulting, sanctions, consulting, strategy adaptation.

В современных условиях международные санкции существенно влияют на деятельность и стратегическое развитие российских компаний. В результате санкционного давления российским компаниям необходимо менять свои, как минимум, оперативные стратегии.

Актуальность исследования обусловлена усилением экономических

ограничений, с которыми российские компании столкнулись из-за санкций со стороны недружественных стран. Так, согласно данным за 2024 год, объем внешней торговли России с санкционными странами сократился на 15% по сравнению с 2023 годом, а число юридических и физических лиц, попавших под санкции, превысило 14 500 [1, 4].

Кроме того, доля импортозамещения в ключевых отраслях экономики увеличилась на 18%. Что же касается консалтинга, то рынок остается более стабильным, но около 50% [2, с. 32] участников рынка в сегменте финансового аудита являлись иностранными, и они, собственно, покинули российский рынок. Отсюда, проблема заключается в том, что российским компаниям необходимы новые стратегии, которые будут адаптированы к изменениям во внешней среде.

Цель статьи – анализ современных стратегий, которые российские консалтинговые компании могут использовать для адаптации и развития в условиях ухода международных игроков с рынка и изменения экономической ситуации.

Задачи для достижения цели:

1. Провести исследование текущего состояния консалтингового рынка в России

2. Изучить успешные примеры адаптации российских консалтинговых компаний, выделить ключевые стратегии и оценить их результаты.

3. Определить рекомендации по развитию.

Методологической основой исследования выступают методы сравнительного анализа, обобщения и систематизации данных, а также анализ статистических показателей развития консалтингового рынка. Использование данных методов позволяет выявить тенденции трансформации отрасли в условиях санкционного давления и определить наиболее эффективные стратегические подходы.

Несмотря на экономическую нестабильность, спрос на консалтинговые услуги в России оставался стабильным. Например, по данным RAEX, совокупная выручка крупнейших консалтинговых групп и компаний в 2023 году увеличилась на 6% и составила около 123 миллиардов рублей. С учетом годовой инфляции в размере 7,4%, рынок консалтинговых услуг в 2023 году показал стагнацию [5]. В 2024 году выручка уже выросла на 16% до 142,7 миллиарда рублей, что показывает восстановительный характер отрасли (рисунок 1).

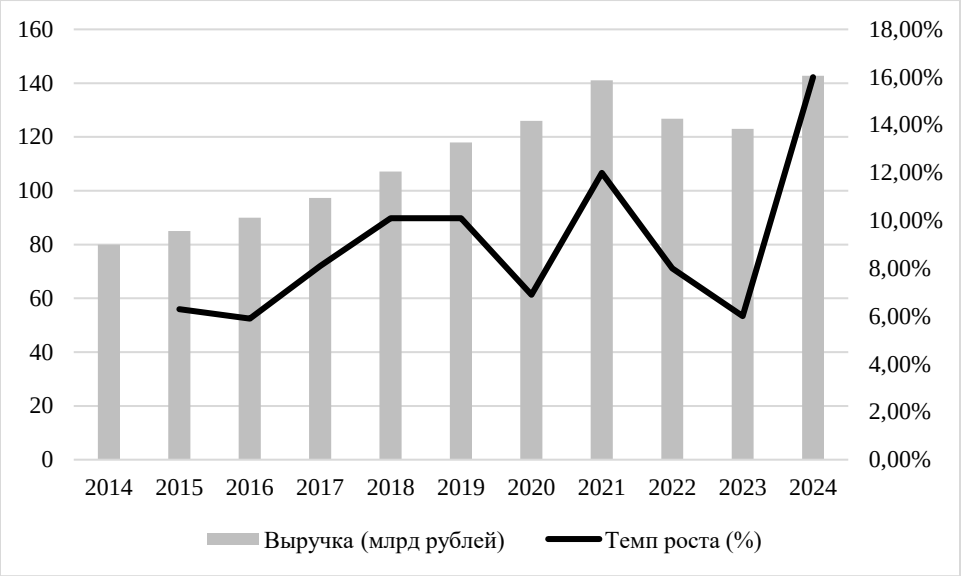


Рисунок 1. Динамика выручки консалтинговых компаний в России, 2014-2024 гг., млрд. руб.

Составлено автором

При этом важно отметить, что восстановление рынка носит неравномерный характер. Наиболее высокие темпы роста демонстрируют сегменты, связанные с цифровизацией и управлением рисками, тогда как традиционные направления консалтинга развиваются более сдержанно. Это связано с тем, что компании в условиях санкционного давления стремятся в первую очередь минимизировать операционные риски и повысить устойчивость бизнес-процессов, а не реализовывать долгосрочные стратегические инициативы.

Уход международных консалтинговых компаний привел к снижению конкуренции, что, соответственно, снизило барьеры входа для российских компаний. Чуть более 50% российских участников рынка консалтинга расширили спектр услуг, добавив в ассортимент услуг антикризисное управление или услуги по антикризисным мероприятиям. Например, в 2023 году наблюдалось расширение потребностей клиентов в сфере аудита и рост спроса на налоговое структурирование, а в 2024 году вырос спрос на услуги управления рисками [6].

Основной спрос в 2024 году в размере на уровне 40 миллиардов рублей или около 28% рынка пришлось на сегмент ИТ-консалтинга. Для сравнения, в 2023 году объем данного сегмента по выручке от общей выручки всех компаний на рынке составил 23,3%. Спрос вырос же не только за счет роста сегмента ИТ-консалтинга, но и за счет

услуг по управлению рисками, налоговому консалтингу из-за прогрессирующей шкалы и других изменений [3] (рисунок 2).

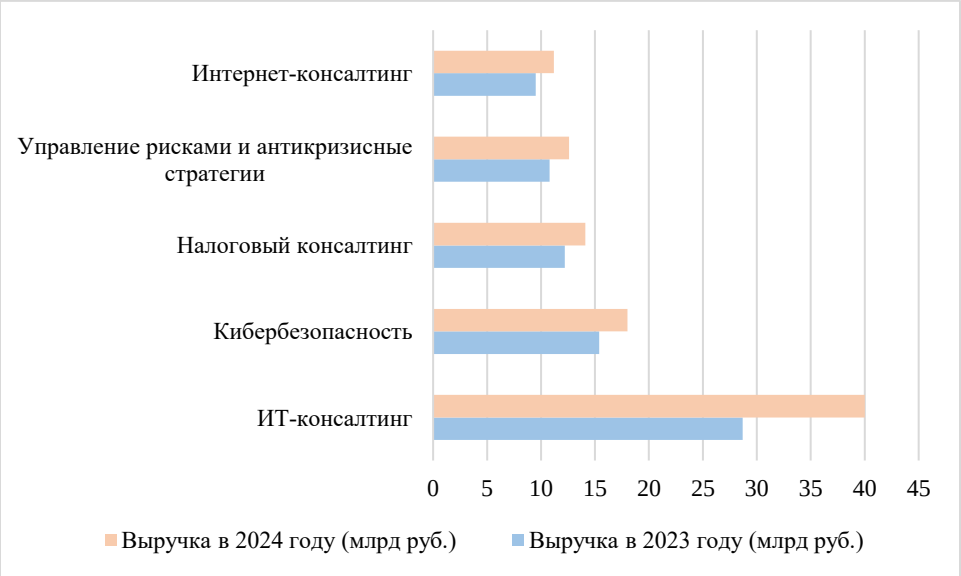


Рисунок 2. Основные сегменты рынка консалтинга по объему выручку

Составлено автором

Таким образом, российский рынок консалтинговых услуг в 2023–2024 годах характеризовался стабильным спросом, снижением конкуренции из-за ухода иностранных компаний

Рассматривая примеры, можно увидеть, что часть зарубежных компаний трансформировалась под отдельные структуры. После ухода международного бренда Boston Consulting Group (BCG) из России бывший офис компании начал работать под новым брендом, переориентировав услуги на локальные запросы:

1. Поддержка импортозамещения.
2. Услуги по цифровой трансформации.
3. Консультации в области устойчивого развития (ESG).
4. Оптимизация цепочек поставок, особенно с учетом геополитических ограничений.

В результате обновления стратегии BCG Россия увеличил выручку локального подразделения на 12% в 2023 году по сравнению с 2022 годом [2, с. 34]. В данном случае была применена стратегия диверсификации услуг, углубление специализации и партнерства с российскими технопарками.

Также следует вспомнить компанию Accenture. После ее ухода в 2022 году

российское подразделение было выкуплено местным менеджментом и переименовано в Axenix. Основные услуги были сосредоточены на цифровизации бизнес-процессов и управлении рисками с дальнейшей оптимизацией бизнес-процессов [1, с. 48]. Axenix удалось сохранить ключевых клиентов и привлечь новых, а стратегия заключалась в том, что предложенные услуги были связаны с управлением рисками – это один из самых растущих и прибыльных сегментов на рынке, как было выяснено ранее.

Также из новых российских консалтинговых компаний с адаптацией следует привести Strategy Partners. Компания не попала под санкции, но решила выбрать стратегию расширения продукта, включив в свои услуги поддержку импортозамещения и разработку антикризисных мероприятий. Аналогичным способом поступила компания КРОК, выбравшая в качестве стратегии инвестиции в собственные разработки. КРОК – это ведущий ИТ-интегратор, который также является консалтинговой компанией. В условиях санкций КРОК создал собственные услуги в сегменте информационной безопасности и в сегменте импортозамещения программного обеспечения. Компания смогла предложить рынку конкурентоспособные отечественные решения за счет чего и вырос сегмент ИТ-консалтинга на рынке в целом [4, с. 121].

Обобщая рассмотренные примеры, можно сделать вывод, что главным фактором устойчивости российских консалтинговых компаний становится их способность к быстрой адаптации организационной структуры и продуктовой линейки. Компании, сумевшие оперативно переориентироваться на внутренний рынок и предложить решения, соответствующие новым экономическим условиям, получили конкурентные преимущества. Это подтверждает необходимость реальной гибкости и инновационности как базовых элементов современной стратегии.

В соответствии с примерами и изученным состоянием рынка следует предложить следующие рекомендации для развития консалтингового бизнеса:

1. Увеличить долю новых услуг для крупного бизнеса, а именно увеличить количество услуг по кибербезопасности и добавить в список услуг ESG-консалтинг.

2. Разработать и внедрить собственные цифровые решения, привлекая не менее 30 новых клиентов до конца 2025 года.

3. В обязательном порядке искать выходы для стратегических партнерств с технопарками.

4. Увеличить долю клиентов из устойчивых отраслей, а именно агропромышленный комплекс, который остался наиболее стабильным из всех и имеющий большой запас средств как клиент, так и контрагент в дальнейшем.

5. Повысить долю сертифицированных сотрудников компании на 40% через обязательную сертификацию специалистов каждые полгода на соответствие новым услугам – импортозамещению и кибербезопасности.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие консалтингового рынка во многом будет зависеть от макроэкономической ситуации и продолжительности санкционного давления. При сохранении текущих тенденций можно ожидать усиления роли отечественных компаний и дальнейшего роста спроса на услуги, связанные с цифровой трансформацией и управлением рисками. В то же время сохраняется необходимость повышения качества услуг и развития профессиональных компетенций специалистов, что становится уже обязательным условием долгосрочной конкурентоспособности.

В заключение следует сказать, что в условиях ухода международных консалтинговых компаний с российского рынка отечественные компании оказались перед необходимостью адаптации. В результате анализа можно увидеть, что успешные стратегии адаптации – это расширение услуг, диверсификация деятельности в сторону локальных рынков, партнерства с технопарками и углубление специализации через самые прибыльные сегменты рынка.

Литература:

1. Громов А.А. Адаптация консалтинговых фирм на российском рынке в условиях геополитического кризиса // Профессорский журнал. Серия: Экономические науки. 2024. №4 (4). С. 46-50.

2. Котов К.С. Современные тенденции и перспективы развития рынка консалтинговых услуг в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №5 (115). С. 31-35.

3. Обзор: «Основные изменения в налоговом законодательстве в 2025 году // «КонсультантПлюс», 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488069/ (дата обращения: 05.01.2025).

4. Переход С.А., Мхитарян А.В., Селифонкина Д.В. Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. №4. С. 116-138.

5. Рэнкинг крупнейших консалтинговых групп и компаний России (2024 год) — Аналитика // RAEX, 30.05.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://raex-rr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2024/analytics/? (дата обращения: 12.12.2024).

6. Рынок аудита и консалтинга в России: вызовы и прогноз от эксперта отрасли // РБК, 10.09.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://companies.rbc.ru/news/SgvNbuXwDV/ryinok-audita-i-konsaltinga-v-rossii-vyizovyi-i-prognoz-ot-eksperta-otrasli/? (дата обращения: 30.12.2024).

Гаджиев Игорь Исфендиярович
Gadzhiev Igor Ispendiyarovich
магистрант
ЧОУ ВО «Московский университет им. С. Ю. Витте»

ТАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ НЕДОСТАТКАМИ

TACTICS OF INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY PERSONS WITH MENTAL IMPAIRMENTS

Аннотация. Статья посвящена разработке тактических рекомендаций по расследованию преступлений, совершенных лицами, у которых психические расстройства и когнитивно-волевые дефициты влияют на восприятие обстоятельств, саморегуляцию и отношение к содеянному. Цель исследования - определить криминалистически значимые свойства указанной категории лиц и обосновать алгоритм первоначального этапа расследования, производства вербальных следственных действий и использования специальных знаний. Источниковую базу составили семь русскоязычных научных статей 2020-2025 гг., посвященных криминальному поведению, правосознанию, нейропсихологическим дефицитам, риску насилия и судебно-психиатрической экспертизе. В работе использованы методы анализа, синтеза, системного и функционального толкования эмпирических данных. Обоснован вывод о том, что тактическая специфика расследования определяется не только формальным диагнозом, но прежде всего нарушениями программирования, регуляции и контроля, искажениями социальной перцепции и правосознания, импульсивностью, ригидностью, пассивностью и доказательственным значением цифровых следов. Научная новизна исследования состоит в переводе данных судебной психологии и судебной психиатрии на язык криминалистических рекомендаций. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования сформулированных положений следователями, дознавателями, руководителями следственных подразделений и специалистами, участвующими в следственных действиях.

Abstract. The paper develops tactical recommendations for investigating crimes committed by persons whose mental disorders and cognitive-volitional deficits affect perception of circumstances, self-regulation and attitude toward the offense. The aim is to identify criminalistically significant traits of this category of persons and to substantiate an algorithm for the initial stage of investigation, verbal investigative actions and the use of expert knowledge. The source base comprises seven Russian articles published in 2020-2025 and devoted to criminal behavior, legal consciousness, neuropsychological deficits, violence risk and forensic psychiatric examination. Analysis, synthesis, system and functional interpretation of empirical findings were used. The study argues that tactical specificity is determined not only by the formal diagnosis, but primarily by disturbances of programming, regulation and control, distortions of social perception and legal consciousness, impulsivity, rigidity, passivity and the evidentiary value of digital traces. The scientific novelty lies in translating forensic psychological and psychiatric findings into criminalistic recommendations. The practical significance of the article consists in the possibility of using the proposed provisions by investigators, inquiry officers and specialists participating in investigative actions.

Ключевые слова: криминалистика, тактика расследования, психические недостатки, психические расстройства, судебно-психиатрическая экспертиза, допрос, цифровые следы, риск насилия, правосознание.

Keywords: criminalistics, investigation tactics, mental impairments, forensic psychiatric examination, interrogation, digital traces, violence risk, legal consciousness.

Введение

Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками, относится к числу наиболее сложных направлений следственной деятельности. Трудность состоит не только в необходимости установить событие преступления, виновность конкретного лица и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и в том, что психическое состояние подозреваемого либо обвиняемого способно существенно влиять на механизм следообразования, на характер контакта со следователем, на полноту и устойчивость показаний, а также на необходимость своевременного обращения к специальным знаниям. В современной научной литературе указанная проблематика чаще разрабатывается в рамках судебной психологии и судебной психиатрии, тогда как криминалистическая тактика нуждается в системном переводе полученных эмпирических результатов на язык практических рекомендаций.

В настоящей статье термин «лица с психическими недостатками» используется в функциональном криминалистическом смысле и охватывает лиц, у которых психические расстройства, нейрокогнитивные дефициты и нарушения эмоционально-волевой сферы способны воздействовать на восприятие обстоятельств, программирование и контроль поведения, воспроизведение событий и отношение к содеянному. Такой подход позволяет избежать чрезмерной привязки к одной нозологической группе и сосредоточиться на тех свойствах, которые действительно значимы для расследования.

Актуальность темы подтверждается рядом современных исследований. Так, установлены особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом [1]; раскрыта доказательственная значимость информации с цифровых носителей для экспертной оценки несовершеннолетних обвиняемых [2]; выявлены связи между типами нарушений функций программирования, регуляции и контроля и спецификой

криминального поведения обвиняемых в особо тяжких преступлениях [3; 4]; показана роль дефектов правосознания, отношения к болезни и к совершенному общественно опасному деянию [5]; обоснована полезность нейропсихологического обследования для верификации экспертных выводов [6]; выявлены гендерно дифференцированные психологические драйверы общественной опасности лиц, признанных невменяемыми [7].

Цель статьи - сформулировать тактические рекомендации по расследованию преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками, на основе анализа семи русскоязычных научных источников 2020-2025 гг. Для достижения поставленной цели использованы методы анализа, синтеза, системно-структурного подхода, формально-логического толкования и криминалистического моделирования.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили семь научных статей, опубликованных в 2020-2025 гг. и посвященных вопросам криминального поведения, общественной опасности, правосознания, цифровых следов и судебно-психиатрической экспертизы [1-7]. Отбор источников обусловлен тем, что каждая из работ содержит эмпирически подтвержденные выводы, которые могут быть интерпретированы в криминалистическом аспекте.

Содержательно в анализ включены данные об особенностях саморегуляции, планирования, критичности, социального познания, отношении к содеянному, когнитивных нарушениях, цифровой коммуникации, а также о факторах риска насилия и общественной опасности. Методика исследования строилась как вторичный аналитический синтез: сначала выделялись криминалистически значимые признаки, затем определялись их последствия для первоначального этапа расследования, для отдельных следственных действий и для назначения комплексных экспертиз.

Научная задача статьи носит не описательный, а прикладной характер. Исследование направлено на формирование модели тактики расследования, в которой данные судебной психологии и судебной психиатрии служат основанием для выбора оптимальных приемов собирания, проверки и оценки доказательств.

Результаты и обсуждение

1. Криминалистически значимые свойства лиц с психическими недостатками

Проведенный анализ показывает, что для расследования определяющее значение имеет не абстрактное наличие психического расстройства, а конкретный профиль нарушений. В исследовании М.Ю. Беляковой и В.Г. Булыгиной, выполненном на выборке из 83 мужчин с шизофренией и криминальным анамнезом, показано, что при различных вариантах нарушений мышления меняются и механизмы саморегуляции, социальной перцепции и эмоционального отклика [1]. Для лиц с преобладанием нарушений динамики мыслительных процессов характерны дефицит внимания, слабая способность к программированию, склонность к оценочным суждениям, отсутствие эмпатии и продуцирование минимального числа вариантов развития ситуации. При преобладании нарушений операциональной стороны мышления выявлены низкая способность к целеполаганию и тенденция предлагать социально неприемлемые способы разрешения ситуации. Нарушения мотивационного компонента мышления связаны с привнесением личностных смыслов в интерпретацию отношений между участниками ситуации и с затруднениями в распознавании эмоций [1].

Для следователя это означает, что показания такого лица могут быть внешне последовательными, но при этом внутренне искаженными из-за ошибок понимания социального контекста, слабости планирования, импульсивных интерпретаций или эмоциональной неадекватности. Следовательно, вербальная информация нуждается в повышенной объективизации за счет иных доказательств, а тактика общения должна учитывать риск смешения восприятия фактов с субъективными домыслами.

Не менее важные ориентиры дает исследование Д.В. Каширского и О.В. Старосельцевой, посвященное обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, проходившим судебно-психиатрическую экспертизу [3; 4]. Авторы показали, что криминальное поведение при поражении базальных отделов лобных долей связано со снижением критичности, при префронтальном синдроме - с импульсивностью, при нарушении кинетического фактора - с ригидностью, а при нарушении энергетического фактора - с пассивным, энергосберегающим характером действий [3; 4]. Такие выводы важны для криминалистики, поскольку позволяют связать поведенческий рисунок преступления с особенностями программирования и контроля деятельности. Это не дает следователю права на автоматические выводы, однако помогает выдвигать рабочие версии о степени подготовки преступления, способах сокрытия следов, характере посткриминального поведения и вероятной линии защиты.

Существенное значение имеет и исследование А.В. Пенявской и И.Я. Стояновой, выполненное на материале 62 пациентов с шизофренией, проходивших принудительное лечение [5]. Авторы убедительно показали, что неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, отсутствие чувства вины, отрицание психического расстройства и негативное отношение к лечению выступают факторами искажения правосознания и предикторами повторных общественно опасных деяний [5]. Для расследования это означает, что признание либо отрицание вины, формальные заявления о раскаянии, оценка собственных действий и отношение к потерпевшему не могут восприниматься изолированно от более широкого контекста личности и психического состояния. Тактическая ошибка заключается либо в избыточном доверии к внешне логичным объяснениям, либо, напротив, в полном игнорировании сообщаемой информации. Необходима верификация каждого существенного факта.

Работа Д.А. Пилечева, Ю.В. Микадзе, В.В. Вандыш-Бубко и Т.В. Адамович показывает, что нейропсихологическая оценка позволяет верифицировать когнитивные нарушения, имеющие экспертное значение, прежде всего в сфере программирования, контроля, памяти и нейродинамики [6]. Особенно выраженные дефициты обнаруживаются у лиц с органическими психическими расстройствами, признанных невменяемыми [6]. Для расследования это означает, что следователь должен своевременно собирать материалы, способные быть полезными для нейропсихологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы: данные о поведении до, во время и после события, медицинскую документацию, видеозаписи, цифровые следы, показания очевидцев о темпе речи, переключаемости внимания, истощаемости и некритичности.

Наконец, исследование Е.Д. Сургутского, Г.А. Вартаняна и А.В. Ханько, основанное на анализе 211 лиц, признанных невменяемыми и проходивших принудительное лечение, выявило гендерно обусловленные различия в ранних дезадаптивных схемах и режимах их функционирования, влияющих на общественную опасность [7]. Хотя выводы работы относятся прежде всего к оценке риска, они имеют и прикладное значение для тактики расследования: поведение лица в ходе следственных действий, вероятность аффективной дестабилизации, конфликтность, склонность к избеганию или, напротив, к враждебному реагированию должны оцениваться индивидуально, а не по формальному диагнозу.

2. Тактика первоначального этапа расследования

Первоначальный этап расследования по делам рассматриваемой категории должен строиться по принципу приоритета объективных доказательств. Чем выше вероятность искажений восприятия, сниженной критичности, импульсивных объяснений или дефектов правосознания, тем большее значение приобретают осмотр места происшествия, фиксация материальных следов, изъятие видеозаписей, анализ телефонных соединений и цифровых следов, опрос очевидцев, получение сведений о предшествующем поведении лица и законное истребование медицинской документации [1; 5; 6]. Такая последовательность позволяет не ставить доказательственную ситуацию в зависимость от первоначальных объяснений подозреваемого либо обвиняемого.

Уже на стадии первого контакта следователь должен фиксировать не только содержание высказываний, но и их форму: темп речи, переключаемость внимания, истощаемость, способность удерживать тему, выраженность импульсивных реакций, наличие ригидного повторения одних и тех же конструкций, эмоциональную адекватность и общее понимание процессуальной ситуации. Эти наблюдения не заменяют экспертного заключения, однако дают материал для выбора тактики общения, для решения вопроса об участии специалиста и для постановки вопросов экспертам.

При выдвижении следственных версий полезно учитывать поведенческие паттерны, описанные в работах Д.В. Каширского и О.В. Старосельцевой [3; 4]. Если в механизме деяния просматривается импульсивность, следователь может ожидать слабую подготовку, хаотичное изменение действий, избыточное количество неустраненных следов и противоречивые объяснения постфактум. Ригидный вариант поведения, напротив, способен проявляться в стереотипности маршрута, способа действия, выбора орудия либо объекта посягательства, а также в упорном воспроизведении одной версии событий. Пассивный, энергосберегающий вариант может выражаться в ограниченном объеме действий, минимизации перемещений и выборе наиболее простого пути достижения результата. Снижение критичности нередко проявляется в рискованном посткриминальном поведении, неадекватной уверенности в собственной правоте либо в непонимании доказательственного значения собственных действий [3; 4].

Указанные ориентиры носят вероятностный характер и не могут подменять

доказывание. Однако именно такая вероятностная модель полезна в тактическом плане: она помогает правильнее определять очередность неотложных действий, намечать объекты поиска, прогнозировать поведение лица после преступления и своевременно усиливать меры безопасности.

Отдельное значение имеет учет риска насилия и аффективной дестабилизации. В делах, где имеются сведения о высокой общественной опасности, о предшествующих насильственных действиях, о выраженной конфликтности либо о невозможности устойчивого контакта, следственные действия следует проводить в безопасной обстановке, с достаточным числом сотрудников, при исключении лишних раздражителей и по возможности с участием медицинского персонала либо специалиста [7]. Важнейшая тактическая задача на этом этапе состоит в том, чтобы одновременно сохранить процессуальные гарантии лица и исключить неоправданный риск для участников следственного действия.

3. Тактика отдельных следственных действий

Наиболее сложным по данной категории дел является допрос подозреваемого или обвиняемого. Его успешность зависит от способности следователя адаптировать коммуникацию к когнитивным и регуляторным дефицитам конкретного лица. Перед началом допроса следует оценить, способен ли допрашиваемый поддерживать контакт, понимает ли он значение происходящего, не находится ли в состоянии выраженного истощения, медикаментозной седации либо аффективного возбуждения. При наличии соответствующих оснований целесообразно участие специалиста-психолога или врача-психиатра, который поможет корректно выстроить общение и зафиксировать признаки, имеющие экспертное значение.

С учетом выводов о дефицитах программирования, целеполагания, распознавания эмоций и социальной перцепции [1] вопросы должны формулироваться коротко, однозначно и по одному обстоятельству за раз. Не следует объединять в один вопрос несколько событий, предлагать сложные логические конструкции или использовать оценочные формулы, требующие развитой рефлексии. Более надежным является движение от нейтральных и фактических блоков к конфликтным и эмоционально нагруженным фрагментам. Следователь должен отдельно выяснять, что лицо реально воспринимало, что делало, что говорило и как объясняет свои действия. Такое разведение факта и интерпретации особенно важно при наличии склонности к

субъективному переосмыслению ситуации.

При допросе не следует исходить из того, что внешняя связность рассказа гарантирует его достоверность. Искаженное правосознание, экстернальный локус контроля, отсутствие чувства вины и отрицание болезни [5] способны приводить либо к оправдательным схемам, либо к декларативному согласию с обвинением без реального осмысления фактов. Поэтому каждое существенное обстоятельство должно проверяться по независимым источникам. Тактически оправдано использование контрольных вопросов, повторных возвратов к ключевым эпизодам в иной последовательности, соотнесение ответов с цифровыми и материальными следами, а также обязательная видеозапись допроса, позволяющая впоследствии оценить не только словесное содержание, но и динамику контакта.

Очная ставка по делам рассматриваемой категории не должна рассматриваться как автоматическое средство устранения противоречий. При выраженной эмоциональной неустойчивости, импульсивности либо некритичности она может усилить дезорганизацию поведения и ухудшить доказательственную ситуацию. Ее проведение целесообразно лишь тогда, когда у следствия уже имеется достаточный массив объективных данных и имеется уверенность, что участник способен воспринимать вопросы и воспроизводить сведения без существенной дестабилизации.

Проверка показаний на месте, следственный эксперимент и иные действия, предполагающие последовательное воспроизведение событий, также требуют адаптации. Инструкции должны быть простыми и дробными; маршрут и предмет показа - заранее продуманными; темп следственного действия - соразмерным состоянию участника. Если лицо воспроизводит лишь отдельные фрагменты либо постоянно возвращается к одной и той же схеме поведения, это само по себе может иметь диагностическое и тактическое значение, но нуждается в последующей оценке в совокупности с другими доказательствами.

Особого внимания заслуживает работа с цифровыми следами. Исследование Д.С. Ошевского и А.А. Федонкиной показывает, что сведения из мобильных устройств, аккаунтов в социальных сетях и иной сетевой коммуникации способны дополнять целостный психологический портрет обвиняемого и отвечать на вопросы, имеющие значение для экспертной оценки [2]. Для следователя это означает необходимость раннего изъятия и надлежащей процессуальной фиксации мобильных телефонов,

переписки в мессенджерах, истории поисковых запросов, геолокационных данных, фотографий, видео, заметок, черновиков, цифровых платежей и иных данных, отражающих планирование, коммуникацию, эмоциональное состояние и поведение после преступления. Хотя указанное исследование проведено на материале дел о несовершеннолетних, методологический вывод о высокой доказательственной и ориентирующей ценности цифровых следов применим значительно шире [2].

4. Использование специальных знаний и модель тактического алгоритма

Своевременное обращение к специальным знаниям является стержневым элементом тактики расследования. Назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы оправдано не только тогда, когда имеются явные сведения о психическом расстройстве, но и в случаях, когда материалы дела указывают на выраженную импульсивность, нелогичность мотивации, провалы памяти, снижение критичности, странности поведения до и после события, неадекватность эмоциональных реакций, признаки органического дефицита или существенные противоречия между объективной картиной и объяснениями лица [3-6].

Представляется целесообразным, чтобы в постановлении о назначении экспертизы следователь ставил перед экспертами не только традиционные вопросы о психическом состоянии и вменяемости, но и вопросы функционального характера: какие когнитивные и эмоционально-волевые дефициты выявляются у подэкспертного; могли ли они существенно повлиять на восприятие, запоминание и воспроизведение обстоятельств; как нарушения программирования, регуляции и контроля отражаются на характере действий; требуется ли учет выявленных особенностей при производстве следственных действий в текущий момент. Такая постановка вопросов лучше соответствует современной междисциплинарной модели расследования.

С учетом выводов Д.А. Пилечева и соавторов особое место должна занимать нейропсихологическая оценка [6]. Она позволяет не ограничиваться констатацией диагноза, а выявлять конкретный профиль дефицитов, имеющих непосредственное значение для криминалистической интерпретации поведения и для оценки процессуальной коммуникации. Чтобы такая экспертиза была максимально информативной, следователь обязан приложить к материалам не только протоколы допросов, но и видеозаписи, описания поведения, сведения о цифровой активности, документы о лечении, данные о характере подготовки к деянию и посткриминальном

поведении.

На основании проведенного анализа может быть предложен следующий тактический алгоритм. Первый блок - диагностико-ориентирующий: сбор сведений о психическом состоянии, наблюдение за особенностями контакта, решение вопроса об участии специалиста. Второй блок - доказательственно-приоритетный: немедленное собирание материальных, цифровых и свидетельских данных, которые позволяют объективировать расследуемое событие. Третий блок - адаптивно-коммуникативный: выбор темпа, структуры и объема вербальных следственных действий с учетом конкретных дефицитов лица. Четвертый блок - экспертно-интеграционный: своевременное назначение комплексной психолого-психиатрической и, при необходимости, нейропсихологической экспертизы с функционально ориентированными вопросами. Пятый блок - верификационно-безопасностный: постоянная проверка версии по независимым источникам и обеспечение безопасности участников процесса [2-7].

Предложенный алгоритм не претендует на исчерпывающую регламентацию всех следственных ситуаций. Его значение состоит в том, что он позволяет связать воедино психологические, психиатрические и криминалистические данные, не подменяя ими процесс доказывания. Такая интеграция особенно важна в делах, где следователь работает в условиях неполноты первоначальной информации и должен быстро принимать решения об очередности действий, объеме специальных знаний и способах проверки показаний.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Тактическая специфика расследования преступлений, совершенных лицами с психическими недостатками, определяется не самим диагнозом, а совокупностью функционально значимых нарушений: дефицитами программирования, регуляции и контроля поведения, искажениями социальной перцепции, снижением критичности, импульсивностью, ригидностью, пассивностью и дефектами правосознания. Именно эти особенности влияют на механизм совершения деяния, поведение после преступления и характер взаимодействия лица с органами расследования.

Первоначальный этап расследования в таких делах должен строиться на приоритете объективных доказательств. Показания указанных лиц могут обладать существенной тактической ценностью, однако они требуют обязательной проверки и

сопоставления с материальными, цифровыми и иными независимыми источниками доказательственной информации. Такой подход позволяет снизить риск ошибок, связанных с искажением восприятия, нарушением памяти или недостаточным пониманием следственной ситуации.

Допрос и иные вербальные следственные действия требуют специальной адаптации коммуникации. Эффективность достигается при использовании кратких и однозначных вопросов, дроблении предмета разговора на отдельные смысловые блоки, разграничении фактических сведений и интерпретаций, учете утомляемости, постоянном контроле понимания и, при необходимости, привлечении специалиста. В делах данной категории цифровые следы приобретают особое значение, поскольку позволяют установить степень планирования, характер коммуникации, эмоциональное состояние и особенности посткриминального поведения лица.

Центральное место в тактике расследования при наличии признаков когнитивных и регуляторных дефицитов должно занимать назначение комплексной судебной психолого-психиатрической и нейропсихологической экспертизы. Дальнейшая разработка темы связана с необходимостью эмпирической проверки предложенных рекомендаций на материалах конкретных уголовных дел, а также с созданием специализированных тактических программ, учитывающих различные следственные ситуации и категории преступлений.

Литература:

1. Белякова М.Ю. Особенности нарушений мышления, социальной перцепции и саморегуляции у больных шизофренией с криминальным анамнезом / М.Ю. Белякова, В.Г. Булыгина // Психология и право. - 2020. - Т. 10, № 4. - С. 139-151. - DOI: 10.17759/psylaw.2020100410.

2. Ошевский Д.С. Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков / Д.С. Ошевский, А.А. Федонкина // Психология и право. - 2022. - Т. 12, № 3. - С. 97-108. - DOI: 10.17759/psylaw.2022120309.

3. Каширский Д.В. Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций

программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1) / Д.В. Каширский, О.В. Старосельцева // Психология и право. - 2023. - Т. 13, № 4. - С. 53-69. - DOI: 10.17759/psylaw.2023130405.

4. Каширский Д.В. Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2) / Д.В. Каширский, О.В. Старосельцева // Психология и право. - 2024. - Т. 14, № 1. - С. 183-196. - DOI: 10.17759/psylaw.2024140112.

5. Пенявская А.В. Клинико-психологические факторы в контексте правосознания больных шизофренией, совершивших общественно опасные деяния / А.В. Пенявская, И.Я. Стоянова // Психология и право. - 2024. - Т. 14, № 2. - С. 103-113. - DOI: 10.17759/psylaw.2024140208.

6. Пилечев Д.А. Нейропсихологическая оценка и верификация когнитивных нарушений в практике судебно-психиатрической экспертизы / Д.А. Пилечев, Ю.В. Микадзе, В.В. Вандыш-Бубко, Т.В. Адамович // Психология и право. - 2024. - Т. 14, № 2. - С. 129-144. - DOI: 10.17759/psylaw.2024140210.

7. Сургутский Е.Д. Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия / Е.Д. Сургутский, Г.А. Вартанян, А.В. Ханько // Психология и право. - 2025. - Т. 15, № 4. - С. 81-103. - DOI: 10.17759/psylaw.2025150405.

Галимова Алиса Фаритовна
Galimova Alisa Faritovna
студент
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
alisa.galimova.05@bk.ru

научный руководитель
Гильмеева Гульназ Нургалиевна
Gilmeeva Gulnaz Nurgalievna
доцент кафедры гражданского процессуального права,
кандидат юридических наук
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПОДРОСТКОВ

ADOLESCENT EMPLOYMENT

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что трудовая занятость подростков в свободное от учебы время является широко распространенным явлением. Содействие занятости несовершеннолетних является важной составляющей воспитания подростков в Российской Федерации в настоящее время. В возрасте 14 - 17 лет происходит выбор молодыми гражданами будущей профессии, определение образовательной стратегии, формируются ценности личности и гражданина, привычки к ведению активного образа жизни. Первый опыт трудовой деятельности оказывает существенное влияние на различные сферы жизни подростка, в том числе на его здоровье, образ жизни, и формирование профессиональных качеств. Обеспечение безопасных и здоровых условий труда для юных работников является важной государственной задачей, которая направлена на сохранение здоровья и подготовку будущего трудового резерва страны.

Abstract. The relevance of this research topic stems from the widespread prevalence of adolescent employment outside of school hours. Promoting underage employment is an important component of adolescent education in the Russian Federation today. Between the ages of 14 and 17, young citizens choose their future profession, determine their educational strategy, and develop personal and civic values and habits for an active lifestyle. Their first work experience has a significant impact on various aspects of a teenager's life, including their health, lifestyle, and the development of professional skills. Ensuring safe and healthy working conditions for young workers is an important national objective aimed at maintaining health and preparing the country's future workforce.

Ключевые слова: летняя занятость, подросток, трудоустройство, профессия, дополнительные гарантии.

Keywords: summer employment, teenager, employment, profession, additional guarantees.

Нормативно-правовое регулирование трудовых отношений с участием

несовершеннолетних в летний период в рамках действующего трудового права претерпело позитивные изменения. Дефицит работоспособного населения, возникший в результате низкой рождаемости в 90-х годах прошлого века, ставит перед работодателями актуальную задачу. Современные технологические изменения и распространение дистанционной работы требуют особого внимания к потенциалу молодежи. Государственная стратегия в Российской Федерации в сфере трудоустройства несовершеннолетних представлена в Долгосрочной программе содействия занятости молодежи на период до 2030 г. Программа утверждена распоряжением Правительства РФ от 14.12. 2021 г. N 3581-р, в документе определено, что «основной целью программы является создание условий для реализации профессионального, трудового и предпринимательского потенциала молодежи в условиях трансформационных процессов на рынке труда, а также отмечены основные задачи – содействие трудоустройству несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет, содействие трудоустройству отдельных категорий молодежи, испытывающей трудности в поиске работы, организация процесса занятости студентов и выпускников образовательных организаций, развитие цифровых систем в сфере труда и занятости молодежи, содействие профессиональному развитию молодых работников» [5].

Как отметил в своем интервью министр по делам молодежи Республики Татарстан Азат Кадыров: «Системное профессиональное становление и воспитание уважения к труду должно начинаться еще со школьной скамьи, через механизмы ранней профориентации. Сегодня мы видим, что возможность официально трудиться в летний период невероятно востребована среди молодежи: так, в 2025 году в составе трудовых отрядов подростков в Татарстане свой первый профессиональный опыт получили 3858 несовершеннолетних граждан. Это подтверждает, что современное поколение стремится к самостоятельности и хочет быть полезным своей стране» [3].

В чем же особенность трудовых отношений с несовершеннолетними лицами. В частности, каналы информирования о трудоустройстве: школьники могут получить соответствующие услуги через портал госуслуг, сайты служб занятости и молодежной политики или социальные сети. Однако в сфере информационного обеспечения летней трудовой занятости подростков существуют проблемы: не урегулированы объем и содержание информации, ограничен доступ к официальным источникам, не установлены требования к цифровым платформам трудоустройства. В результате

возникают сложности с оформлением документов, необходимых для приема на работу, медосмотра и получения справок. Как правило, в летний период подростки выполняют работы по благоустройству территорий (озеленение), ремонтные (ремонт площадок), сельскохозяйственные (уход за клумбами, сбор урожая), социальные, работу курьеров.

Ввиду того, что несовершеннолетние относятся к наименее защищенной категории граждан, в связи с отсутствием опыта, стажа и определенных компетенций, государство предоставляет несовершеннолетним работникам специальные гарантии в сфере трудовых прав. Согласно Приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.11.2024 N 629н утвержден Стандарт деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время, по которому Центры занятости населения осуществляют помощь в трудоустройстве и ежегодно организуют программы временного трудоустройства несовершеннолетних. Для участия в программе подросток должен подать в службу занятости (лично или на платформе «Работа в России»): заявление и анкету. [4]. Также существует квотирование мест для несовершеннолетних – вид государственной поддержки, имеющий свои особенности в различных субъектах Российской Федерации, в зависимости от правового регулирования субъекта.

Учреждения и организации, нанимая подростков на работу должны четко знать специфику оформления документов с такими сотрудниками. Трудовой кодекс Российской Федерации устанавливает особые требования к условиям приема их на работу, к продолжительности рабочего времени подростков разного возраста [7].

Основные моменты, которые необходимо учитывать при трудоустройстве несовершеннолетних: сокращенная продолжительность рабочего времени, особенности сверхурочной работы, работы в ночное время, работы в выходные и нерабочие праздничные дни, обязательные медицинские осмотры, удлиненный ежегодный оплачиваемый отпуск (31 календарный день), отсутствие возможности работы по совместительству, отсутствие испытательного срока несовершеннолетним, отсутствие возможности направления в командировки.

Кроме того, согласно статье 269 ТК РФ существуют «дополнительные гарантии работникам в возрасте до восемнадцати лет при расторжении трудового договора. Расторжение трудового договора с работниками в возрасте до восемнадцати лет по

инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) помимо соблюдения общего порядка допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» [7].

С летних каникул 2026 года компании смогут привлекать подростков от 14 до 18 лет к работе в выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 268 ТК РФ по направлению органов службы занятости населения или в составе студенческих отрядов, включенных в федеральный или региональный реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой, в следующих случаях:

1) в случае, если работник достиг возраста пятнадцати лет, с письменного согласия работника;

2) в случае, если работник не достиг возраста пятнадцати лет, с письменного согласия работника и одного из его родителей (попечителя);

3) в отношении несовершеннолетнего лица, указанного в части четвертой статьи 63 настоящего Кодекса, с письменного согласия работника и органа опеки и попечительства или иного законного представителя несовершеннолетнего лица.

Установленный запрет не распространяется на творческих работников, чьи должности или профессии указаны в специальном Перечне профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видео съёмочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или выступающих, особенности регулирования труда которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 04.07.2023 N 1777-р [6].

В международной практике трудоустройство несовершеннолетних регулируются специальными законами, которые конкретизируются отдельными положениями. Немецкое, французское, испанское законодательство в сфере охраны труда несовершеннолетних очень гибкое. Существуют надзорные органы –комитеты по защите труда молодежи, созданные для контроля за соблюдением трудового законодательства. В Германии принят Закон об охране труда молодежи, в котором подростки, привлекаемые к трудовой деятельности разделены на две категории до 15 лет и от 15 до 18 лет. Также Законом регламентировано создание федерального

комитета по делам трудовой молодежи, и возможность учреждения региональных комиссий по защите молодежи в сфере труда. Штрафы за нарушения прав несовершеннолетних могут достигать до 30 тысяч евро [1,8].

Изучение современного российского и международного опыта других стран свидетельствует о том, что российское законодательство требует более пристального внимания со стороны законодателей и гибкого подхода к трудоустройству несовершеннолетних. Цель – приоритетное направление государственной молодежной политики, широкая поддержка инициативы молодых граждан, усиление защиты прав молодых работников. Для прозрачности контроля за работодателями предлагается создать реестр трудоустроенных лиц младше 18 лет. Рекомендуется законодательно определить список подходящих профессий и их допустимые характеристики труда. Это снизит правовые риски для работодателей и будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест для несовершеннолетних.

Подводя итог, необходимо отметить, что трудовая занятость подростков выполняет значимую социально-педагогическую функцию: эта инициатива играет ключевую роль в воспитании уважения к труду, являясь мощным инструментом для эффективной социализации подрастающего поколения. Она открывает перед молодежью двери к профессиональному самоопределению, позволяя не только приобрести первоначальные профессиональные навыки, но и заложить основу для осознанного проектирования своей будущей карьеры. Она значительно облегчает процесс социальной адаптации и существенно повышает шансы молодых специалистов на успешное трудоустройство и конкуренцию на современном рынке труда.

Литература:

1. Закон об охране труда молодежи (Jugendarbeitsschutzgesetz) в Германии //URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/jarbschuv/index.html (дата обращения 24.03.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 25.02.2026).

3. Министерство по делам молодежи по Республике Татарстан, Пресс-служба министерства по делам молодежи РТ// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2495360.htm. (дата обращения 24.03.2026).

4. Приказ Минтруда России от 22.11.2024 N 629н «Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время»// Зарегистрировано в Минюсте России 17.02.2025 N 81263// http://pravo.gov.ru, 18.02.2025.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.12.2021 N 3581-р (ред. от 17.01.2024) «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года»// «Собрание законодательства РФ», 20.12.2021, N 51, ст. 8941.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.07.2023 N 1777-р «Об утверждении перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или выступающих, особенности регулирования труда которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 10.07.2023, N 28, ст. 5261.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.

8. Трудовой кодекс Франции// URL: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14665 (дата обращения 24.03.2026).

Научное издание

Коллектив авторов

Научный журнал «Человек. Социум. Общество»

Москва 2026